

ISSN 0038-5050

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1990

•НАУКА•

Совместное советско-американское предприятие

Синтез Интернэшнл представляет

фильм «1987 год. Духоборы»

В фильме есть все о духоборах — от фотографий и надгробий умерших до содержимого шкафов и сундуков живых.

Мир впервые увидит, как и чем живет духоборская община в Советском Союзе. Почти двухсотлетние гонения на духоборов (изгнания, пытки, казни, тюрьмы) привели их к замкнутости, к нежеланию общаться с внешним миром. Доверие, оказанное духоборами одной из кавказских деревень нашей съемочной группе, — уникальное явление. Мы получили возможность снять свадьбу, проводы в армию, похороны и даже богослужебное собрание. Мы записали множество замечательных песнопений, молитв, рассуждений духоборов, их беседы друг с другом и с нами, находящимися за кадром. Мы полюбили этих людей и прониклись к ним великим уважением.

Мы стремились к тому, чтобы вы на примере жизни духоборов почувствовали, как счастливы, спокойны, насколько избавлены от одиночества люди, объединившиеся на нравственной основе, люди, чей скромный быт является собой контраст с роскошью их духовного бытия.

Съемочная группа:

этнограф Серафима Никитина

режиссер-оператор Илья Фрэз

звукорежиссер Алексей Пугачев

видеомонтаж Геннадий Шевченко

Продолжительность фильма 3 часа 46 минут.

Стоимость фильма на кассетах ВК для организации — 400 руб., для частных лиц — 240 руб. Квитанцию об оплате или копию платежного поручения просим отправить в наш адрес: 103031 Москва К-31 а/я-80. Отправка программы будет произведена сразу после подтверждения оплаты на счет: Коопбанк Центросоюза СССР «Синтез Интернэшнл» сч. 345649 ЦОУ при Госбанке СССР г. Москва, р/с 161406, Код 299112.

СОВЕТСКАЯ
ЭТНОГРАФИЯ

6

Ноябрь — Декабрь
1990

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1926 ГОДА • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Национальные процессы сегодня

0 новой Конституции СССР (С. А. Арутюнов, З. П. Соколова, О. И. Шкаратан; В. И. Козлов — Москва).	3
К. В. Чистов (Ленинград). Традиционная культура и процесс становления общеевропейского дома	11
3. П. Соколова (Москва). Народы Севера СССР: прошлое, настоящее, будущее	17

Статьи

В. И. Васильев (Москва). Теоретические и источниковедческие проблемы изучения этнической истории (на материалах народов Севера СССР)	33
И. В. Чаквин; П. В. Терешкович (Минск). Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV — начало XX в.)	42

Искусство и обсуждения

Обсуждение статьи К. У. Гейли «Диалектика пола в процессе формирования государства» (В. А. Шнирельман, О. Ю. Артемова, Н. В. Сорин-Чайков, Н. Л. Пушкарева, М. Л. Бутовская, Г. А. Комарова, А. В. Смоляк; все — Москва; Б. Грант — Канада)	55
---	----

Из истории науки

Г. Е. Марков, Т. Д. Соловей (Москва). Этнографическое образование в Московском государственном университете (К 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ)	79
Д. Д. Тумаркин (Москва), И. К. Федорова (Ленинград). Н. Н. Миклухо-Маклай и остров Пасхи	91

Сообщения

И. М. Денисова (Москва). Дерево — дом — храм в русском народном искусстве	100
Х. Исмайлова (Ташкент). О народных трудовых традициях узбеков	115

Поиски, факты, гипотезы

А. А. Формозов (Москва). Александр Блок читает книгу о первобытном человеке	123
---	-----

Научная жизнь

- Ю. Д. Аничабадзе (Москва). Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988—1989 гг. Учреждение советской этнографической и антропологической ассоциации 128
- В. А. Шнирельман (Москва). От единства к многообразию: смена парадигм в изучении обществ охотников, рыболовов и собирателей (по материалам Шестой Международной конференции по изучению охотничье-собирательских обществ) 135
- Б. В. Носов (Москва). Всесоюзная научная конференция «Нации и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX в.» 144
- А. Г. Осипов (Москва). «Этничность, народ и каста» (индийско-советский семинар) 146
- Коротко об экспедициях 151

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- А. А. Белик (Москва). Психологическая антропология — поиск синтеза в науках о человеке 152

Общая этнография

- А. Мишин (Петрозаводск). Переводу «Калевалы» Л. Бельского — 100 лет 161

Народы Америки

- А. С. Макарычев (Нижний Новгород). *Narody. Jak powstawały i jak wybijaly się na niepodległość?* 163

- В. П. Кобычев 166

- Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1990 г. 168

Редакционная коллегия:

- К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — акад. АН СССР; С. А. Арутюнов, С. И. Брук,
Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева, Т. А. Жданко,
Р. Н. Исмагилова, А. Н. Кожановский (зам. главн. редактора), Г. Е. Марков,
Р. М. Мунчайев, А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболь

Адрес редакции: 117006, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшилман

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СЕГОДНЯ

О НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ СССР *

© 1990 г.

С. А. Арутюнов

Тезис о том, что переживаемые нашим обществом ныне процессы следует определять как революцию, стал уже тривиальным. А между тем, если пойти несколько дальше этого тривиального утверждения, можно прийти к весьма серьезным логическим выводам. Действия масс, стихийные процессы носят ярко выраженный революционный характер. Но соответствующие мероприятия властей, принимаемые ими законы и постановления скорее носят характер неспешного и не очень решительного реформаторства, т. е. отражают скорее восприятие этих же процессов как эволюционных. Это обрекает указанные мероприятия на хроническое отставание от реальной жизни.

Первоначальный текст этих заметок, в форме служебных записок, был написан в январе-феврале 1990 г.; на доработку для печати я получил их назад в июле и убедился, что процентов на 70 текст устарел, ориентировочно прогнозировавшиеся полгода назад события и сдвиги либо уже произошли, либо перешли в категорию ближайшей перспективы. Не исключено, что не менее значимые изменения произойдут, пока нынешний текст выйдет в свет, и высказанные в нем соображения и предложения вообще потеряют актуальность.

Мне сегодня представляется еще яснее, чем полгода тому назад, что вносить поправки в Конституцию СССР — это все равно, что латать расплолзающийся по швам каftан, который и новый-то был нескладен и узок, а нынче и подавностал негоден.

Извадна выражение «государство в государстве» обозначало нечто чужеродное, обособленное и парадоксальное. В нашем же союзном государстве утвердились даже не двойная, а тройная структура, подобная трехкорпусной матрёшке. Союз ССР — сам государство, он состоит из союзных республик — тоже суверенных государств, а внутри них имеются еще автономные республики — они тоже государства.

От автономных республик нам никуда не деться — попыток преобразования их в области, конечно, никто не примет. Сходные образования в мире есть, например, в США помимо 50 штатов входит и Пуэрто-Рико со статусом «свободно присоединившегося государства». Очевидно, что жизнь настоятельно требует поднятия, притом значительного, уровня прав автономных республик, превращения их автономии из номинальной в реальную и действенную, а также превращения всех без исключения автономных областей РСФСР в автономные республики с ликвидацией их нелепого в нынешних условиях краевого подчинения, переведом в непосредственное подчинение союзно-республиканским центрам. Однако такие преобразования, равно как и возможное создание новых АССР, должны декретироваться Верховными Советами соответствующих союзных республик, хотя и могут быть предметом межреспубликанских или общесоюзных переговоров.

Но что касается Союза ССР, то он должен соответствовать своему назва-

Мы продолжаем публикацию предложений ряда сотрудников Института этнографии Н ССР относительно содержания некоторых статей новой Конституции ССР. Начало см. в № 5 за этот год.

нию и представлять собой именно союз суверенных государств, а не государство над государствами. Какие именно властные функции будут делегированы республиками союзному руководству, предстоит решать самим республикам, и в разных республиках эти решения могут существенно различаться. Однако правовой основой Союза должна стать не конституция, а Союзный договор. Во главе Союза будет стоять не парламент, а Совет Союза (с равным представительством всех союзных республик, независимо от их размёров и сложности структуры); не министерства, а союзные комитеты или комиссии. Он может иметь союзного президента, союзные вооруженные силы, союзную службу разведки и контрразведки, союзную почту, союзную валюту, союзные международные сношения. Всем этим институтам, механизмам и функциям следует иметь, по крайней мере, принципиальную возможность существования и на республиканском уровне.

Что касается выхода АССР из ССР и преобразования АССР в ССР, то это очень опасный путь. Нужно принять все меры к реальному суверенитету АССР в собственных делах, но защитить права нетитульного населения во всех АССР на случай проявлений «титульного экстремизма».

В ряде случаев (например, НКАО) решение проблемы видится в легализации двустороннего кондоминиума (Армении и Азербайджана) при контроле общесоюзного центра. Через двустороннюю управляющую комиссию учреждения и предприятия области (или района) кондоминиума имеют возможность выходить на ведомства той республики, контакты с которой для них целесообразнее.

Для малых народов (а иногда и не очень малых) следует предусмотреть резервационный статус с заповедностью ресурсных территорий (охотничих, рыбных, пастищных угодий), с контролем въезда в поселки и территории не членов общин. Это может касаться не только автономных округов, национальных районов и сельсоветов, но и АССР (например, собственно алтайские селения в Горном Алтае, якутские в Якутии и т. д.).

Все это представляется очень радикальным. Однако пора уже начинать идти впереди событий, а не плестись у них в хвосте. Пример Восточной Европы показывает, что в ином случае от Советского Союза может не остаться не только Союза, но и ничего советского.

© 1990 г.

З. П. Соколова

Сотрудники Отдела этнографии народов Крайнего Севера и Сибири Института этнографии АН СССР предлагают следующие рекомендации для расширения и развития национальной автономии у народов Севера и Сибири.

1. Уравнять в правах все национальные образования, ликвидировав их иерархию сверху донизу (союзная республика — автономная республика — автономная область — автономный округ) и сделав все образования республиками, входящими в состав СССР, с правом обращения с любыми предложениями прямо к Верховному Совету и Совету Министров СССР без промежуточного звена — верховных органов союзных республик, областей и краев.

2. В случае, если это предложение не будет принято, разработать специальное законодательство по каждому автономному округу, предусмотрев следующее:

а) право окружных Советов и их исполнительных органов обращаться непосредственно в Верховный Совет и Совет Министров РСФСР, минуя облисполком и крайисполком, упразднив подчиненность округа области или краю;

б) создание национальных районов, сельских и поселковых Советов в тех автономных округах, где живут представители разных (не одного, а нескольких) коренных народов (например, нганасаны в Таймырском или в Долгано-Ненецком автономном округе), а также в областях и краях, где нет национальной автономии (например, в Хабаровском крае для нивхов, ульчей, наанайцев и др.);

в) расширить полномочия местных Советов (сельских, районных, поселковых), узаконив их права на приоритетное природо- и землепользование, а также развитие экономики и культуры территории Совета;

г) создать институт национального поселкового Совета (Совета депутатов каждого поселка, села, деревни), дав ему право решать все проблемы развития данного поселка (села, деревни);

д) предусмотреть специальные бюджетные фонды для национальных (районных, сельских, поселковых) Советов, в том числе от отчислений промышленных предприятий на их территории и штрафов за загрязнение окружающей среды.

Сотрудники Отдела выступают категорически против замены автономных округов национальными районами. Это, безусловно, понизит статус автономии для народов Севера. Народы Севера, живущие в 7 автономных округах, этого не поймут и будут считать ущемлением своих прав. Нельзя считать, что округа полностью изжили себя.

Во-первых, не следует исходить только из соотношения коренного и пришлого населения в округе. Доля последнего различается в разных округах: в Корякском автономном округе — 25,1%, в Эвенкийском — 15,3, в Таймырском — 15,7, Ненецком — 12, в Ямало-Ненецком — 6,1, в Чукотском — 9,8, в Ханты-Мансийском — 1,6% (данные 1989 г.). Кроме того, эти цифры не отражают доли пришлого населения в освоении территории округов. Например, в Ханты-Мансийском автономном округе, по данным 1989 г., на площади 523 100 км² проживало более 1 282 396 человек (коренное население составляет 1,6%); из них городское население составило 1 166 339 человек (90,9%), сельское — 116 057 (9,4%). $\frac{3}{4}$ всего городского населения проживает в 10 городах, из них 42,6% — в Сургуте и Нижневартовске, остальные 57,4% — в 8 городах и 13 поселках городского типа. Сельское население живет в 170 населенных пунктах, т. е. осваивает большую часть территории округа. 15% этого населения составляет коренное (ханты, манси, ненцы, селькупы). Доля народов Севера в остальном населении автономных округов выше, чем в областях и краях (в Амурской и Сахалинской областях — 0,2—0,4, в Хабаровском крае — 1%).

Во-вторых, существуют преимущества для развития традиционного хозяйства и языков коренного населения в пределах автономных округов. Это хорошо видно при сравнении данных переписей населения 1970 и 1979 гг. В автономных округах выше, чем в областях и краях, процент использования в быту родного языка: например, у ненцев — в среднем 80,4, в Ямало-Ненецком автономном округе — 95%; у эвенков — в среднем 42,8, в Эвенкийском автономном округе — 92%; у коряков — в среднем 69, в Корякском автономном округе — 86% и т. д. Выше в округах и доля сельского населения (у хантов — в среднем 77, в Ханты-Мансийском автономном округе — 85%, у ненцев — в среднем 74,7, в Ямало-Ненецком автономном округе — 92%; у эвенков — в среднем 78,5, в Эвенкийском автономном округе — 87,1% и т. д.), имеющего возможность заниматься традиционным хозяйством и в связи с этим больше сохраняющего национальную культуру.

Могут быть два типа Конституции многонациональных государств. Первый из них детально нормирует государственное устройство всей страны, а Конституции государств, входящих в Союз, лишь адаптируют, детализируют положения общей Конституции применительно к местной специфике. Во втором варианте союзная Конституция включает лишь общие принципы совместной жизни, а нормативы государственного устроения во всех аспектах представлены Конституциями республик. Для современных условий СССР (в отличие от некоторых других федеративных государств) первый подход совершенно неприемлем.

Ссылки на идеи В. И. Ленина не являются, разумеется, окончательным аргументом, но позволяют прояснить многое. В отличие от производственных технологий и экономических отношений, национальные структуры и отношения устойчивы и консервативны. Память народов исторически на порядок протяженней социальной, классовой памяти. В связи с этим и опыт реальных национальных отношений, национальной политики и его осмысление в прежних поколениях мне не представляется устаревшим, в отличие от многих суждений и опыта практической деятельности в сфере социально-экономической. Поэтому мне кажется, что утратила значение глубокая обеспокоенность В. И. Ленина централизаторскими началами, которые были заложены и, к сожалению, реализованы в Договоре об образовании СССР, а позднее — в Конституции СССР (1924 г.).

Так, В. И. Ленин был не согласен с пунктом, предложенным Сталиным, о том, что «Декреты и постановления Совнаркома СССР обязательны для всех союзных республик...»¹ В. И. Ленин считал необходимым разработать «детальный кодекс» экономических взаимоотношений внутри федерации, кодекс, который «могут составить сколько-нибудь успешно только националы, живущие в данной республике»². В связи со сказанным я хотел бы подчеркнуть правоту суждения М. С. Горбачева о том, что мы никогда не жили в условиях подлинной федерации. Идея о том, что договор 1922 г. и первые шаги Союза ССР были шагами федеративного государства, основана на недоразумении. С первого дня это был компромисс между сторонниками федеральной и унитарной структур с резким креном в пользу вторых. И поныне у чиновников «центра» непопулярное ленинское предложение «оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом...»³, т. е. по существу ограничиться конфедеративными связями.

При составлении новой Конституции СССР следует прежде всего учитывать реальную ситуацию в стране, а она такова:

1. СССР включает в свой состав республики и народы, качественно различающиеся: а) по уровню социально-экономического развития, формам хозяйствования, социальной структуре; б) по типам национальной конфессиональной культуры (западно-протестантская или католическая, православно-славянская, тюркско-мусульманская и др.); в) по типам политических традиций (демократическая с развитым гражданским обществом, авторитарная с зачатками гражданского общества, тоталитарно-деспотическая и т. д.).

2. Период существования СССР пришелся на продолжающуюся и поныне эпоху формирования и утверждения этнонациональных общностей: а) складывание национальной интеллигенции и рабочего класса; б) формирование национального самосознания; в) во многих случаях — складывание национальных литературных языков и современной профессиональной национальной культуры; г) как следствие — скачкообразный рост национального самоутверждения в форме национализма.

3. Существующее унитарное государство функционирует неэффективно: а) низки темпы экономического роста у народов СССР, что приводит к их отставанию не только от развитых, но и значительной части развивающихся

тран мира; б) возрастает и отставание по уровню и качеству жизни; в) множатся конфликтные ситуации в отношениях с «центром» в связи с экологической опасностью действующих и вводимых производств; г) развивается кризис в отношениях с «центром» передовых по уровню развития республик в связи с его способностью обеспечить уровень социально-экономического развития, сопоставимый с другими государствами, имевшими аналогичные «стартовые позиции» после второй мировой войны; д) становится все более очевидным кризис политики патернализма по отношению к отставшим в своем социально-экономическом развитии республикам.

4. В итоге в значительной части республик сложились мощные национальные движения, ориентированные на подлинный суверенитет либо в пределах, либо за пределами СССР.

Какими бы этическими или научными соображениями мы не руководствовались, сегодня реально не оторвать этнические общности от территорий, да и ориентированная на это политика представляется весьма сомнительной. Конечно, стране более сотни этнических общностей. Но СССР как государство представляет не объединение народов, а союз государств, в свою очередь — многонациональных. Поэтому предметом нового союзного Договора, как и Договора 1922 г., должны быть отношения между многонациональными государствами, обладающими суверенитетом, каковыми являются союзные республики.

Правомерность вмешательства союзного государства в национальные отношения внутри суверенных республик должна быть строго ограничена. Все случаи правомочности регулирования межреспубликанских и внутриреспубликанских отношений на общесоюзном уровне, так же, как и процедура этого процесса, должны быть тщательно оговорены в проектируемом договоре. Иной подход может создать возможность бесконечных конфликтов, инициируемых как центральными властями, так и этническими меньшинствами.

Отсюда следует, что Конституция должна включать следующие компоненты:

1. Договор республик, объединяющихся в Союз. Данный документ видится не как декларация об общих принципах Союза, а как конкретная модель союзнических отношений применительно к различным сферам жизнедеятельности республик, межреспубликанским отношениям, деятельности союзных (федеральных) органов.

2. В Конституции необходимо включить разделы, касающиеся защиты социальных, экономических и культурных прав как народов, так и граждан. Эти формулировки должны соответствовать международным документам, ратифицированным СССР («Международному биллю о правах человека», «Всеобщей декларации прав человека», «Международному пакту об экономических и политических правах», «Итоговому документу Венской встречи 1986 г. представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» и др.). В Конституции должны быть четко оговорены основные компоненты пакета законодательных актов, обеспечивающих реализацию указанных прав.

3. Принципы реализации управления на общесоюзном уровне не могут строиться на основе демократического централизма, отвергнутого в политической практике всех демократических государств. Все большее признание получает такой принцип демократии, как достижение консенсуса субъектов управления, в нашем случае — субъектов союзного государства. В связи с этим первостепенное значение приобретает раскрытие в Конституции механизмов, обеспечивающих консенсус республик.

4. Чрезвычайно важно признать, что включенность в Союз и характер взаимоотношений между республиками, а также «центром» и республиками могут быть различными для носителей республиканского суверенитета. Другими словами, они могут в разной степени делегировать свои суверенные права Союзу.

Конституция должна предоставить возможность республикам вступать

в различные союзы в пределах СССР. Необходимо предусмотреть механизм вхождения в Союз и выхода из него, учитывающий интересы как республик, так и Союза. В Основном законе следует устраниТЬ противоречия типа провозглашения права на самоопределение и одновременно невозможности для иных национальных образований выйти из состава союзной республики без ее согласия. Во всех случаях приоритет в соответствии с международным правом принадлежит праву на самоопределение.

Союзная Конституция, провозглашавшая лишь основные принципы организации государства, должна предусмотреть право входящих в Союз республик иметь существенно различающиеся республиканские Основные законы при: 1) признании полномочий Союза; 2) общих принципов советского гражданского общества; 3) перечисленных выше международных правовых норм.

Примечания

¹ Стalin И. Соч. Т. 5. С. 399; «Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик». Пункт 38.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 361.

³ Там же. С. 361—362.

© 1990 г.

В. И. Козлов

I. Принципы решения национального вопроса.

1. Суть национального вопроса — гармонизация национальных отношений, связанная с обеспечением фактического равноправия всех граждан, в любой части страны, безотносительно к их национальной принадлежности, а также с обеспечением условий для поддержания этнического (языково-культурного) бытия всех национальных групп или общностей.

2. Основными путями решения национального вопроса являются национальная сепарация и межнациональная интеграция. Разработанная В. И. Лениным теория национального вопроса предусматривала закономерное развитие при социализме интеграционной тенденции с постепенным сближением и слиянием наций, однако национальная политика последующих десятилетий, нацеленная прежде всего на общегосударственное строительство, заложила основы сепарационной тенденции. В Платформе КПСС по межнациональным отношениям предпринята попытка объединить оба эти пути с преобладанием сепарационного и с неопределенной возможностью увязать их в общем законодательстве.

II. Национальная ситуация в Советском Союзе.

1. Советский Союз — многонациональное государство со свыше чем 130 различными национальностями; большинство из них проживает только на территории нашей страны.

2. Национальности Советского Союза различаются по своей численности (от небольших национальностей Севера с численностью около 1 тыс. человек до украинцев — 44 млн. человек и русских — 145 млн. человек); различаются по преобладающим занятиям и типу расселения (от тундрового оленеводства до развитого поливного земледелия и крупной промышленности, сконцентрированной в больших городах).

3. Национальности Советского Союза сильно смешаны в территориальном отношении как в городах, так во многих местах и в сельской местности, что делает почти невозможным проведение четких этнических границ между ними и выделение национально однородных районов.

III. О необходимости изменения Конституции СССР.

1. Основные разделы и статьи по национальной тематике ныне действующей Конституции СССР базируются на неудачной попытке втиснуть все разнообразие национальных ситуаций в пять иерархических типов: союзная республика, автономная республика, автономная область и автономный округ, а также обычная область, различные статусы которых распространяются на живущие в них национальности.

2. Административные границы между многими национально-территориальными образованиями проведены условно; нетной определенности и в приданном им того или иного статуса: непонятно, например, почему Эстония, Латвия или Киргизия являются союзными республиками, а Татария и Чувашия — автономными; непонятно, почему тувинцы имеют автономную республику, а вдвое превышающие их по численности лезгины не имеют никакой автономии, да к тому же разрезаны границей между Азербайджаном и Дагестаном и т. п.

3. Национально-государственное строительство, ставившее своей основной целью создание особо благоприятных условий для развития соответствующих «титульных» национальностей, фактически создало условия для укрепления местного национализма, суть которого сводится к тому, что «титульная» национальность считается «хозяйкой» данной республики и имеет «законные» преимущества перед другими живущими в ней национальностями (этому способствует и отсутствие в Конституции статей об охране прав национальных меньшинств, о создании условий для их этнического бытия).

4. Несовершенство действующей Конституции СССР особенно ясно стало в свете современных межнациональных конфликтов, в том числе прямых столкновений, дальнейшего ущемления прав национальных меньшинств в республиках, роста сепаратизма и стремления к выходу некоторых республик из СССР. В дальнейшем эти тенденции могут усилиться, но даже если Советский Союз сохранится в его прежней форме — как «союз республик», то для обеспечения фактического равноправия граждан потребуется, чтобы каждый имел 15 (или более) паспортов «республиканского гражданства» (с отметкой о принадлежности к соответствующей «титульной» национальности) и знал 15 (или более) «государственных» республиканских языков.

IV. О принципах решения национального вопроса в новой Конституции.

1. Советский Союз должен быть ассоциацией национальных автономий. Все граждане равноправны вне зависимости от их национальной принадлежности, родного языка, расы и религии.

2. В основу территориального устройства Советского Союза следует положить два принципа: национальных интересов и экономической целесообразности. Национальная автономия создается из районов, где данная национальность составляет большинство жителей, и ставит своей главной целью поддержание этнического (языково-культурного) бытия этой национальности за счет развития соответствующих учреждений; статус национальных автономий в Конституции не фиксируется и их иерархическое соподчинение не допускается: Абхазская автономия в этом отношении равна Грузинской, а Русская — Тувинской. Исходя из численности населения и других параметров, национальная автономия может составлять свою экономическую (хозрасчетную) область или делиться на несколько таких областей, или входить в инонациональную экономическую область на договорных началах.

3. На национальные автономии распространяется принцип самоопределения правом выхода из Советского Союза в установленном порядке.

4. На территории национальных автономий допускается преимущественное распространение соответствующего национального языка. Основным языком международного общения и общегосударственным языком считается русский.

5. Национальности, не составляющие большинства жителей в том или ином районе или городе, могут создавать культурные автономии в виде общин (землячеств), каждая из таких общин может самостоятельно или в координации

с аналогичными удаленными от нее общинами или автономиями (если таковые имеются) создавать свои языково-культурные организации, школы, клубы и т. п.

6. Финансирование этнически ориентированных учреждений производится из фондов национальной автономии, если таковая совпадает с экономической (хозрасчетной) областью, или из фондов экономической области, в которую она входит (это относится и к культурной автономии), в зависимости от соответствующего числа налогоплательщиков, а также за счет средств, собираемых среди людей, входящих в эту автономию. Финансирование мероприятий по изучению и распространению русского языка в национальных автономиях производится из общегосударственных фондов. Небольшие национальности, не имеющие возможности для самостоятельного поддержания своего этнического бытия, должны иметь право получать дотации также из союзного фонда Совета Национальностей.

7. В каждом Совете народных депутатов экономической (хозрасчетной) области, совпадающей или не совпадающей с национальной автономией, предусматривается национальный подсовет по квотам, выделяемым для национальных меньшинств. Национальному подсовету предоставляется право «вето» на все решения, затрагивающие права и интересы национальных меньшинств; в конфликтных ситуациях такое «вето» может быть снято лишь решением Совета Национальностей Советского Союза.

8. Вся культурно-бытовая жизнь, в том числе применение языка в школьном образовании, основывается на волеизъявлении граждан. Из паспортов и служебных анкет отметка о «национальности» исключается при сохранении учета национальной принадлежности в переписях населения и текущей статистике.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ДОМА *

Когда мы говорим об «общеверопейском» доме, то, видимо, имеем в виду не замок, не виллу и не барак, а многоэтажный и многоквартирный дом, населенный дружелюбными семьями, живущими в соседствующих квартирах. Говоря о таких семьях, я имею в виду не государства, которые могут возникать и объединяться, разделяться и интегрироваться, а народы, населяющие Европу.

Если у нас хватит разума создать такой дом, то это не значит, что он будет населен одним единственным народом, обезличенными «европейцами». Разумеется, все мы европейцы, но каждый из нас в то же время русский или украинец, француз или швед, немец или финн и т. д. Я не думаю, что подобное утверждение можно было бы считать национализмом в отрицательном значении этого слова. Было бы очень грустно, если бы кто-нибудь из нас, а тем более мы все потеряли свои национальные традиции, в фундаменте которых заложена традиционная культура каждого народа. Это было бы так же скучно, как если бы мы все вдруг потеряли свое лицо, свою индивидуальность, свой характер, темперамент, пол, родной язык и свою историческую память. Народы, так же как отдельные люди, познают себя в общении с другими (именно с другими, а не с точно такими же, как они сами).

Мне могут напомнить о примере США, где мигранты из разных стран становятся американцами. Однако пример этот не убедителен. Далеко не все американцы забыли о своем происхождении, даже те, кто не говорит на языке своих предков. Англичане, ирландцы, немцы, итальянцы, славянские народы, тем более африканцы, пуэрториканцы, мексиканцы... Несколько лет тому назад в Ленинград приезжал помощник Киссинджера, занимавшийся национальными проблемами. Он произнес знаменательную фразу: «Мы думали, что в американском котле сварился суп или компот, а оказалось, что мы приготовили винегрет!»

Таким образом, и в США есть свои проблемы; в частности, они связаны с тем, что в отличие от европейских народов отдельные этнические группы в Америке если и тяготеют в своем расселении к соплеменникам, то они все-таки не связаны с традиционной и исторически сложившейся этнической территорией. Это не значит, что европейские народы издавна не общались или не мигрировали по Европе. Взаимодействие культур происходило всегда. В наше время межнациональные связи очень активизировались, межгосударственные и межрегиональные миграции заметно усложнили этническую структуру всех европейских стран, особенно крупных городов (таких теперь в Европе много — более 50 из них имеют свыше 1 млн. чел.). В Ленинграде каждый десятый постоянный житель — не русский, в Москве — каждый седьмой. Однако эти города остаются русскими, развивающими русские традиции, правда, активно впитывавшими и впитывающими иноэтнические элементы культуры. Мне приходилось бывать в Лондоне и Париже, я видел на их улицах много не англичан и не французов, но не заметил, чтобы эти города потеряли свой национальный облик.

Бессспорно и всеобщее распространение мировых, общеевропейских или региональных комплексов культуры. Что-то при этом теряется. Прогресс всегда сопровождается потерями, однако многое еще не утрачено и, наверное, утрачено не будет, если мы отнесемся к этому вполне разумно. Это проблема не только социологическая или культурологическая, а в не меньшей степени духовная,

* Вступительное слово на открытии общеевропейской конференции Международной организации по народному творчеству — «Традиционная культура народов Европы в становлении общеевропейского дома» (30 мая — 4 июня 1990 г. в Новгороде).

нравственная, моральная, проблема нашей общей совести, нашей будущей общеевропейской демократичности. Надо найти возможность каждому оставаться самим собой.

Очень важно, что в основе особенностей культуры каждого европейского народа лежат свои фольклорно-этнографические традиции. В основе — это не значит исключительно. Бессспорно, общеевропейское (и шире) значение имели, например, такие всем известные великие мастера профессиональной культуры, как Шекспир, Гёте, Толстой, Достоевский, Бальзак, Сервантес, Бах, Шопен. Культура любого европейского народа без них непредставима. Вместе с тем народные традиции были в основе фундамента их творчества, были их тылом и постоянным источником обновления.

«Общеевропейский дом» — это не просто метафора, вошедшая в современный язык официальной и народной дипломатии. Такой дом издавна существовал, хотя в нем далеко не всегда господствовали порядки, которые нам теперь кажутся естественными и желательными. И не только желательными. Мы все более осознаем, что они неотвратимы, неизбежны. Иначе наш «дом» может уподобиться кораблю, который затонет со всей своей командой и всеми пассажирами. Это проблема не только европейская, но и мировая.

Проблемами народной культуры (или, точнее, народной традиционной культуры) всегда занимались этнография (этнология, культурная антропология) и фольклористика, как филологическая, так и музыковедческая. С точки зрения этих наук надо было бы говорить не о «становлении» общеевропейского дома, а о его восстановлении. Европа всегда рассматривалась этими науками в масштабе ойкумены как специфический и единый историко-этнографический (а следовательно, и историко-фольклорный) регион.

Расселение четырех больших индоевропейских групп (романской, германской, балтской и славянской) перекрыло, видимо, довольно редкое население, среди которого наиболее значительную роль для последующей истории Европы играли кельты. Не углубляясь в эти сложные и далёко не ясные проблемы, напомню только, что современная этническая структура Европы сложилась в основных чертах в конце I — начале II тысячелетия нашей эры. На восточной и северо-восточной периферии Европы оказались финно-угорские и тюркские народы, история которых тоже была достаточно сложна. Кроме того, в Европе с давних пор дисперсно расселены некоторые этнические группы (например, евреи и др.).

Формирование Европы как единого историко-этнографического региона стимулировалось не только общим индоевропейским наследством, но и общим типом хозяйства — пашенным земледелием умеренного пояса (в этнографии такой случай обозначается как общий хозяйственно-культурный тип), которое в некоторых районах Европы (карпато-балканском, альпийском, пиренейском и др.) сочеталось с горным отгонным скотоводством и в юго-восточных районах — со степным скотоводством, имеющим свое естественное продолжение в Азии.

Третьим важнейшим фактором формирования Европы как единого историко-этнографического региона (кроме уже называвшихся — общего индоевропейского наследства и общности хозяйственно-культурного типа) было, несомненно, общее античное наследие в его греческом и римском вариантах. Известно мощнейшее влияние древнегреческой культуры на римскую и последней (прямое и непосредственное) на народы Центральной и Западной Европы. Юго-Восточная и Восточная Европа в большей мере подверглась прямому воздействию древнегреческой и позже византийской культуры. С этим связано и двуединство конфессионального фактора, тоже сыгравшего чрезвычайно важную роль в развитии европейской культуры. На европейском континенте возникло, распространилось от Атлантики до Урала и многие века господствовало христианство в его римско-католическом и греко-православном вариантах (позже в вариантах развития того и другого — протестантизм, англиканство, кальвинизм, различные баптистские секты, а в России — старообрядчество, униат-

тво и тоже разного рода сектантство). Длительное время существовали два полюса притяжения — римский и византийский, это тоже были два сходных пути и два варианта развития как античного, так и раннехристианского наследия. Античная и христианская мифология органически вошли в «язык» европейского искусства и литературы, перекрывая ее этнические отличия и субрегиональные варианты.

Антропологи (имеется в виду физическая антропология) обоснованно выделяют европеоидную расу как одну из пяти больших рас человечества. Это тоже речь важно, хотя и не определяет культурного единства. Здесь не место говорить о сложном взаимоотношении антропологического, социального и культурного начал. Хотелось только указать, что у европейских народов никогда не существовало расового барьера. Диапазон колебания (варьирования) европеоидных признаков в разных регионах Европы был всегда невелик. Это предопределило и то, что европейцы сравнительно легко перемещались внутри Европы, а мигрируя в страны Азии, Африки или Америки, стремились в первую очередь обосноваться в сходных природных зонах, держались как бы вместе. Один из ярких примеров этого — география ранней миграции русских в Сибирь. В отличие от европейской части России, тут мигранты (по мере расширения этнической территории русских) двигались не вдоль рек, стекающих в северные или южные моря, а пересекая их миграционной полосой, в которой условия аккультурации были близки к европейским.

И наконец, бесспорным фактором, способствовавшим формированию Европы как историко-культурного региона, были многовековые межэтнические культурные связи и взаимодействия. Они обнаруживаются и на раннем археологическом уровне, и на разных этапах глоттогонического (языкотворческого) процесса, начиная с самого раннего, связанного с индоевропейским наследием и так называемым «великим переселением» народов. Для позднего времени лингвисты недаром говорят о «языковых союзах», т. е. о связях и взаимодействии самостоятельных языков контактирующих народов. То же самое наблюдается и в историко-культурной сфере — в науке давно прижились термины «циркумполярная», «циркумбалтийская», «средиземноморская», «карпато-балканская» и т. п. культуры.

Вместе с тем европейская культура в ее своеобразных формах распространялась вместе с мигрантами на обе Америки, Австралию, Азию (о русской миграции в Сибирь мы только что говорили), где возникли ее новые варианты. Влияния шли, разумеется, в обе стороны. Ранняя Америка дала Европе картофель и табак, поздняя — достаточно много, чтобы сейчас была необходимость это специально описывать.

Все сказанное справедливо как по отношению к архаической традиционной народной культуре, так и по отношению к современности. Когда мы говорим о Европе как историко-этнографическом регионе, это не значит, как мы уже об этом упоминали, что все везде было одинаковым. Опыт составления общеевропейских этнографических карт показал, что различные элементы и комплексы культуры имели не совпадающие ареалы. Кроме того, давно известно, что и этнические границы очень часто не совпадают с языковыми, тем более в них не складываются ареалы комплексов и отдельных элементов культуры. Так, например, нельзя говорить, как это обычно делалось в работах XIX — начала XX в., о славянском жилище вообще. Существовал балканский тип жилища с его разновидностями, центральноевропейский (каркасный) с вариантами в разных районах Германии, Чехии, Австрии и т. д., тип дома-риги, который был распространен в ряде районов Северной Европы, севернорусское жилище, имевшее близкие аналоги у соседей — карел, коми, вепсов и т. д. Словацкое жилище в Карпатах близко к венгерскому, румынскому, польскому — тоже в Карпатах и т. д. Примерно так же выглядят языковые и диалектологические карты, которые составляются лингвистами.

Все это не значит, что изоглоссы и изопрагмы * располагаются на карте вразброс, без всякой закономерности. Традиционная народная культура всегда составляла органическую систему, и система эта, общеевропейская по своему типу, варьировала в довольно устойчивых подрегионах. Это утверждение, вероятно, справедливо, однако требует тщательной исследовательской проработки.

Несмотря на интенсивное развитие этнографии в большинстве европейских стран в XIX—XX вв. и, казалось бы, непреодоленный до сих пор европоцентризм европейской науки, обобщающих работ в масштабе всей Европы создано до сих пор сравнительно мало. Некоторое исключение составляют исследования славяноведов и финноугроведов. Вместе с тем обнадеживает наметившееся преодоление разобщенности этнографии отдельных народов и активность современных общеевропейских связей.

Так, в Германии существовало традиционное разделение на «фолькскунде» (Volkskunde — этнография немцев или несколько шире — германоязычных народов) и «фолькеркунде» (Völkerkunde — этнография других народов, главным образом колониальных). После длительной дискуссии 70-х годов стали возникать одна за другой кафедры «европейской этнологии» (Europäische Ethnologie). Сходный процесс наблюдается и в скандинавских странах. В России интерес к этнографии европейских народов появился в XIX в., но этнографическая европеистика как самостоятельная наука оформилась в 1940—1950-х годах, особенно с образованием в 1957 г. Сектора этнографии народов Зарубежной Европы в Институте этнографии АН СССР. С тех пор опубликована серия работ историко-сравнительного и сравнительно-типологического характера.

Очень положительную роль в этом процессе играют Европейское общество этнологов и фольклористов (SIEF), действующее в последние годы довольно активно. Международное общество исследователей повествовательного фольклора (ISFNR), общеевропейские журналы «Этнология Европея» и «Фабула». Следует также назвать Международное общество фольклористов-музыковедов и Комиссию по составлению этнографического атласа Европы (к сожалению, в последние годы она работает недостаточно интенсивно).

Фольклористам и этнографам, занимающимся европеистикой, следовало бы обсудить вопрос о разработке согласованной программы сравнительного изучения традиционной культуры европейских народов. Это могло бы способствовать дальнейшему сближению историко-этнографической науки и фольклористики как науки одновременно и этнографической, и филологической, и музыковедческой.

Если не идеальным, то все-таки некоторым образцом (который требует, разумеется, совершенствования) исследований сравнительного характера по сопоставимым программам может быть серия книг, опубликованных в 70—80-х годах сектором народов Зарубежной Европы Института этнографии АН СССР, о котором я уже упоминал, в том числе «Жилище народов Зарубежной Европы», четырехтомная монография «Календарные обычай народов Европы», два из трех задуманных томов «Брак у народов Европы» и др. Разумеется, можно назвать и работы, опубликованные в других странах, — об обрядах, орнаменте, народной одежде, традиционной социальной организации и т. п. Однако, как правило, им предшествовали эмпирические исследования по трудноиспоставимым программам. И еще один парадокс: названные выше книги не включают материалы по народам европейской части СССР.

Обратимся к вышедшему в 1973—1983 гг. четырехтомнику «Календарные обряды народов Европы» (под редакцией С. А. Токарева). Здесь довольно четко выделены пять европейских субрегионов, которые в совокупности составляют европейский историко-этнографический регион: Юго-Восточный, Центральный,

* Линии на карте, соединяющие населенные пункты или территории, на которых зафиксировано употребление одинаковых лексем или словесных форм — изоглоссы, бытовых (или обрядовых) предметов сходного типа — изопрагмы.

романоязычный Южный, Северный (Скандинавия) и Северо-Западный. Если включить в общую картину Европейскую часть СССР, то следует назвать еще несколько: Прибалтику, Восточнославянский регион, Поволжье и Приуралье и т. д. Можно сказать, что в этих регионах европейская культура функционировала в своих субрегиональных вариантах. В действительности картина, разумеется, еще сложнее, так как внутри субрегионов выделяются особые районные отличия, отличия отдельных локальных групп, контактные или переходные зоны.

Специалистов все это не удивляет. Традиция и вариативность были в прошлом важнейшими особенностями народной культуры, немыслимыми одна без другой. Орудия труда, утварь, мебель, пища, обряды, музыкальные инструменты, фольклорные тексты не тиражировались, а воспроизводились в значительном, хоть и конечном числе допустимых вариантов. Так, например, народная женская одежда или жилище какой-нибудь деревни могли быть одного или двух типов, но каждый конкретный экземпляр был по-своему индивидуален, был результатом не массового типового производства современной фабрики, а примитивного ручного ремесла, таившего в себе огромные творческие возможности. Фольклористы не случайно относятся с недоверием к абсолютно дословно совпадающим текстам — возникает подозрение о перепечатке или фальсификации.

В масштабах названных выше субрегионов или локальных групп вся эта масса непрерывно варьирующих явлений складывалась в определенную в типологическом отношении систему бытовой прикладной и художественной культуры.

Обратимся к фольклорному примеру, например из сферы традиционной устной народной прозы — сказки. Сказка — один из наиболее изученных жанров фольклора европейских народов (наряду с балладой, преданиями, эпосом). Мощный толчок развитию европейского сказковедения дал в свое время сборник братьев Гримм. Второй толчок, если позволительно употреблять такой «термин», дала «финская школа», появившаяся в XIX в. и получившая большую популярность в первые десятилетия XX в. В отличие от братьев Гримм, которые искали в немецкой сказке выражение старогерманского духа (связь их учения с войнами против Наполеона и бурным процессом формирования общегерманского национального самосознания несомненна), финская школа основывалась на теории заимствования, считала, что тот или иной сюжет сказки может возникнуть только однажды и он передается из одной этнической среды в другую, приобретая интернациональный характер. Задача сказковедения — проследить этот путь и попытаться восстановить текст сказки в его первоначальном виде. Если братья Гримм занимались сказкой на заре европейского сказковедения, когда оно еще очень мало знало о сказках даже европейских народов и еще меньше о сказках народов других континентов земного шара, то к началу XX в. эти знания стали довольно обширными. Характерно, что к столетнему юбилею сборника братьев Гримм начал издаваться знаменитый пятитомный комментарий к этому сборнику немецкого фольклориста И. Болте и чешского — И. Половки. Дополняя и развивая комментарий самих братьев Гримм, они собрали неслыханное количество сюжетных параллелей к этому сборнику. Сюжеты сказок оказались интернациональными. Среди параллелей было множество европейских.

Возникает два вопроса. 1. Значит ли это, что в сказках отдельных народов нет ничего национально-специфического? Значит ли это, что представления европейских романтиков о фольклоре как о могучем источнике развития национальных литератур были только иллюзиями? 2. Значит ли это, что в сказках европейских народов нет ничего специфически европейского, что они тонут в море мировой сказки?

Ответы наши могут быть только краткими и не окончательными. Этнически специфическое в сказке надо искать на уровнях выше или ниже сюжета. Сюжет отражает закономерности сказкотворчества, единые для всего человече-

ства. Этнически же особенное обнаруживается в структуре сюжетного репертуара, характерном для отдельных народов или их родственных групп, и в своеобразных слияниях сюжетов в сложных текстах либо в характерном наборе мотивов, реализующих сюжет, в бытовых реалиях и верованиях, проникающих в сказку, в специфических словесных формулах и, шире, в поэтике сказки, в ее словесной плоти, в народной стихии сказочного языка. В конечном счете между интернациональным и национальным нет непримиримого противоречия. Этот научный тезис давно подтвержден традицией европейской литературной сказки (Прево, Андерсен, Пушкин, Салтыков-Щедрин и др.) и значительным воздействием сказки на литературную прозу европейских народов, особенно в период романтизма и становления современных национальных литератур.

Ответ на второй вопрос еще сложнее. Лучшим исследованием сказки в общеевропейских масштабах остается несколько раз перейдавшаяся книга известного швейцарского фольклориста М. Люти «Европейская сказка» (первое издание — 1960 г.). Это книга о сюжетосложении, поэтике и стилистике. Однако она не содержит сопоставительного изучения европейской и неевропейской сказки. Такое обобщение еще впереди. Есть также несколько работ, содержащих внутриевропейские сопоставления двух или нескольких народов (Ловис оф Менар «Русская и немецкая сказка», целый ряд разработок славистов и др.). Очень многое дает в этом отношении издающаяся в ФРГ «Энциклопедия сказки» (вышло шесть томов).

Исследователи сказки обладают мощным механизмом — системой, которая позволяет учесть все известные сюжеты, предлагает их группировку, нумерацию с резервными номерами и библиографию. Основания ее были заложены финским фольклористом А. Аарне, издавшим в 1910 г. каталог сюжетов финских сказок. Вслед за ним стали появляться каталоги сюжетного репертуара разных народов мира, а в 1928 г. американский фольклорист С. Томпсон опубликовал сводный указатель, вобравший материалы национальных каталогов (он перериздавался в 1961, 1964 и 1973 гг. с дополнениями). По материалам этих указателей возникло несколько сопоставительных исследований — самого С. Томпсона, Р. Боггса и др.

В настоящее время существуют указатели, охватывающие сюжетный репертуар более чем 30 народов Европы, т. е. большинства народов этого региона.

Сюжеты сказок интернациональны. Однако обнаружилось, что система Аарне — Томпсона все-таки с трудом применима к сказкам тюркских народов, китайским, монгольским, японским сказкам, сказкам народов Индии, а тем более Африки, Австралии и т. д. Это означает, что существует европейская сказка как специфический классический тип. При сопоставлении сказок европейских народов обнаруживается, что около двух третей сюжетов примерно одинаковы — это преимущественно волшебные сказки, сказки о животных и наиболее архаичные новеллистические сказки.

Сходные результаты получены и исследователями европейских народных баллад, преданий и эпических песен. Следовательно, и для фольклора справедливо уже высказанное утверждение: мы вправе говорить об общности европейской фольклорной культуры и ее варьирований в отдельных субрегионах Европы и в отдельных этнических средах.

И наконец, несколько заключительных замечаний.

Процесс урбанизации и модернизации культуры, сыгравший столь важную роль в судьбе традиционной народной культуры, развивался и развивается в разных странах Европы разными темпами и в своеобразных формах. В некоторых из них он шел параллельно с активизацией национального самосознания (Чехия, Словакия, Венгрия, Ирландия, Уэльс и пр.), однако и в них возрождение архаических народных традиций развивалось преимущественно во вторичных формах (фольклоризм), для которых характерно включение элементов, маркирующих этническое сознание, в современные бытовые и эстетические системы (от музыки, мультфильмов, литературы, национального костюма, который

функционирует в праздники, до туристских сувениров). Сравнительное изучение этого процесса пока развито мало (ср. венгерско- словацкий журнал *Folklorismus Bulletin* и др.), однако и здесь ощущается значительная исследовательская перспектива.

Особенно следует выделить движение «протестсингеров» — создателей исполнителей песен социального протesta, представляющих собой некую «новую устность» — синкретическое явление, объединившее поэта, композитора, музыканта и исполнителя, как это было в классическом фольклоре. Однако это далеко не фольклор в традиционном смысле этого слова, хотя песни поэтов-тевцов в известной мере выполняют сходные функции.

Процесс урбанизации постиндустриального общества выразился помимо всего прочего в неслыханном развитии технических средств массовой информации — кино, теле- и радиосистем, различного рода воспроизводящих устройств, охватывающих весь европейский континент густой сетью информационных связей, открытой и интерконтинентальной влияниям.

На фоне «интенсивных культурных связей», характерных для нашего времени, это приводит к тому, что былая общность традиционной культуры европейских народов многократно перекрывается современной общностью и межнациональной циркуляцией современной профессиональной культуры (и «высокой» культуры, и так называемой «массовой»). В то же время отметим, что фольклорные и этнографические программы *Интервидения* (например, международный кинофестиваль «Радуга», обмен мультфильмами и т. п.) дают нам примеры современного общеевропейского фольклоризма в его вторичных и в меньшей мере в условно-первоначальных формах. Это заметно повышает взаимную осведомленность европейских народов о традиционных ценностях архаической народной культуры.

© 1990 г.

3. П. Соколова

НАРОДЫ СЕВЕРА СССР: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

На Крайнем Севере нашей страны и в Сибири живут весьма малочисленные народы. Их 26, самый крупный из них (ненцы) насчитывает 34,5 тыс. чел., а самый маленький (ороки) — 190 чел.!

Все они коренные жители территории, которую населяют; каждый обладает своей древней оригинальной культурой, своим языком. В 1925 г. специальным постановлением ВЦИК и СНК все эти народы были выделены в группу так называемых «малых народов Севера» на основе нескольких признаков: 1) малая численность; 2) уникальный характер традиционных занятий — оленеводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел; 3) особенности образа жизни и быта, связанные с традиционным хозяйством (кочевание или полуседлый образ жизни для многих из них); 4) низкий уровень социально-экономического развития.

Советское государство, основываясь на принципах ленинской национальной политики, провозгласившей равенство всех народов в нашей стране, поставило задачу помочь им достичь фактического равенства.

В связи с этим уместно вспомнить те социально-правовые, социально-экономические и социально-культурные мероприятия, которые в 1920—1930-х и в последующие годы позволили в какой-то степени выравнять социально-

экономическое развитие народов Севера по сравнению с другими народами нашей страны.

В социально-правовом аспекте национальной политики по отношению к народам Севера большое значение имел ряд акций, проведенных на основе Декларации прав народов России и Конституций 1918 и 1924 гг., таких как принятие специального «Временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», организация родовых, туземных, затем кочевых и национальных советов на основе местных традиций участия в них коренного населения, создание и деятельность Комитета Севера, организация северных автономий (национальных округов и районов).

Социально-экономический аспект национальной политики на Севере ярко выражен в материальной и финансовой помощи народам Севера в виде кредитов, нередко безвозмездных; поставок продовольствия; освобождении от налогов; организации хлебозапасных магазинов, государственной и кооперативной торговли; интегральной кооперации, занимавшейся заготовками, сбытом промысловый продукции, снабжением населения, организацией промыслов; ветеринарной помощи в оленеводстве; проведении земельно-водного устройства; снабжении инвентарем; обновлении охотничьей фауны; жилищном, социально-бытовом строительстве и др.

Специальными постановлениями Советского правительства и ЦК КПСС (особенно № 300 1957 г. и № 115 1980 г.)³ народам Севера обеспечивались различные льготы в их социально-экономическом и культурном развитии (денежные ссуды на жилищное строительство с погашением значительной их части за счет государства, бесплатное приданое новорожденным, медикаменты, содержание в детских дошкольных учреждениях, интернатах, а также льготы при поступлении в вузы и др.). Многое было осуществлено. Значительно повысился материальный уровень жизни народов Севера, для них были построены новые и реконструированы старые поселки, коренным образом изменилось их медицинское обслуживание, и как следствие этого стала расти их численность (с 1959 по 1970 г. она выросла на 16,6%)⁴.

Немало было сделано в социально-культурной области. В 1931—1932 гг. для 13 самых больших по численности народов (ненцев, эвенков, хантов, манси, эвенов, коряков, чукчей, эскимосов, нанайцев, удэгейцев, нивхов, кетов, селькупов) была разработана письменность; на языках этих народов стала развиваться национальная литература, формироваться национальная интеллигенция. Обучение шло как в поселковых школах с интернатами, так и в передвижных, кочевых школах. Большую просветительскую и культурную работу вели красные чумы и яранги (передвижные культпросветотряды). Было создано 20 культбаз — постоянных селений со школами-интернатами, клубами, больницами, мастерскими, ветеринарными пунктами, магазинами, банями и т. п.

Организованный в 1930 г. в Ленинграде Институт народов Севера подготовил немало учителей, советских, хозяйственных и партийных работников, ученых из среды народов Севера; некоторые из его выпускников стали известными поэтами и писателями (однако уже в 1941 г. этот институт был закрыт и на его базе создан факультет народов Севера Пединститута им. А. И. Герцена).

Весь этот круг мероприятий позволил сохранить малочисленные народы Севера (а некоторые из них — 6 из 26 — насчитывают менее 1000 человек), дать им возможность развивать свое хозяйство и культуру, получать образование, медицинскую помощь, вырастить свою интеллигенцию, плеяду талантливых поэтов и писателей.

Однако уже в середине 1930-х гг. началось отступление от этой линии. Комитет Севера и национальные районы были ликвидированы, национальные округа постепенно стали терять автономные права; с конца 1950-х гг. национальные Советы утратили свою специфику и были реорганизованы в сельские.

В настоящее время права автономии северных округов весьма ограничены,

жебенно во взаимоотношениях с союзными и республиканскими министерствами и ведомствами, в вопросах природо- и землепользования, охраны окружающей среды и развития национальных культур.

Сплошное промышленное освоение Севера привело к усилению миграционных потоков, демографической перегрузке, резкому увеличению здесь численности некоренного населения, среди которого коренные народы стали растироваться. Так, в автономных округах, по данным переписи 1979 г., они составляли в Корякском а. о. всего 24,6%, в Эвенкийском — 21,6%, в Таймырском — 17,3%, в Ненецком — 12,8%, в Ямало-Ненецком — 16,2%, в Чукотском — 10%, в Ханты-Мансийском — 3,2%. По предварительным данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. это соотношение изменилось: лишь в Корякском а. о.дельный вес коренного населения вырос на 0,5%, в Чукотском, Ненецком и Таймырском уменьшился на 0,2; 0,8; 1,6%; в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком — в 2—2,5 раза⁵. Это привело к тому, что даже в традиционно национальных поселках народы Севера не составляют большинства и слабо представлены в местных Советах. Например, в Угутском сельсовете — всего 26% (в самом поселке 17%), и из 25 депутатов местных Советов в 1989 г. только 5 чел. (20%) были ханты; в исполнкоме сельсовета из семи депутатов — один хант (14%); в семи комиссиях (51 чел.) только шесть — ханты (11%); 60% депутатов — ютятники, хотя пос. Угут считается в Ханты-Мансийском а. о. национальным хантыским и территорию сельсовета осваивают ханты (в райсовете из восьми депутатов от Угутского сельсовета только один хант)⁶.

В связи с этим сейчас права коренного населения в автономных округах весьма ограничены. А 19 из 26 народов Севера вообще не имеют никакой автономии. Между тем роль северной автономии весьма значительна. В северных автономных округах выше процент коренных жителей (в областях и краях Севера составляют 0,2—0,4%), выше процент использования коренными жителями в быту родного языка, сравнительно ниже процент городского населения, а следовательно, больше сельского населения, занимающегося традиционными отраслями хозяйства и сохраняющего национальную культуру⁷.

Немало было негативного и в социально-экономической политике государства по отношению к народам Севера. Так, в ряде районов Севера неоправданно высоки были темпы коллективизации; наиболее простые формы коллективных хозяйств — простейшие производственные объединения (ППО), или тозартищества по совместному выпасу оленей, где олени, скот, лодки не обобществлялись, — не успев как следует развиться и окрепнуть, были преобразованы (уже в 1930-х гг.) в колхозы (сельскохозяйственные и рыболовецкие артели). При этом шла широкая борьба против единоличных хозяйств, реквизиция олений, к кулакам была причислена часть середняков. Совершенно не были использованы формы семейного хозяйствования, столь характерного для традиционного хозяйства народов Севера.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1980 г. оказалось менее эффективным, чем постановление 1957 г. Одной из причин этого было неправомерное изменение адреса его действия: объектом постановления были не народы Севера, а территории их проживания. На реализацию всего этого постановления предусматривалось около 77 млрд. руб., на каждого представителя народов Севера должно было быть истрачено свыше 480 тыс. руб. К 1990 г. уже было израсходовано 31,2 млрд. руб.⁸ (т. е. по 169 125 руб. на каждого представителя народов Севера!).

Между тем значительная часть средств осела в городах и райцентрах, где коренного населения очень немного.

Обострение ряда проблем социально-экономического развития народов Севера в последние два десятилетия обусловливалось рядом причин. Одной из них было ускоренное промышленное освоение Севера, которое со временем перестало быть очаговым и все более расширяется. Об этом сейчас много пишут ученые, писатели, журналисты и практические работники⁹. Вопросы эко-

логии Севера в связи с промышленным освоением (нефть и газ в Западной Сибири, судьба Нижней Тунгуски в связи с проектом Туруханской ГЭС и развитием лесной промышленности, оскудение рыбных запасов Амура, тревожное будущее Ямала, Таймыра и Чукотки в свете предстоящей промышленной добычи газа и других полезных ископаемых) стоят в том же ряду, что и проблемы чистоты Байкала, сохранения Арала, экологии Волги, Каспийского моря и др., т. е. это не региональная и даже не всесоюзная проблема — она универсальна и актуальна сейчас для всего мира.

Можно перечислить целый ряд негативных последствий промышленного освоения территории Крайнего Севера с точки зрения развития народов Севера.

1. Отторжение и уничтожение ягельников, охотничьих и рыболовных угодий, кедровников, ягодников. По всему Северу площадь только оленевых пастьбий сократилась на 22 млн. га, на которых могло бы выпасаться 100 тыс. оленей (в том числе в Западной Сибири — от 6 до 11 млн. га), а также 17 млн. охотничьих угодий. В одном только Ханты-Мансийском а. о. погублено 28 нерестовых рек (еще два десятка речек находятся в плохом состоянии), 17,7 тыс. га. нерестилищ и нагульных участков, отчуждено свыше 500 тыс. га. лесов и пастьбий. С 1965 г. площадь рыбопромысловых водоемов сократилась в 25 раз, их число — в 5 раз. В Ямало-Ненецком а. о. из рыбного оборота выведены 28 речек, десятки озер¹⁰. Вода в буровые скважины ради экономии средств (!) закачивается из естественных водоемов — рек, озер, болот, из-за этого они мелеют. Например, в с. Угут по сравнению с 1965 г. вода от берега в р. Большой Юган ушла на несколько сот метров, в озере пос. Новоаганск — на 500 м.

2. Загрязнение угодий: в Ханты-Мансийском а. о. ежегодно 50% газа сжигается в факелях, с 1965 г. загрязнено около 200 тыс. га рыбопромысловых угодий; слито около 100 тыс. тонн нефти и нефтепродуктов, в год происходит около 100 аварий; 12 крупных загрязнений при сливе 20—25 тыс. тонн нефти. Даже в устье Иртыша, где расположен Елизаровский птичий заповедник, птенцы выводятся из яиц, черных на просвет (от нефти в реке). На восстановление земель и вод, погубленных за последние три десятилетия нефтяного бума, требуется 43 млрд. руб.

3. Пожары стали настоящим бедствием сибирской тайги: в августе 1988 г. в одном только Нижневартовском районе Ханты-Мансийского а. о. было 300 очагов пожара, в июле 1989 г. — 337, а всего здесь в 1989 г. было обнаружено с начала лета до конца июля 2900 больших и малых пожара, уничтоживших 260 тыс. га леса. В Хабаровском крае в этот же период было 904 пожара, в которых сгорел лес на 100 тыс. га¹¹.

4. Резкое увеличение числа приезжих, в том числе нередко случайных людей с весьма сомнительным прошлым, «временщиков», хищнически относящихся к природе и к коренному населению (разрушение охотничьих избушек, кража из них имущества, вымогательство рыбы, пушнины, спаивание населения и пр.).

5. Развитие браконьерства среди приезжих, что в свою очередь ведет к другим негативным последствиям для коренного населения, например к запрету личных рыболовства и охоты.

6. Уменьшение внимания со стороны советских и партийных органов к развитию традиционных хозяйств и культуры народов Севера в связи с промышленным освоением Севера.

7. Перекачка материальных затрат и ресурсов в промышленность за счет социального развития национальных районов и поселков, т. е. усиление социальной несправедливости.

8. Растворение коренного населения в составе всего населения округа, области, края, утрата его национальной целостности.

9. Рост социальной незащищенности представителей народов Севера, что ведет к социальной пассивности населения.

10. Развитие межнациональной напряженности и конфликтов на основе отмеченных недостатков.

К сожалению, все положительные стороны промышленного освоения Севера асасяются лишь части национальной интеллигенции, живущей в городах.

На заре ускоренного промышленного освоения Сибири, в середине 1960-х годов, экономистами и этнографами была сформулирована задача: Промышленное освоение Севера должно сочетаться с дальнейшим развитием отраслей промышленного и сельского хозяйства данной зоны. Устойчивые связи между промышленными центрами и прилегающими к ним таежными и тундровыми айонами приведут к подъему национальной экономики и будут способствовать ультурному развитию народов Севера в период построения коммунистического общества¹².

Сегодня можно констатировать, что ничего из этого не вышло. Яркие и горькие примеры — та же Западная Сибирь и другие регионы. Одна из важнейших причин — масштабы и темпы промышленного освоения Сибири таковы, что промышленные предприятия и организации не справляются с собственными задачами и не имеют возможности рационально сочетать промышленное освоение территории с развитием традиционных отраслей хозяйства.

О том, что экологический баланс в ряде северных регионов нарушен, много пишет как центральная, так и местная пресса. Приведу часть опубликованных материалов из окружных газет Западной Сибири «Красный Север» и «Ленинская правда» за 1988—1990 гг.

Началась «Операция Обь»: журналисты ямало-ненецкой окружной газеты «Красный Север» создают Общественный комитет по спасению Оби. Река отравлена: на 1987 г. концентрация вредных веществ в ней превышала допустимые нормы в 25—30 раз, а нефтепродуктов в районе Омска, Нижневартовска, Ургута — в 92 раза, в районе Салехарда — в 29 раз¹³. Как правило, очистные сооружения (в том числе и в системе канализации, животноводческих ферм, промышленных предприятий) не строятся из-за экономии и спешки (!), все стекает в реки (например, в г. Радужный на р. Аган). По р. Аган ханты потеряли почти все свои промысловые угодья. Вылов рыбы сократился в 3 раза. На богатейшем рыбном нерестовом и нагульном озере Имнлор площадью 60 км² рядом с поселком хантов устанавливаются буровые вышки. На р. Малый Юган на территории Угутского сельсовета, где расположены Юганский заповедник (их всего 11 на огромной территории округа площадью свыше 500 млн. км²) и прекрасные соболиные угодья (до 1,5 тыс. соболиных шкурок сдаются охотники Угутского промохотовотделения), идет разведка нефти и газа. Буровые вышки стоят рядом с домами хантов в селениях Кинямины, Мултановы; поселки Лейковы, Бисаркины исчезли после прихода геологов. Несколько раз меняла место жительства хантыйская охотница У. Г. Тоголмазова. Ее родной поселок Хуллор на р. Казым был ликвидирован как неперспективный, зато рядом вырос поселок Верхний Казым, обслуживающий компрессорную станцию. Его жители — временщики и потому позволяют себе грабить охотничьи избушки, воровать собак, запасы собранных ягод. У Н. Цинганина украли из амбара добытых соболей, в другом месте соболей выменяли за пару бутылок водки, в третьем на глацах у хозяина застрелили домашнего оленя и т. п.

В верховьях Пима вместо моста для переправы речку просто завалили бревнами и засыпали землей! Часто речки перегораживают трубами. Осенью десанты высаживаются с вертолетов и опустошают ягодники, нередко ягоду рвут еще зеленой и с корнями.

Коренное население терпит ущерб и от лесной промышленности. Вынуждены были сменить место жительства Т. И. Кечимов по Агану — откочевать к северу; семьи оленеводов из пос. Русских, с Тромъегана — на Казым, в Нумто. В Няксимвольском сельсовете, по свидетельству его председателя, работники лесхоза и промохотовотделения изгнаны со своих угодий и места жительства У. Анемгуров, застрелены собаки Е. К. Бурмантова (чтобы уйти от ответа за содеянное, против него возбужден заведомо ложный иск в 353 руб., якобы за потраву дичи собаками!), ограблен И. Монин (400 руб., обувь, шкурки

зверей похищены). На угодьях, где живет с семьей И. Монин, где он пасет оленей, со всех сторон вырубили лес, рядом проложили дорогу, олени от шума разбегаются. Такая же участь постигла Самбидаловых, Куриковых, Тасмановых. И никакой компенсации, ни одного уголовного дела! Зато возбуждаются уголовные дела против местных жителей, которые, не имея возможности купить лицензию, вынуждены для еды отстреливать лосей.

Лесная промышленность в Ханты-Мансийском а. о. в последние 20 лет во много раз увеличила масштабы и темпы вырубки леса, нередко это делается хищнически, без соблюдения необходимой технологии. Завышение норм вырубки территории сплошной рубки леса (1×2 км) ведет к эрозии почвы, смыву гумусного слоя, изменению температурного, светового, ветрового, водного режима лесосеки. Не освоены безотходные производства, часть леса (сучья, щепа) в лучшем случае сжигается, а чаше (и невывезенная древесина) гниет, забивает реки, в том числе и нерестовые. Не освоены сбор и переработка естественно падающего леса, подмыываемого водой по берегам рек.¹⁴

Коллегия Госкомприроды СССР, рассмотрев состояние охраны природы на промыслах Западной Сибири, признала, что природе нанесен «непоправимый урон». Рекультивационные работы, строительство очистных сооружений, создание ресурсосберегающих технологий добывающих министерств основаны на остаточном принципе финансирования. Коллегия обязала министерства разработать и представить на экспертизу Территориальную комплексную схему охраны природы Западной Сибири¹⁵. Даже п-ов Ямал, где еще не развернулось промышленное освоение месторождений, а лишь велась их разведка, уже непригоден для традиционного природопользования¹⁶.

Экологическая обстановка резко ухудшилась и в других районах Сибири и Севера. В Ульчском районе Хабаровского края погублено большое живописное, богатое рыбой озеро Кизи: леспромхоз оставил на нерестовом озере 16 тыс. кубометров леса, вмороженных в лед, и очистку этого озера обещают закончить лишь в 1990 г. В ряде районов края в 1987 г. зафиксированы массовые вырубки леса в водоохраных зонах. На грани катастрофы находится и Амур. Амурский целлюлозный комбинат ежегодно сбрасывает в Амур более 50 млн. кубометров загрязненных сточных вод. Один из водозаборов этого комплекса губит молодь промысловых рыб, ежегодно нанося ущерб до 100 тыс. руб. Солнечный горнообогатительный комбинат сбросил в 1987 г. в притоки Амура 6 т меди, 27 т цинка, около десяти тонн мышьяка. В этих реках концентрация цинка и меди превышала нормы соответственно в 198 и 511 раз. В районе Комсомольска-на-Амуре Амур имеет 13 предельно допустимых концентраций фенолов, 5 — нефтепродуктов и 40 — меди¹⁷.

К сожалению, число примеров слишком велико и эти экологические проблемы до сих пор не могут быть оптимально и быстро решены, несмотря на принятый «Закон об охране природы» и созданный Комитет СССР по охране природы. Лишь в результате развертывания специальной кампании в защиту того или иного объекта природы в прессе, в научных кругах, среди общественности удается привлечь к ним внимание соответствующих правительственные органов и добиться принятия необходимых решений (по Байкалу, Араку). Мешает также и то, что местные Советы пока не способны бороться с промышленными предприятиями, загрязняющими природную среду, так как Министерства и ведомства ведут себя на территории краев, областей и округов как государства в государстве. Например, в Западной Сибири, в Ханты-Мансийском а. о., в результате экстенсивного развития нефтегазовой промышленности в Нижневартовском и Сургутском районах почти полностью нарушен экологический баланс; отторжение и загрязнение промысловых угодий приобрело такие масштабы, что была подорвана традиционная отрасль хозяйства хантов — оленеводство, а в недалеком будущем та же участь ожидает охоту и рыболовство. Это прямой результат тех методов и темпов, какими ведутся разведка нефтяных и газовых месторождений на данной территории. При этом нет никакой

веренности, что в ближайшем будущем произойдут какие-либо изменения. Кроме того, в Сургуте, Нижневартовске, Новом Уренгое запланировано создание огромных нефтехимических комплексов, что не может не сказаться на окружающей среде. Те же методы хозяйствования, основанные на стереотипе «постоянства и неистощимости» наших ресурсов, особенно применительно к Сибири, характерны для лесной и энергетической промышленности.

Если добыча газа и нефти на Ямале, Таймыре, Чукотке, в Эвенкии и в других регионах Сибири будет проходить такими же методами и темпами, нарушится экологический баланс и на этих территориях, будет ликвидирована хозяйственная основа существования, вся система жизнеобеспечения ненцев, эвенков, тунгусов и других народов Севера.

Именно промышленное освоение Севера и экологический дисбаланс в значительной мере привели к тому, что стало сокращаться традиционное хозяйство народов Севера, в котором они теперь заняты менее чем на 50%. Это в свою очередь ведет к снижению уровня жизни коренных народов, утрате привычных продуктов питания (мяса, рыбы), нехватке сырья для одежды (оленых шкур, пушнины), а также к исчезновению национальной культуры, тесно связанной с традиционным хозяйством.

Численность домашних оленей на Севере с 1930-х гг. к настоящему времени уменьшилась с 2,2 млн. до 1,8 млн. голов (на 18,2%). Отторжение и загрязнение оленевых пастбищ происходит особенно интенсивно в Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском а. о., где развивается нефтегазовая промышленность. Подсчитано, что потеря 6 млн. га оленевых пастбищ в Ямало-Ненецком а. о. дала 30 млн. руб. убытка.¹⁸ Сокращается и число оленей. Например, в Ханты-Мансийском а. о. в 1930 г. было 71,1 тыс. голов оленей, в 1953 г. — 87 тыс., в 1960 г. — 64,7 тыс., в 1978 г. — 54,4 тыс., в 1980 г. — 55 тыс., в 1982 г. — 52,5 тыс. голов (меньше, чем в 1960 г. на 19%), в 1986 г. — 53 тыс. голов, в 1989 г. — 50 тыс. голов. В результате полностью исчезло оленеводство в южной части Сургутского района, на большей части Нижневартовского района, в других местах это значительно сократилось. Например, в пос. Корлики в начале 1960-х гг. было более 1000 голов общественных и до 200 голов личных оленей. Сейчас их всего чуть более 100. В поселке Колекъеган было около 500 оленей, в 1987 г. забили последние двух. В Магаданской обл. в начале 1970-х гг. было около 1 млн. оленей, сейчас — чуть более 600 тыс.¹⁹ Уменьшился удельный вес мясной пищи, население лишилось оленевых шкур, из которых можно было сшить себе промысловую и дорожную одежду и обувь. Это снижает материальный уровень жизни населения и лишает корней национальную культуру.

Еще меньше, чем в оленеводстве, коренное население занято теперь в охоте и рыболовстве. Например, в Ямало-Ненецком а. о. уменьшился вылов рыбы за последние 20 лет на 5 тыс. тонн. В Ханты-Мансийском а. о. на р. Вах улов рыбы сократился за 40 лет вдвое. Рыба пахнет нефтью в ряде районов по Оби, на Агане, Пиме. Ежегодно рыбные промыслы Обского Севера давали продукции более чем на 150 млн. руб. Однако из-за накопления ядовитых веществ в воде и земле они могут прекратить свое существование к началу XXI в. В Амуре рыбы вылавливается в 20 раз меньше, чем в начале 1960-х годов. Причины этого также в большой мере заключаются в отторжении и загрязнении угодий. Многочисленные гидростанции на сибирских реках (Оби, Енисее, Ангаре) резко уменьшили или свели на нет ценные породы рыб, обитавших в пойменных озерах, затопили огромные территории поймы и лесов.

Охотничий промысел влечит жалкое существование, добыча дикой пушнины в значительной степени уступает место клеточному разведению пушных зверей и ежегодно составляет лишь пятую часть всей пушнины. Например, в бассейне рек Большой и Малый Юган, уникальном в Западной Сибири по запасам соболя, в 1960-х гг. его добывали до 3 тыс. шкурок, теперь — наполовину меньше, а ондатры, которой здесь тоже много, из 1,5—2 тыс. добытых шкурок сдано 15. Много пушнины уходит на сторону — браконьерам и спекулянтам.

Ущерб от потери охотничьих угодий уже составил 12 млн. руб.; к XXI в., если отношение к окружающей среде не изменится, он составит выше 30 млн. руб.²⁰

Морской зверобойный промысел — традиционное занятие прибрежных чукчей, коряков, эскимосов, нивхов — из-за того, что зверь был выбит промышленным способом, пришлось фактически прекратить. Чаще всего население периодически получает туши морских зверей (например, кита) на мясо и жир, а в промысле участвуют теперь лишь немногие.

В то же время существующая перерабатывающая промышленность развита лишь на базе рыболовства, в остальных традиционных отраслях народы Севера участвуют только как добытчики сырья, что неизбежно ведет к низкой рентабельности хозяйства и низкому уровню зарплаты.

А между тем только традиционное хозяйство и связанные с ним уклад и образ жизни способствуют развитию всеми своими корнями связанный с ними национальной культуры народов Севера; лишь благодаря традиционному хозяйству они имеют привычные продукты питания. Таким образом, сохранение среды обитания и промыслового хозяйства — непременное условие выживания народов Севера.

В последние два-три десятилетия эти условия выживания значительно ухудшились, что отразилось на численности народов Севера и продолжительности их жизни. Так, если с 1959 по 1970 г. прирост населения у народов Севера составил 16,6%, то в следующее десятилетие, к 1979 г. он был равен всего 3,3% (при этом восемь народов уменьшились в численности).²¹ Середина 1960-х и 1970-е гг. были самыми тяжелыми в жизни народов Севера. Например, в Нижневартовском районе численность хантов уменьшилась с 1940 к 1957 г. с 2023 до 1800 чел., с 1957 к 1978 г. — до 1203 чел., а к 1984 г. — до 939 чел. По данным Похозяйственных книг Охтеурского сельсовета этого района (1988 г.), в трех поселках живут 218 хантов, из них мужчин старше 50 лет всего 5 (2%), женщин — 10%, из них старше 60 лет — один (0,5%). Если сравнить эти данные с нашими полевыми материалами 1957 г., то окажется, что тогда мужчин старше 50 лет было от 9 до 13%, старше 60 лет — от 3,5 до 6,7%. Таким образом, сейчас число мужчин старше 50 лет в 5—6 раз меньше, чем 30 лет назад, и в 5 раз меньше, чем женщин того же возраста сейчас. Это прямое следствие высокой смертности на почве алкоголизма²².

Сейчас положение несколько изменилось. Судя по предварительным данным Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г., с 1979 г. численность народов Севера на территории РСФСР увеличилась на 16,6%, в целом по стране — на 24,6%. Однако это не должно нас успокаивать. Во-первых, некоторые народы численно уменьшились (инцы примерно на 30%, орохи и орочи — на 7,7%, тофалары — на 4,2%, кеты — на 0,8%), крайне слаб прирост у саамов (0,1%) и селькупов (1,3%), менее чем на 10% увеличилось число хантов, чукчей, нивхов.²³ Во-вторых, если сравнить наши данные прироста народов Севера с аналогичными материалами по аборигенному населению США и Канады (в том числе и северному), то можно увидеть, что там темпы прироста гораздо выше, чем у нас в целом по стране. Например, у наших народов за 30 лет (1959—1989 гг.) он составил чуть более 33%, тогда как прирост эскимосов США (Аляска) за 46 лет (1931—1977 гг.) был равен 133%, канадских эскимосов — 300%: число индейцев США за 30 лет (1950—1980 гг.) выросло почти в 4 раза, канадских индейцев (1951—1981 гг.) — более чем в 2 раза. Естественный прирост у них был в 2 раза выше, чем у некоренного населения.²⁴ У нас к 1970 г. он был со знаком минус, к 1979 г. немного превышал средний по стране, сейчас смертность снизилась на 7%, рождаемость возросла на 37%. С 1979 по 1989 г. в целом по народам Севера, живущим в РСФСР, он увеличился с 9,8 до 16,8% в автономных округах, в 1,5 раза в Ханты-Мансийском, в 2 раза в Ямало-Ненецком, Чукотском, Ненецком, Корякском и в 3 раза в Эвенкийском.

Таким образом, от решения проблем экологии и промышленного освоения Севера зависит развитие традиционного хозяйства народов Севера, их культу-

ры, само существование этих народов. Пока, судя по опыту Западной Сибири, можно считать несовместимыми промышленное освоение и развитие традиционного хозяйства народов Севера.

Большой урон хозяйству народов Севера, их расселению, образу жизни нанесла волонтиаристская политика реорганизации хозяйств (преобразование колхозов в совхозы), их укрупнения, массового сселения коренного населения в укрупненные, зачастую заново созданные поселки (в том числе и вопреки воле и желаниям самих жителей). В значительной мере это было обусловлено общей установкой в стране на укрупнение хозяйств и населенных пунктов (вплоть до ликвидации мелких, так называемых «неперспективных» деревень), объективно положительным желанием как можно быстрее и без больших затрат улучшить быт коренного населения путем жилищного и культурно-бытового строительства, электрификации и радиофикации поселков, облегчить управление хозяйствами, а кроме того, неправильным подходом к решению проблем кочевания и перевода на оседлый образ жизни.

В литературе, в том числе и научной, а особенно в местной прессе, нет определения кочевого быта. Чаще всего принято относить к кочевникам всех, кто ведет промысловое хозяйство — оленеводство, охоту, рыболовство. Но это неверно.

Кочевым следует считать то население, которое все время передвигается (за стадами оленей, овец, коз и т. п.) и не имеет ни постоянных селений, ни постоянных жилищ. Кочевники живут на временных стоянках (стойбищах) в передвижных, или переносных, жилищах (чум, яранга, балок, юрта). На севере в эту категорию попадают только оленеводы тундры. Они вынуждены кочевать вслед за стадами оленей (на одном месте живут не более 3 суток, так как иначе олени выпотчут все пастбище). Их стойбища хотя и имеют нередко постоянную привязку к одному месту, тем не менее могут перемещаться. Свое жилище (чум, ярангу) они каждый раз ставят заново, лишь балок возят с собой на нартах.

В отличие от оленеводов охотники и рыболовы ведут не кочевой, а полуседлый образ жизни. Он достаточно подвижен: охотник зимой, опромышливая свои угодья, уходит в тайгу, где живет в охотничьей избушке (у некоторых в разных местах по несколько таких избушек). Но, как правило, семья охотника большую часть времени живет в одном поселении или доме. Рыбаки за год иногда сменяли четыре места жительства: зимнее (постоянное), весенне, летнее и осенне. Это было особенно характерно для рыболовов Оби и ее притоков — хантов, манси, селькупов. Из этих селений одно (обычно зимнее) было постоянным, другие — сезонными. Перемещение в сезонные селения обуславливалось ходом рыбы в разных реках в разное время года. Поэтому подобная подвижность образа жизни жителей Севера была обусловлена не столько привычкой, сколько потребностями хозяйства.

Чаще всего население тайги и бассейнов рек вело комплексное хозяйство: охота (обычно зимой) и рыболовство (с весны по осень). Некоторые держали еще и оленей. Это так называемое таежное оленеводство (приизбенное) — маршруты кочевий были не очень протяженными, иногда (особенно летом) олений выпасали в изгородях, у дымокуров, или держали в специальных оленевых избах. Такие семьи вели подвижный, полуоседлый образ жизни, имея в числе прочих и постоянные селения с капитальными зимними жилищами (срубный дом, полуzemлянка). С весны по осень они жили на сезонных поселениях в разных жилищах: либо в срубных, либо в дощатых домах, либо в чумах, различной формы шалашах — корьевых жилищах, крытых корой березы, пихты (остов такого дома, составленный из жердей, не перевозился, а оставался на месте селения). Были и такие семьи, которые круглый год обитали в разных селениях, но с капитальными (срубными) постройками. И еще одна особенность расселения охотников, рыбаков и оленеводов — дисперсность (небольшие селения удалены друг от друга на большие расстояния); отдельные усадьбы

в самом селении расположены на значительном расстоянии друг от друга

Уже в 1930-х гг. на Севере начался процесс перевода жителей на оседлость для чего было построено немало новых поселков. Но в те времена семьи, переселившиеся на постоянное жительство в такие поселки в новые дома, еще не потеряли и своих сезонных селений.

В 1950-х гг. началась массовая кампания по оседанию, совпавшая с укрупнением колхозов. Особенно усилились эти процессы в 1960-х гг. в связи с реорганизацией многих колхозов в совхозы, госпромхозы, рыбочастки рыбозаводов и укрупнением их центральных усадеб. Поселки тоже стали строиться большие, в расчете не менее чем на 500—1000 человек. Потом, как и по всей стране, появилось понятие «бесперспективные поселки» (или деревни).

Уже несколько десятилетий мы пытаемся перевести оленеводов на оседлость. На моей памяти, начиная с 1957 г., с постановления ЦК КПСС и СМ СССР № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» примерно каждые 5 лет принимались постановления об окончательном переводе на оседлость оленеводов²⁵. Однако и до сих пор на Севере не менее 3,5 тыс. кочующих семей (около 15 тыс. чел.). Часть семей за это время действительно осела. Однако в основном это касалось охотников и рыбаков, которых, в отличие от оленеводов, нельзя безусловно отнести к кочевникам.

В результате, по данным официальной статистики, в 1986 г. кочевало 3 563 хозяйства (14 881 чел.)²⁶. Государством выделены на жилищное строительство и создание новых поселков миллионы рублей. Значительная часть выделенных кредитов была погашена за счет государства.

В связи с практикой оседания и сложилось странное положение, когда средства выделяются только на оседание, просто же на жилищное строительство для народов Севера — крайне редко и в небольших количествах, хотя многие постройки 1950-х гг., изначально возведенные с большими дефектами, уже в аварийном состоянии. Вследствие этого некоторые окружные органы статистики вынуждены идти на фальсификацию численности кочевого населения, чтобы округ мог получить средства на жилищное строительство.

На примере Ханты-Мансийского а. о. видно, как проходил перевод на оседлость хантов, манси, селькупов и ненцев. В 1939—1940-х гг. здесь было 1773 хозяйства, в 1940—1950-х гг. селено 1159 хозяйств, кочевых осталось 614 (из них в Сургутском районе из 510 хозяйств 458 считались кочевыми, хотя район населен в основном охотниками и рыбаками). В процессе оседания число кочевых хозяйств изменилось следующим образом: в 1966 г. — 481, в 1966—1967 гг. — 328 (или по другим данным 383), в 1968 гг. — 274 (из них оленеводческих — 52), в 1969 г. — 327, в 1970 г. — 39 (оленеводческих), в 1986 г. — 272 хозяйства, в 1988 г. — 217 хозяйств²⁷. Видим, увеличение почти в 7 раз по отношению к 1970 г. Можно думать, что либо перешедшие на оседлость хозяйства снова стали кочевать, либо цифра 1986 г. искусственно завышена, чтобы получить под оседание деньги для жилищного строительства.

В результате такой деятельности из 650 населенных пунктов в округе осталось около 170, и то вместе с вновь построенными. По всей видимости, мы не располагаем точными данными о числе действительно кочевых семей оленеводов на Севере, чаще всего статистика говорит о семьях, не имеющих своих домов в поселках.

Перевод на оседлость оленеводов, охотников, рыбаков, реорганизация и укрупнение хозяйств, ликвидация мелких селений (как постоянного, так и сезонного значения) были одной из причин свертывания традиционных отраслей хозяйства народов Севера. Во-первых, новые селения были весьма удалены от многих промысловых угодий, с ликвидацией мелких селений они перестали опромышливаться из-за дальности. Во-вторых, ряд совхозов и госпромхозы перестали развивать оленеводство, в меньшей мере занимались рыболовством. Часть рыбаков перешла в разряд так называемых рабочих. В-третьих, укрупнение поселков и переселение туда основной части населения вместе с интер-

атской системой воспитания учащихся привели к сокращению кадров традиционных отраслей хозяйства (оленеводов, охотников и рыболовов), к нарушению преемственности между поколениями в этой области.

Таким образом, даже в отношении охотников и рыболовов поголовный переход на оседлость не благоприятствовал развитию традиционного хозяйства. Сейчас уже стоит вопрос о восстановлении ряда селений, признанных «неперспективными».

Что касается оленеводства, то, по моему мнению, оно не может существовать без кочевания пастухов. Очевидно, настало время осознать это и избавиться от стереотипа: оседлость — хорошо, кочевание — плохо. Признавая специфику отгонного животноводства, следует признать и особенности северного оленеводства и обусловленную ими специфику образа жизни и быта пастухов. Признав необходимость кочевания оленеводов, мы сможем изменить и концептуальный подход к проблеме развития оленеводческой культуры народов Севера, выработать пути благоустройства их кочевой жизни. Пока есть три пути развития оленеводства: изгородный (он применяется не только на Кольском полуострове, но и в Эвенкии), бригадно-звеньевой (опыт его есть в Ненецком а. о.) и с использованием на маршрутах кочевания промежуточных баз для оленеводов (пример — Чукотка). Все эти способы имеют и достоинства, и недостатки. Ни один из них, видимо, не может быть универсальным. Вместе с тем этот интересный опыт еще слабо изучен и описан.

Сейчас еще нет единого подхода к решению этой проблемы. Необходимо дать ответ на вопросы: возможно ли оленеводство без кочевания и как его организовать, чтобы максимально облегчить труд и быт оленеводов?

Следствием негативных явлений в развитии социально-правовой и социально-экономической политики были и те разрушительные процессы в области национальной культуры народов Севера, которые привели к утрате родных языков, фольклора, обрядовой и праздничной культуры, а в целом к ассимилятивным процессам. Социально-культурная политика в отношении народов Севера, особенно за последние 25—30 лет, оказалась несостоительной. Идеологическая установка на слияние наций и народов в единый советский народ и здесь выразилась в полном пренебрежении к национальной культуре, как материальной, так и духовной. Многие ее элементы были объявлены архаичными, не способными к развитию. В процессе культурной революции в 1920—1930-х гг. и позднее была объявлена беспощадная война религиозному мировоззрению и культу, всем обрядам. Многие шаманы, хранители обрядовой культуры, фольклора, народных знаний, были репрессированы, причем большей частью совершенно необоснованно, так как не жили за счет эксплуатации чужого труда. К 1940-м гг. прекратилась работа по созданию письменности для народов Севера, в последующие годы резко уменьшилось число изданий на родных языках народов Севера, сошло на нет и преподавание на этих языках, обучение детей родным языкам. В то же время современная культура приходила в национальные поселки народов Севера в крайне примитивных формах (старые здания клубов, иди, наоборот, пустующие дворцы, устаревшие кинофильмы, слабая база библиотек и пр.). Разрушению материальной народной культуры и привычного уклада жизни, ассимиляции способствовали также ликвидация «неперспективных» деревень, сселение людей в укрупненные поселки.

Все это привело к тому, что народы Севера катастрофически быстро стали утрачивать свою национальную культуру, которая перестала играть адаптирующую роль в обществе. Коренное население оказалось социально не защищенным, стала проявляться ущербность в национальном самосознании, в психике людей, что явилось одной из причин массового распространения алкоголизма.

Дальнейшее развитие народов Севера требует целого комплекса продуман-

ных и научно обоснованных мероприятий как социально-правового, так и социально-экономического и социально-культурного направлений.

В аспекте социально-правовых мероприятий представляется, что в современных условиях совершенствования нашего государства как правового важно расширить права северных автономных округов, особенно в их взаимоотношениях с областными органами власти, союзными и республиканскими министерствами и ведомствами (например, предоставить им право распоряжаться землей, ее ресурсами, составлять и претворять в жизнь планы социально-экономического и культурного развития округов с отчислением в окружные и местные советы средств за землю, на которой идет промышленное строительство, право получать компенсации за изъятые или загрязненные уголья, право приостанавливать промышленное строительство в случае его экологической опасности и др.). Новые законы о земле и собственности дают такие возможности, но в еще большей степени их должны расширить разрабатывающиеся законы о статусе автономий и малочисленных народов.

Целесообразно также ввести институт национальной автономии в виде национальных районов, национальных сельских советов с разработкой их статуса для тех районов, где народы Севера особенно малочисленны и расселены дисперсно. Пока образован только один такой национальный район — Эвене-Бытантайский, в Якутской АССР. В Ханты-Мансийском а. о. уже много лет выделены «национальные поселки» (в 1987 г. в числе 161 населенного пункта в сельской местности таких было 71). Однако никаким особым статусом они не обладают. Это, как правило, традиционные селения хантов и манси или созданные в 1950-х гг. в ходе селения обских угров из мелких сезонных деревень в укрупненные поселки, центры колхозов. В них проживает от 20 до более чем 3 тыс. человек; коренное население составляет здесь от 9 до 100%. По всей вероятности, критерии для выделения подобных национальных поселков с определенным статусом должно быть не менее трех: 1) традиционность расположения селения в данном месте; 2) присутствие в нем коренного населения; 3) традиционные занятия этого населения (охота, рыболовство, оленеводство, морской зверобойный промысел). Статус подобных национальных поселков (как и национальных районов) должен предусматривать приоритетные права народов Севера на природо- и землепользование, трудоустройство, представительство в Советах и др.

В последнее время в широкой прессе высказывались и другие предложения социально-правового характера: о создании в Верховном Совете РСФСР Совета национальностей (уже создан) с тем, чтобы в нем были представлены депутаты от всех народов Федерации, об организации (или возрождении) при Совете Министров РСФСР Комитета Севера, создании общественной организации — Ассоциации народностей Севера и др. Эти предложения заслуживают специального рассмотрения. Избрание депутатами Верховного Совета СССР — высшего органа законодательной власти в стране — восьми представителей народов Севера (ненцев А. И. Вычейского и С. Я. Пальчина из Ненецкого и Таймырского а. о., хантов Е. Д. Айпина и Р. П. Ругина из Ямalo-Ненецкого и Ханты-Мансийского а. о., эвенка М. И. Монго из Красноярского края, чукчи В. М. Етылена из Чукотского а. о., коряка В. В. Косыгина из Корякского а. о. и нанайки Е. А. Гаер из Хабаровского края) позволяет надеяться на то, что сами народы Севера теперь будут более активно заниматься вопросами развития традиционных отраслей хозяйства, национальной культуры и родных языков²⁸. В Верховный Совет РСФСР также избраны представители некоторых народов Севера — ненцы В. А. Вычейский и С. П. Яр, хант В. С. Сондыков, эвенк В. В. Увачан, чукчанка М. И. Эттырынтына и др.²⁹

Необходимо, чтобы все народы Севера были достойно представлены и в Верховном Совете РСФСР, и в окружных, и в районных, и в местных Советах. Пока сделать это трудно: еще мало лидеров из среды коренного населения, не везде они могли пробиться в Советы из-за большого удельного веса приезжего населения.

Патерналистская государственная политика, применяемая к народам Севера, в значительной мере породила иждивенческий характер отношений между народами Севера и органами власти. Однако совершенно ясно, что пока сами народы Севера не будут активно участвовать в развитии самоуправления, хозяйствования, культуры, их положение вряд ли серьезно улучшится.

В этом аспекте особое значение имело проведение Первого съезда народов Севера и создание Ассоциации народов Севера³⁰, что намечено в Платформе КПСС по национальному вопросу. Региональные ассоциации народов Севера организованы в 1986—1990 гг. почти везде. Задача созданной на съезде Ассоциации — пробудить активность и самостоятельность и координировать работу региональных ассоциаций.

В области социально-экономических преобразований сейчас внесено много различных предложений (в частности, в тексте Концепции социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г.³¹, в проектах постановления Совета Министров РСФСР «О комплексной программе дальнейшего развития экономики и культуры малочисленных народов Севера на 1991—1995 годы и на период до 2005 года», в постановлении Совета Министров РСФСР «О дополнительных мерах по экономическому и социальному развитию народностей Севера в 1989—1990 годах и тринадцатой пятилетке» № 182 от 7.06.89)³². Однако если постановление № 182 и проект постановления о Комплексной программе по-прежнему, как и предшествующие документы, отличаются патерналистской направленностью, то к Концепции можно предъявить гораздо больше претензий.

Концепция, особенно в рекомендательной части, напоминает правительственные постановление, составленное на основе традиционных подходов и точек зрения вне связи с современной ситуацией в нашей стране, обусловленной, с одной стороны, кризисным состоянием развития экономики и культуры народов Севера, с другой — процессами перестройки, развития демократии и гласности. Концепция не учитывает современного плюрализма мнений о путях дальнейшего развития народов Севера, в том числе и проработанных в положениях различных учреждений и институтов, являвшихся головными организациями по определенным направлениям Концепции. В документе «сглажены углы» в критике негативных последствий развития народов Севера: отсталость экономики, упадок традиционных отраслей хозяйства, ошибки перевода населения на оседлость, оценка этнических процессов и развития культуры, вызванных целенаправленной ассимиляцией народов Севера в рамках интернационализма, вопросы физического выживания народов Севера (заболеваемость, алкоголизм, слабый прирост населения) и др. Нет целостного и четкого представления о состоянии народов Севера в настоящее время, проблемах и факторах их выживания в современном мире и с точки зрения экологической ситуации на Севере, и с точки зрения отсталости в их социально-экономическом и культурном развитии. Остается неясным и вопрос, на какой основе можно сохранить народы Севера, возможно ли и как сочетать развитие северных народов и промышленное освоение региона.

В Концепции традиционная культура искусственно противопоставляется национальной, вводится неясный термин «новая культура», содержатся неявные положения о том, что «сведение традиционного к архаическому явились в теоретической основе сохранения архаических... элементов труда в традиционных отраслях северного хозяйства...», «Традиционное... не вписывалось в развившийся на Севере народнохозяйственный комплекс»³³. Это — свидетельство полного непонимания специфики всего комплекса культуры народов Севера, роли национальной культуры в адаптации человека в окружающем его мире.

Вместо того, чтобы говорить о всемерном развитии традиционного хозяйства народов Севера как базы для их выживания, сохранения и развития их национальной культуры, в Концепции предлагается повысить «роль северного региона

в развитии производительных сил страны», участие народов Севера «в выполнении продовольственной программы страны»³⁴. Ряд рекомендаций можно истолковать как возврат к старой, не оправдавшей себя практике включения в нетрадиционные отрасли всего коренного населения.

Неудовлетворительно решается в Концепции проблема развития северного оленеводства, даже не ставится вопрос о том, возможно ли оленеводство без кочевания. Авторы Концепции скорее всего считают, что возможно, так как, по их мнению, «мини-поселки бригадного назначений на маршрутах выпаса оленей (зимний период) призваны обеспечить действительный перевод на оседлый образ жизни»³⁵.

Таким образом, пока еще нет научно разработанной концепции социального, экономического и культурного развития народов Севера на перспективу, которая способствовала бы выживанию и развитию не только их экономики, социальной сферы, но и национальной культуры.

Важнейшее значение для выживания и развития народов Севера имеет решение проблем природопользования и землепользования. В принятый в 1990 г. Верховным Советом СССР «Закон о земле» внесено следующее положение: «В местах проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов и этнических групп законодательством союзных и автономных республик может быть установлен особый режим указанных категорий земли»³⁶. Это дает возможность на местах выделять зоны приоритетного природо- и землепользования. Такая работа уже началась в автономных округах. Так, Тюменский облисполком утвердил предложения Ямalo-Ненецкого и Ханты-Мансийского а. о. о создании подобных зон: в Ямalo-Ненецком а. о. под такие земли выделяется 64% территории, в Ханты-Мансийском — 33%³⁷. Здесь население сможет развивать традиционные отрасли хозяйства, а промышленные предприятия будут развиваться только на основе разрешения местных Советов. Это большое достижение. Однако сразу же встают две проблемы. Во-первых, путь от местных Советов до Верховного Совета республики для утверждения этих актов весьма длинен, во-вторых, в ряде даже национальных поселков вопросы в местном Совете и в возможных референдумах решает нередко не коренное, а приезжее население, преобладающее здесь численно. В том же Ханты-Мансийском а. о. зоны приоритетного природопользования были выделены по рекам Аган и Большой Юган еще в 1988 г. До утверждения общего положения о них Тюменским облисполкомом прошло от полутора до двух лет (и еще неизвестно, когда будет выработано республиканское законодательство по этому поводу). Кроме того, в постановлении Тюменского облисполкома не были поддержаны выдвинутые округами термины «традиционное природопользование», «жизнеобеспечение коренных жителей Севера». А это значит, что конфликт между развитием традиционных отраслей хозяйства и промышленным освоением будет сохраняться. Снять все эти противоречия и гарантировать права народов Севера на природо- и землепользование может подготавливаемый Закон о малочисленных народах.

Наконец, в социально-культурной области предстоит большая работа. Прежде всего она касается развития родных языков народов Севера. Необходимы общесоюзные, республиканские и местные комплексные и целевые программы по обеспечению развития и функционирования этих языков (разработка письменности для народов, еще не имеющих ее, создание системы непрерывного изучения родных языков на базе национальных групп, школ, классов, факультативов; развитие литературы, радиовещания и телевидения, издание книг, газет и журналов, разработка и издание учебно-методической литературы, словарей, справочников, подготовка кадров учителей и воспитателей, в том числе из представителей народов Севера). Огромная работа предстоит по улучшению качества образования народов Севера с учетом их хозяйственной деятельности, расселения и образа жизни — создание средних, неполных

редних и начальных, в том числе малокомплектных и передвижных (кочевых) школ с приближением трудового обучения к традиционным занятиям.

Такие же программы следует разработать для развития материальной и духовной культуры, а также искусства народов Севера — обычаев, обрядов, праздников, народных знаний, декоративно-прикладного, музыкального искусства, народной хореографии и пр.— через многообразные формы: стационарные передвижные учреждения культуры, музеи, культурные и научно-методические центры, профессиональные объединения, самодеятельные коллективы и ансамбли, профессиональные и любительские театры, постоянные и передвижные выставки, фестивали, смотры, конкурсы, олимпиады, спортивные соревнования по национальным видам спорта и детским играм, народные промыслы и ремесла (сувенирные производства и кооперативы, индивидуальное художественное творчество) с предоставлением необходимого оборудования и помещений, организацией снабжения сырьем и материалами, реализацией продукции, подготовкой кадров, в том числе искусствоведов. Сейчас на Севере появилось немало народных музеев, созданных чаще всего на общественных началах энтузиастами, представителями и коренного, и приезжего населения. Интерес к ним огромен. На их базе можно объединить разные группы людей для сопиравания предметов народной культуры, ее изучения и сохранения.

Большая ответственность за развитие национальной культуры ложится на национальную интеллигенцию. Большую роль в этом могут сыграть как региональные, так и всероссийская Ассоциация народов Севера.

Сейчас еще есть время и возможности для того, чтобы предотвратить процесс этнической ассимиляции народов Севера, утраты ими своих языков, культуры, самосознания. Но в ряде регионов эти процессы зашли уже слишком далеко, поэтому промедление может оказаться пагубным для некоторых народов Севера.

Примечания

¹ По данным переписи 1989 г., народы Севера составили 184 478 человек: ненцы — 34 665, эвенки — 30 233, ханты — 22 521, эвены — 17 199, чукчи — 15 183, нанайцы — 12 017, коряки — 9242, мансы — 8459, долганы — 6929, нивхи — 4673, селькупы — 3612, ульчи — 3233, ительмены — 480, удэгейцы — 2011, саамы — 1890, эскимосы — 1718, чуванцы — 1511, ноганасаны — 1278, окагиры — 1142, кеты — 1113, орохи — 915, тофалары — 731, алеуты — 702, негидальцы — 122, энцы — 209, ороки — 190. См. Основные показатели развития экономики и культуры малочисленных народов Севера (1980—1989 годы). М., 1990 (материалы для делегатов Съезда малочисленных народов Севера); Данные Госкомстата РСФСР для Отдела по экономическому и культурному развитию народностей Севера и Арктики Совета Министров РСФСР.

² Соколова З. П. Съезд народов Севера // Сов. этнография. 1990. № 5.

³ Постановление № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» (16 марта 1957 г.) // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 4. С. 331 и др.; Постановление № 115 «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию района проживания народностей Севера» (7 февраля 1980 г.) // Правда. 1980. 26.02.

⁴ Этническое развитие народностей Севера в советский период. М., 1987. С. 101.

⁵ См. примеч. 1.

⁶ Соколова З. П. Полевые материалы 1989 г. // Архив Ин-та этнографии. Ф. Северной экспедиции.

⁷ Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 г. (концепция развития). М., 1988 (Ин-т этнографии. Ротапринт). Табл. 5. С. 16, 20, 29, 30.

⁸ Таксами Ч. М. О политическом и социально-экономическом положении малочисленных народов Севера и путях их дальнейшего развития. Доклад на Съезде малочисленных народов Севера 30.03.90, с. 9 // Материалы для делегатов съезда.

⁹ Шишов А. Без северного сияния // Сов. культура. 26.07.88; Шаров В. Мала ли земля для малых народов? // Лит. газ. 17.08.88; Сагни В. Отчуждение // Сов. Россия. 11.09.88; На переломе // Сов. культура. 11.02.89; Таксами Ч. М. Люди у кромки земли // Правда. 2.03.89; Родом с Севера // Сов. Россия. 31.03.89; Сизый Ф. Драма без охоты // Комсомольская правда. 15.06.89; Шинкарев Л. Тундра // Известия. 15.06.89; Заговорил Север // Сов. Россия. 18.06.89.

¹⁰ Айшин Е. Не нефтью единой // Московские новости. № 2. 8.01.89; Ардеев Ф., Обухова О., Козлов В. Не дадим украдь речку // Сов. Россия. 7.08.88; Паршукова А. Операция Обь // Сов. Россия. 30.04.89.

- ¹¹ *Переплеткин Ю., Покровский А.* Когда полыхает тайга // Известия. 27.07.89; *Кечеджи Т.* А тайга по-прежнему горит // Ленинское знамя. 26.07.89.
- ¹² Из резолюции научного совещания по проблемам формирования населения и использования трудовых ресурсов в районах Севера. Магадан, 1965. С. 18.
- ¹³ Беда на великой реке // Ленинская правда. 4.02.89; К победе коммунизма. 18.02.89. Красный север. 03.90. № 13.
- ¹⁴ Ленинская правда. 7.01.89; 14.01.89; 4.02.89; 11.02.89; 2.03.89; 3.08.89; 8.08.89; 10.08.89; 30.01.90; 24.03.90; Красный север. 2.11.88; 10.12.88.
- ¹⁵ *Ильина Т.* Экономика минус экология // Сов. Россия. 18.08.89.
- ¹⁶ Там же; *Окотэтто П. П., Вануйто А. В., Тусида М. Н. Окотэтто Н. Л.* Что будет с Ямалом // Сов. Россия. 22.03.89; *Иванчук Ю.* Ямал: чем велик и чем мал // Сов. культура. 7.10.89.
- ¹⁷ *Филин А.* Кальма просит защиты // Сов. культура. 27.10.88; *его же.* Кальма будет жить // Сов. культура. 18.11.89.
- ¹⁸ *Ильина Т.* Указ. раб.
- ¹⁹ Окружной государственный архив Ханты-Мансийского авт. округа (далее ОГАХМ). Ф. 6. Оп. 1. № 195. Св. 24. (Справка о состоянии оленеводства и звероводства по округу. 1961 г.). Л. 1; Оп. 12. № 84 (Материалы по развитию оленеводства. 1970 г.). Л. 1; Оп. 12. № 203 (Основные показатели развития Ханты-Мансийского а. о. 1930—1978 гг.) Л. 108; Основные показатели экономического и социального развития РСФСР, автономных республик, автономных областей и округов (1917—1986 гг.). М., 1987. С. 138.
- ²⁰ *Ильина Т.* Указ. раб.
- ²¹ Этнокультурное развитие... Табл. 1.
- ²² *Соколова З. П.* Полевые материалы 1988—1989 гг. // Архив Ин-та этнографии. Ф. Северной экспедиции.
- ²³ См. примеч. 1.
- ²⁴ Коренное население Северной Америки в современном мире. М., 1990. С. 74—75, 76.
- ²⁵ *Соколова З. П.* Постановления Партии и Правительства о развитии хозяйства и культуры народов Крайнего Севера (юридические акты 1935—1968 гг.) // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971; см. также примеч. 3.
- ²⁶ Экономика и культура районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера за 1940—1985 гг. М., 1986.
- ²⁷ ОГАХМ. Ф. 6. Оп. 1. № 170 (Перевод на оседлость национального населения). Л. 11—12. Любопытно, что в это время уже было ясно, что собственно кочевыми можно считать только хозяйства оленеводов: «Проверкой установлено, что фактически эти хозяйства имеют собственные дома, построенные по речкам, и ведут оседлый образ жизни» (из отчета о переводе на оседлость кочевого и полукочевого населения округа на 1.01.66—67 гг. // ОГАХМ. Ф. 6. Оп. 12. № 67. Л. 175. Но это вскоре было забыто).
- ²⁸ См. выступления делегатов I Съезда народных депутатов СССР *М. И. Монго, Е. А. Гаер* // Известия. 8.06.89; 10.06.89).
- ²⁹ Сов. Россия. 28.03.90.
- ³⁰ См. примеч. 2.
- ³¹ Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. Новосибирск, 1989.
- ³² Материалы для делегатов Съезда малочисленных народов Севера; материалы Отдела по экономическому и культурному развитию народностей Севера и Арктики Совета Министров РСФСР.
- ³³ Концепция социального и экономического развития... С. 28—29, 32—33, 37—38, 62—64.
- ³⁴ Там же. С. 40, 51.
- ³⁵ Там же. С. 43—59.
- ³⁶ Закон о земле // Известия. 6.03.90. Ст. 2.
- ³⁷ Защищая Тюменский Север // Известия. 4.03.90.

СТАТЬИ

© 1990 г.

В. И. Васильев

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (на материалах народов Севера СССР)

Этническая история: исследование процессов формирования и этнического развития народов — специфическая область современной этнографической науки — по существу заявила о себе только в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны. В 1940 и 1943 гг. в Москве и в 1942 г. в Ташкенте были проведены сессии по этногенезу народов Сибири, славян и народов Средней Азии, на которых выступили с докладами многие ведущие этнографы археологи страны. В 1951 г. в Москве состоялось совещание по методике исследования этногенеза с участием этнографов, археологов, антропологов и представителей смежных дисциплин. В последующие годы был проведен ряд региональных конференций, посвященных этногенезу и этнической истории народов Северного Кавказа (балкарцев и карачаевцев, 1959 г.; осетин, 1965 г.), Поволжья (марийцев, 1965 г.; башкир, 1969 г.), Сибири (аборигенов и их языков, 1969, 1973 гг.; самодийцев, 1983 г.; тюрков, 1979, 1984 гг.).

Материалы докладов и сообщений, заслушанных на указанных форумах, выступления в дискуссиях существенно продвинули и углубили разработку не только региональных, но и общетеоретических проблем этнической истории, ее исследовательской методики, способствовали формированию понятийного аппарата этой предметной области этнографической науки.

Одним из первых исследователей, внесших значительную лепту в разработку понятийного аппарата этнической истории, был С. А. Токарев. В напечатанной в 1949 г. в журнале «Советская этнография» статье он дал следующее обобщенное определение этногенеза: «Проблема этногенеза является, с нашей точки зрения, чрезвычайно сложной задачей отыскания тех элементов, из которых составилась данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых складывался и развивался народ»¹. Как следует из приведенного определения, С. А. Токарев распространял понятие «этногенез» на все фазы истории этноса: как его формирование, так и последующее функционирование уже сложившейся этнической общности.

В дальнейшем свое, нередко существенно различающееся понимание терминов «этногенез» и «этническая история» выразил весьма представительный круг ученых. Не имея возможности в рамках этой работы привести все высказанные точки зрения, попытаюсь охарактеризовать наиболее распространенные и известные из них.

Позиция С. А. Токарева нашла не столь уж много сторонников. Гораздо больше исследователей, распространяющих понятие «этническая история» на все фазы развития этноса, от его формирования до сегодняшнего дня².

Наконец, существует точка зрения, согласно которой под этногенезом следует понимать только процесс сложения этноса; с его завершением начинается период этнической истории. Эти положения, в общей форме очерченные в работе Ю. В. Бромлея³, разделяет и автор настоящей работы, изложивший свою позицию в ряде публикаций⁴.

Расхождения в понимании предметной области этнической истории проявились и во время проведения Всесоюзной этнографической школы-семинара в Звенигороде (1979 г.), где вновь прозвучали самые разные суждения по поводу содержания понятий «этногенез» и «этническая история»⁵.

Как нам кажется, пора внести порядок в понятийный аппарат этой исследовательской области этнографической науки.

Ю. В. Бромлей в своей первой обобщающей работе об этносе как основном объекте этнографического исследования затронул вопрос о двух («широком» и «узком») значениях терминов «этногенез» и «этническая история»⁶. Если стоять на этих позициях, термин «этническая история» (в «широком» значении) правомерно употреблять для характеристики всех исторических стадий этноса (формирования, развития сформировавшейся этнической общности, ее современного состояния) и одновременно — всей связанной с изучением данных процессов исследовательской области этнографической науки.

Как нам кажется, именно такой трактовке понятия «этническая история» в полной мере отвечает определение Н. Н. Чебоксарова, сформулированное им в докладе «Этногенез и этническая история как предмет этнографической науки», который был зачитан на специальном заседании школы-семинара в Звенигороде, посвященном указанной тематике: «Этническая история есть общий исторический процесс возникновения, развития, дифференциации, слияния, консолидации, трансформации, а в некоторых случаях и исчезновения этнических общностей»⁷.

Если принять это определение для термина «этническая история» в его широком значении, то под «этногенезом» (в «узком» значении) надо понимать фазу формирования этноса, историю всех его «коллективных этнических предков» (по терминологии Н. Н. Чебоксарова)⁸. С таких позиций период исторического развития этноса, начиная с заключительной фазы его формирования до любого заданного хронологического отрезка, включая современный нам период может быть охарактеризован как «этническая история». Иными словами, под этнической историей (в «узком» значении) понимается процесс исторического развития уже сформировавшегося этноса⁹. К такому пониманию этнической истории близко развернутое определение, предложенное сравнительно недавно Н. Г. Волковой. «Этническая история, — пишет она, — это развитие в диахронии всех видов этнических процессов, протекавших в уже сформировавшемся этносе, и изменение под их влиянием основных характеристик этноса»¹⁰.

Нам осталось только объяснить «широкое» значение термина «этногенез». Безусловно прав М. Г. Левин, писавший в одной из своих работ, что процесс этногенеза проходит через все периоды существования этноса как составная часть его истории¹¹. Действительно, и на стадии этнической истории, когда основное ядро этноса уже сформировано, он продолжает впитывать (или, наоборот, отторгать) определенные структурные части, и в этом смысле правильно говорить о том, что этническая история включает элементы этногенеза. Но всегда следует иметь в виду, что на данной фазе этногенетические процессы не являются определяющими, а носят сопутствующий характер как всего лишь одна из граней исторического развития этноса¹².

Таким образом, если термин «этническая история» (в «широком» значении) может быть применим и для наименования соответствующей предметной области этнографической науки, то термин «этногенез» подобной нагрузки несет.

В данной работе мы будем употреблять термин «этногенез» только в его «узком» значении, термин «этническая история» — в обоих значениях, а также для характеристики предметной области этнографической науки.

Попытаемся теперь определить и обрисовать, хотя бы и весьма условно хронологические рамки этноисторического процесса. В данном аспекте несомненно важным представляется вопрос об исходных и конечных «точках отсчета» начала и завершения обеих его фаз: этногенеза и собственно этнической истории.

Одно из первых суждений о начале этапа этногенеза в человеческой истории принадлежит Ю. Б. Стракачу. В докладе, прочитанном в 1973 г. на Бахрушин-

их чтениях в Новосибирском гос. университете, он выдвинул тезис о том, что грядет этнической истории следует вести от времени появления *Homo sapiens*¹³. а сходных позициях стоял и Н. Н. Чебоксаров. В докладе, сделанном на звенигородской школе-семинаре в 1979 г., он писал: «Впервые формирование этносов началось в позднем палеолите, когда сложился человек современного вида *Homo sapiens*»¹⁴.

Позднее была сформулирована еще одна гипотеза, значительно удревняющая начальную фазу этногенеза. Принаследует она В. П. Алексееву, который приаясь на разделяемое определенной частью археологов положение об оформлении ряда признаков, позволяющих выделять археологические культуры уже в нижнем палеолите, пришел к выводу, что именно с этой эпохой можно связывать и «зарождение начальных форм этнообразования»¹⁵.

Точку зрения Н. Н. Чебоксарова развил С. А. Арутюнов, предположивший, что первичный социальный коллектив *Homo sapiens* (предплемя, по его терминологии), являясь «низовой единицей популяционной структуры сапиентного человечества», одновременно был и его «первой этнической единицей»¹⁶. Трудно решить, — пишет он, — насколько отчетливо этнические различия эпохи палеолита и мезолита могут быть прослежены в локальных археологических культурах. Культуры эти, имеющие, как правило, весьма широкое распространение... не могут быть сопоставлены ни с предплеменами, ни даже с оплеменностью»¹⁷. «Этнографические данные XIX — XX вв. — отмечает он в той же работе, — не могут служить основой для реконструкции этнических структур эпохи палеолита»¹⁸. И мезолита, имеем все основания добавить мы, поскольку, по словам того же С. А. Арутюнова, такие материалы по изолированным популяциям эйкумены возможно проецировать в археологию лишь со значительными оговорками и допусками¹⁹. Однозначно отрицательно относится С. А. Арутюнов и к выявлению этнических различий в археологических культурах эпохи раннего камня.

Как нам представляется, эпохи верхнего палеолита и мезолита правильнее характеризовать как «праэтнические», ибо в данный период шло формирование первую очередь основных расовых и языковых линий *Homo sapiens*. Преалирующими для этих исторических эпох были процессы расо- и лингвогенеза; собственно этносов (отвечающих характеристике, которую мы вслед за Б. Бромлеем²⁰ вкладываем в это понятие) попросту еще не существовало. Официальные общности последующей исторической эпохи — неолита — лучше, очевидному, именовать «протоэтносами» (пользуясь термином В. А. Шнирельмана)²¹.

Что же касается собственно этносов как этносоциальных организмов (ЭСО) первобытного общества, то вряд ли следует излишне удревлять время их оформления в качестве таковых, как это делается даже в новейшей теоретической литературе²². Если не иметь в виду предплемена (С. А. Арутюнов) или же протоэтносы (В. А. Шнирельман), то ЭСО первобытного общества — племя, в всей вероятности, оформляется только в эпоху, переходную от камня к раннему металлу. Именно с этого времени, следя нашей логике, и начинает вести свой отсчет этническая история.

Теперь о конечном этапе этногенеза. Если, как пишет В. П. Алексеев, первичная точка отсчета этого процесса весьма условна («ее нет, и она лишь искусственно вводится нами в материал»²³), а любые оценки социальных и этнических организмов эпох палеолита и мезолита сугубо гипотетичны, то стадия завершения этногенеза для ряда этносов устанавливается на материалах вполне объективных, поэтому историчность и достоверность критериев, предлагаемых для ее определения, не вызывает сомнений. Значительный вклад в разработку этого вопроса внес М. В. Крюков, который на основании анализа античных древнекитайских письменных источников убедительно показал, что основным признаком завершения процесса этногенеза и сложения нового этноса служит

появление у него отчетливо выраженного самосознания и собственного (а т привнесенного извне) самоназвания²⁴.

С точками отсчета стадии «этническая история» (в «узком» значении) обстоит гораздо проще. Завершающая фаза этногенеза одновременно является и начальной фазой этноисторического процесса, который продолжается перманентно и непрерывно вплоть до современности.

Рассмотрим теперь проблему этногенеза с точки зрения побудительных факторов и обязательных условий (образующих постоянных) его функционирования.

Наличие исходной территории, на которой зарождается и формируется этнос, несомненно одна из важнейших предпосылок начала этногенеза. Немалую роль в этом процессе играет и экологическая среда, ибо от нее во многом зависит степень культурной адаптации суперстрата, характер новой социальной организации и в конечном итоге победа или поражение в ходе этнического взаимодействия одной из компонентных частей (субстрата или суперстрата).

Побудительным фактором этногенетических процессов чаще всего выступают массовые миграции. На разных этапах истории человечества, особенно в период становления производящего хозяйства и возникновения кочевнических военно-политических союзов и государств, такие миграции нередко совершиенно перекраивали этническую карту крупных регионов земного шара, приводили к переселению и даже полному исчезновению старых и возникновению новых этносов.

Если обратиться к степному и лесостепному регионам Западной Сибири, то оказывается, что на протяжении двух последних тысячелетий через эту территорию прокатилось не менее пяти крупных миграционных волн (кулайское движение из Среднего Приобья в верховья и низовья Оби и Прииртышье — III—I вв. до н. э.; гуннская экспансия II—IV вв.; военно-наступательные акции Тюркского каганата VI—IX вв.; татаро-монгольские завоевательные походы XII—XIII вв.).

Все эти миграции были порождены либо экологическими кризисами (увлажнение климата и похолодание, вызвавшее переселение части кулайцев из Среднего Приобья), либо демографическими причинами (давление избыточного населения на производительные силы); «избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе»²⁵.

В докладе, прочитанном автором на VII Западносибирском совещании по проблеме «Смены культур и миграции в Западной Сибири» (Томск, 1987 г.), переселенческие движения, вызванные названными факторами, было предложено называть первичными миграциями.

Первичные миграции представляли собою мощные переселенческие потоки, как правило, военно-экспансионистского характера. Они, со своей стороны, вызывали миграции местного коренного населения, которое частично оставалось на прежней территории и ассимилировалось, частично оттеснялось пришельцами в таежные районы. Этнические перемещения, порожденные не внутренними процессами развития общества или изменениями экологической среды, а обусловленные иновлияниями, воздействием более мощных в экономическом и сильных в военном отношении пришельцев, мы предлагаем называть вторичными миграциями²⁶.

Непосредственным результатом этнопереселенческих процессов было проникновение первичных и вторичных миграционных волн на новые территории, где в качестве суперстрата они входили в контакты с аборигенным населением (субстратом), в результате чего нередко возникали новые этносы²⁷.

Было бы, однако, ошибочно рассматривать все этногенетические процессы древности, средневековья и нового времени как этнотрансформационные, т. е. как результат взаимодействия субстратных и суперстратных компонентов. Новый этнос может возникнуть и как следствие этноэволюционного развития. Селькупы Среднего Приобья, например, являются этническими преемниками

самодийского населения, заселявшего этот регион на протяжении двух тысячелетий, и поэтому представляют особенный интерес для исследования проблем этногенеза самодийцев в целом²⁸.

Следующий вопрос касается методов изучения этноисторического процесса. Как и в каждой области науки, исследовательская методика этноистории определяется ее предметным содержанием, т. е. необходимостью воссоздания картины формирования, развития и трансформации (гибели) этносов.

В составе большинства этносов существуют структуры различной генетической природы. Их выявление и этногенетическая препарация — важнейшее звено в процессе воссоздания объективной картины формирования этносов и основных элементов их культуры. Вот почему главным исследовательским приемом при анализе этногенетической природы этносов любого таксономического уровня как современных, так и «исторических» (т. е. существовавших в относительно близком или совсем отдаленном прошлом, а ныне известных лишь по письменным источникам или культурным останкам) является метод исторической ретроспекции.

Применение этого метода дает существенные результаты при исследовании всех типов этногенетических процессов — как этнотрансформационных, так и этноэволюционных. В качестве примеров практического использования историко-ретроспективного метода для изучения этнотрансформационных процессов можно привести исследования в области этногенеза северосамодийских народов (ненцы и энцы)²⁹ и формирования разноэтнических групп населения Барабинской лесостепи (южные ханты и татары)³⁰; для исследования этноэволюционного процесса — работу Комплексной экспедиции по изучению этногенеза, этнической истории и современного развития селькупов³¹.

Для исследования собственно исторических процессов с применением олевых выездов наиболее распространенным методическим приемом является использование текущей документации сельских советов — похозяйственных книг и целевой опрос информаторов. Совмещая данные полевого опроса с материалами документальных источников (похозяйственных книг и актовых аписей загсов), а также с архивными материалами (данными переписей и ёвзий, церковными метрическими книгами и исповедными росписями), используя при этом в качестве исследовательского инструментария семейственные генеалогические схемы, с помощью метода исторической ретроспекции возможно воссоздать этническую историю народа или его этнографической группы на уровне основных социальных единиц: больших семей или даже кланов (патронимий) на глубину шести и более поколений.

Перехожу к характеристике источников, привлекаемых для изучения различных фаз этноисторического процесса. Со времени опубликования уже упомянутой статьи С. А. Токарева комплексный подход представителей различных научных дисциплин (этнографии, археологии, антропологии, истории, фольклористики) к проблемам этногенеза и этнической истории стал аксионой. Из современных исследователей этому вопросу недавно уделил ряд страниц в своей монографии В. П. Алексеев³². «Необходимость комплексного подхода к проблемам этногенеза», — пишет он, — настолько очевидна, что соблюдение этого требования можно объявить первым условием успеха в их решении»³³.

В связи с этим хотелось бы только подчеркнуть, что степень значимости различных различных наук для выявления этногенетических структурных составляющих этноса и изучения его этноисторического развития неодинакова³⁴.

Исходными данными при изучении этногенеза обычно служат материалы лингвистики (этнонимы), в особенности генонимы (по терминологии А. В. Супениской), топонимы (в особенности этнотопонимы), фонд культурной лексики, лингвистические фоностатистики. «Привлечение фоностатистических материалов, — пишет В. А. Никонов, — удревляет этногенетические свидетельства не на века, а на тысячелетия»³⁵.

Существенное место в общем комплексе источников, используемых для эт-

ногенетического анализа, принадлежит археологическим находкам. Несмотря на определенные сомнения, которые существовали и существуют в отношении достоверности этнической интерпретации археологических материалов³⁶, нельзя не согласиться с мнением Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова о том, что именно фрагментам материальной культуры и быта (и в первую очередь керамике), которые изучает археология, «принадлежит определяющая роль при исследовании ранних этапов этногенеза»³⁷.

В целом мы солидарны с точкой зрения, согласно которой при изучении ранних стадий этногенеза, когда речь идет о происхождении не отдельных этносов, а этнических (этнолингвистических) общностей на уровне языковых семей, данные археологии (вместе с материалами палеоботаники, палеозоологии и палеоклиматологии) и лингвистики настолько превалируют, что можно говорить о комплексном лингвоархеологическом подходе при исследовании этой проблематики³⁸.

Важную роль в исследовании фазы этногенеза играют антропологические материалы, костные останки скелета и в особенности краниологические серии, которые свидетельствуют о физическом облике людей, оставивших археологические памятники. Данным палеоантропологии наряду с материалами лингвистики и археологии принадлежит первостепенное место в реконструкции исторического прошлого человечества, причем их значимость, как подчеркивали в совместной статье Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин и Т. А. Трофимова, «взрастает по мере увеличения древности рассматриваемых этногенетических процессов»³⁹.

Эти слова полностью применимы и к данным популяционной генетики, которые в последние годы стыкуются с материалами, полученными в результате изучения проблем этногенеза. Целая серия работ в этом направлении выполнена Ю. Г. Рычковым и учениками его школы⁴⁰. О необходимости популяционного подхода к палеоантропологическим материалам при разработке проблем этногенеза сравнительно недавно доказательно писала Р. Я. Денисова⁴¹.

Этногенетическую нагрузку несут сюжеты многих эпических произведений устного народного творчества. Весьма интересно и перспективно привлечение для исследования этногенеза музыкального фольклора и других видов народной музыкальной культуры, в частности многоголосия⁴².

Однако основным источником сведений по этногенезу отдельных народов остается, конечно, их материальная культура, на этнопоказательный характер многих элементов которой недавно снова обратил внимание Р. Ф. Итс⁴³. В целом его выводы еще раз наглядно иллюстрируют известное положение С. А. Токарева о том, что «этнография и только этнография как наука, изучающая этнические особенности отдельных народов, способна дать наиболее полное и исчерпывающее решение проблемы этногенеза каждого данного народа»⁴⁴.

Степень значимости данных упомянутых дисциплин для освещения этнической истории существенно разнится.

Материалы археологии (ране- и позднесредневековые памятники) так же, как и палеоантропологические находки этих эпох, выполняют свою миссию главным образом на начальном этапе развития этноса. Роль данных палеоантропологических сборов в этноисторическом ключе особенно важна при исследовании этнических изолятов, а также этнографических групп, возникших в результате контактов разнорасовых субстратно-суперстратных элементов.

Из фольклорных сюжетов наибольшую фактологическую нагрузку несут исторические предания, которые нередко повествуют о событиях вполне реального прошлого. Примеры конкретной историчности произведений этого жанра в фольклоре северосамодийских народов нам приходилось приводить в специальной работе⁴⁵. Генеалогические предания типа башкирских *шежере* у большинства народов Севера не зафиксированы. В то же время весьма распространены

енным жанром фольклора у них являются бытовые рассказы, главными фигурами которых выступают вполне реальные люди и события⁴⁶.

Гораздо меньшее значение для раскрытия динамики этноисторических процессов имеют данные лингвистических наук. Ономастические материалы (ономастика, топонимы, антропонимы) более всего могут быть использованы при изучении этнических передвижений исторической эпохи и выявлении иноэтнических вкраплений, вошедших в состав того или иного этноса на этноисторической фазе. Исследование лексического фонда, фонетики и морфологии современных живых языков имеет значение для выяснения межэтнических контактов и процессов формирования субэтносов, этнографических и этнотерриториальных групп в составе конкретных народов.

При работе над проблемами этнической истории даже бесписьменных народов, каковыми были всеaborигенные этносы Северной Сибири, наряду с полевыми материалами на передний план выдвигаются данные архивных историков. О значении полевых материалов для исследования этноисторических процессов уже говорилось. Что же касается архивных и вообще письменных документов и свидетельств, то здесь уместно привести афоризм известного автора русских древностей академика М. Н. Тихомирова. «Там, где письменные источники отсутствуют,— писал он,— историк бродит в потемках»⁴⁷.

Применительно к этносам Северной Сибири все исторические письменные источники можно подразделить на три категории. 1. Статистические материалы, содержащие сведения о численности и родовом составе этносов или их подразделений (ясачные книги и ясачные списки XVII в.), ревизские переписи (сказки конца XVII — середине XIX в., материалы Всероссийской переписи населения 1897 г., похозяйственные карточки Всесоюзной переписи населения 1926 г., анные Похозяйственной переписи Приполярного Севера 1926/1927 гг. и др.). Сведения о крещении, рождениях, браках, смертях местных жителей, споведные росписи церквей; списки административных родов и лиц, получавших муку в хлебозапасных магазинах XIX в.; записи актов гражданского состояния, списки населения по сельским (туземным, кочевым) советам, материалы емлеустроительных экспедиций и т. д. 3. Сочинения историков, географов, писания путешествий и путевые заметки, книги и статьи чиновников местной администрации и церковнослужителей, произведения компилятивного содержания и др.

Исторические источники, относящиеся к двум первым группам, как правило, опубликованы и хранятся в центральных и региональных государственных ведомственных архивах. По поводу сведений, содержащихся в архивных документах, можно вполне определенно сказать, что, будучи «фактами исторического источника», они одновременно являются «фактами исторической действительности»⁴⁸, поскольку, за редким исключением, в них объективно заложены исторические события (царские грамоты, отписки воевод, члены служилых и торговых людей и «инородцев»). Еще в большей степени это относится к ясачным спискам XVII в., ревизским сказкам XVIII в. и метрическим церковным книгам XIX — начала XX в. Структурные составляющие третьей группы к категории источников могут быть отнесены с определенной натяжкой. Их плюс в ряде случаев — аналитичность содержания и тиражированность; минус — субъективная позиция многих авторов, нередко столь решительно завуалированная, что преодолеть ее бывает совсем нелегко, а порою невозможно. Подобные трудности особенно знакомы исследователям этнографии зарубежных народов.

В заключение выскажем несколько прогностических соображений относительно дальнейшего развития этноисторических исследований. Необходимо привлечения для успешной работы на этноисторическом фронте материалов исторических (этнография, археология, гражданская история), филологических (лингвистика вместе с ономастикой), естественных (антропология, популяционная генетика) наук, фольклористики не позволяет рассматривать

этую исследовательскую область как субдисциплину исторической этнографии⁴⁹, пусть даже в качестве ее важнейшего раздела⁵⁰.

Как нам кажется, гораздо более прав Н. А. Томилов, который понимает этническую историю как самостоятельное научное направление⁵¹. Еще дальше идет В. П. Алексеев, по прогностическому убеждению которого проблема этногенеза, будучи по своему научному содержанию и методическому подходу междисциплинарной и возникнув на стыке ряда наук, со временем «выделится в силу необходимости к ней комплексного подхода в особую науку с весьма сложным и разветвленным содержанием, охватывающим как теоретическую часть, то есть разработку самих принципов этногенетического исследования так и огромный цезарус сведений о конкретных этногенезах»⁵². Им же было предложено название этой новой науки — этногенезология⁵³.

Правда, как считает и сам В. П. Алексеев, это проблема, может быть и столь уж отдаленного, но все же будущего⁵⁴. А вот рассматривать этническую историю «как проблему исторической науки в целом»⁵⁵, как самостоятельную научное направление, имеющее собственный понятийный аппарат, круг источников, методику, исследовательский инструментарий, можно и должно уж сегодня.

Примечания

¹ Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // Сов. этнография (далее — СЭ). 19 № 3 С. 15.

² Сводку см.: Волкова Н. Г. Этническая история: содержание понятия // СЭ. 1985. № С. 21.

³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 237, 238.

⁴ Васильев В. И. Методические аспекты исследования этногенеза и этнической истории народов Севера (на самодийских материалах) // Происхождение аборигенов Сибири и их языки. Томск. 1976; *его же*. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Севера // СЭ. 19 № 4; *его же*. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М., 1979. С. 4, 5.

⁵ Тер-Саркисянц А. Е. Всесоюзная этнографическая школа-семинар // СЭ. 1980. № 2.

⁶ Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 237, 238.

⁷ Цит. по Тер-Саркисянц А. Е. Указ. раб. С. 144.

⁸ Чебоксаров Н. Н. [Проблемы происхождения древних и современных народов] Вступ. слово // Тр. VII МКАЭН. Т. В. М., 1970. С. 746—757.

⁹ Васильев В. И. Методические аспекты исследования этногенеза. С. 4.

¹⁰ Волкова Н. Г. Указ. раб. С. 20.

¹¹ Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Тр. Института этнографии АН СССР (далее — ТИЭ). Т. 36. М., 1958. С. 5.

¹² Сходных позиций в трактовке «широкого» и «узкого» значения терминов «этногенез» и «этническая история» придерживается Н. А. Томилов. Структурные компоненты, вошедшие в состав этноса на «этноисторическом» этапе, он предлагает именовать «этническим адстратом». См.: Томилов Н. А. Основные понятия этнической истории // Всесоюз. сесс. по итогам полевого этногр. исследования 1980—1981 гг., посвящ. 60-летию образования СССР, октябрь 1982 г. Тезисы докладов. Нальчик, 1982.

¹³ Стракач Ю. Б. Переодизация этнической истории как научная проблема // Бахрушинские чтения. Вып. 1. Новосибирск, 1973. С. 157.

¹⁴ Цит. по: Тер-Саркисянц А. Е. Указ. раб. С. 144.

¹⁵ Алексеев В. П. О самом раннем этапе расообразования и этногенеза // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 38; *его же*. Этногенез. М., 1986. С. 136, 137.

¹⁶ Арутюнов С. А. Этнические общества доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. С. 64.

¹⁷ Там же. С. 67.

¹⁸ Там же. С. 66.

¹⁹ Там же. С. 66, 67.

²⁰ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 57, 58.

²¹ Шнирельман В. А. Протоэтнос охотников и собирателей // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. С. 100—104.

²² См.: Куббель Л. Е. Племя // Социально-экономические отношения и соционормативная культура (Свод этнографических понятий и терминов). М., 1986. С. 144, 145.

²³ Алексеев В. П. Этногенез. С. 135.

²⁴ Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблемы этногенеза // Расы народов. Вып. 6. М., 1976. С. 63. Этую позицию полностью разделяет и автор ряда работ об этногенезе.

- еском самосознании Р. Ш. Джарылгасинова. См., например: *Джарылгасинова Р. Ш. Теория этнического самосознания в советской этнографической науке* // СЭ. 1987. № 4.
- ²⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 568.
- ²⁶ Васильев В. И. Влияние миграционных процессов на этнические судьбы населения западносибирской лесостепи в конце I тыс. до н. э.— начале II тыс. н. э.// Смены культуры и миграции Западной Сибири. Томск, 1987. С. 43, 44.
- ²⁷ Подробнее см.: Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. 1968. № 2.
- ²⁸ Васильев В. И. Основные проблемы формирования и развития самодийских этносов (нены, энцы, ноганасаны, селькупы) // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тезисы докладов научной конференции по этнографии. Омск, 1983. С. 6, 7.
- ²⁹ Подробнее см.: Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. ³⁰ Молодин В. И. Ретроспективный метод и опыт его применения // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983. Там же см. сводку публикаций конкретного материала.
- ³¹ Информацию см.: Васильев В. И. Опыт комплексного междисциплинарного исследования проблем этногенеза и этнической истории (на материалах селькупов) // Всесоюз. сес. по итогам научных конференций 1984—1985 гг. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986.
- ³² Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989. С. 144—155, 171—190.
- ³³ Там же. С. 153.
- ³⁴ Токарев С. А. Указ. раб. С. 35, 36; Ранее нам также приходилось обращать на это внимание. См.: Васильев В. И. Методические аспекты исследования этногенеза. С. 5—15. Мы никак не можем согласиться с положением, выдвинутым археологом Л. С. Клейном, о том, что проблема этногенеза автор не различает понятия «этногенез» и «этническая история».— В. В.) может решаться на уровне синтеза материалов различных наук лишь в «широкой постановке». По Л. С. Клейну, существует еще и «узкая постановка» проблемы этногенеза, подлежащая ведению этнографии, исторической и социальной психологии и поздней истории, черпающей свои сведения из письменных источников» (Клейн Л. С. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу // СЭ. 1988. № 4. С. 17). Судя по всему, под «узкой постановкой» проблемы этногенеза Л. С. Клейн понимает собственно этническую историю. Если это так, то предлагаемое им суждение источниковой базы всей исследовательской области, с нашей точки зрения, ничем не оправдано, о чем подробнее пойдет речь далее.
- ³⁵ Никонов В. А. Геофонетика и этногенез // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М., 1987. С. 68.
- ³⁶ См.: Мошинская В. И. О возможностях этнической интерпретации археологических материалов // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск, 1973. С. 3—11. Недавно этот вопрос был вновь поднят П. М. Кожиным (Кожин П. М. Значение материальной культуры для диагностики процессов доисторического этногенеза // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. С. 80—107).
- ³⁷ Бромлей Ю. В., Крюков М. В. Этнография: место в системе наук, школы, методы // СЭ. 1987. № 3. С. 48.
- ³⁸ Милитарев А. Ю., Пейрос И. И., Шнирельман В. А. Методические проблемы лингвоархеологических реконструкций этногенеза // СЭ. 1988. № 4. С. 25.
- ³⁹ Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. 1952. № 1. С. 25.
- ⁴⁰ См. серию статей Ю. Г. Рычкова и Е. В. Ящук на тему «Генетика и этногенез» в журн. «Вопр. антропологии»: 1980. Вып. 64 (в соавторстве с Веселовской Е. В.); 1982. Вып. 69; 1983. Вып. 72; 1985. Вып. 75.
- ⁴¹ Денисова Р. Я. Популяционно-антропологический аспект этногенеза // СЭ. 1987. № 6.
- ⁴² Земцовский И. И. Музыка и этногенез // СЭ. 1988. № 2; Жордания И. М. Народное многослойное, этногенез и расогенез // СЭ. 1988. № 2.
- ⁴³ Итс Р. Ф. Этногенетические исследования // Расы и народы. Вып. 17. 1987. С. 23, 24.
- ⁴⁴ Токарев С. А. Указ. раб. С. 36.
- ⁴⁵ Васильев В. И. Исторические предания ненцев как источник при исследовании этногенеза этнической истории северосамодийских народов // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 124—126.
- ⁴⁶ (Долгих Б. О.) Бытовые рассказы энцев. Записи, введение и комментарии Б. О. Долгих // ИЭ. Т. 65. М., 1962.
- ⁴⁷ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. С. 8.
- ⁴⁸ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 130.
- ⁴⁹ Вайнштейн С. И. Историческая этнография в структуре этнографической науки // СЭ. 1987. № 4. С. 79.
- ⁵⁰ Бромлей Ю. В., Крюков М. В. Указ. раб. С. 48.
- ⁵¹ Томилов Н. С. Указ. раб. С. 67.
- ⁵² Алексеев В. П. Этногенез. С. 3, 4.
- ⁵³ Там же. С. 6.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.

И. В. Чаквин, П. В. Терешкович

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ (XIV—НАЧАЛО XX В.)

В ряду основных проблем этнографии Белоруссии вопрос о формировании национального самосознания белорусов не имеет статуса самостоятельной научной проблемы и до недавнего времени систематически не рассматривался. Между тем возникший в последнее время острый интерес к этой тематике как со стороны общественности (в частности, творческой интеллигенции) так и со стороны специалистов привел к осознанию неадекватности обыденных представлений об этапах, процессах и механизмах складывания национального и даже шире — этнического самосознания белорусов, социальных и географических ареалах его проявления, формах стабилизации, исторической преемственности, связи и соотношения с другими этническими признаками.

Историография исследования национального (в том числе и этнического) самосознания белорусов долгое время основывалась на довольно спорном тезисе о его появлении в XIX — начале XX в.. Основным доказательством этого мнения служил факт сравнительно позднего распространения на весь этнический массив народа этнонима *белорусы*².

Одни дореволюционные авторы, отмечая, что понятия «нация» (*natio*) или «народ» могут выступать только в государственно-политическом контексте, утверждали, что белорусы, которые не имели в прошлом собственной государственности, не могли обладать национальным самосознанием, а название *белорусы* выступало в качестве территориально-географического или «племенного» определения³.

Другие исследователи, не особенно вдаваясь в исторические разыскания, доказывали, что основной этнонимической формой самосознания народа были определения типа *тутэйшия*, *тубыльцы* (букв. «тут бытующие»⁴, «тутошние», «местные», «свои»), которые были известны у белорусского, а также русского, украинского, польского и другого, главным образом сельского населения центральных районов этнической территории соответствующих народов как в эпоху феодализма, так и в XIX — начале XX в., что может быть расценено как сохранение древних архаических, восходящих еще к первобытно-общинным отношениям форм самосознания⁵.

Высказывались также мнения, что самым распространенным среди населения Белоруссии в XVI—XVIII вв. был этноним *литвины*, который наиболее полно отражал не только государственно-политическое (в системе Великого Княжества Литовского), но и этническое самосознание всего народа. Ряд исследователей XIX — начала XX в. пытались доказать, что основным этнонимом белорусов должно быть переосмыленное и искусственно распространенное вновь древнее название *круевичи*⁶.

В послевоенное время вопрос об этническом самосознании белорусов начал связываться преимущественно с процессом возникновения, распространения и стабилизации с XVII по XX в. названия *белорусы*. При этом та фаза данного процесса, которая приходилась почти на весь досоветский период, называлась временем формирования «этнического самосознания», а последующая — «национального самосознания» народа⁷. В последние годы исследования в данной области продолжаются в Белоруссии в связи с научным и общественным интересом, накоплением новых данных, а также благодаря новейшим разработкам теории этнографии.

Этническое самосознание является одним из главных результатов объединительных этнических процессов и основным показателем уровня консолидированности различных территориально-этнографических, субэтнических и сословно-классовых групп народа. Внешней формой его проявления выступает этноним, который распространяется на демографический массив народа параллельно возрастанию информационных связей между различными частями населения в результате процессов консолидации. Этническое самосознание выражается также в форме осознания общности происхождения всех представителей этноса, этноцентризме, патриотизме, чувстве национальной гордости и т. д.

Как правило, процессы гомогенизации этнического самосознания активизируются в периоды становления развитых буржуазных отношений, в результате чего складываются соответственно «национальные отношения» и «национальное самосознание». Параллельно этим процессам на весь этнический массив народа распространяется единое этнонимическое определение, выступающее прежде всего как эндоэтноним⁸. Однако в эпоху феодализма большинство европейских народов были весьма гетерогенными (в смысле их этнической однородности). При этом различные социальные и территориальные группы населения часто осознавали себя как особые этносоциальные единицы с определенными чертами культуры, языком, историческими судьбами, территорией расселения, а также реальным или мифическим единством происхождения.

Различные социальные и территориальные группы народностей в эпоху феодализма осознавали свою этническую принадлежность неодинаково. Наиболее очевидно и концентрированно этническое самосознание, например, в рамках белорусской народности того времени выражалось при контактах с представителями других народов — на этническом пограничье, в иноэтническом окружении, в городах с полиэтническим населением, т. е. там, где возникала возможность сопоставления и сравнения.

В моноэтнических, например сельских, зонах расселения определенных групп этническое самосознание было не столь актуальным и часто заменялось иными, например локально-территориальными (общинными, сельскими, волостными, поветовыми и др.)⁹ или сословно-социальными формами самосознания. Исключение составляли случаи дифференциации на основе различий в религии — в зонах (также городах) с поликонфессиональным населением, когда православные определялись как *русины*, *русичи*, *руськие*, а католики — как *литвины* или, реже, *поляки*¹⁰.

В то же время не менее часто разное по конфессии население объединялось общей локальной номинативной формой (например, все жители Полоцкой земли — *полочане*)¹¹. Репрезентативности земляческих форм самосознания способствовала определенная политическая, экономическая и юридическая автономность ряда отдельных земель Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского XIV—XVI вв. (Полоцкой, Витебской, Смоленской, Киевской, Волынской, Чернигово-Северской, Жмудской и др.)¹².

Земляческие общности феодальной поры обычно представляли собой сложный тип этносоциальной организации населения не только в рамках белорусской народности, но и у многих других (если не всех) европейских народов в эпоху феодализма. Не будет, очевидно, ошибочным утверждение, что белорусская народность сформировалась именно на основе земляческих, субэтнических объединений, каждое из которых еще во времена Древней Руси являлось особой субэтнической общностью со своей полной социальной структурой, со своими особенностями языка, культуры и самосознания. Поэтому не случайно в XIV—XVI вв. земляческие этниконы (как формы локально-территориального самосознания) были довольно устойчивыми и представительными как в Великом Княжестве Литовском, так и за его пределами¹³.

Земляческие формы самосознания были характерны и для тех белорусских деятелей восточнославянской культуры, которые хорошо осознавали и свое этническое происхождение, и государственное подданство¹⁴.

Для православного белорусского (так же, как и русского и украинского) населения собственно этническая принадлежность выражалась в то время в этнографических формах с корнем *рус* — *руси*, *русь*, *руския*, *русины*, Родственные языки, единый этноним, летописные сведения об общем происхождении — все это позволяло некоторым иноземным авторам того времени считать «люд литовский, русский и московский (соответственно белорусский, украинский и русский. — И. Ч., П. Т.) — одной и той же Русью, одним и тем же племенем»¹⁵. Осознание этнического родства русских, украинцев и белорусов было характерно в то время также для отдельных представителей восточнославянской и в целом славянской культуры, например для тех же Ф. Скорины, И. Федорова, М. Смотрицкого, Ю. Крыжанича, В. Георгиевича, Ф. Бенешовского и некоторых других¹⁶.

В то же время сравнительный анализ исторических источников XIV—XVI вв. показывает, что различная политическая история и процессы раздельного исторического существования русской, украинской и белорусской народностей обусловили их определенную дифференциацию на уровне обыденного самосознания. Большинство представителей каждого из этих этносов считали «русским» только свой народ, а соседей определяли другими этнонимами. Например, русские и украинцы называли белорусов *литвинами*, а белорусы их — *новгородцами*, *псковичами*, *тверичами*, *московитами*, *волынянами*, *подольянами*, *киевлянами*, *черкасами*, *казаками* и весьма редко — древним этнонимом *руси* (*русины*, *русские*)¹⁷.

Аналогичная этнографическая картина сложилась в XIV—XVI вв. в западных областях Белоруссии, где бытовало самоназвание *литвины*. В качестве политонима и экзэтнонима (со стороны русских, украинцев, поляков и др.) название *литвины* распространялось на всех жителей Великого Княжества Литовского, и прежде всего на литовцев и белорусов. В документах XIV—первой половины XVI в. Великого Княжества иноэтническое население православного вероисповедания — *русины* понятийно отличалось от католиков — *литвинов* или *поляков*. Судя по документам второй половины XVI—XVII в., наиболее устойчиво название *литвины* было распространено в ряде северо-западных, западных областей Белоруссии и смежных районах Литвы (так называемые «Литва Повилейская» и «Черная Русь»), где белорусоязычные *литвины*, противопоставляя себя собственно литовцам, называли их *аукштайтами*, а те в свою очередь, определяя себя *литвинами* или *аукштайтами*, *жямяйтами*, всех своих восточных соседей называли *гудасами* или *гудляями*¹⁸. *Литвинами* начиная со второй половины XVI в. довольно стабильно стала называть себя почти вся шляхта Великого Княжества Литовского¹⁹ (в XVIII в. она чаще относила себя к полякам).

Этническая недифференцированность понятия *литвины* обусловила возникновение в некоторых случаях составных этнографических определений типа «литвины русского рода», «литвин русский по происхождению», «родом он литвин латыш...», «литвины греческого закона люди», «...по национальности литвин, родом поляк» (...nationale Lithuanus, gente Polonus)²⁰, «русские князь литовского рода»²¹. Однако в целом к середине XVII в. значительная часть населения Белоруссии (и католики, и униаты, и частично православные) уже устойчиво определяли себя *литвинами*²². В официальных документах Московского государства конца XVI—XVII в. довольно часто встречаются записи о том, что жители части центральных и восточных белорусских земель «на Москве... при роспытах... сказались литвинами», «родом из Литвы», «белорусами пашеными мужиками из Литвы...», «литвинами белорусцами»²³.

Появление на страницах исторических источников XVII в. этнографического определения *белорусцы* было самым прямым образом связано со стабиль-

ным закреплением за землями Верхнего Поднепровья и Подвилья топонима «Белая Русь» (Полоцкое, Витебское, Мстиславское и частично Минское воеводства, а также смежные территории Русского государства — Смоленщина и Псковщина) ²⁴.

В соответствии с зоной распространения топонима «Белая Русь» название *белорусцы* (реже, *белорусы*, *белые русы*) не охватывало в то время всего этнического массива белорусской народности и являлось оттопонимическим определением. Однако насыщение его определенным этническим (точнее субэтническим) содержанием отмечается уже во второй половине XVII—XVIII в., когда появляются понятия «белорусский язык», «белорусская вера» ²⁵, а жители Белой Руси начинают устойчиво называть себя *белорусами*, *белорусцами*, *белорусскими людьми*, *выходцами из Белой России* ²⁶.

Аналогично этнонимическому определению *белорусцы* в тот же исторический период (XVII—XVIII вв.) в обширной области Поприпятья распространяется название *полещуки* (*палещукі*, *польщук*, *полещуки*) ²⁷, связанное с топонимом *Полесье*, (*Полисся*, *Палессе*), появление которого зафиксировано гораздо ранее ²⁸. Как и земли Белой Руси, где происходило взаимодействие белорусского и русского населения, полесские территории также были контактной зоной, но только между белорусами и украинцами, а этнонимическая форма *полещуки* ²⁹ носила региональный (в XVII в. скорее субэтнический) характер.

В западных областях полесской зоны (часть Берестейских земель) и на смежных областях Подляшья (современная Польша) с XIII по XIX в. наряду с этнонимами *русские* и *поляки* было распространено этнонимическое определение *полесяне* (вариации *подлесяне*, *полексяне*) ³⁰, тесно связанное с однокорневым топонимом *Поляссе* или *Подлясье* (с XIV—XV вв. *Подляшье*), но воспринимаемое часто как синоним названия *полещуки* ³¹. На части земель Полесья, частично *Подляшья* и *Черной Руси* в то время, по-видимому, существовало еще одно этнонимическое определение — *чернорусы*, связанное с топонимом *Черная Русь* (локализовано главным образом в пределах Новогрудского воеводства XV—XVII вв. и части Берестейских земель) ³². Однако в отличие от относительно редко употребляемого для белорусских земель названия *Черная Русь* (встречается на географических картах XV—XVII вв., в «Хронике» М. Стрыйковского и других польских историков, в немецких прусских хрониках) оттопонимическое определение *чернорусы* употреблено в известных источниках как экзоэтноним, да и то в одном-двух случаях, например у А. Гваньини ³³. В большинстве же случаев население земель *Черной Руси* этнонимически определялось формами *литвины*, *русины*, *поляки*, реже — *полещуки* и *полесяне*.

В целом же в конце XVI—XVIII в. на землях Белоруссии уже существовала та этнонимическая картина, которая в значительной степени сохранялась и в последующие времена. Наиболее широкими по географическим и социальным ареалам являлись этнонимические формы *белорусцы*, *литвины*, *полещуки*, *полесяне*. Они были устойчивы в ряде историко-географических областей Литвы (так называемые Литва Повилейская и Черная Русь), Белой Руси, Полесья и Подляшья, где происходило периферийное взаимодействие этнообразовательных процессов белорусской народности и народностей литовской, русской, украинской и польской. На более широком этнонимическом уровне население этих областей объединялось названием *литвины* в его государственно-политическом или по тогдашним европейским представлениям «национальном» значений ³⁴, поскольку понятие «*патіо*» означало не этническую, а прежде всего государственную общность народа. «Одно государство — один народ», — провозглашали, например, короли Речи Посполитой, имея в виду объединение земли Польского королевства и Великого Княжества Литовского и объединенные политически (но этнически разнородные) народы этого государства.

В XVII—XVIII вв. насилиственное насаждение и распространение в среде православного населения униатской веры (к концу XVIII в. больше половины населения Белоруссии уже исповедовало униатство) привело к сокращению ареала названий с корнем *рус* и замене их этнографическими формами *литвины* или *белорусы* (*белорусцы*). Однако после присоединения Белоруссии к России особенно после 1839 г., когда уния на большинстве восточно-славянских земель была ликвидирована, широкое распространение среди населения Белоруссии начали получать названия *русские* (употреблявшееся иногда как синоним названию *белорусы*) и *поляки* (католики).

В XIX — начале XX в. этническое самосознание белорусов претерпело значительные изменения, обусловленные консолидацией этноса в нацию. Образование национальной общности — сложный процесс, обусловленный прежде всего развитием товарного производства. Его общественный характер требует систематического обмена информацией, устранения препятствий к эффективной коммуникации между членами социума. Коммуникативный механизм эпохи феодализма не способен выполнять эти функции. Поэтому увеличение плотности информационных связей неизбежно приводит к качественному скачку в развитии форм и средств их трансляции. В результате кондификации разговорного языка формируется литературная норма — унифицированная форма информации, на основе которой функционируют ориентированные на широкие слои потребителей средства массовой информации и художественная культура. Общедоступность и эффективность их воздействия призвано обеспечивать народное образование. Эти три элемента, вместе взятые, образуют новый коммуникативный механизм. Характерной особенностью его является оперирование опосредованными, надконтактными связями, охватывающими масштабные социальные системы и перекрывающими коммуникации первичных социальных организмов³⁵.

Специфика процесса национальной консолидации во многом определяется исключительно сильным воздействием осознанной и целенаправленной деятельности индивидуумов. Как отмечает И. С. Миллер, «нация формируется и нация формирует себя»³⁶. Новый коммуникативный механизм представляет собой огромную социальную силу, так как обладает свойством активно воздействовать на взгляды и поступки людей.

Развитие капиталистического производства в недрах феодализма порождает и социальные силы, заинтересованные в формировании нового коммуникативного механизма. Создающаяся буржуазия стремится использовать его для борьбы со своими политическими и экономическими противниками. Однако непосредственным становлением этого механизма занимается интеллигенция. Эффективность воздействия коммуникативной системы во многом зависит от того, насколько адекватно будет восприниматься передаваемая ей всеми слоями населения информация. Стремясь максимально приспособить систему к потребностям масс, интеллигенция перерабатывает сложившиеся этнические традиции языка и культуры: В процессе этой деятельности происходит познание этноса как целого или тех черт, которые позволяют ему стать целым в будущем. На этой основе формируется национальное самосознание — представление об определенной идентичности всех членов этносоциальной общности³⁷.

Осознание принадлежности к определенной национальной общности ориентирует его членов на преимущественное потребление общеноциональных культурных ценностей. Это приводит к постепенному сглаживанию этнокультурных различий между группами, входящими в состав социального организма, в чем и проявляется собственно этническая сторона процесса национальной консолидации. Таким образом, следствие (национальное самосознание) выступает причиной собственной причины (национальный коммуникативный механизм), благодаря чему возникает замкнутая связь, способная к саморазвитию, развертыванию и обогащению «из самой себя». Она обеспечивает воспроизведство

основных этнических свойств системы в пространстве и времени. Известно, что «на ранних этапах развития система вообще состоит только из процесса собственного воспроизведения»³⁸. Исходя из этого можно утверждать, что наличие более или менее развитой коммуникативной системы, репродуцирующей национальное самосознание, составляет минимальное основание для атрибуции этносоциального процесса как процесса национальной консолидации. Развитие этого процесса можно проследить по степени распространения национального самосознания среди различных социальных и территориальных групп этноса.

В формировании национального самосознания этноса, таким образом можно выделить две взаимосвязанные стадии. На первой стадии национальная общность осознается как целостность. Причем это осознание осуществляется на индивидуальном уровне. На второй стадии, когда национальное самосознание распространяется на большинство членов нации, происходит «пробуждение» их как социального коллектива³⁹. Разделение на стадии — в достаточной степени условность, в реальной практике они тесно связаны.

Формирование национального самосознания белорусов проходило в сложной социально-экономической и политической обстановке, особенно на первом этапе развития этого процесса. В начальный период входления Белоруссии в состав Российской империи происходили частичное расширение товарно-денежных отношений, некоторый рост городов, увеличение численности населения. Однако рост товарности сельского хозяйства достигается за счет резкого усиления крепостнической эксплуатации крестьянства, составлявшего до 80% населения⁴⁰. В условиях общего кризиса феодальных отношений это привело в 40—50-х годах XIX в. к застою и спаду производства.

С начала XIX в. Белоруссия стала ареной острого противоборства местных полонизированных феодально-клерикальных кругов и царизма. Каждая из сторон рассматривала белорусов не как самостоятельный этнос, а как этнографическую группу польского или русского народа. Политика царской администрации основывалась на так называемой концепции «западнорусизма». Происхождение самого термина связано с пресловутым личным указом Николая I, запрещавшим употребление названия «Белоруссия»⁴¹. Почти одновременно с его принятием «для удаления в жителях Северо-Западного края всякой мысли о самостоятельности» вместо Статута Великого Княжества Литовского (свода законов) вводилось Российское законодательство⁴². С 1842 г. был введен официальный термин «Северо-Западный край», а его славянское население стали именовать «западнорусами»⁴³. Этнографические особенности этого населения рассматривались лишь как результат полонизации, а потому подлежали уничтожению для «объединения его с населением великорусским»⁴⁴.

Начиная с 30-х годов XIX в. русский язык постепенно занимает господствующее положение в делопроизводстве и образовании. Однако в сфере профессионального искусства, литературы по-прежнему доминирует польская культура. Социальный престиж ее был особенно высок в центральном и северо-западном регионах Белоруссии. В этих условиях важнейшей задачей идеологов белорусского национального движения была выработка представления о белорусах как о самостоятельном этносе.

Формирующаяся торгово-промышленная буржуазия была относительно немногочисленной, экономически слабой и состояла почти исключительно из представителей иноэтнических групп (главным образом евреев). Поэтому социальную основу национального движения первоначально составила интеллигенция, складывающаяся из выходцев из духовенства и мелкой шляхты.

Многочисленная шляхта, в том числе и мелкая, составлявшая около 4,5% населения (в середине XIX в. это 150 тыс. человек — примерно 50% всего дворянства европейской части России)⁴⁵, заслуживает особого внимания. В отличие от помещиков представители мелкой шляхты не имели крепостных крестьян и лишь формально причислялись к дворянству, фактически составляя мелкобуржуазную прослойку. Вместе с тем они пользовались сословными

привилегиями, в частности правом на получение образования. Интеллигентный труд становился для многих источником существования. Шляхетская интеллигенция составила наиболее активную в политическом и культурном отношении часть населения Белоруссии в первой половине XIX в. В этой среде сформировалась блестящая плеяда местных деятелей культуры — А. Мицкевич, В. Сырокомля, С. Монюшко, Я. Чечот, Т. Зан, И. Домейко и др.

Центром подготовки кадров местной интеллигенции стал Виленский университет, где в 10—20-х годах XIX в. возникла организация преподавателей и студентов, поставившая задачей политическое обесценивание Великого Княжества Литовского и восстановление в нем социальных функций белорусского языка как государственного⁴⁶. На становление самосознания членов организации большое влияние оказали идеи славянского (и особенно чешского) национального возрождения, с деятелями которого один из руководителей организации М. К. Бобровский поддерживал личные связи⁴⁷.

В 40—50-х годах интерес к изучению истории и культуры Белоруссии приобретает среди местной интеллигенции массовый характер. Из польскоязычного литературного движения постепенно выделяется так называемая «белорусская школа», творчество представителей которой посвящалось Белоруссии. На белорусском языке были написаны отдельные произведения Я. Чечота, А. Борщевского, А. Рыпинского, В. Сырокомли, большая часть произведений В. Дунина-Марцинкевича⁴⁸. С Белоруссией было связано искусство художников А. Ваньковича, В. Дмаховского, Я. Дамеля⁴⁹, композитора А. Абрамовича⁵⁰. Деятели литературы и искусства группировались вокруг кружков А. Киркора (Вильно), В. Дунина-Марцинкевича (Минск), А. Вериги-Даревского (Витебск). Их творчество объективно создавало основу национальной белорусской художественной культуры.

Одновременно, отражая «пробуждение масс к овладению родным языком и литературой», среди широких масс крестьянства получили распространение возникавшие на стыке фольклора и профессиональной литературы анонимные произведения острой социальной направленности, так называемые *гутарки*. В период кризисной ситуации перед восстанием 1863—1864 гг. в кругу демократической интеллигенции, возглавляемой К. Калиновским, сформулировалось представление, что «история выработала для белорусов особую национальность... и они владеют всеми условиями для самостоятельного развития»⁵¹.

Приближение революционного кризиса вызвало обостренный интерес к белорусской национальной проблеме и среди крупных землевладельцев. Этот интерес выразился в так называемой «хлопомании» — заигрывании с крестьянами, носившей, однако, в отдельных случаях просветительский характер⁵².

Определенные изменения произошли и в этническом самосознании крестьянства. Этнонимическое определение *белорусы*, ранее распространенное почти исключительно в Поднепровье и восточной части Подвилья, проникло на запад. При этом на северо-западе сложилась ситуация, когда *литвинами* называли только католиков, а *белорусами* — православных. К белорусам устойчиво относило себя коренное население ряда местечек на Гродненщине⁵³. Характерно, что именно в северо-западной части Белоруссии во время восстания 1863 г. крестьяне добились открытия нескольких белорусских школ⁵⁴.

Однако в целом национальная консолидация была еще слаба.

В 60—80-е годы XIX в., несмотря на неблагоприятные условия, развитие национального самосознания достигло качественно нового уровня. Подавление восстания 1863—1864 гг. повлекло за собой физическое уничтожение и высылку из Белоруссии лучших представителей польской и белорусской демократической интеллигенции, установление военно-полицейского режима, затормозившего развитие всех видов оппозиционного (включая и национальное) движения. Резко усилилась русификация, в осуществлении которой использовалась создававшаяся в те годы система народного образования.

Тем не менее в начале 1880-х годов наметилось оживление процессов национальной консолидации, вызванное развитием всероссийского освободительного движения. В это время на основе белорусских народнических кружков в Петербурге была создана группа «Гомон» — первая национальная политическая организация, близкая к народничеству. Публистика белорусских народников отразила новый уровень развития национального самосознания⁵⁵. Было впервые решительно объявлено о существовании белорусского народа, охарактеризованы его культурные особенности и территориальные границы расселения, сформулированы развернутые национально-политические программы. Социальная неоднородность белорусского народничества обусловила дифференциацию подходов к решению национальной проблемы. Либерально-буржуазное течение ограничивало задачи движения созданием национальной культуры, «согласующейся с требованиями народной жизни». Революционные народники считали возможным добиться социального и национального освобождения белорусского народа только в результате свержения самодержавия в союзе со всеми народами России и создания федеративного государства. Группа «Гомон» просуществовала относительно недолго, и ее воздействие на развитие национального самосознания было ограниченным.

Значительные последствия имела деятельность группы интеллигентии в Минске (Я. Лучина, М. В. Довнар-Запольский, В. З. Завитневич, А. И. Слупский и др.), выпускавший первую неофициальную газету в Белоруссии «Минский листок», а также издавшей несколько «Календарей Северо-Западного края»⁵⁶. На страницах этих изданий помещались литературные произведения, статьи по этнографии и истории Белоруссии. Большое значение для пробуждения национального самосознания имела деятельность Ф. Ботгушевича, который первым обратился к широким народным массам с идеей национального возрождения⁵⁷.

Существенную роль в формировании национального самосознания сыграло также изучение быта, культуры, языка и истории белорусского народа, широко развернувшееся в 60—90-е годы XIX в.⁵⁸ По мысли царской администрации, оно должно было подтвердить «исконно русский характер края». Однако нередко результаты исследований объективно свидетельствовали о том, что белорусы являются самостоятельным этносом. Многие исследователи, например Е. Р. Романов, рассматривали свою научную деятельность как средство «пробуждения» самосознания белорусов⁵⁹.

Определенную роль в распространении этнонима *белорусы* сыграла национальная политика царского правительства после восстания 1863—1864 гг., его крайняя нетерпимость к польскому населению и его культуре. Для поляков были установлены ограничения при приеме на государственную службу, они не могли приобретать земельную собственность, запрещались преподавание и даже употребление польского языка «вне домашнего быта», издание книг и газет на польском языке, даже использование латинского шрифта. В борьбе с «полонизмом» царской администрации в известной степени было выгодно, чтобы белорусы (особенно католики) осознали себя «неполяками». Поэтому проводя так называемую политику разобщения «католицизма и полонизма», чиновники допускали использование белорусского языка в католических литургиях⁶⁰, а в школьные учебники вводились сведения о Белоруссии, белорусах и т. д.⁶¹

Воздействие этих факторов привело к значительному изменению форм этнического самосознания белорусов. В наибольшей степени трансформировалось самосознание той части этноса, которая ранее относила себя к полякам. К концу XIX в. ее численность сократилась вдвое, а удельный вес — в 4 раза. Согласно переписи 1897 г., из 153 тыс. представителей сословия дворян Белоруссии 43,3% признали родным языком белорусский, 19,1% — русский, 33,8% — польский. Общее этническое самосознание быстро распространялось среди интеллигентии: белорусами себя считали до 40% чиновников, 10% юристов, 20% врачей, 29% почтово-телеграфных служащих, 60% учителей⁶².

Этнон *белорусы* достаточно широко распространился среди крестьянства, вытеснив самоназвания *литвины*, частично *полещуки*, *полесяне* и др. Однако на уровне обыденного сознания он еще не имел общеэтнического национального распространения. По-прежнему большое значение сохраняли локальные этнонконы, а также связанные с конфессиональной принадлежностью определения *русские* и *поляки*. В северо-западных и центральных районах довольно широко бытовало самоназвание *тутэйшия*, которое было воспринято и отдельными представителями интеллигенции как универсальный белорусский этноним. В целом же, по крайней мере 650 тыс. человек (грамотное белорусское население), осознанно относило себя к белорусскому этносу⁶³.

В начале ХХ в. в связи с активизацией деятельности демократических сил во всей стране начался новый подъем белорусского национально-освободительного движения, произошло его организационное оформление. В 1902–1903 гг. была создана первая национальная политическая партия — Белорусская Революционная (позже Социалистическая) Громада, выдвинувшая в качестве программных целей достижение областной автономии в составе демократической федративной России, передачу средств производства и земли в собственность трудящихся, создание условий для развития национальной культуры и школы⁶⁴.

Одновременно значительно ускорился процесс формирования национальной художественной культуры, особенно после 1905 г., когда был снят официальный запрет на публикацию произведений на национальных языках, в том числе белорусском. Наиболее интенсивно развивалась литература, особенно поэзия и драматургия, что вообще характерно для эпохи национального Возрождения. Особенностью всей белорусской культуры на этом этапе была ориентация на распространение национального самосознания. Его становлению способствовали публикации фундаментального труда Е. Ф. Карского «Белорусы», давшего целостное представление о белорусском этносе, его этногенезе, территории расселения⁶⁵, а также материалов Первой всеобщей переписи 1897 г., позволивших определить численность белорусов. К концу 1910-х годов формирование национального самосознания как системы научных взглядов в основном завершилось. Наиболее отчетливое выражение оно получило в публикациях В. Ластовского⁶⁶.

Однако средства распространения национальной этнокультурной информации были развиты еще слабо. До 1912 г. периодическая печать была фактически представлена единственным еженедельником «Наша нива», книгоиздательское дело — несколькими небольшими издательствами. Народное образование оставалось под контролем царской администрации, а отдельные попытки организовать частные белорусские школы не решали проблемы. Большое значение в этот период имели так называемые «белорусские вечеринки» — любительские театрализованные представления, которые организовывались силами местной интеллигенции во многих городах и mestechках Белоруссии. Консолидационные процессы шли интенсивнее, чем в других районах, в Центральной и Северо-Западной Белоруссии, более развитой в культурном и социально-экономическом отношении.

Несмотря на ограниченные возможности распространения национального самосознания, оно активно формировалось среди представителей практически всех социальных слоев общества, в том числе и среди крупных землевладельцев, чиновников, офицеров и генералов, католического и православного духовенства. Об этом свидетельствует создание в 1916–1918 гг. широкого спектра национальных политических организаций: от консерваторов (Белорусская народная партия) до леворадикалов (Белорусская социал-демократическая рабочая партия на платформе РСДРП(б)). Между этими двумя крайними точками существовали Белорусская христианская демократия, Белорусская социал-демократия, Белорусская партия эсеров и т. д. Закономерным результатом развития национального движения стало создание национальной государственности: первоначально Белорусской Народной Республики (февраль —

ноябрь 1918 г.), правительство которой провозгласило 25 марта 1918 г. независимость Белоруссии, позже — Белорусской ССР (с 1 января 1919 г.). Однако процесс консолидации нации на этом не завершился. Его региональный характер не был преодолен. Поэтому степень усвоения общенационального самосознания в Восточной Белоруссии, особенно в Полесье, оставалась незначительной.

Суммируя, хотелось бы подчеркнуть, что с названием *белорусы* в этнической истории народа связан процесс формирования собственно национального самосознания, который отражал более обширный процесс складывания белорусской буржуазной нации. Этому процессу предшествовало распространение локального этнического (донационального) самосознания, существовавшего в различных формах у ряда субэтнических общностей (*литвинов, белорусцев, полешуков, полексян*). И если новый (национальный) литературный язык белорусов был сформирован на базе западнобелорусских (понеманских) говоров, то основу единого национального этнонима составило распространившееся с востока Белоруссии этническое определение *белорусцы (белорусы)*.

Примечания

¹ Некоторое исключение составляют труды ряда дореволюционных и советских исследователей (И. Первольфа, М. Довнар-Запольского, Е. Карского, И. Сербова, В. Пичеты, А. Хорошевич, А. Попова, М. Улащика, А. Мальдиса и др.), где наряду с основной проблематикой рассматривались вопросы этнического определения белорусов на разных этапах их этнической истории..

² Обзор этих мнений см.: *Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 1. Вильна, 1904.*

³ *Białorus a Białolechia // Przegrodnik Naukowy i Literacki. Lwow, 1985. S. 281—287; Studnicki W. Sprawa Polska. Poznań, 1910. S. 495.*

⁴ «...тубыльцом ...всі их права и привилея костельныя такъ Латинскаго закону яко Греческаго теже и светские даныя; «мы тутэйшия, страна наша ни руска, ни польска, але забраны край». См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 г. // Временник импер. Общества любителей древностей российских. М., 1854. С. 1; Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. III. СПб, 1902. С. 98.

⁵ Никонов В. А. Этнонимы // Этнонимы. М., 1970. С. 7—17; Чеснов Я. В. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание // Этнография имен. М., 1971. С. 9—13.

⁶ Последние упоминания названий *крайчи*, *крайвейтия* носят характер экзоэтнонимических определений, например, со стороны прусских немцев (XIV в.), а также со стороны латышей в отношении как белорусского, так и русского населения (XVI—XIX вв.). Правда, ряд официальных статистических источников XIX в. упоминают группы *крайвич* численностью около 23 тыс. человек, проживающих в западных областях Белоруссии. См.: Зеленский И. Минская губерния (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба). Ч. I. СПб., 1864. С. 408; Столлянский И. Девять губерний Западно-русского края. СПб., 1866. С. 31; Однако характер сбора этой информации, когда вместе с *крайвичами* были «обнаружены» также *радимичи*, *драговичи*, *древляне* и даже *белые хорваты*, ставит под сомнение достоверность этих данных. Полевые этнографические материалы, собранные за последние годы, также фиксируют существование названия «*крайчи*», но только как сельского оттопонимического этникона жителей одноименных деревень. См.: Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР. Ф. 6. Оп. 4. Д. 13а.

⁷ См., например, Этнографія беларусау: гістарыяграфія, этнагенез, этнічна гісторыя. Мінск, 1985.

⁸ Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973; Чеснов Я. В. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание; Чистов К. В. Этническая общность, этническое самосознание и некоторые проблемы духовной культуры // Сов. этнография. 1972. С. 73—75; Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Сов. этнография, 1974. № 2; Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблемы этногенеза // Расы и народы. М., 1976. Вып. 6. С. 63; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 173—200; У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания. М., 1984. С. 74—88.

⁹ Так, сельское население Белоруссии XIV—XVII вв. определялось понятиями *тубыльцы*, а также общинными (типа — *заволочане, мачане, лучане*), волостными (типа — *столинцы, свислочане, бобровцы*) и поветовыми (типа — *мозыряне, речичане, мозырцы*) этниконаами, производными от названий центральных поселений (городов и местечек) волостей или поветов. Жители других волостей и поветов определялись как *чужеволостцы* или же соответствующими этниконаами. Волостные этниконы были репрезентативны и часто сохранялись в иноэтническом окружении, трансформируясь в прозвище (например, на Украине выходцев из Белоруссии, включая крестьян,

называли *мозыренин*, *пинчук*, *случанин*, *туровец*, *бобруйко*, а иногда и более широко — *литва* (см. Литовская метрика. Книга записей. Т. 1) // Русская историческая библиотека. Т. XXVII СПб., 1910. С. 669—670, 728; Этнография беларуса. С. 71—72; Исторические корни дружбы и единения украинского и белорусского народов. Киев, 1978. С. 40.

¹⁰ Например, отдельным и самостоятельным народом, начиная с XVI в., считала себя белорусская шляхта, которая соместно с польской, украинской, литовской, частично русской шляхтой составляла так называемый «шляхетский народ Речи Посполитой», объединенный единными юридическими-правовыми нормами, вольностями, обычаями и традициями, стереотипами поведения и даже искусственно созданной концепцией «сарматского происхождения». Шляхетские идеологи доказывали, что только шляхта может представлять народ и государство в их единстве. Правда, шляхетское сословие Великого Княжества Литовского, сохранявшее значительную автономию в составе Речи Посполитой, долгое время предпочитало называться *литвинами*, выражая тем самым независимость своего социально-политического положения и противопоставляя себя польской и украинской шляхте — *коронежам* (жителям «Короны» — Польши). Разделение белорусско-литовской шляхты на *литвинов* и *русинов* связывалось обычно с конфессиональной дифференциацией. Например, *русины* назывались иногда литовцы, принявшие православие. См. Полн. собр. русских летописей (далее ПСРЛ). М., 1980. Т. 35. С. 195; *Ловмяньский Х.* Русь и норманды. М., 1985. С. 215; *Suchocki J.* Formowanie się w skład narodu politycznego w Wielkim księstwie Litewskim późnego średniowiecza // *Zapiski historyczne*. 1983. Т. XLVIII. С. 31—48; Гистория Беларусі у дакументах і матэрыялах. Т. 1. Мінск, 1936. С. 333—338.

¹¹ Например: «Мы положане... люди старейшие и малые... от всей земли Погоцькой...» (Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб., 1846. С. 51; Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1978. Вып. II. С. 145; Литовская метрика. Книга записей. Т. 1. С. 509, 584; Полоцкая ревизия 1552 года. М., 1905. С. 7—8, 53).

¹² См. об этом: *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства во времена издания первого Литовского статута. М., 1892. С. 10—62.

¹³ Например, во многих документах того времени названия эзотронимического типа ряда европейских народов — *ляхи* (поляки), *немцы*, *чехи*, *словаки*, *уоры* (венгры), *влохи* (романцы), *лифлянты* (латышы), *татары* и др. часто перечисляются как равные понятия в одном ряду с земляческими этниками *погочане*, *витебляне*, *смоляне*, *кияне*, *волыньяне* или *волынцы* и др. См.: Акты Литовско-Русского государства / Изд. Довнар-Запольским М. В. М., 1897. Вып. 1. С. 25—26; ПСРЛ. Т. 35. С. 44, 45, 49, 58, 62, 93, 122, 124, 150, 181 и др.

¹⁴ Например, в комментариях к своим изданиям в 20-е годы XVI в. белорусский просветитель и первопечатник Ф. Скорина, называя себя «сыном из славного города Погоцка», писал «...люди и где зародились и ускормлены суть к тому месту великую ласку имауть». В то же время в Падуанском университете в 1512 г. он был записан как «русин», а о себе писал: «Азъ... нароженый въ рускомъ языку...», переводы посыпал «...братии моей Руси». В ректорских актах Краковского университета за 1504 г. Ф. Скорина записан как «из Погоцка, литвин» (*Скарына Ф.* Прадоміні і пасляслуоі. Мінск, 1969. С. 58—60; Францыск Скарына і яго час // Энцыклапедычны даведнік. Мінск, 1988).

¹⁵ *Czubek J.* Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrolewia. Krakow, 1906. С. 393—394.

¹⁶ *Бандарчик В. К., Чакін І. У.* Праблемы этнагенезу беларусау у працах славянскіх вучоных. Даклад на IX Міжнародны з'езд славістуа. Мінск, 1982. С. 4—8.

¹⁷ *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошевіч А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 135—138; Литовская метрика. Книга записей. Т. 1. С. 238, 455, 542, 546; ПСРЛ. Т. 35. С. 110, 122, 126.

¹⁸ См.: *Wiga K.* Rinktiniai rastai. Vilnius, 1961; *Кочубинский А. А.* Территория доисторической Литвы // Журн. Министерства народного просвещения. 1897. Ч. CCCIX С. 62; Памятная книжка Ковенской губернии. Ковна, 1890. С. 8.

¹⁹ *Suchocki J.* Formowanie się w skład narodu politycznego... С. 39—47; *Чакін І. У.* Да пытання аб этнічнай самасвядомасці беларусау у часы Скарыны // Спадчына Скарыны. Зборнік матэрыялаў. Мінск, 1989. С. 39—49.

²⁰ Сборник документов, объясняющих историю Западно-Русского края и его отношение к России и Польше / Предисл. Кояловича М. СПб., 1865. С. III—XXX; *Ochmianski J.* Biskupstwo Wilenskie w średniowieczu. Poznań, 1972. С. 41—46.

²¹ Так называли служилых князей Одоевских, Белевских, Бельских, Глинских, Воротынских, Мезецких, Мстиславских и др., которые переходили в XV—XVI вв. на службу в Московское государство из Великого Княжества Литовского, несмотря на то, что один из них был из рода Гедиминовичей, а другие — Рюриковичей. См.: *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 28—56; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 29—74.

²² Как микроязыческое понятие *литвины* существовало и частично продолжает сохраняться у некоторых локальных групп белорусского и ассимилированного балтского белорусоязычного населения западных районов Беларуссии и Восточной Литвы. См.: *Гаучас П., Видуғірис А.* Этнолингвистическая ситуация литовско-белорусского пограничья с конца XVIII по начало XX в. // Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР. География. Население и поселения. Вильнюс, 1983. Т. XIX. С. 26—73; *Ossowski L.* Zagadnienia jezykowe Polesia. Komisja naukowa badan. Warszawa, 1936; *Чакін І. У.* Гістарычна этнаніміка Палесся // Весці АН БССР. Сер. грамад. наука. 1985. № 4. С. 74—80.

²³ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Разрядный приказ. 1571—1634 гг. СПб., 1890. Т. 1. С. 34, 179, 249, 347 и др.; Русско-белорусские связи: Сборник документов (1570—1667) / Под ред. Абецедарского Л. С. и Волкова М. Я. Минск, 1963. С. 94, 97, 103, 109, 111, 112, 114 и др.; *Лешчанка Р. Ф.* Беларусы-перасяленцы у Сібіры / канец XVI—XVII ст. // Весці АН БССР. Сер. громадскіх науку. 1982. № 5. С. 75—81; *его же*. Беларусы у Паволожы (канец XVI—XVII ст.) // Там же. 1984. № 4. С. 61—66.

²⁴ Соловьев А. А. Белая и Черная Русь // Сб. Русского археологического общества в королевской Югославии. Белград, 1940. С. 41—45.

²⁵ «Белорусской верой» в Московском государстве в XVII в. называлось униатство, в Речи Посполитой — «русская вера». См. Русско-белорусские связи. Сб. документов. С. 112; Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 136.

²⁶ Показательно, что *белорусцами* назывались все жители Белой Руси независимо от их этнической принадлежности — русские, белорусы, украинцы, литовцы, латыши и др., например, «...родом он литвин латыш белорусец Оршанского повету» (См.: Русско-белорусские связи. С. III; Потебня А. А. Этимологические заметки // Живая старина. 1891. Вып. III. С. 118—119; Этнография беларуса... С. 81—82, 129—131).

²⁷ Например: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1867. Т. IV. С. 51. (1664 г.). Понятие «полещуки» встречаются также и на некоторых географических картах XVII в., например на так называемой Радзивиловской карте Великого княжества Литовского, изданной в 1613 г. — См. Чаквин І. В. Полісся і його локалізація (за історичними, історіографічними та польовими матеріалами) // Народна творчість та етнографія. 1984. № 2. С. 58—62.

²⁸ По имеющимся на сегодня данным, топоним *Полесье* впервые был упомянут в Ипатьевской летописи под 1273 г., а в XVI—XVII вв. уже широко использовался для обозначения территории бассейна Припяти и ряда смежных земель (См. ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. С. 873).

²⁹ Название *полешуки* характеризовалось в XVII — первой половине XIX в. широким сословно-социальным диапазоном бытования, однако в среде шляхты и горожан, а также при конфессиональной дифференциации населения заменялось названиями *польки*, *литвины* или *русские* (с конца XVIII в. — *русские*). См.: Левшик А. Письма из Малороссии. Харьков, 1816. С. 146—148.

³⁰ Бобровский П. Гродненская губерния (Материалы для географии и статистики России). СПб., 1863. Ч. 1. С. 129—130, 621—622; Лебедкин М. О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи // Записки Импер. Русского географического общества. СПб., 1861. Кн. 3. С. 131.

³¹ По мнению некоторых польских исследователей, названия *полесьяне*, *польсяне*, *полексяне* — славянанизированный экзоэтнический термин одного из племен («*pollexian*», «*polekszan*») западнобалтийского союза ятвягов, которое было ассимилировано славянами еще к XVI в. — см. Nalepa J. «*Poleksza*» («*pollexiani*») — *plemie jacwieskie i wschodnich granic Polski* // Rocznik Bialostocki. 1967. Однако возможно, это название имело и эндотническое звучание, поскольку в балтских языках также существуют термины, аналогичные славянскому «Полесье», которые обозначают болото, болотистое место, болотистый песок («*Pala*», «*Pelesa*», «*Polymas*», «*Pelysa*», «*Pelesa*»). См. Катонова Е. М. Балто-славянские контакты и проблемы этимологии гидронимов // Проблемы генезиса и этнической истории балтов. Вильнюс, 1981. С. 96—98; Карлюнас С. Литовское «*Polymas*» — болотистое место // Этимология. М., 1981. С. 110—111.

³² Соловьев А. Указ. раб. С. 55—58; Manczak W. Biala, Czarna i Czerwona Rus // Intern. Slavic Linguistics and Poetics. 1979. V. 19. S. 34—37; The Historical Atlas of Poland. Warszawa; Wrocław, 1986. S. 7—8, 21.

³³ Гваньинь А. Хроника Европейской Сарматии // Полоцко-Витебская старина. Т. 3. / Изд. Савинова А. Витебск, 1916. С. 320—329.

³⁴ См. об этом: Krzyzaniakowa J. «*Projecie pagodu w «Roznikach» Jana Dlugosza* // Stuka ideologia XV wieku: Warszawa, 1978. S. 142—145.

³⁵ Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. М., 1986. С. 40.

³⁶ Миллер И. С. Формирование наций: комплексное изучение и сопоставительный анализ // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1982. С. 11.

³⁷ Мильников А. С. К вопросу о формировании национального самосознания в период складывания наций в Центральной и Юго-Восточной Европе // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. С. 242.

³⁸ Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С. 45.

³⁹ Нидерхаузер Э. Роль национальной культуры в становлении наций в Центральной и Юго-Восточной Европе // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1982. С. 247.

⁴⁰ Церашкович П. У. Этнасацияльная и канфесіянальная структура насељніцтва Беларусі сярэдзіне XIX ст. // Быт і культура беларуса. Мінск, 1984. С. 11.

⁴¹ Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 4. Минск, 1979. С. 129—131.

⁴² ЦГИА СССР. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 26. Л. 136 об.—137.

⁴³ Адміністратура-тэрытарыяльны падзел Беларусі. Мінск, 1985. С. 667.

⁴⁴ ЦГИА БССР. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7292. Л. 49.

⁴⁵ Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1980. С. 13.

- ⁴⁶ Бобровский П. О. Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. СПб., 1890. С. 204—205.
- ⁴⁷ Бобровский П. О. Михаил Кирилович Бобровский. СПб., 1889. С. 567.
- ⁴⁸ Лойка А. А. Гісторыя беларускай літаратуры. Даражніцкі перыяд. Ч. 1. Мінск, 1977. С. 89—101, 132—168.
- ⁴⁹ Дробов Л. Н. Живопись Белоруссии XIX — начала XX в. Минск, 1974. С. 43—54, 71—84, 121—127.
- ⁵⁰ Мальдзіс А. Падарожжа у XIX стагоддзе. Мінск, 1969.
- ⁵¹ Шолкович С. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вильно, 1870. С. 388.
- ⁵² Шолкович С. Указ. раб. С. 387; Нарыс гісторыі народнай асветы і педагогічнай думкі у Беларусі. Мінск, 1968. С. 196.
- ⁵³ Архив АН СССР. Ф. 30. Оп. 2. Д. 6, 7, 17; Гродненские губернские ведомости. 1863. № 41.
- ⁵⁴ Смирнов А. Ф. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963. С. 156.
- ⁵⁵ Публицистика белорусских народников. Минск, 1983.
- ⁵⁶ Календарь Северо-Западного края на 1889 год. Минск, 1889; Северо-Западный календарь на 1893 год. Минск, 1892; и др.
- ⁵⁷ Багушэвіч Ф. Творы. Мінск, 1967. С. 17.
- ⁵⁸ Носович Н. Я. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870; Карский Е. Ф. Обзор звуков и форм белорусского языка. М., 1895; Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1887—1893. Т. I—II.
- ⁵⁹ См.: Бандарчык В. К. Еудакім Раманавіч Раманаў. Мінск, 1961. С. 131.
- ⁶⁰ ЦГИА БССР. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7597; Ф. 1430. Оп. 1. Д. 35861.
- ⁶¹ См. напр.: Книга для чтения в народных училищах Виленского учебного округа. Вильно, 1863.
- ⁶² Подсчитано авторами по кн.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. СПб., 1899—1904. Т. IV. V, XI, XXII, XXIII.
- подсчитано по: Там же.
- ⁶³ То же.
- ⁶⁴ Луцкевіч А. І. За двадцать пять год. Вільня, 1928. С. 10.
- ⁶⁵ Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 1—3. Варшава, 1903—1916.
- ⁶⁶ Власт. Кароткая гісторыя Беларусі. Вільня, 1910.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

© 1990 г.

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ К. У. ГЕЙЛИ «ДИАЛЕКТИКА ПОЛА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА»* ПАРАДОКСЫ ПОЛОВЫХ РОЛЕЙ

«... Важной книгой, способной, несомненно, стать классической в своей области исследований», назвала известная американская исследовательница Э. Б. Ликок книгу К. У. Гейли о становлении классового общества и половой иерархии на островах Тонга¹. В настоящее время Гейли является профессором антропологии Северо-Восточного университета в Бостоне (США); область ее исследований — проблема возникновения угнетенного положения женщин. В этой теме она продолжает и развивает подходы, сформулированные в свое время Э. Б. Ликок. Последняя известна в нашей стране как этноисторик, сделавший немало для изучения индейцев алгонкинов, а также для популяризации марксистских идей среди американских антропологов. К сожалению, нам гораздо хуже известна другая сторона ее деятельности, которая заключалась в том, что Э. Б. Ликок, по словам своей ученицы Гейли, возглавила марксистское направление в феминистском движении в США, и целое поколение молодых американских антропологов обязано ей знакомством с идеями марксизма и феминизма. Во время XII МКАЭН (Загреб, 1988 г.) Женская комиссия посвятила три специальных заседания памяти Ликок, во время которых подчеркивался ее неоценимый вклад в борьбу против социального и расового неравенства. Наиболее ценным в научном наследии Э. Б. Ликок многие называли работы о происхождении полового неравенства, которое она вслед за Ф. Энгельсом связывала с развитием товарного производства и становлением классового общества.

Эта краткая преамбула необходима для понимания той атмосферы, в которой происходило формирование Гейли как исследователя. Подход к женской тематике своей наставницы Ликок, равно как и свой подход, Гейли называет «марксистско-феминистским». Сущность этого подхода отчетливо проявляется в ее фундаментальном исследовании, посвященном эволюции полового неравенства на островах Тонга, а также в настоящей специально написанной для советского читателя статье, в которой автор пытается сформулировать общую концепцию динамики половых ролей при переходе к классовому обществу.

Проблематика статьи сама по себе достаточно широка, но в ходе ее изложения автор порой выходит далеко за рамки поставленных вопросов, поднимая фундаментальные проблемы, связанные с местом пола в социальной системе в целом, и тем самым делая ее еще интереснее для советского читателя. Определенным достоинством этой статьи можно считать, на мой взгляд, небезуспешную попытку уйти от чрезмерной генерализации (кстати, не-

* Статью К. У. Гейли см. в «Сов. этнографии», 1990. № 5.

редко свойственной нашей теоретической науке), сделать упор на дифференциации различных социальных контекстов. Автор совершенно справедливо рассматривает взаимоотношения половых ролей и статусов и специфику представлений о них порознь в разных классах, разных региональных группах, разных этносах, в обществах разного уровня развития, а также пытается учесть и взаимовлияние этих представлений.

Предлагаемая советскому читателю статья примечательна и в другом отношении. Она знакомит его с не совсем обычной для нас проблематикой и традициями американской антропологической науки, со своеобразными подходами, отражающимися, в частности, в новой для нас терминологии, с трудом поддающейся переводу на русский язык. И это относится не только к термину *gender*, о котором говорилось в одном из подстрочных примечаний, но и к противопоставлению «работы» «труду» как свободной деятельности — подневольной, и к термину «tribute-based society», для которого в русском языке пришлось вводить достаточно тяжеловесный эквивалент — «общество, основанное на данническо-податно-повинностном способе эксплуатации». Иначе говоря, речь здесь идет о ранних государствах, в которых эксплуатация заключалась в регулярном или нерегулярном взимании податей, а также в отработках в пользу государства². Там, где у нас принято оперировать понятием отношений собственности, автор говорит о контроле над трудом и его конечным продуктом. Может быть, не привычным для советского читателя окажется противопоставление брачного выкупа (дословно «богатство невесты») «цене невесты» (№ 5. С. 92), но здесь надо учитывать, пусть и небесспорную, авторскую концепцию, согласно которой в классической первобытности ценности, передаваемые родом жениха роду невесты, подчеркивали неразрывность связей невесты с ее родичами, тогда как позднее, в ходе классообразования эти связи ослабевали, пока окончательно не были утрачены. В русском переводе в ряде случаев эти непривычные для нас авторские термины были намеренно сохранены, чтобы передать колорит оригинала и помочь лучше познакомиться с системой понятий и представлений, бытующих в американской антропологической науке.

Хотелось бы привлечь внимание читателя и к предмету дискуссии, и к характеру его обсуждения автором, что также вводит нас в ту специфическую атмосферу, которая господствует в американской науке. Скажем, тезис автора о том, что само по себе участие в производстве еще не дает права распоряжаться готовым продуктом (№ 5. С. 86), покажется иному советскому читателю тривиальным, но, как показывает его эмоциональная аргументация, предлагаемая Гейли, американскому читателю еще предстоит свыкнуться с его содержанием.

Непривычным для нас может показаться и накал страстей вокруг самого предмета дискуссии — генезиса полоролевой стратификации, но это уже по иной причине, так как у нас этому вопросу уделялось мало внимания³. А между тем в западной науке ведется ожесточенная полемика об извечности полового неравенства; о времени его возникновения (в классической первобытности или же в период классообразования); в чем оно выражалось и как вызревало. Предложено несколько различных теорий, претендующих на объяснение этого явления в самых архаических обществах. Автор по ходу изложения касается этих теорий, но представляется необходимым назвать их авторов, среди которых есть и выдающиеся ученые — К. Леви-Строс (брак как обмен и основа альянсов), французские неомарксисты К. Мейяссу, Э. Тэррай, М. Годелье (подчиненное положение женщин в линиджных структурах), М. Розальдо (распределение мужского и женского авторитета соответственно в общественной и частно-семейной сферах), Ж. Лафонтен (изначальные предпосылки неравенства, связанные с половым разделением труда) и др. Один из важных моментов этих дискуссий затронут в работе другой американской исследовательницы К. Флюер-Лоббан, статья которой была недавно опубликована в журнале «Советская этнография»⁴.

Очень важной проблемой, предлагаемой Гейли для обсуждения, являются

культурологические параметры половых различий, их стадиальные, региональные и этнические формы, о чем в нашей науке, за исключением И. С. Кона⁵, никто, пожалуй, всерьез и не писал. А между тем народы СССР с их огромным разнообразием культур и путей исторического развития дают богатейший материал для разработки соответствующей тематики. Заслуживает внимания и вопрос о соотношении реальных ролей и функций каждого пола и их отражении в мировоззрении, что далеко не всегда совпадает. Чаще здесь нет прямой корреляции, в особенности в социально дифференциированном обществе, где высший слой пытается навязать свои представления всему обществу. В этом смысле нельзя не признать, что система общественного образования и средства массовой информации в развитых обществах могут играть и часто играют негативную роль, навязывая обществу представления, в которых заинтересованы именно те люди (или классы), в чьих руках они находятся.

В целом модель, предлагаемая автором, отражает лишь один, хотя и весьма распространенный, путь социальной эволюции, связанный с так называемым вторичным классообразованием, т. е. с влиянием уже существующей государственности на первобытные общини, расположенные у ее рубежей и постепенно так или иначе подпадающие под ее влияние. Именно это заставляет автора делать особый акцент на неравномерности развития отдельных обществ. В советской этнографической литературе эта проблема уже ставилась, однако, как правило, в достаточно общей форме⁶. Но и ныне она остается недостаточно изученной. А ведь ее актуальность трудно переоценить, в особенности для нашей страны и особенно в наше время. Ведь как и во многих других регионах мира, на территории СССР за последние несколько столетий происходили контакты и взаимовлияния между обществами, стоящими на самых разных уровнях социально-экономического развития и с очень разными традициями. В ходе таких контактов естественный ход развития так или иначе искажался, возникали новые, очень своеобразные варианты эволюции. Все это Гейли достаточно тонко анализирует на примере трансформации полоролевых параметров в контактной ситуации.

В своих теоретических воззрениях Гейли, как и ее наставница Ликок, исходит из концепций, впервые сформулированной Энгельсом, согласно которой переворот в семье, приведший к господству мужчины, был связан с развитием процесса социальной и имущественной дифференциации. О предшествующем периоде, относимом им к низшей ступени варварства, Энгельс писал следующее: «Разделение труда — чисто естественного происхождения; оно существует только между полами. Мужчина воюет, ходит на охоту и рыбную ловлю, добывает продукты питания в сыром виде и изготавливает необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята изготовлением пищи и одежды — варит, ткет, шьет. Каждый из них — хозяин в своей области: мужчина — в лесу, женщина в доме... Домашнее хозяйство ведется на коммунистических началах несколькими, часто многими семьями. То, что изготавливается и используется сообща, составляет общую собственность: дом, огород, лодка. Здесь, таким образом, и притом только здесь, на самом деле существует... „собственность, добытая своим трудом“». В этих условиях, как полагал Энгельс, мужчина занимал в доме второе место после женщины.

Энгельс опирался на данные о североамериканских индейцах, для которых, как он считал вслед за Л. Г. Морганом, был характерен развитой родовой строй. Вместе с тем сейчас мы знаем, что эти общества существенно различались между собой и по характеру хозяйственной деятельности, и по уровню общественного развития, и по особенностям социальной структуры. Так, если характеристика, данная Энгельсом половому разделению труда, в целом подходит для неземледельческих обществ индейцев северо-западного побережья Северной Америки, то в социальном плане эти общества были уже дифференцированными, и здесь не приходилось говорить не только о каком-то более высоком положении женщин по сравнению с мужчинами, но даже и об их социальном равенстве.

Напротив, у земледельцев ирокезов, которые также вступили на путь классообразования, социальное положение женщин было несравненно выше, чем на северо-западном побережье, и мужчинам приходилось считаться с ними не только в домашней, но и в социально-политической сфере, скажем, в решении вопросов войны и мира, в выборе должностных лиц и пр.

Не вполне укладываются в концепцию Энгельса и новые данные о ранних скотоводах. Вспомним, почему, по его мнению, революция в семье произошла с появлением скотоводства. Он считал, что приручение животных и уход за ними являлись мужским делом, и, следовательно, в силу трудового права собственности мужчина в таких условиях оказался владельцем основных средств производства, что и обусловило становление новых отношений между мужчинами и женщинами. По-своему логичное, это представление не работает применительно, скажем, к горным папуасам Новой Гвинеи. Ведь и там, хотя основная нагрузка по выращиванию культурных растений и уходу за свиньями падает на женщин, полученный продукт, и прежде всего его наиболее престижный компонент — свиньи, находится под контролем мужчин. Иначе говоря, «трудовое право собственности», лживость которого разоблачал Энгельс применительно к капитализму⁸, с большой натяжкой может использоваться и в применении к родовому обществу. В целом основные средства производства в последнем находились в руках рода, что и позволяло папуасским бигменам оказывать давление на простых общинников при сборе свиней для церемониальных обменов, межобщинных пироров и пр. А коль скоро этот вид собственности контролировался родом, а фактически в условиях патрилинейности находился в руках мужчин, то и их жены были низведены до статуса работниц, которые могли лишь пользоваться, но не распоряжаться собственностью.

На Новой Гвинеи подобные взаимоотношения отражались в очень своеобразной идеологии, а иногда и в резком антагонизме мужчин и женщин. Эта идеология ориентировалась прежде всего на мужские ценности, обладавшие наивысшим престижем. Так, в некоторых обществах, где престиж связывался с социальной сферой, в частности с церемониальным обменом, принимать участие в производстве жизнеобеспечивающего продукта было не только не престижным, но и позорным делом, и мужчины старались воздерживаться от выращивания «женских» растений, которые тем не менее составляли их главную пищу. Тем самым призыв Гейли искать источник социального авторитета и уважения в производственной сфере (№ 5, С. 88) кажется хотя и отчасти справедливым, но недостаточным.

Во многих папуасских обществах компонентом отцовско-родовой идеологии было представление о зачатии, согласно которому зародыш формировался из семени или жира, полученного от отца, и крови, полученной от матери. Соответственно именно отцовская субстанция являлась проводником благодатного духовного агннатного влияния, тогда как материнская кровь полностью или во многих своих компонентах рассматривалась как враждебное начало. Вот почему в ходе инициаций подростков во многих папуасских обществах большое внимание уделялось искусственною кровопусканию, якобы снижающему вредоносное чужеродное влияние и, напротив, усиливающему насыщение мужской субстанцией. Вот почему представляется неправомерной имеющая место в науке, в том числе нашей, традиция, безоговорочно отождествляющая кровнородственные связи с родовыми. Ведь по воззрениям папуасов, кровь связывала человека с представителями именно чужого рода.

Следовательно, в условиях отцовского рода, иначе говоря патрилинейности, создавались предпосылки для приниженного положения женщин. То же самое отмечалось в условиях материнского рода при вирилоакальности, как это наблюдалось у индейцев северо-западного побережья Северной Америки. Напротив, при матрилинейности и матрилокальности женщины могли обладать достаточно высоким статусом и влиянием, примером чему служат ирокезы. Иначе говоря, хотя процесс классообразования сам по себе и создавал предпосылки для

полового неравенства, последнее возникло не автоматически: на его сложение мог повлиять целый ряд дополнительных факторов, связанных с социальной структурой; в данном случае линейности и локальности брачного поселения.

Но и это еще не все. В свое время, изучая папуасов чамбули в районе Сэпик (Папуа — Новая Гвинея), М. Мид сделала весьма необычные наблюдения, на которые впоследствии неоднократно ссылались феминистки. По мнению Мид, там полоролевая картина имела характер, противоположный тому, что представляется типичным, скажем, европейцу, — в своем поведении женщины чамбули проявляли качества, которые мы обычно приписываем мужчинам, и наоборот. Позднее в свете новых исследований было установлено, что в принципе социальная структура и духовные представления чамбули не отличаются от общепапуасской модели, а специфическая поведенческая ситуация, встреченная Мид, была следствием сложившихся исторических условий (чамбули лишь недавно вернулись на свою родину после многих лет изгнания, многие мужчины находились на заработках, а все оставшиеся были заняты строительством церемониального дома и т. д.). И все же женщины здесь действительно пользовались большей свободой и имели больше авторитета, чем у горных папуасов. Объяснить это можно тем, что у чамбули наблюдалась так называемая система кольцевого трехродового союза, когда мужчины отдавали своих сестер в жены в один род, а сами брали себе жен из другого. В этих условиях какими бы богатыми ни были брачный выкуп и последующие дары свойственникам, они никогда не могли окупить жены и ее репродуктивных способностей, и мужчины были не в состоянии избавиться от чувства зависимости от свойственников, что находило отражение в особом отношении к женам. Хотя и здесь мужчины расценивали своих жен как существ более низкого ранга, последние чувствовали себя много свободнее и уверенней, чем у горных папуасов.

Говоря о факторах, способствующих становлению половой иерархии, необходимо всегда помнить об относительности их влияния и рассматривать последнее в полном социальном контексте. Так, в принципе развитие военного дела может способствовать росту мужского авторитета, как это и отмечает Гейли (№ 5. С. 91), но вот у ирокезов оно нисколько не подрывало высокое социальное положение женщин. Неизбежны ли патриархальные взаимоотношения, если домохозяйства составляют социально-экономическую ячейку, как считает Гейли (№ 5. С. 93)? На практике такая связь действительно встречается довольно часто. Но и здесь нет автоматической корреляции, ибо во главе домохозяйств могут стоять и женщины, что нередко случается в условиях материнско-родовой организации.

Наконец, последний вопрос, который хотелось бы затронуть, это воздействие факторов культуры на половые роли. Обыденному сознанию кажется, что половая принадлежность задана человеку от рождения, и это является основанием для того, чтобы сегрегация по полу ощущалась порой не менее остро и болезненно, чем по национальному признаку. Вот почему одни из самых мощных политических движений в современном мире, помимо национальных, — феминистские и другие женские движения. Вместе с тем, не говоря уже о появившихся в последние годы возможностях изменения биологического пола медицинским путем, сравнительно-этнографические исследования показывают, что у многих народов мира существуют непривычные для нас полоролевые позиции или нормативные возможности их изменения. Так как Гейли лишь упомянула об этом, а в нашей науке данная тема практически не разработана, необходимо пояснить сказанное несколькими примерами.

У папуасов бимин-кускусмин (Западный Сэпик, Папуа — Новая Гвинея) особый статус имеют старухи, вышедшие из репродуктивного возраста. Некоторые из них наряду с мужчинами выполняют обязанности старейшин в своих отцовских родах, обладают престижными ценностями и играют большую роль в мужских ритуалах, к которым простых женщин не подпускают под страхом смерти. В социальном плане такие старухи как бы объединяют в себе и мужские,

и женские качества, и их считают чем-то средним между мужчинами и женщинами. Иначе говоря, своеобразие местной культуры обуславливает здесь как бы наличие третьей половой роли. Нечто подобное происходило со стариками-воинами у махавов низовий р. Колорадо (США). Там эти всеми уважаемые старцы не только давали советы молодым людям, но добровольно обслуживали домохозяйства, которые по той или иной причине временно оставались без хозяйки. В целом готовка здесь считалась женским делом, но участие в ней таких старииков не только не вредило, но и повышало их репутацию. Они же заступались за жен перед рассерженными мужьями, предлагая последним излить гнев на себя. Тем самым старики в некоторых контекстах заменяли женщин, что также можно трактовать как наличие третьей половой роли.

В некоторых обществах отмечалось обусловленное теми или иными фактами изменение половой роли на противоположную. Так, у индейцев луизиено в Южной Калифорнии юношей, которые считались «слабыми», т. е. не выдерживали экзамена на мужскую роль, переводили в travestistскую категорию *куут*, и они становились «женами» знатных людей, выполняя для них женские хозяйствственные обязанности. Напротив, во многих африканских обществах встречался особый институт женщины-мужа, связанный со стремлением сохранить собственность и преемственность агннатной линии в определенных родственных группах, где по какой-либо причине не осталось подходящих для этого мужчин, способных сыграть роль мужа и отца. В социальном плане таких женщин кое-где рассматривали как полноправных «мужчин», и они даже могли быть вождями. Таким образом, здесь наблюдался альтернативный, африканский вариант решения той же задачи, что у знатных женщин Ниппера, о которых пишет Гейли (№ 5. С. 91).

Все рассмотренные примеры, а их можно приводить без конца, показывают, каким мощным орудием в руках человека является культура, способная так или иначе трансформировать, казалось бы, незыблемые биологически заданные качества. Однако обращает на себя внимание тот факт, что все случаи travestизма наблюдаются в тех обществах, которые являются маскулино-ориентированными, т. е. при господствующей сегрегации женского пола отдельным его представительницам при наличии соответствующих качеств позволяет изменить свою половую роль. Но это касается именно отдельных индивидуумов и, следовательно, является тем исключением, которое только подтверждает правило.

Поэтому культурологические трансформации половых ролей не могут быть перспективным путем, способным привести к социальному-экономическому или социальному-культурному равенству полов. Более надежным кажется тезис Энгельса о том, что «освобождение женщины, ее уравнение в правах с мужчиной невозможно, пока женщина отстранена от общественного производительного труда и вынуждена ограничиваться домашним частным трудом»⁹. Однако это — лишь условие, которое само по себе еще не делает женщину равноправной, даже если она получает наряду с мужчиной равный доступ к средствам производства и к реальным рычагам власти. Ведь необходимо еще коренным образом изменить атмосферу в быту с ее стереотипом женщины — домашней хозяйки или кухарки, воспитательницы детей.

В. А. Шнирельман

Примечания

¹ Gailey C. W. Kinship to Kingship. Gender Hierarchy and State Formation in the Tongan Islands. Austin, 1987.

² Ю. И. Семенов назвал такой способ производства «политарным». См. Семенов Ю. И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980.

³ Сколько-нибудь детально его касался только Ю. И. Семенов. См. Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

- ⁴ Флюэр-Лоббан К. Проблема матрилинейности в доклассовом и раннеклассовом обществе // Собр. этнография. 1990. № 1.
- ⁵ Кон И. С. Введение в сексологию. М., 1988, и др. его работы.
- ⁶ Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М., 1978; Шнирельман В. А. «Неолитическая революция» и неравномерность исторического развития // Проблемы переходного периода и переходных общественных отношений (проблемы неравномерности общественного развития). М., 1986; Куббель Л. Е., Першиц А. И. Первобытность классовых обществ // История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988, и др.
- ⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 159.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 162.

(C) 1990 г.

ПРОБЛЕМЫ ПОЛА И МАРКСИСТСКИЙ ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К НИМ

Статья К. У. Гейли, как это уже отмечалось в других откликах на нее, посвящена мало привычной советскому читателю тематике — проблемам пола в культурологическом и историко-социологическом аспектах. Трудно переоценить важность этой тематики, а следовательно, и масштабы тех лакун, которые из-за отсутствия должного внимания к ней имеются в советских историко-социологических и этнографических исследованиях. Абстрактный социально-экономический детерминизм наших работ как главная их методологическая — марксистская основа ведет к тому, что человечество в своем историческом развитии и в своих конкретных социальных и культурных средах предстает в виде обезличенной и бесполой массы, сугубо подчиненной каким-то действующим извне силам. Исторические же события сплошь и рядом оказываются как бы отделенными от их непосредственных участников, феномены культуры — от их носителей, социальные институты — от их создателей, составляющих в действительности сложнейшие и разнообразнейшие спектры индивидуально-психологических типов, всегда в то же время разделенные надвое универсальной границей — социокультурной производной полового диморфизма, который уготовил двум половинам человечества весьма различные роли в создании мировой культуры и в процессах развития и функционирования отдельных социальных организмов и культурных традиций.

В обширном комплексе многообразных социокультурных феноменов, рожденных дихотомией полов, как правило, лишь традиционные формы полового разделения труда и соотношение социальных статусов полов привлекают внимание советских историков и этнографов. Однако извлеченные из целостного контекста глубоко взаимосвязанных явлений, эти аспекты человеческих отношений чаще всего подаются и воспринимаются также довольно абстрактно. Увлекшись поисками общих независящих от воли и сознания людей закономерностей развития общества и его культуры, мы нередко забываем, что ничего в конечном счете не возникает само собой, что все накопленное в мировой культуре создано в процессе творческой деятельности конкретных людей и что характер этой деятельности и ее результаты всегда несут отпечаток половой принадлежности творцов. Несколько упрощая и огрубляя, можно сказать, что наряду с общечеловеческими есть сферы культуры и социальные институты, разрабатывавшиеся преимущественно мужчинами, и есть сферы культуры и социальные институты, создававшиеся главным образом женщинами, и это самым существенным образом предопределило и их структуру, и их содержание.

Вместе с тем разные социальные роли, разные жизненные задачи, разные области приложения труда, ума, эмоциональной энергии формируют разное мировосприятие, разные системы ценностей, разные жизненные устремления, разные стили мышления и чувствования. К. Маркс сказал: «Человек — это мир человека...»¹. Но мир человека — это или «мир мужчины», или «мир женщины». А эти «миры» совпадают лишь отчасти, а от «другой части» глубоко расходятся.

Очевидно, можно без особого преувеличения сказать, что на протяжении всей истории человечества и в самых различных областях ойкумены — те сферы деятельности, которые в наибольшей мере привлекали внимание пытливых и творческих умов, особенно интенсивно отражаясь во всевозможных памятниках культуры, являлись преимущественно мужскими. И основными их исследователями — носителями интеллектуальной познавательной традиции — также были главным образом мужчины. Поэтому «мир мужчин» гораздо полнее отражен и в искусстве — в художественном познании, и в гуманитарной науке. И есть немало произведений искусства, научных работ или даже целых областей гуманитарного знания, в которых то, что предстает как «мир человека» (его мировосприятие, его манера мыслить и чувствовать) или как культура какого-то социума в целом, на самом деле является лишь «миром мужчин» или культурой преимущественно мужской части общества.

В свое время, углубившись в изучение первоисточников по аборигенам Австралии, я с немалой долей наивного удивления обнаружила, что такие традиционные атрибуты их культуры, которыми в нашей этнографической литературе обычно характеризовалось общество коренных астралайцев в целом, как-то: возрастные инициации, тотемизм, колдовство и знахарство, наскальная живопись и рисование на коре, система лидерства и церемониального обмена, игра на *диджериду* и даже похоронная обрядность, — на деле почти исключительно сферы мужской культуры — они создавались мужчинами и являются по преимуществу их достоянием. А у женщин своя культура, гораздо хуже изученная, гораздо менее экзотическая и впечатляющая и именно поэтому, видимо, часто остающаяся как бы «за кадром» в обобщающих этнографических исследованиях. То же, вероятно, можно сказать и об описаниях многих африканских культур или индейских культур Америки. И, очевидно, не случайно, что именно на долю культурной и социальной антропологии, изучающей археологические общества, отмеченные особо заметными формами культурной дихотомии полов, выпала инициатива начать восполнение пробелов в исследовании «мира женщин». И именно женщины-антропологи первыми приступили к выполнению этой задачи, заложив основы для особой субдисциплины — антропологии пола. Эта субдисциплина зарождалась преимущественно в лоне сугубо академических исследований этнопсихологической школы, опирайсь на тщательно собиравшиеся эмпирические полевые данные. К настоящему времени она вышла далеко за пределы изучения доиндустриальных обществ, накопила ценнейший фактологический багаж и выработала специфический концептуальный аппарат, остающийся в основном нам незнакомым. Однако внутри данной субдисциплины есть направление, в котором обнаруживаются некоторые черты, нам достаточно близкие. Оно, как представляется, уходит своими истоками за рамки чисто академических научных интересов в сферу феминистского общественного движения и феминистских устремлений. В нем наука причудливо соединилась с феминистской идеологией, а фокусом внимания сделался все тот же вопрос о соотношении социальных статусов полов, о мужском доминировании, о его формах, причинах и истоках. Изучение же этого вопроса рассматривается в значительной мере не как самостоятельная исследовательская цель, но как средство, с помощью которого можно отыскать пути преодоления всевозможных существующих в мире форм неравенства между полами. И опять-таки, очевидно, не случайно, что в некоторых работах, принадлежащих этому направлению, феминизм вступает в своего рода симбиоз с марксизмом, имеющим, как и во многих

ютских исследованиях, характер не столько особого метода научного анализа, сколько определенного комплекса исходных общетеоретических постулатов. Среди последних постулат о полном социальном равенстве, в том числе и между половами, в доклассовых обществах оказывается как нельзя лучше соответствующим феминистским установкам, исходящим по не совсем понятной логике из того, что существование равенства полов в прошлом служит как бы залогом достижимости такого равенства в будущем.

И вот, как представляется, обсуждаемая статья К. У. Гейли во многом призывает именно к этому феминистско-марксистскому направлению, соединяя в себе весьма противоречивые тенденции. С одной стороны, она отражает высокий теоретический уровень, достигнутый современными исследованиями по проблеме пола, сложность и разработанность их категориального аппарата, обширную эрудицию автора и множество сделанных ею оригинальных и тонких наблюдений о характере взаимоотношений полов в различных обществах, переживавших, как она полагает, процесс государство- и классообразования.

Этот высокий теоретический уровень, особый категориальный аппарат и оригинальные авторские наблюдения создают ощущение новизны и необычности, усиленное тем, что статья носит явный отпечаток того специфического стиля изложения мыслей, который распространен среди западных марксистов и который Э. Гелнер, быть может, слишком резко именует «Мумбо-Юмбо салонного западного марксизма»². Я бы скорее сравнила этот стиль с особым языком «посвященных», доступным лишь узкому кругу прошедших инициацию. Все это существенно затрудняет для нас восприятие содержания статьи. Но, с другой стороны, если мы все же попытаемся «пробиться» сквозь эту непривычную и как бы даже нарочито усложненную оболочку, то под ней обнаружим ряд методологических и мировоззренческих установок, а также общетеоретических положений, хорошо знакомых нам по советским марксистским работам и восходящих к основоположникам.

Обозначаемое словом gender понятие, переводимое чаще всего словосочетаниями «полоролевые стереотипы» или «половые роли», оказывается порой в контексте статьи не только полностью отвлеченным от биологических сексуальных аспектов пола, но и от реальных носителей этих стереотипов или ролей — мужчин и женщин, действующих в обществе. Вообще фактор сознательной целенаправленной деятельности человека как бы не учитывается, а все социальные процессы выступают подчиненными сугубо жестким закономерностям, никак не зависящим от воли, сознания, стремлений людей. Вопрос об отношениях полов и о динамике их изменений рассматривается главным образом в знакомом ракурсе соотношения статусов мужчин и женщин, имеющихся в культуре ценностных представлений о маскулинности и фемининности, а также распределения между мужчинами и женщинами ролей в материальном производстве и в системе управления.

Априорно в качестве исходного постулата автор принимает марксистское положение о неразрывной связи и единстве процессов классообразования и государствообразования, а давно обсуждаемую в мировой науке проблему, удачно названную В. А. Поповым «политогенетической контроверзой»³ (многократно зафиксированная в истории и этнографии ситуация, когда в обществе имеются разветвленные политические структуры, а классы, в марксистском понимании, отсутствуют), полностью обходит вниманием.

Главная идея статьи, что в процессе политогенеза кардинально меняются полоролевые стереотипы и что эти изменения нуждаются в тщательном изучении, бесспорна, но в тоже время и самоочевидна. А вот подход к исследованию характера, существа, направленности таких перемен вызывает определенные сомнения. Опять-таки априорно, не обращаясь к анализу фактического материала по догосударственным обществам, в первую очередь по охотничьесобирательским, но вполне согласуясь с Ф. Энгельсом, К. У. Гейли исходит из того, что до начала складывания классового неравенства и политических

структур статусы полов были равны и соответственно как равнозначные оценивались в обществе и вклады в материальное производство и роли в функционировании системы социального контроля, соответственно такие проявления неравенства в положении мужчин и женщин, как половая иерархия и патриархия (если пользоваться терминологией К. У. Гейли), развиваются лишь с разрушением догосударственных структур. Между тем даже у так называемых низших охотников и собирателей мы далеко не всегда находим эгалитарные формы организации отношений между полами, и это обстоятельство опять-таки уже не раз привлекало специальное внимание исследователей⁴.

Так, уaborигенов Австралии и бушменов Калахари при одинаковом способе жизнеобеспечения, при одинаковом способе производства и одинаковой системе производственных отношений (с точки зрения марксистского подхода) в традиционных условиях отмечались весьма различные формы взаимоотношений полов. Австралийскиеaborигены были точно так же далеки от формирования классовых отношений, и от создания государственной организации, как и бушмены Калахари, но если у последних отношения между полами характеризовались полным или почти полным эгалитаризмом, то у первых существовало резко выраженное — нормативно закрепленное — неравенство статусов мужчин и женщин, причем положение женщин у аustralийцев, бродячих охотников и собирателей, было значительно более низким и зависимым, чем, скажем, во многих полинезийских обществах, считающихся стадиально куда более продвинутыми.

Насколько можно судить на основе сопоставления данных по организации взаимоотношений полов в различных известных этнографии архаических обществах, полное равенство социальных статусов полов возможно только при полном эгалитаризме всей системы социальных отношений. А это, по-видимому, редкость или по крайней мере весьма нечастое явление даже среди охотниче-собирательских культур. Складывается впечатление, что всюду, где имеются какие бы то ни было формализованные отношения субординации, иерархическая структура статусов, женщины неизбежно оказываются в менее благоприятном положении, чем мужчины. И особенно значительными, как кажется, бывают ущемления женских прав там, где в обществе имеются влиятельные и престижные замкнутые корпорации, возможности вступления в которые ограничены нормативами и вхождение в которые открывает доступ к наиболее важным (или считающимся таковыми) видам информации — высоко социально значимого знания, сохраняющегося в строгой тайне ото всех остальных. Такие корпорации могут формироваться при любом способе производства, при любой экономической системе или в рамках любой социально-экономической формации, какую бы типологию и терминологию мы ни избрали. Подобные корпорации известны и у бродячих охотников и собирателей, не развивших каких-либо форм имущественной дифференциации и не имевших частной собственности (например, те жеaborигены Австралии с их мужскими тотемическими группами), и в классовых обществах, основанных на частной собственности на средства производства, и в социалистических обществах, как будто бы уничтоживших антагонистические классы и частную собственность.

Почему такие организационные структуры имеют тенденцию к возникновению при весьма различных условиях? Не потому ли, что их существование связано с какими-то глубинными закономерностями социально-психологического характера, закономерностями, пересекающими границы культур, континентов, формаций и т. п.? И не потому ли они чаще всего являются монополией мужской части общества, что создаются именно в процессе мужской деятельности, являются плодами мужской организационной активности, отвечающей каким-то важнейшим психологическим потребностям, как правило, не характерным для женщин? Конечно, вопросы эти поставлены в очень упрощенной (чтобы не сказать вульгарной) форме, но несомненно, что в проблемах антропологии пола, в том числе и в более узком вопросе о соотношениях статусов

полов, невозможно разобраться без углубленного изучения универсальных психологических явлений, обусловленных дихотомией полов и проявляющихся в процессе сознательной целенаправленной деятельности мужчин и женщин. Рамки марксистского формационного подхода и социально-экономического детерминизма как-то особенно тесны для этой проблематики. Рассматриваемая статья, как кажется, весьма наглядно показывает, насколько сковывающее воздействие на исследовательскую мысль оказывает этот подход, даже тогда, когда она развивается в сугубо демократическом обществе и не находится под давлением государственной идеологии и политических факторов.

О. Ю. Артёмова

Примечания

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 414.

² Gellner E. State and Society in Soviet Thought. Oxford, 1988. Р. 4.

³ Попов В. А. Этнополитические организмы аканов доколониальной эпохи: Пробл. генезиса и стадиально-формационной атрибуции: Автограф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1987.

⁴ Например, Begler E. B. Sex, Status and Authority in Egalitarian Society // American Anthropologist. 1978. V. 80. № 3; Endicott K. L. The Conditions of Egalitarian Male-Female Relationships in Foraging Societies // Canberra Anthropology. 1982. V. 4. № 2; Woodburn J. C. Hunters and Gatherers Today and Reconstruction of the Past // Soviet and Western Anthropology. Duckworth, 1980.

© 1990 г.

ПОЛ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КУЛЬТУРЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Появление статьи Кристиан Гейли «Диалектика пола в процессе формирования государства» на русском языке нельзя не приветствовать. Американская исследовательница предлагает весьма сжатую и сконцентрированную по форме теоретическую реминисценцию своих взглядов на проблему пола, сложившихся в результате скрупулезных эмпирических исследований на островах Тонга и анализа широкого сравнительного материала. Статья представляет огромный интерес не только потому, что позволяет лучше понять классическую в этнологии проблему формирования ранних форм государственности, но и потому, что демонстрирует одно из направлений в антропологии пола, ориентированное на отражение масштабных социальных процессов через призму динамики половых ролей и статусов.

Мои заметки не касаются непосредственно материала К. У. Гейли, который выступает здесь лишь как повод для обсуждения некоторых методических аспектов сравнительного исследования социального и символического статуса полов в различных культурах. Далее попытаемся выявить скрытые противоречия подобного подхода, которые проявляются отчетливо, в частности, в том случае, если сравнительное исследование доведено до логического конца и представляет собой статистический кросскультурный анализ влияния различий в положении полов на протекание глобальных социальных процессов в данных культурах. Краеугольным камнем такого анализа является понятие статуса. В то же время именно оно представляет препятствие для изучения соотношения полов в различных культурах, поскольку это понятие чрезвычайно сложно выразить через систему эмпирических индикаторов. Наиболее жестко данная проблема сформулирована в исследованиях социологов, которые отмечают практическую невозможность перенесения языка теоретического анализа, ис-

пользующего для описания социального положения человека такие понятия, как «статус», «роль», «класс» и т. д., на языках эмпирических исследований, оперирующих индикаторами «пол», «возраст», «профессия» и т. д.¹ С похожей проблемой столкнулись и этнографы, занимающиеся кросскультурным анализом. Так, К. Уайт показал, что понятие статуса при сравнении положения женщин в 93 культурах не обладает необходимой познавательной эффективностью из-за низкого коэффициента корреляции между различными эмпирическими индикаторами статуса².

В понятии статуса при тщательной верификации этнографических данных в рамках одной культуры также демонстрируется известный релятивизм. Проблема социального и символического соотношения полов высвечивает это качество, пожалуй, наиболее ярко. Действительно, традиционный способ описания культуры по ее различным разделам часто «буксирует», как только речь заходит о символических аспектах поведения женщины. Несколько утрируя, можно сказать, что в определенных контекстах классическое клише «они (название народа) поступают (ведут себя, думают и т. д.) так-то и так-то», может означать всего лишь, что «информаторы — старики из данной деревни считают, что правильно делать (вести себя, относиться к чему-либо) надо так-то и так-то». В этом случае происходит не только приравнивание реального поведения к тем моделям, воспринимаемым как нормативные, но и сведение всех носителей культуры к их части. При всей очевидной неполноте описания культуры с позиций подобного андроцентризма, т. е. «склонности рассматривать и принимать в качестве подразумеваемой нормы прежде всего мужское поведение» (И. С. Кон)³, такие случаи не так уж редки.

Нечто похожее обнаружил Томас Бакли в трудах Альфреда Кребера по этнографии индейцев Калифорнии. Относительно подчиненный ритуальный статус женщин в культуре индейцев юрок, по данным Кребера, сопрягался с молячаливым представлением о низком и грязном статусе менструальной крови, а также с отношением к женской физиологии как к своего рода проклятию. Этим мотивировалась изоляция женщин в менструальный период в отдельной хижине или комнате и запрещение контактов (не только сексуальных) с мужчинами. Однако Т. Бакли в ходе полевой работы обнаружил, что данная версия не только представляет лишь мужскую точку зрения на символический статус женщины, но и резко контрастирует с тем, как сами женщины интерпретируют его. По их мнению, изоляция в менструальный период связана с возрастанием в этот период женской ритуальной власти. Это время не стоит тратить на «мирские» занятия, т. е. на контакты с противоположным полом. Напротив, удалившись в отдельную хижину, следует направить усилия на концентрацию духовной энергии с тем, чтобы понять предназначение своей жизни и тем самым, погрузившись в себя, сделаться сильнее⁴. При этом Бакли обнаружил, что в черновиках Кребера, относящихся к 1902 г., содержатся не попавшие в публикации интервью, представляющие и женскую версию причин изоляции. Таким образом создавая свою, академическую версию культуры юрок и ее институтов и отдав предпочтение в данном случае мужским взглядам, А. Кребер, по выражению Т. Бакли, пал жертвой «двойного (англоамериканского и юрок) мужского этноцентризма».

Однако дело не только в том, насколько глубже можно понять культуру юрок сопоставляя мужскую и женскую версии объяснения изоляции в менструальный период. Материал Т. Бакли в большей степени иллюстрирует процесс за рождения этнографического знания (в данном случае знания о статусе женщины), преобразующего поток субъективных значений в систему культуры как организацию (совокупность статусов). Результат (текст) характеризуется с одной стороны, определенностью и упорядоченностью связей, а с другой — их абстрактностью и умозрительностью с точки зрения исследовательского контекста. В самом деле, если культура юрок ассоциируется прежде всего с перламутровыми раковинами как мерой богатства и вирой за кровь, обсидиа-

новыми клинками и шкурами белых оленей как символами престижа, отсутствием взаимопомощи и заботы о соплеменнике как основой существования долгового рабства и т. д., то о женской или мужской культуре юрок идет речь?

Обе версии (женская и мужская) могут включать в себя одни и те же символы, смысл которых заключен в рамках совершенно различных ценностных иерархий. Отношение к менструации показывает, что обе иерархии могут обладать известным релятивизмом и порождать весьма различные представления о культуре юрок в целом. В особенности это касается половой дифференциации. В зависимости от того, кто является информатором, мужчина или женщина, на основе дефиниции К. Гейли иерархии полов («регулярной ассоциации социального преобладания и власти с той атрибутикой, которая в данной культуре приписывается маскулинной») правомерно вычленение по крайней мере двух иерархических систем. А если предположить, что глубина информированности носителя культурной традиции может влиять, на его ценностные ориентации, то количество версий может возрастать. Это демонстрирует одна из информаторов Т. Бакли — молодая женщина, которая в силу жизненных обстоятельств долгое время не подозревала о женской интерпретации менструации у юрок и адаптировала мужскую точку зрения. И чем глубже этнограф проникает в жизнь исследуемой группы, тем больше он видит версий ее культуры, которые будут различны у толкователей и непосвященных мужчин и женщин, взрослых и детей и, в конечном счете, у каждого индивида.

На этот парадокс размывания общепринятых значений обратил внимание Э. Эванс-Пritchard, когда писал о двусмысленности субъективных значений как о принципе их функционирования: «антрополог... начинает сомневаться, действительно ли он все правильно понял..., и не может быть в этом уверен, тем более, что и они [занде] не уверены, имеют ли те или иные слова какой-то нюанс или это им только кажется»⁵. Но антрополог в любом случае наблюдает не всю культуру юрок, а индейскую деревню в 1902 г. (А. Кребер) или в 1978 г. (Т. Бакли). Он имеет дело с межличностными отношениями, индивидуальным поведением и устными версиями отношений, которые он далеко не всегда в состоянии контролировать. В каком-то смысле можно сказать, что культура юрок существует как организм только в этнографических монографиях. И этнографическое знание данной культуры или ее аспекта, например, статуса женщины, существует, если воспользоваться метафорой Клирфорда Гиртца, как «густое описание» (thick description)⁶ поведения в контексте, в котором индивидуальное поведение не равно самому себе, подобно тому, как доминантность или подчиненность, психологические по сути характеристики межличностных взаимоотношений мужчин и женщин, могут символизировать социальные институты или культурные системы.

Парадоксальность этого знания, взятого в чистом виде, заключается в том, что, будучи построенным на принципе самоочевидности, т. е. на сугубо феноменологической основе, оно обладает различной степенью достоверности по отношению к своей и чужой культуре. Другими словами, несмотря на все сказанное, я подсознательно уверен, что возможно описать статус женщины в культуре эвенков (чужой культуре) и невозможно — в современной городской («моей») культуре. И, соответственно, вообще невозможно описать статус мужчины. При этом представляется, что описание статуса женщины у эвенков или у юрок или в любой другой чужой культуре для исследователя есть либо мифология, когда единичное эквивалентно своей же абстрактной сущности (данная эвенкийская женщина есть эвенкийская женщина вообще), либо искусство, т. е. способность, говоря словами Уильяма Блейка,

В одном мгновении видеть вечно,
Огромный мир в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.

Н. В. Скорин-Чайков

- ¹ Макгинис Р. Новое в методах исследования // Американская социология: перспективы проблемы, методы. М., 1972. С. 151.
- ² White K. The Status of Woman in Preindustrial Societies. Princeton; N. Y., 1978. P. 170—171.
- ³ Кон И. С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 16.
- ⁴ Buckley Th. Menstruation and the Power of York Woman: Methods in Cultural Reconstruction // American Ethnologist. 1982. № 9. P. 47—60.
- ⁵ Evans-Pritchard E. E. Essays in Social Anthropology. N. Y., 1953. P. 227—228.
- ⁶ Geertz Cl. The Interpretation of Cultures. N. Y., 1973. P. 12—21.

© 1990 г.

НОВЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ ГОСУДАРСТВООБРАЗОВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ

Интерес исследователей, как советских, так и зарубежных, к проблеме типологии процессов государствообразования и, следовательно, к проблеме многогранности развития культур разных народов устойчив и традиционен. Его можно обнаружить еще в работах исследователей XIX — начала XX в., особенно после того, как К. Маркс в основу своей теории о классовых антагонистических формациях положил представление о ведущей роли частной собственности в процессе образования государства. Между тем тезис о структурообразующей роли именно и прежде всего частной собственности в любом обществе, вышедшем из недр общинного строя, принимается ныне даже в советской историографии далеко не всеми. Так, А. Я. Гуревич, например, выделяет в качестве главенствующих процессы политогенеза, суверенитета личности или социального слоя; Л. Е. Куббель поставил вопрос о важнейшей роли власти, «потестарных» функций¹. В настоящее время перед нами статья американской исследовательницы, хорошо знакомой с современной марксистской литературой и во многом разделяющей ее основные положения. Эта работа позволяет обратить внимание еще на один аспект процесса образования государства, еще на один — и притом немаловажный! — фактор. Этот фактор — «диалектика пола». К. У. Гейли абсолютно точно подметила удивительное безразличие к нему многих исследователей теоретических моделей государствообразования; сама же она по достоинству принадлежит к числу первых исследователей, обративших на него внимание (наряду с И. Сильверблат, Э. Б. Ликок и др.).

Ставя перед собой задачу поиска причинно-следственных связей между процессами возникновения иерархии полов, развитием полоролевой дифференциации, классо- и государствообразованием, К. У. Гейли попутно ищет и отвечает на вопрос, является ли подчиненное социальное положение женщин исконным или же исторически обусловленным. В этом плане особенно верен и плодотворен мое думается, вывод автора о том, что «патриархия не является неизбежным следствием иерархии полов, возникающей вместе с классами и государством» (№ 5. С. 95). Реальный авторитет женщин в любом обществе, и прежде всего в классовом, зависит помимо социальной стратификации от множества факторов, не связанных или мало связанных с нею. В одних сферах, которые, например, в современной французской историографии называются сферами «традиционно мужского господства» (война, политика и т. п.), в большей степени могла проявляться, пользуясь терминологией автора, «патриархия», т. е. приоритетность мужчин, в других наблюдался «половой параллелизм». Да эти сферы нужно рассматривать исторически, доля участия или маргинализации (ограничения, исключения) женщин в них постоянно менялась, находясь в соответствии с динамикой развития многих социальных процессов.

Противоречит ли вывод К. У. Гейли традиционному представлению о процессе образования классов, государства и о влиянии этого процесса на просмотр полоролевых стереотипов? Если понимать под «традиционным представлением» догматическое цитирование известного высказывания Ф. Энгельса о «всемирно-историческом поражении женского пола» с началом процесса образования классов², то, несомненно, противоречит. Если же относиться к марксистской концепции не как к догме, а активно использовать диалектический метод при анализе конкретного материала, стараться мыслить процессуально, что и делает К. У. Гейли, то мы должны будем признать, что автор отошел не от марксизма, а от односторонних, статичных схем, стереотипов. Мне также пришлось столкнуться с одним из таких стереотипов, возникшим из догматического толкования идей Ф. Энгельса о взаимодействии между возникновением частной собственности и моногамией, характерной чертой которой было господство мужчины в доме и в социальной жизни. Стереотип этот, надолго обосновавшийся в нашей науке, состоит в утверждении, что социальный статус русских женщин в раннегосударственный и феодальный период был чрезвычайно низок, а сами они долгое время представлялись какими-то «террорными затворницами», прозябавшими в дикости и темноте. Конкретный материал говорил как раз об обратном — о положительной динамике изменения социального статуса женщин с развитием классового общества (и это по сути не противоречит общему марксистскому выводу о поступательном развитии общества). Но он не согласовывался с постулированным Ф. Энгельсом утверждением, и потому прочный социальный статус русских женщин приходилось объяснять прежде всего этнокультурными особенностями исторического развития России, не пытаясь найти общеисторические причины и детерминанты. Исследование К. У. Гейли ставит ученых перед необходимостью возобновить такие поиски.

В их русле лежит изучение самого процесса функционирования мужских приоритетов. Так, к числу наблюдений К. У. Гейли, с которыми можно безусловно согласиться, относится ее утверждение о том, что иерархия полов появилась вначале на межклассовом уровне, а затем на внутриклассовом, причем в господствующих непроизводящих классах подчиненность, «несвобода» женщин выражена отчетливее, хотя женщины из числа элиты и обладали значительным авторитетом благодаря престижности самого их социального статуса.

Отметим также наблюдение К. У. Гейли, связанное с оценкой участия женщин в производственной деятельности. Со времени опубликования работы Ф. Энгельса известно, что именно исключение женщин из производственной сферы лежало в основе многих дискриминирующих актов. К. У. Гейли же замечает, что примеров того, что конечный продукт производства контролировали оба пола (и даже одни женщины!), очень много. Между тем контроль над распределением — явление более значимое, нежели простое участие в производственном процессе³.

Все эти важные положения также дают повод для размышлений.

Конечно, работа американской исследовательницы, демонстрирующей новый подход к «вечной теме», не свободна от гипотетических положений, требующих более веской аргументации. К числу их можно отнести утверждение о том, что «в слабых государствах» больше учитывалась полоролевая дифференциация, а в «сильных» — менеё (№ 5. С. 90). Так ли это? И не правильнее ли ставить и рассматривать вопрос иначе, беря за основу уровень социально-экономического развития, т. е. мыслить формационно: сравнить ситуации на ранних стадиях развития классовых обществ, когда положение в системе родственных связей, пол, брачный и родительский статус учитывались вполне определенно, и на поздних ступенях развития формации («классический» Рим, поздний феодализм и т. п.), когда половые различия учитывались, особенно в законах, номинально или не учитывались вовсе.

Анализируя концепцию и аргументацию К. У. Гейли, можно найти и другие

нерешенные вопросы, спорные утверждения. Так, мне, например, трудно согласиться с тем, что, по словам К. У. Гейли, исследователи, придающие большое значение проблеме пола в процессе государствообразования, работают в большинстве своем в русле марксистской концепции. За рубежом многие ученые и немарксистского толка анализируют эту проблему, в СССР же подобные исследования как раз почти не велись. Однако можно надеяться, что они еще привлекут внимание этнографов и историков различной специализации: медевистов, русистов и «западников», ориенталистов. Работа К. У. Гейли может дать тому полезный импульс.

Н. Л. Пушкирова

Примечания

¹ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в западной Европе. М., 1970. С. 52, 59—60 (его точку зрения разделяют: Васильев Л. С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 61; Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 241—277).

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 60.

³ Сошлюсь здесь на собранный мною древнерусский материал: Пушкирова Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 260—261.

© 1990 г.

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОВЕДЕНИИ ПРИМАТОВ И ПРОБЛЕМА ДИАЛЕКТИКИ ПОЛА В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

В статье «Диалектика пола в процессе формирования государства» К. Гейль справедливо указывает на распространенную ошибку многих исследователей рассматривавших иерархию полов как неизменную черту всех человеческих обществ и приписывающих ей статичную форму (иерархия при этом представляется в виде патриархии). Половые различия в культурной и социальной сфере анализируются в данном случае как врожденные качественные характеристики, детерминированные биологическими различиями особей противоположного пола. Подобная трактовка, с нашей точки зрения, носит отчетливые следствия социобиологического подхода, представляющего доминирование мужского пола над женским в виде универсальной черты сообществ приматов. Такие представления не только слишком упрощены, но, по-видимому, далеки от реального положения дел. Прежде всего следует сказать, что на современном этапе развития этологии претерпела значительные изменения сама теория доминирования. Ранги особей не рассматриваются более как неизменный арибут животного, его врожденная характеристика². Признается, что они отражают лишь взаимоотношения между конкретными особями в определенных ситуациях и в фиксированные отрезки времени. Вместе с тем высокий статус животного в группе, несомненно, зависит от его индивидуальных качеств типа нервной системы, ряда психологических характеристик, «коммуникабельности» (способности образовывать альянсы, получать и оказывать поддержку, умения координировать действия других особей³). Существенную роль в определении социального положения животного играют его родственные связи. Известно, к примеру, что у макаков ранг самки наследуется по материнской линии: самка-дочь занимает место в групповой иерархии сразу после матери⁴.

В отряде приматов отсутствует однозначная закономерность доминирован

мужского пола над женским. Можно выделить некий условный непрерывный ряд, представленный видами приматов с разной степенью выраженности иерархии между полами. На одном его конце находятся виды с выраженным половым диморфизмом морфологических признаков (прежде всего размеров тела). Самцы этих видов приматов, как правило, отчетливо доминируют над самками в пищевой, социальной и сексуальной сферах активности (павианы, гамадрилы, гориллы, орангутаны). Самки же обычно занимают подчиненное положение по отношению к самцам. Наиболее характерным типом социальной организации для таких видов является гаремная группа. У большинства видов приматов половой диморфизм выражен не столь отчетливо. Самки могут подчиняться одним самцам и доминировать над другими. Социальные ранги животных определяются не их половой принадлежностью, а скорее возрастом и родством. У многих видов макаков с их развитыми матрилинейными связями статус прямо или опосредованно зависит от социального статуса их матерей. С другой стороны, в группах, где половозрелый сын является лидером, его мать часто доминирует над всеми остальными членами группы мужского пола. Известны случаи, когда при наличии половозрелых самцов реальным лидером группы была старая самка (наблюдения автора за группами макаков резусов и лапундеров в Сухумском приматологическом центре). Ни сила особи, ни ее агрессивность не являются определяющими признаками при выборе лидера группы. В этом случае существенным моментом становятся интеллектуальные способности животного и его социабильность (умение устанавливать дружелюбные контакты с другими особями группы и получать от них поддержку)⁵. К данной категории относятся виды (их большинство) с мультисамцовой — мультисамковой организацией группы и развитыми матрилинейными связями. Проявление силового доминирования одного пола над другим отсутствует у большинства видов широконосых обезьян. Характерные типы их организации — парные семейные образования, включающие их неполовозрелое потомство и полиандрические группы, куда входят несколько взрослых самцов и одна самка. У ряда видов широконосых обезьян имеются также и мультисамцовые — мультисамковые группы (например, у различных видов капуцинов). К другой категории относятся виды с мультисамцовой — мультисамковой структурой групп, для которых характерно преимущественное доминирование самок над самцами (кошачьи лемуры, зеленые мартышки). Интересно заметить, что в этом случае самцы обычно крупнее самок. Предпринимая попытки определить роль особей мужского или женского пола в функционировании группы, нужно помнить, что у приматов группа представляет собой бисексуальную структуру. Важную роль в ее функционировании играют особи обоего пола. Для подкрепления подобного утверждения приведем один из примеров. Помимо универсальных механизмов поддержания единства группы, существуют также и сугубо полоспецифические механизмы.

Последние столь важны для обеспечения групповой стабильности, что при нарушении половозрастной структуры группы может происходить инверсия поведения, при которой отдельные особи начинают выполнять социальные роли, специфические для представителей противоположного пола. Ни одна из моделей иерархических отношений между полами не является абсолютной. В пределах одного вида приматов всегда существуют значительные межгрупповые различия, связанные с конкретными экологическими условиями и уникальным для каждой группы набором особей. Значительные межиндивидуальные различия животных могут зачастую перекрывать половые поведенческие различия.

Вместе с тем нельзя отрицать, что половая дифференциация поведения у приматов — в значительной мере следствие генетических различий. Она зафиксирована уже на самых ранних этапах онтогенеза. Формирование поведения особей противоположного пола во многом зависит и от условий воспитания. Члены группы, в том числе и мать детеныша, по-разному относятся к младенцам мужского и женского пола⁶. У взрослых особей, согласно наблюдениям Де Ваа-

ла, отмечаются половые различия по частоте и форме социальных контактов, отношению к детенышам, орудийной деятельности. Например, и самцы и самки в группах шимпанзе способны образовывать коалиции с другими особями. Однако при этом особи противоположного пола преследуют совершенно разные цели и движимы принципиально различными мотивациями: самки образуют коалиции для защиты «друзей» и родственников, а самцы — для достижения более высокого социального положения в группе⁷. Тот же автор указывает на сходство половых различий, выявленное у людей в экспериментальных игровых ситуациях при формировании коалиций⁸. Самцы успешнее, чем самки, координируют действия группы, чаще выполняют роль контролирующего животного, поддерживая ее единство. Вместе с тем самки-матриархи становятся своеобразными «центрами», вокруг которых концентрируются другие особи. Именно самки, а не самцы выступают инициаторами деления группы, и от их взаимоотношений друг с другом в конечном счете зависит единство группы⁹. Отчетливые половые различия, связанные с техникой применения орудий для добывания пищи и успешностью освоения новых орудийных навыков, существуют в природных популяциях шимпанзе¹⁰.

Половые различия являются собой один из вариантов повышения внутривидового разнообразия особей, обеспечивающего расширение рационального использования ресурсов среды и оптимизацию социальных взаимоотношений в группе. Данные по поведению приматов свидетельствуют о неправомерности завышения роли особей какого-либо одного пола для успешного функционирования группы. Они наглядно демонстрируют динамичность и диалектичность отношений между полами в сообществах приматов. Этологические исследования указывают на отсутствие однозначной тенденции к доминированию мужского пола над женским во внутригрупповом общении.

Половые различия в поведении человека, несомненно, существуют и имеют диалектический характер. Степень выраженности этих различий и их оценка во многом зависят от культурологических, социальных и экономических особенностей конкретного общественного образования. Одни различия подчеркиваются и гипертрофически усиливаются обществом благодаря воспитанию, другие наоборот, затушевываются. Общественные потребности накладывают конкретные ограничения на характер проявления половой иерархии и распределения социальных ролей между особями противоположного пола. Весьма убедительно поэтому выглядит вывод К. Гейли о том, что в переходные периоды социально-экономического развития общества наблюдается значительная вариантность половой иерархии.

М. Л. Бутовская

Примечания

¹ Lumsden C. I., Wilson E. O. *Genes, Mind and Culture. The Coevolutionary Process*. Cambridge 1981; Hamilton M. B. *Revising Evolutionary Narratives: A Consideration of Alternative Assumptions about Sexual Selection and Competition for Males* // Amer. Anthropol. 1984. V. 86. P. 651–661

² Bernstein I. S. *Dominance: The Baby and the Bathwater* // Science. 1981. V. 4. P. 419–451

³ Bernstein I. S., Williams L. R. *The Study of Social Organization* // Comparative Primate Biology. V. 2a. Behaviour Conservation and Ecology. N. Y., 1986. P. 195–213.

⁴ Kaplan I. *Fight Interference and Altruism in Rhesus Monkeys* // Amer. J. Phys. Anthropol. 1978. V. 49. P. 241–250.

⁵ Bernstein I. S., Williams L. R. Op. cit.

⁶ Goldfoot D. A., Neff D. A. *On Measuring Behavioral Sex Differences in Social Contexts* // Hanbook of Behav. Neurobiol. V. 7. Plenum Publ. Corp., 1985. P. 767–783; Champoux M., Suomi S. *Sex Differences in the Behavior of Neonatal Rhesus Macaques* // Amer. J. Primatol. 1986. V. 10. P. 394

⁷ De Waal F. B. M. *Sex Differences in the Formation of among Chimpanzees* // Ethol. and Sociobiol. 1984. V. 5. P. 239–255.

⁸ De Waal F. B. M. Op. cit.

⁹ Oi T. *Sociological Study on the Troop Fission of Wild Japanese Monkeys (Macac fuscata) a Yakushima Island* // Primates. 1988. V. 29. P. 1–19.

¹⁰ Whitesides G. H. *Nut Cracking by Wild Chimpanzees in Sierra Leone West Africa* / Primates 1975. V. 26. P. 91–94.

НЕТ «ЖЕНСКИХ» ПРОБЛЕМ БЕЗ «МУЖСКИХ»

Известно, как много дает исследователю для понимания процессов, происходящих в обществе, определение статуса мужчин и женщин, «мужской» и «женской» роли. Но известно и другое — как трудно установить специфику каждой из этих ролей. Половая дифференциация, как всякое социальное явление, исторически обусловлена, ее формы меняются в зависимости от конкретной исторической ситуации. Любая социальная роль, в том числе половая, предполагает определенное социальное положение, позицию, которую человек занимает в системе общественных отношений, вследствие чего анализ «мужской» или «женской» роли должен проводиться в определенном социальном контексте, в рамках конкретного общества. Такой историко-социологический подход позволяет понять процесс сложения тех половых ролей, тех взаимоотношений мужчин и женщин, которые мы называем современными, а также проследить их изменение и видоизменение вместе с ними культурных норм и стандартов.

В этом плане замысел К. У. Гейли исследовать взаимоотношения между полами, с одной стороны, в рамках процесса формирования государств, а с другой, в их диалектическом развитии представляется весьма перспективным, а ее труд — наглядным подтверждением необходимости учета фактора пола в обществоведческом исследовании. Широкий и многогранный взгляд на проблему — бесспорное достоинство обсуждаемой статьи. Вместе с тем ряд важных идей, требующих специального внимания, лишь намечен автором и требует особого разговора.

К. У. Гейли прослеживает зависимость статуса женщин от социально-экономических факторов, пытаясь дифференцированно подойти к роли пола в различных социально-политических контекстах. Эта мысль автора вполне закономерна и, кстати, подтверждается наблюдениями, полученными при анализе материалов массового этнографического обследования в Чувашской АССР. Действительно, положение различных групп мужчин и женщин в одном и том же обществе зависит от множества обстоятельств, в том числе и социально-экономического характера. Остановлюсь лишь на некоторых, наиболее общих выводах, полученных при сравнительном анализе взаимосвязи состава населения по полу с демосоциальными характеристиками. Во-первых, половая принадлежность служит наиболее существенным критерием дифференциации в сельской местности, т. е. влияние фактора пола наиболее жестко проявляется на селе. Во-вторых, социальные характеристики мужчин — представителей различных национальностей, проживающих в Чувашской АССР, например чувашей и русских, более сходны, чем у мужчин и женщин одной и той же национальности (только чувашей или только русских). Тот же вывод можно распространить и на женскую часть населения республики. В-третьих, сравнение данных по возрастным группам показывает, что социальная неоднородность между мужчинами и женщинами одной и той же национальности обусловлена не фактором возраста, а фактором пола.

Учет последнего при исследовании современных этнических процессов дает весьма интересные результаты в сочетании с различными социально-экономическими характеристиками. Но этого недостаточно: помимо социальных важно учитывать и культурологические характеристики, о чем К. У. Гейли упоминает лишь вскользь (№ 5. С. 85). Между тем изучение культурологического аспекта половой дифференциации представляет для этнографии особый интерес. Именно при исследовании этнокультурных явлений учет фактора пола вносит существенные поправки в устоявшиеся представления, разрушает идею универсальности некоторых полученных ранее, без учета этого фактора, выводов. Сошлемся, вновь, на наши материалы.

Например, существует мнение, что люди преклонных лет лучше знают свою традиционную культуру, наиболее привержены к ней. В отношении женщин, особенно живущих в сельской местности, это подтверждают и наши данные. А вот пожилые мужчины, проживающие как на селе, так и в городе, свою этническую культуру знают хуже, чем более молодые мужчины. Но в целом половая диспропорция среди лиц пенсионного возраста столь велика (количество женщин намного превышает количество мужчин), что они по уровню знания традиционных форм этнической культуры опережают другие возрастные группы. И лишь учет фактора пола показывает, что приверженность людей к традиционным формам культуры не всегда усиливается с возрастом. Так же, как и не обязательно уменьшается с повышением социального статуса людей, ростом их образования, как считают некоторые исследователи, не учитывающие состав населения по полу. В ходе нашего обследования чаще других выявляли особый интерес к своей этнической культуре и демонстрировали высокий уровень знания ее различных форм мужчины-чужаши, занятые в сфере высококвалифицированного умственного труда. Перечень подобных примеров можно продолжить. Все они указывают на то, что при изучении современных этнокультурных процессов этнографы не должны игнорировать такое фундаментальное биосоциальное явление, как пол. К тому же помимо теоретического интереса учет фактора пола имеет и практическое значение. Здесь мы сталкиваемся с проблемой соотношения традиционных общественных представлений, поведенческих норм с тенденциями развития современного общества, о которой также упоминает в своей статье К. У. Гейли (№ 5. С. 86).

Мужчины и женщины в современном мире взаимодействуют в широком спектре социальных ролей (общественных, производственных, семейно-бытовых и т. д.). Очень многие роли трудно разделить на «мужские» и «женские», они не всегда четко регламентированы и определены. Вместе с тем в обществе еще существуют представления о традиционной системе распределения половых ролей, иной раз не соответствующие реальности. Традиционные представления вступают в противоречие с новым распределением социальных ролей мужчин и женщин. Это серьезно влияет на поведение и психику людей, приводит к конфликтным ситуациям. Становление новых форм взаимоотношений мужчин и женщин происходит стихийно, в результате чего утрачиваются эстетические и этические ценности, накапливавшиеся человечеством веками. Порой не хватает жизни одного поколения, чтобы усвоить новые формы взаимоотношений мужчин и женщин, выйти из той или иной конфликтной ситуации. Мужчины жалуются, что нет «настоящих» женщин. Женщины все больше осознают, что в современном обществе нельзя быть «настоящей» женщиной, в том традиционном смысле, который вкладывают в него мужчины: на слабую, уступчивую, скромную женщину нет социального заказа. Молодые абхазские женщины говорили мне во время обследования: «Свое традиционное абхазское воспитание я должна всякий раз „оставлять“ дома: за порогом оно мне уже не помогает, а мешает жить». Для наших современников традиционное половое разделение все более теряет смысл. Традиционные роли вовсе не выражают естественную гармонию, якобы присущую людям. Все эти наблюдения как нельзя лучше перекликаются с замечанием К. У. Гейли: «Когда имеешь дело с изучением фактора пола в условиях глубоких социокультурных перемен, сталкиваешься как с сохранением старых стереотипов, очень разных по содержанию, так и с принятием или созданием различных новых форм, которые должны служить функциональными эквивалентами старых, уходящих, изживаемых» (№ 5. С. 87).

Глубокие социокультурные перемены в нашей стране происходят уже не первый десяток лет, к тому же страна наша — многонациональна, вот почему в изучении особенностей традиционной и современной половой дифференциации у различных народов СССР столь велика роль этнографов.

Эманципация, достигшая апогея, в наши дни привела к тому, что мужчины

и женщины взаимодействуют практически на всех уровнях и во всех областях человеческого общества. Но при этом фактор пола проявляет себя в различных сферах деятельности по-разному: с одной стороны, сферы влияния мужчин и женщин в одном и том же обществе могут быть различны, с другой — их статус в разных сферах деятельности также различается. Обратимся вновь к нашим данным.

В Чувашской АССР женщины составляют 55,4% среди всех рабочих и служащих и участвуют практически во всех сферах производства. Но заняты они в основном в массовых профессиях, в менее творческих, менее ответственных и, как правило, более трудоемких сферах профессиональной деятельности. Женщины отстранены от реального и широкого участия на верхних и средних уровнях управления. «Начальнический эшелон» в подавляющем большинстве составляют мужчины, хотя в целом в республике женщины опережают мужчин по числу имеющих среднее специальное и высшее образование.

Вместе с тем в семье у современных чувашей все чаще роль главы переходит от мужчины к женщине. Эта роль перестала быть лишь мужской, как было принято прежде: во время нашего обследования в 36% городских и 21% сельских семей главой была признана жена. И это помимо тех семей, где муж и жена разделяют власть поровну.

Известно, что в других регионах страны доля семей, в которых главенствующая в семье жена, еще выше. Не случайно исследователи современной городской семьи описывают такое социальное явление, как «гаражная популяция мужчин», когда мужья все свободное время проводят вне семьи, самоустранившись не только от руководства ею, но и от какого-либо участия в решении семейных дел. В этой категории мужей значительную долю составляют такие, которые занимают руководящие посты в различных сферах общества.

Таким образом, статус как мужчин, так и женщин в разных сферах одного и того же общества может быть различным. Это наблюдение справедливо не только для современной ситуации.

И последнее. Именно дифференцированный подход к изучению процессов, происходящих в обществе, убеждает, что нельзя изучать «мужские» и «женские» роли, статус мужчин и женщин отдельно друг от друга. «Женский вопрос» не существует без «мужского». Исследовать «женский вопрос» — значит выявить специфику положения женщины в сравнении с положением мужчины в рамках данного конкретного общества, строя, этноса. Вот почему при изучении положения женщины той или иной национальности объектом исследования должны быть не только женщины, а весь этнос, состоящий из мужчин и женщин. Думается, такой подход позволит найти новые пути, средства, методы решения «женского вопроса» в СССР. В наши дни это особенно актуально. Ведь ни для кого не секрет, что мы уже утратили былье преимущества стратегии и тактики решения этой проблемы: сегодня налицо существенное отставание теории от общественной практики. Как известно, «женский вопрос» в СССР постигла участь многих других важнейших социальных проблем: в 1930-е годы он был провозглашен «решенным», вследствие чего оказался закрытым для обсуждений, дискуссий и творческих разработок. Его изучение до недавнего времени сводилось к провозглашению доктрины «о решенности женского вопроса в СССР» и к провозглашению «великих достижений» в этой области. Сегодня очень важно отказаться от устаревших представлений, укоренившихся стереотипов, психологических барьеров, чтобы привести в соответствие с реалиями конца XX в. методы решения женского вопроса в СССР.

Исследование процессов взаимоотношения представителей различных полов и обществ — одно из ведущих направлений зарубежного обществоведения. Было бы недальновидно не учитывать весь этот богатый и разнообразный опыт. Статья К. У. Гейли, как и другие работы зарубежных исследователей по этой проблематике, служит преодолению дефицита внешних научных связей и увеличивает наши возможности.

Г. А. Комарова

**О РОЛЕВЫХ СООТНОШЕНИЯХ
«МУЖЧИНА—ЖЕНЩИНА»
В ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ
НЕКОТОРЫХ НАРОДОВ СССР**

Проблема ролевых соотношений «мужчина—женщина» издавна была предметом внимания этнографической науки и изучалась главным образом в аспекте семейных взаимоотношений, распределения функций в семье. К. У. Гейли прослеживает изменения этих позиций у ряда народов во всех исторических формациях. Разумеется, для подобных построений необходимы безупречные исходные материалы. Имеющиеся в распоряжении сибиреведения данные дискуссионны и ограничены сравнительно узкими временными рамками: это XIX в., в меньшей степени XVIII в. Архивные материалы по данной теме крайне редки, фольклорные односторонни.

По вопросу о ролевом соотношении «мужчина—женщина» у русских и других славянских народов, а также некоторых народов Сибири (алтайцы, нанайцы, нивхи и др.) во многих исследованиях советских ученых прошлых лет преобладал стереотип, согласно которому женщина занимала бесправное, приниженное положение в семье и обществе. Он нашел отражение и в ряде современных работ. Обычно, говоря о народах Сибири, Севера, Средней Азии и других регионов, исследователи писали о том, что женщина была бесправной до революции и стала свободной в настоящее время. Эта проблема требует более глубокого изучения и осмысления, особенно в отношении прошлого.

В один и тот же период у одного народа положение женщин, относящихся к разным имущественным слоям и классам, было неодинаково. Мы здесь коснемся только основной массы населения, производящего материальные блага. Хотя религия и государство вносили существенные корректизы в традиционное семейное ролевое соотношение «мужчина—женщина» не только у славян, но и у многих народов Сибири и Севера, положение женщины в семье, как правило, оставалось высоким, хотя этот вопрос и не везде решался однозначно.

При рассмотрении структуры и ролевых соотношений в традиционных больших (или неразделенных) семьях у ряда народов СССР обнаруживается много общего. Повсеместно семья делилась более или менее резко на две группы — мужскую и женскую, каждая со своими функциями. Мужчина-отец являлся главой семьи и отвечал в целом за ее благосостояние, он же руководил деятельностью мужской части семьи и мало касался женской, возглавляемой его женой. Функции последней, ее права в семье обычно не уступали правам мужа. Ей подчинялись не только снохи, но и женатые сыновья. Ее роль в семье отражалась в фольклоре (в аспекте взаимоотношений свекрови с невестками или снохами). Она нередко контролировала бюджет семьи, решала матриональные вопросы, а став вдовой, часто возглавляла семью (хотя формально власть переходила к старшему сыну).

Поскольку функции мужчин и женщин в семье различались, интересно оценить значимость этих функций. Сами носители, разумеется, оценивали их, учитывая не только материальный, но и духовный аспект выполняемых женщинами функций. В обществе преобладал иной взгляд на женщину, что нашло отражение во взглядах многих ученых-этнографов. Однако исконные взаимные связи и отношения, возникавшие в глубокой древности, хотя и трансформировались, в целом сохранялись.

Проблема бесправия женщин в этнографической литературе подчас рассматривалась односторонне. Так, ссылаясь на фольклор, исследователи писали о бедственном положении невесток в семье. Но это было характерно лишь для младших невесток, а не для старших, которые отнюдь не были бесправными.

(как, впрочем, и жены в малых, нуклеарных семьях). Некоторые исследователи считали бесправным также положение дочери в семье, так как ее выдавали замуж без ее согласия. Но подобным же образом поступали и с сыновьями; родители стремились женить или выдать замуж своих детей в возможно раннем возрасте, чтобы те не препятствовали родителям в решении их планов.

Авторитет отца — главы семьи и матери — его жены в семьях, где сохранились старые обычаи, был примерно равным, беспрекословное подчинение тому и другому всех членов семьи было законом. Отступления от такой традиции у каждого народа были разнообразны и отражали разные стадии развития семьи и общества. Тем не менее во всех семьях, в том числе и в малых, вклад женщины (воспитание детей, в большинстве случаев также руководство семейными обрядами и т. п.) в управление хозяйством во время отъезда мужчин на заработки сказывался на авторитете женщины и оценивался их членами соответственно. Стереотип, согласно которому женщина занимала приниженное, бесправное положение, прочно установившийся среди исследователей, сказался и при изучении соотношений ролевых позиций «мужчина — женщина» у малочисленных бесписьменных народов Севера и Сибири. Их традиции, сохранявшиеся в XIX — начале XX в., получали неверную оценку. Доказательством бесправного положения женщин считали бытовавшие многоженство, левират, обычаи избегания, отстранение женщин от участия в некоторых религиозных обрядах и т. п. Однако при детальном изучении этих вопросов выясняется, что обычай левирата покровительствовал вдовам и сиротам; многоженство у народов Севера происходило из бытования левирата, а также было следствием бесплодия или болезни первой жены; обычаи избегания были в ряде случаев обязательными и для мужчин и т. п. Отстранение женщин от участия в некоторых ритуалах совершенно не связывалось с их дискриминацией. В каждой семье ряд обрядов совершался только женщинами. Таким образом, в обрядовой жизни существовали сферы, разграниченные между мужчинами и женщинами.

Положение женщин (как и мужчин) в прошлом было «физически тяжелым», что определялось трудностями борьбы за существование каждого коллектива. Женщины не были бесправны в семье и в обществе (положение вдов). Они играли важнейшую роль в экономике, в жизни семьи, и это отражалось на их положении, которое можно признать равным с мужским. Такое положение прослеживается у народов с разными уровнями развития. Распространенное утверждение о приоритете мужчин в ролевых соотношениях «мужчина — женщина» у разных народов СССР в прошлом нуждается в пересмотре.

А. В. Смоляк

© 1990 г.

ОТКЛИК НА СТАТЬЮ К. У. ГЕЙЛИ

Предшествующие комментарии, с моей точки зрения, выявили некоторые спорные аспекты статьи К. У. Гейли. На Западе работа К. У. Гейли существенна как одна из немногих попыток подчеркнуть роль родственных отношений или, что более точно, сопротивления родства в процессе становления государства. Но государство формируется из многих различных факторов, а в данной статье, несмотря на многочисленные примеры, доказательство осуществляется на таком уровне обобщения, который создает некоторые трудности для понимания.

На мой взгляд, следует высоко оценить русский перевод статьи, хотя я прочитал его до знакомства с оригиналом и столкнулся с некоторыми труд-

ностями, которые, видимо, связаны с различиями в советской и западной этнографических традициях.

Наверное, наиболее важный момент — это соотношение понятий «секс» и «пол», которые в противоположность тому, как они рассматриваются в советской литературе, никогда не употребляются на Западе как синонимы. В данной статье понятие «секс» используется для того, чтобы обозначить биологический факт, в то время как «пол» — чтобы обозначить создаваемый человеком культурный институт. Таким образом, *geiðer* (пол) открыт для широкой культурной интерпретации и изменений, а *séx* с его целями и функциями, — нет.

Понятие развития также порождает некоторую двойственность в восприятии. Читая, например, фразу «половые отношения в условиях неуравновешенного развития», можно подумать, что неуравновешенно протекают сами половыe отношения. Но «развитие» (*development*) здесь употребляется исключительно в экономическом смысле, как в словосочетании «развитие стран третьего мира», т. е. Гейли в данном случае подчеркивает взаимосвязь между половыми и экономическими отношениями.

И наконец, в конце статьи мы узнаем о стремлении автора «ввести этнографию в марксистскую научную традицию» (№ 5. С. 96.). Это ассоциируется с центральной ролью исторического подхода в советской этнографии. Но понятие «этноистория» в том смысле, в котором его использует Гейли, имеет более метафорический смысл. Его цель — не подчеркнуть важность истории для изучения данного этноса, но показать роль сопротивления рода/стремления изменению экономических и политических структур. И здесь этноистория олицетворяет позицию тех, кто подвергается ассимиляции, т. е. в данном случае женщин, которые в государствах, создаваемых мужчинами, оттесняются на второй план.

Б. Гран...

© 1990 г.

Г. Е. Марков, Т. Д. Соловей

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

(К 50-летию кафедры этнографии
исторического факультета МГУ)

Традиция преподавания этнографии в Московском университете имеет давнюю историю. К 1860-м годам относится начало деятельности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, а в 1884 г. под руководством Д. Н. Анутина была открыта кафедра географии и этнографии, и тогда же его усилиями основан небольшой, но хорошо оборудованный университетский музей антропологии, археологии и этнографии. Научные идеи Д. Н. Анутина оказали исключительно большое влияние на дальнейшее развитие науки о народах. В своих исследованиях он обосновал концепцию так называемой «триады» — необходимость объединения усилий трех наук: антропологии, археологии и этнографии. Это учение имело многих последователей и не утратило значения до наших дней. Д. Н. Анучин определял науку о народах как «этнологию», включавшую соединение «общей этнографии или истории первобытной культуры» и различных отделов частной этнографии или народоведения «по группам народностей и по сторонам народной жизни».

В предреволюционное время сложилось первое московское поколение этнографов, в числе которых были ученики и сторонники Д. Н. Анутина — Б. А. Куфтин, В. В. Бунак, Я. Я. Рогинский, М. А. Гремяцкий и многие другие.

Исключительно насыщенной бурными научными событиями была эпоха первых полутора десятков лет послереволюционного времени. Она характеризовалась интенсивной научной деятельностью, теоретико-методологическим плюрализмом, широким обращением к теории. Значительное развитие получило в этот период этнографическое образование в Московском университете. К сожалению, в существующей историографии это важное для отечественной этнографии время почти не исследовано и мало отражено в публикациях.

Возобновляя прерванную в годы революции традицию, Д. Н. Анучин продолжал в университете чтение лекций по этнографии на кафедре географии физико-математического факультета, а в 1919 г. основал кафедру антропологии, на которой читался цикл лекций по этнографии. Лекционные курсы включали проблемы общей теоретической этнологии и региональные вопросы этнографии. Большой популярностью пользовались, в частности, лекции Б. А. Куфтина, излагавшего слушателям огромный фактический материал по этнографии, на основе которого делались широкие теоретические обобщения. Одновременно начала развертываться полевая этнографическая работа, продолжался сбор коллекций для университетского музея антропологии, археологии и этнографии. Экспедиционная деятельность была посвящена главным образом,

тогда было принято говорить, «палеоэтнологическим» проблемам. После смерти Д. Н. Анутина в 1923 г. его место занял В. В. Бунак, продолжавший развивать идеи об этнологии как составной части антропологии или естественной истории. В числе первых советских этнографов, выпускников кафедры, были многие впоследствии видные ученые и профессора — С. П. Толстов, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, С. А. Токарев и др.

В значительной мере иным, чем на кафедре антропологии, был подход к науке о народах на созданном в 1919 г. факультете общественных наук I МГУ и образованном при нем в 1922 г. Этнолингвистическом отделении с кафедрой этнологии и социологии (с 1923 г. кафедры этнологии).² Это выражалось в стремлении включить этнографию в состав гуманитарных дисциплин. В 1922—1924 гг. на кафедре этнологии факультета общественных наук преподавали штатные профессора Ю. П. Денике, П. Ф. Преображенский, А. Д. Удальцов, В. К. Никольский, внештатные сотрудники А. Н. Максимов, В. Н. Харузина, которая читала лекции по этнографии «малокультурных народов» и вела семинар «Методы изучения обрядов»^{3—4}. Несколько позднее на кафедре начал педагогическую деятельность М. О. Косвен.

Что касается теоретических и методологических установок, то у этнологов того времени они были чрезвычайно многоплановыми и во многом восходили к дореволюционным. Так, к примеру, В. Н. Харузина была последовательным представителем эволюционистского направления. Б. А. Куфтин тяготел к новейшим западным этнологическим теориям. Довольно эклектичными были позиции П. Ф. Преображенского, в которых соединялись основы культурно-исторического учения и некоторые марксистские подходы. Материалистическими, хотя и не марксистскими были интереснейшие теоретические обобщения, а также эмпирические исследования А. Н. Максимова. Наиболее последовательно придерживался марксистских взглядов один из старейших советских этнографов П. И. Кушнер (Кнышев), опубликовавший в 1924 г. книгу «Очерк развития общественных форм», рекомендованную в качестве учебного пособия для гуманитарных вузов⁵. В ходе борьбы за утверждение марксистской методологии на Этнолингвистическом отделении было введено преподавание курса «Развитие общественных форм» и предполагалось превратить его в самостоятельную науку, включающую изучение экономических явлений, семейно-брачных отношений, отношений власти, идеологии. Это новое направление, получившее широкий восторженный отклик среди рабфаковской молодежи, было поддержано также В. К. Никольским и М. О. Косвеном⁶. Однако вследствие расплывчатости поставленных задач и нечеткости методологических установок самостоятельной науки из этой дисциплины не получилось.

Период с середины 1920-х до первой половины 1930-х годов включительно был начальным в становлении советской этнографии как марксистской науки, именно тогда стал очевиден уклон в сторону эклектики и догматизма, что было хорошо заметно на примере концепции «развития общественных форм». Научные исследования этого времени сосредотачивались главным образом вокруг вопросов и проблем социальных отношений и их преобразования в ходе революции и создания советского общества. Значительное внимание уделялось также историко-этнографическим исследованиям отдельных народов.

Деятельность кафедры этнологии этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук I МГУ развертывалась по линии увеличения многопредметности. Постепенно этнография стала претендовать на некий широчайший междисциплинарный подход к исследованию истории человеческой культуры, объединяющий целый ряд гуманитарных дисциплин, включая гражданскую историю. Однако возможности кафедры, входившей в состав факультета общественных наук, оказались в этом отношении ограниченными, и в результате в 1925 г. в МГУ был создан этнологический факультет, состоявший из четырех отделений: этнографического, литературного, изобразительных искусств, историко-архивного, а также археолого-этнографического музея (заведующий

А. И. Некрасов) и историко-этнологического кабинета (заведующий П. Ф. Преображенский).⁷

В задачу факультета входила, в частности, подготовка высококвалифицированных работников в области истории, археологии, этнографии, литературо-ведения и искусствознания. Факультет был призван также готовить практических работников: музейных сотрудников, редакторов издательств, литературных критиков, работников архивов, а также «специально подготовленных культурных и политпросветработников для национальных меньшинств»⁸. Целевая установка этнографического отделения этнологического факультета, как следовало из доклада члена президиума отделения проф. П. Ф. Преображенского, состояла в подготовке профессиональных этнографов и этнологов, исследователей культуры народностей, населяющих СССР, практических работников для «обслуживания культурных нужд национальностей СССР на местах» (этнографов, краеведов, музееведов и т. п.). «По своим целям отделение должно было подготовить специалистов для обслуживания культурно-просветительских и хозяйственных нужд населения в соответствии с его культурными особенностями»⁹.

Этнографическое отделение делилось на циклы: славянских, тюркских, угро-финских, романо-германских, кавказских народностей и языков. Две ведущие кафедры отделения — кафедра этнографии и кафедра общей этнологии — возглавлялись соответственно профессорами А. Н. Максимовым и П. Ф. Преображенским. Как следует из отмеченных выше целевых установок, междисциплинарный подход, лежавший в основе всей научно-педагогической деятельности факультета, имел основной целью готовить уникальных специалистов, сочетавших узкую специализацию с широким гуманитарным кругозором. Это свидетельствовало об ориентации на историзм и фундаментальную теоретическую подготовку будущих специалистов.

Достижением этнологического факультета I МГУ являлась также тесная связь этнографических дисциплин с историческими предметами, что стало в послевоенные годы одним из основных принципов деятельности кафедры этнографии МГУ. Положительное значение «историзации» этнографии отмечалось, в частности, в резолюции Совещания этнографов Москвы и Ленинграда в 1929 г.¹⁰

В том же году вышел в свет первый в советское время учебник «Этнология», автором которого был П. Ф. Преображенский. В значительной мере он отразил методологические установки ряда преподавателей и научных работников, выразившиеся, с одной стороны, в стремлении «историзации» этнологии, а с другой — в эклектическом соединении некоторых марксистских установок с буржуазными концепциями начала XX в. Но для своего времени этот учебник несомненно сыграл положительную роль в деле подготовки молодых специалистов, а в некоторых отношениях не утерял значения и до наших дней.

Но уже к концу 1920-х годов деятельность этнологического факультета стала вызывать все большие нарекания со стороны партийного руководства «за недостаточную марксистскую ориентацию». Кроме того, факультет, очевидно справедливо, обвинялся в отсутствии четких целевых профессиональных установок, вследствие чего работники «культурного фронта», которых он готовил, не всегда имели конкретную специальность. Помимо этого, этнологический факультет не занимался в должной мере подготовкой педагогов, что также снижало его прикладное значение. В «Истории Московского университета» приводится такой любопытный факт: в 1930 г. группа выпускников этнологического факультета обратилась в Наркомпрос с письмом, в котором ставился вопрос об организации для них дополнительных занятий, так как «выпускники не имеют практической специальности»¹¹.

В комплексе причин, обусловивших недостатки деятельности этнологического факультета I МГУ, можно назвать и некоторые другие, весьма существенные. Так, предполагавшийся междисциплинарный подход, многопредметность, уклон в сторону сложных теоретических дисциплин, лежавших в основе научно-педа-

гической деятельности факультета, в соединении с обширными прикладными задачами могли быть реализованы только при наличии необходимого количества достаточно квалифицированных педагогических кадров, программ и учебников и, что особенно существенно, достаточно высокого общеобразовательного уровня слушателей, необходимого для восприятия идей и дисциплин, преподававшихся на факультете. Но ни одно из этих условий в полной мере обеспечено не было. Высокообразованных педагогов, представителей старой школы, было совершенно недостаточно, при пополнении же преподавательских кадров внимание обращалось главным образом на партийную принадлежность, зачастую без учета профессиональной подготовленности, что наносило существенный ущерб качеству преподавания¹². Делу подготовки собственных преподавательских кадров, казалось бы, мог в значительной мере способствовать институт аспирантуры, созданный в И МГУ еще в 1923 г. Но постепенная его реорганизация в сторону все меньшей индивидуализации аспирантских планов, создание в 1927 г. института студентов-выдвиженцев, обеспечивавшего прямую дорогу в аспирантуру не по способностям, а по анкетным данным, сводили на нет ее значение в деле подготовки действительно квалифицированных преподавательских и исследовательских кадров.

Те же принципы отбора действовали и в отношении студентов. Кроме того рабфаки, призванные дать поступающим в университет необходимый общеобразовательный кругозор, обеспечивали главным образом лишь некоторый минимум общественно-политических сведений в ущерб глубокому знанию истории и других предметов. В результате студенты не справлялись с учебной нагрузкой, а потому возможность подготовки квалифицированных кадров и реализация целевых установок этнологического факультета оказались весьма проблематичными.

Студенты, не имевшие возможности выдвинуться на учебном или научном поприще, направляли свою энергию в русло общественно-политической деятельности. В 1930-е годы университетское студенчество превратилось уже в значительную силу в борьбе с «буржуазной» профессурой и со всяkim проявлением инакомыслия. Умело направляемое, оно наносило удары то по троцкизму, то по «гнилому либерализму», то по «меньшевистствующему идеализму». В конце 1920-х годов общественно-политическая деятельность студентов И МГУ реализовалась в создании ячейки содействия обществу историков-марксистов. Среди протоколов ячейки содержится документ о работе марксистского этнографического кружка И МГУ в 1929/30 г. Кружок этот был одним из первых в университете и самым многочисленным (насчитывал более 60 человек). Основная задача кружка формулировалась как «борьба за марксистскую методологию в этнографии». Его работа проходила в восточнославянской, кавказской, среднеазиатской, уgro-финской секциях и на секции яфетической теории. На заседаниях кружка в числе прочих были «проработаны» доклад В. К. Никольского «Основные направления в этнологии на Западе» и учебник П. Ф. Преображенского «Курс этнологии», подвергшийся осуждению. Предполагалось еще провести диспуты на темы «Марксизм и этнология», «О первобытной коммунистической формации» и заслушать доклад о яфетической теории¹³. На обсуждение выносились, таким образом, сложнейшие теоретико-методологические проблемы этнографической науки. Но недостаточная подготовленность аудитории едва ли давала возможность компетентного научного обсуждения рассматриваемых вопросов.

В условиях резко обострившейся политизации науки судьба этнологического факультета с его плюралистическими теоретическими установками и преподавательским составом, включавшим «буржуазных» профессоров, была предопределена. В 1931 г. этнологический факультет перестал существовать. В середине 1930-х годов был арестован и погиб в заключении П. Ф. Преображенский.

Можно полагать, что при наличии определенных благоприятных условий замысел, воплощенный в этнологическом факультете, мог дать положительные

езультаты. Но на рубеже 20-х и 30-х годов был нанесен удар по исторической науке, и этнологический факультет попал в числе прочих под коренную реорганизацию всей системы университетского образования. В короткий срок была прервана связь с мировой наукой, уничтожен существовавший в 20-е годы теоретико-методологический плюрализм и установлено безраздельное господство ультгарилизированной доктрины. Да и вся этнографическая наука вышла из полосы искусствий конца 20-х — первой половины 30-х годов в значительной степени бедненной. Этнология была объявлена буржуазной «лженаукой» и отменена, наука о народах получила название «этнография», что порождало и порождает недоразумения при контактах с представителями зарубежной науки, рассматривающей этнографию главным образом как эмпирическую отрасль, имеющую задачей собирание и описание конкретного материала. Предмет этнографии низводился до изучения пережитков первобытнообщинного строя методом этнографического наблюдения. В. В. Струве в программной статье «Советская этнография и ее перспективы» писал: «Она (этнография.— Г. М., Т. С.) первую очередь изучает те общества, которые не переросли в нацию, пребывая по существу на стадии первобытнообщинного строя или раннеклассового общества»¹⁴.

В результате настоящего погрома, учиненного в гуманитарных науках на рубеже 20-х и 30-х годов, преподавание истории и этнографии в Московском университете на несколько лет было прервано. Только после постановления 934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» началось восстановление исторического факультета, однако прошло еще немало лет, пока было возобновлено этнографическое образование.

В 1939 г. в значительной мере по инициативе уже тогда известного историка, остатковеда, археолога и этнографа С. П. Толстова в составе исторического факультета была создана кафедра этнографии. Последователь Д. Н. Анутина, С. П. Толстов направил педагогическую и научную деятельность кафедры по историко-этнографическому руслу, придерживаясь комплексного подхода на основе этнографических, археологических и антропологических исследований. Зажимом следствием этого была ориентация этнографического образования МГУ на практические и общетеоретические задачи.

Студенты-этнографы получали наряду с фундаментальными теоретическими знаниями по истории первобытного общества и региональной этнографии народов мира также капитальную общеисторическую подготовку, как и все остальные учащиеся исторического факультета. При общей ориентации сотрудников кафедры и студентов на научно-исследовательскую деятельность ее практическая работа направлялась главным образом на изучение традиционной этнографии, прошлого народов мира, современные же этнографические процессы привлекали в то время сколько-нибудь заметного внимания. В преподавании охранялись и некоторые традиции 1920-х годов. Так, в курсе лекций по общей этнографии С. П. Толстов до середины 1940-х годов уделял значительное внимание изложению теоретических положений культурно-исторической школы, не подвергая их, как впоследствии, серьезной критике. Исключительно большое влияние на развитие кафедры этнографии оказал яркий талант С. П. Толстова как лектора и ученого. Сочетая широкое владение фактическим материалом и удивительной способностью в увлекательной форме излагать его и ставить прерьезнейшие научные проблемы, он в течение многих лет определял как направление всей этнографической науки, так и деятельность кафедры. Сильный импульс развитию исследований дал опубликованный С. П. Толстовым уже после войны труд «Древний Хорезм», вышедший в издательстве Московского университета в 1948 г.

Уже в предвоенные годы сотрудниками кафедры были достигнуты немалые успехи в области теоретических и эмпирических исследований. С. П. Толстов разрабатывал главным образом общие проблемы этнографии и археологии Средней Азии. Большое внимание он уделял вопросам истории первобытного об-

щества, принципам его периодизации. С. П. Толстов отстаивал первичность и универсальность материнско-родовой организации и считал возможным предполагать непосредственный переход от нее к классовому обществу, минуя патриархальный род. В 1941 г. профессор кафедры А. М. Золотарев¹⁵ завершил капитальный труд «Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистической космогонии (исследование по истории родового строя и первобытной мифологии)», основанное на обширном фактическом материале по народам Америки, Австралии, Океании, Южной и Юго-Восточной Азии, Европы и Сибири. Работа содержала ряд фундаментальных выводов о дуально-экзогамной организации в ранней истории человечества. М. О. Косвеном были предприняты исследования по истории материнской организации, получившие завершение в послевоенное время¹⁶. Ему же принадлежит заслуга в популяризации трудов Ф. Энгельса и Л. Г. Моргана. Проблемам хозяйства и общественного строя ряда народов Сибири (якутов, горных алтайцев и др.) были посвящены публикации С. А. Токарева, указывавшего на необходимость комплексного использования в исследованиях полевых этнографических материалов и письменных источников¹⁷. Таким образом, в научной работе кафедры сочетались исследования в области ранней истории человечества с реконструкциями периода предклассового общества.

Начиная с 1939 г. стала складываться учебная программа кафедры, получившая первоначальное оформление в послевоенные годы и являющаяся в известной мере основой, на которой строится подготовка молодых специалистов и в настоящее время. Ее основные принципы состоят в сочетании изучения региональной этнографии и истории первобытного общества с общетеоретической подготовкой.

В годы Отечественной войны преподавание этнографии и особенно полевая этнографическая работа были в значительной мере свернуты. Но уже в первые послевоенные годы усилиями С. П. Толстова и преподавателей кафедры — Н. Н. Чебоксарова, С. А. Токарева, М. О. Косвена, Б. И. Шаревской, Е. М. Шиллинга — научная, преподавательская и экспедиционная деятельность получила на кафедре дальнейшее развитие. Еще более укрепилось принятие до войны историко-этнографическое направление, сочетавшее предметы общемировой и региональной этнографии с первобытной. При этом научная деятельность кафедры находилась в тесном взаимодействии с учебным процессом и всей научной ориентацией исторического факультета. Начиная с тех лет и до наших дней преподаватели кафедры читают для всех студентов I курса факультета общую этнографию (первым ее читал С. П. Толстов, затем в разные годы — Н. Н. Чебоксаров, С. А. Токарев, К. И. Козлова, Л. П. Лашук, Г. Е. Марков) и историю первобытного общества (М. О. Косвен, К. И. Козлова, Л. П. Лашук, Г. Е. Марков).

Общеисторическая подготовка этнографов, как и сегодня, включала все курсы, которые предназначены для студентов-историков, от истории древнего мира и до новейшей истории СССР и зарубежных стран, а также участие наряду со специальными этнографическими в семинарах по гражданской истории.

Большое значение для углубления фундаментальных знаний молодых специалистов имел переход исторического факультета в 1944/46 г. к пятилетнему сроку обучения. Это заставило преподавателей кафедры вновь обратиться к учебным программам, частично пересмотреть концепцию этнографического образования и принципы специализации. В отношении последних было принято решение, согласно которому выпускники кафедры по окончании университета получают диплом историков, хотя и с уклоном в этнографическую специализацию. Это давало определенные преимущества, так как при наличии известных трудностей с предоставлением работы по узкой специальности выпускники кафедры могли работать во всех учреждениях, где требовалось историческое образование. С общеисторическим направлением образования был связан и вопрос о времени начала специализации. Разумеется, в целях совершенствования

бственно этнографического образования она была бы необходима уже с первого курса. Но это практически было невозможно сочетать с исторической подготовкой из-за чрезмерной учебной перегрузки студентов, к тому же распределение студентов на кафедру уже с первого курса имело бы следствием необходимость предоставления выпускникам кафедры работы только по этнографии, и по указанным причинам было не всегда достижимо. Поэтому был принят для факультета порядок специализации с III курса. Однако, чтобы все расширить возможности для этнографического образования, а также стимулировать приход на кафедру увлеченных этнографией студентов, был найден та факультативной специализации начиная со II курса, с поездкой после завершения в экспедицию. Этот принцип оказался весьма удачным и прильшом наплыше желающих специализироваться по этнографии позволил отобрать студентов, наиболее интересующихся наукой о народах.

Уже в первые послевоенные годы по инициативе «старшего» поколения трудников кафедры был разработан и принят учебный план, обеспечивающий достаточно глубокую общетеоретическую и региональную этнографическую подготовку. Это уже названные курсы С. П. Толстова по общей этнографии М. О. Косвена по истории первобытного общества, общие и специальные кафедральные курсы лекций и семинары, рассчитанные на фундаментальное ознакомление студентов с общими теоретическими проблемами этнографической науки и истории первобытного общества, а также глубокую специализацию по избранному студентом народу, группе народов или теоретической проблеме. Общетеоретическим проблемам был посвящен обширный лекционный курс, читавшийся в течение четырех семестров. В него входили лекции по истории хозяйства первобытного общества (Н. Н. Чебоксаров), истории родовой организации (М. О. Косвен), первобытной религии (С. А. Токарев, Б. И. Шаревская), материальной культуре первобытного общества, провождавшиеся семинарскими занятиями (Е. М. Шиллинг). Этот цикл предпринял изучение региональных проблем, среди которых можно выделить курс лекций С. А. Токарева по этнографии народов СССР, читавшийся в течение четырех семестров. Его значение трудно переоценить не только по полноте сообщенного эмпирического материала, но в неменьшей мере и по глубине методологических и методических установок. Усвоению курса способствовал семинар по народам СССР, во многом помогавший развитию у студентов навыков научной работы.

Важную роль в специализации студентов-этнографов играл цикл лекций так называемым «странам» — этнографии народов отдельных регионов. В первые послевоенные годы он включал четыре семестровых курса: по этнографии Азии (С. П. Толстов), Австралии и Океании (С. А. Токарев), Западной Европы (Н. Н. Чебоксаров), народов Кавказа (Е. М. Шиллинг). Лекции увлекали студентов, расширяли их кругозор, давали им серьезные знания, тем более что преподаватели не ограничивались данными, почерпнутыми из литературы, во многом опирались по мере возможности на собственные полевые исследования. Такие лекции студенты слушали на IV курсе — две «страны» на выбор, однако большинство студентов посещали в то время все лекционные курсы.

На III и IV курсах студентам предстояло прослушать ряд специальных курсов и принять участие в работе специальных семинаров, завершавшихся написанием курсовой работы. Специальный курс по этнографии Средней Азии читал С. П. Толстов, по этнографии славянских народов — С. А. Токарев, по русскому народному творчеству — Б. И. Чичеров, по истории материальной культуры славянских народов — Н. Н. Чебоксаров, по тюркским и монгольским народам Сибири — С. А. Токарев, по жилищу народов Кавказа — Е. М. Шиллинг (лекционный курс сопровождался аналогичным семинаром), по народам Западной Европы — Б. И. Шаревская.

С течением времени круг лекций по «странам» и специальных курсов расширялся, включив лекции по народам Океании, Америки, Африки, которые

читали как сотрудники кафедры (С. А. Токарев, Б. И. Шаревская), так и приглашенные специалисты из Академии наук. Перед студентами выступали Ю. П. Аверкиев, Д. А. Ольдерогге и др. Широкую популярность среди студентов и аспирантов имели лекции Г. Ф. Дебеца по антропологии.

Среди значительных трудностей, встречавшихся тогда при подготовке специалистов-этнографов, можно назвать недостаток или даже полное отсутствие учебной литературы. Практически единственное, чем располагали студенты, был переизданный еще до Отечественной войны курс лекций по этнографии В. Н. Харузиной, основанный целиком на эволюционистской концепции, а также машинописные экземпляры лекций С. П. Толстова по общей этнографии и народам Азии. Учебник «Этнология» П. Ф. Преображенского студентам не был рекомендован, да и вообще был трудно доступен.

Одним из важнейших принципов подготовки студентов на кафедре, выдвинутых С. П. Толстовым, был комплексный подход, требовавший обязательных для всех будущих этнографов условий: изучения этнографии народов СССР и зарубежных стран и основных проблем первобытного общества; профессиональной подготовки к самостоятельному ведению полевой этнографической работы; и наконец, что особенно существенно, ориентации студентов на научно-исследовательскую деятельность. Последняя выражалась в работах над курсовыми (IV курс) и дипломными сочинениями, причем за годы существования кафедры было защищено немало дипломных работ, мало чем уступающих по качеству кандидатским диссертациям. Кроме того, студенты принимали участие в обработке полевых этнографических материалов, составлении экспедиционных отчетов, что также давало хорошие навыки научной работы. Наконец важную роль в подготовке студентов-этнографов играло студенческое научное общество. Помимо периодических научных докладов студенты участвовали в них и сейчас, в кафедральных экспедиционных конференциях, на которых подводятся итоги летней работы. Тезисы, которые студенты делают на эти конференциях, обычно связаны с их курсовыми и дипломными работами.

С 1946—1947 гг. благодаря усилиям С. П. Толстова удалось добиться удачного летворительного материального обеспечения студентов в экспедициях, что в свою очередь способствовало широкому развертыванию экспедиционной деятельности, которая с тех пор стала обязательной составной частью подготовки молодых специалистов-этнографов. Несмотря на трудности послевоенного времени, кафедра осуществляла ряд экспедиций с участием преподавателей и студентов. Это Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция С. П. Толстова, Северо-кавказская, работавшая в Дагестане и Северном Азербайджане под руководством Е. М. Шиллинга, Прибалтийская под руководством Н. Н. Чебоксарова, Подмосковная под руководством Б. И. Шаревской.

После С. П. Толстова, основателя кафедры, возглавлявшего ее до 1951 г. к руководству пришел Н. Н. Чебоксаров (занимал кафедрой с 1951 по 1956 г.), развивший научную и учебную концепцию, предложенную ранее С. П. Толстовым.

С именем Н. Н. Чебоксарова связано интенсивное развитие разных сторон деятельности кафедры, ее расцвет. Под его руководством дальнейшую и в принципе окончательную разработку получил учебный план кафедры, сохраняющийся с некоторыми изменениями до настоящего времени. Время работы Н. Н. Чебоксарова на кафедре было чрезвычайно плодотворным, что в немалой степени было связано с обаянием его личности, глубокими знаниями, доходчиво доносимыми до студенчества, умением сплотить коллектив сотрудников в единое целое. Одной из задач, поставленных Н. Н. Чебоксаровым, было пополнение кафедры новыми молодыми силами. При всех достоинствах преподавательского состава «старшего» поколения, большая его часть совмещала преподавательскую деятельность с основной работой в Институте этнографии АН СССР. Кроме того, в первой половине 1950-х годов кафедра лишилась нескольких выдающихся преподавателей. В ходе борьбы с так называемым «космополитизмом» был уволен

ен из университета М. О. Косвен, перешла на работу в Институт Африки И. И. Шаревская, умер Е. М. Шиллинг. Таким образом, пополнение кафедры юными сотрудниками стало совершенно необходимым. Из числа окончивших при кафедре аспирантуру были приняты на работу в качестве преподавателей И. Козлова, М. В. Витов, Г. Г. Громов, Г. Е. Марков. Это позволило расширить тематику предлагаемой студентам специализации и число экспедиций, более тщательно руководить подготовкой молодых специалистов. В соответствии со сложившейся кафедральной традицией, новые молодые сотрудники стремились соединить учебную, научную и экспедиционную работу, и в дальнейшем ими был опубликован ряд монографий и статей.

В годы руководства кафедрой проф. С. А. Токаревым (1956—1973) были достигнуты значительные успехи в подготовке специалистов-этнографов, научно-исследовательской, экспедиционной и других направлениях ее деятельности. Произошло дальнейшее увеличение штатного состава кафедры, хотя в это время из лишилась одного из своих лучших преподавателей — М. В. Витова, перешедшего в конце 50-х годов на работу в Институт истории АН СССР. На кафедру пришли Л. П. Лашук, Л. Б. Заседателева, С. П. Поляков, Г. А. Шпажников, благодаря чему удалось значительно расширить и углубить специализацию по славянским народам, народам Сибири, Средней Азии и Африки, истории первобытной религии.

Работа кафедры в рассматриваемый период отличалась значительной интенсивностью и плодотворностью. Возросло число студентов и аспирантов, обучающихся на ней. Особенно широкий размах приобрела подготовка через аспирантуру специалистов из национальных республик. Кафедра стала настоящей «кузницей кадров» для университетов и академических учреждений республик Средней Азии и Кавказа, Украины, Белоруссии, разных областей РСФСР. На кафедре обучались также многие студенты из самых разных стран мира: КНР, ГДР, Чехословакии, Румынии, Югославии, Албании, Испании, Эквадора, Перу, Вьетнама. Окончили аспирантуру и защитили диссертации граждане ГДР, Вьетнама и других стран. При кафедре было значительное число стажеров из СССР и зарубежных стран (Англии, США, ГДР, Вьетнама и др.).

Связи с Институтом этнографии АН СССР, хотя и несколько ограниченные, осуществлялись главным образом по линии участия сотрудников кафедры в некоторых научных программах института, годичных отчетных экспедиционных сессиях.

Довольно оживленными стали зарубежные связи, прежде всего с социалистическими странами. Преподаватели кафедры читали лекции в университетах ГДР и ЧССР.

Но особенно значительные успехи были достигнуты в создании учебной литературы и научно-исследовательских публикаций.

Первым учебным пособием, подготовленным на кафедре в послевоенные годы, был фундаментальный труд С. А. Токарева «Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры» (1958 г.), до сегодняшнего дня остающийся единственным изданием такого рода. Вслед за этой первой ласточкой в 1966 г. С. А. Токарев публикует учебное пособие «История русской этнографии (дооктябрьский период)», а в 1978 г. — «Истоки этнографической науки (до середины XIX в.)» и «История зарубежной этнографии». Большое значение для подготовки специалистов-этнографов имела книга С. А. Токарева «Ранние формы религии и их развитие». В 1962 г. вышло учебное пособие Г. Г. Громова, К. И. Козловой и Л. П. Лашука «Очерки по этнографии народов СССР (европейская часть)», в 1966 г. Г. Г. Громов выпустил пособие «Методика этнографических экспедиций». В 1963 г. Г. Е. Марков публикует учебное пособие «Народы Индонезии», в 1964 г. выходит в свет пособие К. И. Козловой «Этнография народов Поволжья», а в 1968 г. — пособие «История первобытного общества и основы этнографии», позднее переизданное. И наконец, в 1968 г. коллективом кафедры был создан первый в послевоенное время учебник по общей этно-

графии «Основы этнографии (учебное пособие)» под редакцией С. А. Токарева.

Началась систематическая работа по разработке учебных программ к общим и специальным курсам, завершенная уже в начале 80-х годов.

Сотрудники кафедры начали публикацию монографических исследований. М. В. Витов издает «Историко-этнографические очерки Заонежья в XVI-XVII вв.» (1962), Г. Е. Марков — «Очерк истории формирования северных туркмен» (1961), К. И. Козлова — «Этнографию народов Поволжья» (1964), Л. П. Лашук — «Формирование народности коми» (1972) и «Введение в историческую социологию» (1977), С. П. Поляков — «Этническую историю Северо-Западной Туркмении в средние века» (1973).

Особенно широкий размах в рассматриваемое время получила экспедиционная деятельность кафедры, охватившая обширные области Советского Союза: экспедиции Л. П. Лашука в Сибирь, К. И. Козловой в Поволжье, Г. Е. Маркова и С. П. Полякова в Среднюю Азию, М. В. Витова и Г. Г. Громова на русский Север, Л. Б. Заседателевой на Северный Кавказ. Участие студентов в экспедициях стимулировало развитие их интересов в области научно-исследовательской деятельности.

Деятельность кафедры этнографии в 70—80-е годы (с 1973 по 1986 г. кафедрой руководил проф. Г. Е. Марков) прошла под знаком дальнейшего совершенствования учебной программы и внедрения некоторых новых идей в процесс преподавания этнографии. Был уточнен учебный план, по-прежнему опиравшийся на принципы, заложенные в основу этнографического обучения С. П. Толстовым, Н. Н. Чебоксаровым и С. А. Токаревым. Более четко были разделены первичный цикл обучения, дававший подготовку по общим теоретическим вопросам этнографии и первобытного общества, и вторичный, рассчитанный на углубленное изучение региональной этнографии. Коллектив кафедры, отвечая на развитие новых направлений в науке, подготовил курсы по социологии, теории этноса, общим проблемам этнографической науки.

В штат кафедры были приняты новые сотрудники: В. В. Карлов, Ю. В. Бромлей, А. А. Никишенков, Ю. И. Зверева.

Определенные успехи были достигнуты в координации работы с Институтом этнографии АН СССР, благодаря чему удалось ввести на III семестре важный для кафедры курс по проблемам общей этнографии. Лекции читали ведущие сотрудники института, что давало студентам необходимый ориентир в новейших актуальных проблемах, разрабатываемых академической наукой, и позволяло определиться в будущей специализации.

Как и в прежние годы, на кафедре проходили подготовку студенты и стажеры из областей и автономий РСФСР, национальных республик, а также из зарубежья. Продолжалась педагогическая деятельность работников кафедры в зарубежных университетах и сотрудничество с иностранными научными учреждениями, участие в международных конференциях (Г. Е. Марков, К. И. Козлова, Г. Г. Громов, Г. А. Шпажников, С. П. Поляков, А. А. Никишенков).

Сложившийся на кафедре научно-педагогический коллектив оказался в состоянии вести специализацию студентов почти по всем проблемам теоретической и эмпирической этнографии и истории первобытного общества. При этом сотрудники кафедры специализировались следующим образом: акад. Ю. В. Бромлей — по проблемам этноса и теории этнографии; проф. К. И. Козлова — по угро-финским народам, истории родовой организации; проф. Л. П. Лашук — по народам Сибири, этносоциологии, историографии русской этнографии; проф. Г. Е. Марков — по истории первобытного общества, хозяйства и материальной культуры, кочевничества, народов Средней и Зарубежной Азии; доц. Л. Б. Заседателева — по восточным и южным славянам; доц. Г. Г. Громов — по восточным и западным славянам, народам Америки; ст. науч. сотр. В. В. Карлов — по народам Сибири, социологии; ст. науч. сотр. С. П. Поляков — по народам Средней Азии; ст. науч. сотр. Г. А. Шпажников — по народам Африки и истории

Еще в начале 70-х годов несколько сократилась экспедиционная деятельность кафедры. Однако приток свежих сил позволил в последующие годы ее оживить. В рассматриваемое время действовали экспедиции Г. Е. Маркова (Средняя Азия, Горный Алтай, Восточный Казахстан и другие области), В. В. Карлова (Сибирь), С. П. Полякова (Средняя Азия), А. А. Никишенкова (Бурятия), Л. Б. Заседателевой и Ю. И. Зверевой (Северный Кавказ).

Весьма плодотворной была научно-исследовательская работа. В 1982 г. коллективом сотрудников кафедры и Института этнографии был издан новый учебник «Этнография» под редакцией Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. Вышел ряд учебных пособий и монографий: «Очерки этнической истории марийского народа» К. И. Козловой (1978), «Кочевники Азии» (1976) и «История хозяйства и материальной культуры» (1979) Г. Е. Маркова, «Терские казаки» Л. Б. Заседателевой (1974), «Историческая этнография Средней Азии и Казахстана» С. П. Полякова (1980), «Из истории английской этнографии. Критика функционализма» А. А. Никишенкова (1986), ряд справочников по религиям народов мира.

В последние годы в учебной и научной ориентации кафедры стали происходить некоторые изменения (с 1986 г. кафедрой заведует проф. В. В. Пименов). В связи с начавшейся в стране перестройкой был взят курс на приведение преподавания и научных исследований на кафедре в соответствие с новейшими направлениями и методами, разрабатываемыми Институтом этнографии АН СССР. В связи с этим были введены несколько новых курсов по социологии и этнодемографии, а также другим дисциплинам. Наметился определенный крен специализации студентов в сторону изучения этносоциологических проблем, проблем национальных отношений, что нашло отражение в тематике курсовых и дипломных работ, деятельности экспедиций. При кафедре была создана социологическая лаборатория под руководством ст. науч. сотр. А. А. Суслокова. Силами лаборатории, отчасти и кафедры, в подмосковном совхозе Щапово организована стационарная экспедиция, проводящая этносоциологические и культурологические исследования. Значительное место в тематике экспедиционной деятельности последних лет заняли проблемы межнациональных отношений, изучавшихся в Бурятской экспедиции (руководитель А. А. Никишенков), Азербайджанской (руководитель В. В. Карлов), Горно-Алтайской, Восточно-Казахстанской, Ногайской (руководитель Г. Е. Марков), не говоря уже о специализированной Щаповской (руководители В. В. Пименов, А. А. Суслоков) и в некоторых других экспедициях.

Однако столь резкий поворот к новой тематике, еще недостаточно апробированной в практике учебного процесса, вызвал известные опасения, связанные с тем, что при ограниченности часов учебного плана новые дисциплины могут потеснить или даже вытеснить предметы, традиционно преподаваемые на кафедре, что может повлечь ухудшение фундаментальности этнографической подготовки. Эти сомнения нашли отражение в дискуссии о задачах преподавания этнографии в высшей школе, прошедшей в 1988 г. на страницах журнала «Советская этнография». В предложенной для обсуждения статье В. В. Пименова делалась установка на значительную переориентацию деятельности кафедры в направлении главным образом изучения роли этнического фактора в реализации НТР, оптимизации межэтнических отношений при социализме, разработки методов прогнозирования этнических процессов и управления ими. Однако практически все участники дискуссии, особенно члены кафедры (К. И. Козлова, Г. Г. Громов, В. В. Карлов, Г. Е. Марков), признавая необходимость совершенствования учебной и научной работы, дальнейшего развития этносоциологического направления, высказались за сохранение в виде приоритетного традиционного направления преподавания, дающего широкую и фун-

даментальную подготовку по этнографии всех народов мира и основам истории первобытного общества¹⁸.

Вместе с тем в последние годы были достигнуты определенные успехи в организации учебной этнографической подготовки. В течение многих лет на историческом факультете для всех студентов-историков во II семестре читался курс, совмещавший основы этнографии и истории первобытного общества. Это, естественно, не позволяло в достаточно полной мере донести до слушателей содержание этих предметов. Теперь положение существенно улучшилось и преподаванию основ этнографии, а также истории первобытного общества отведено по целому семестру. Кроме того, удачно составлены лекционные курсы по народам мира.

Кафедра продолжает оказывать помощь республикам и областям в деле подготовки специалистов-этнографов, на ней обучаются студенты и аспиранты из зарубежных стран. Кроме того, как и во все предшествующие годы, на кафедре специализируются студенты и аспиранты-заочники, составляющие около половины всех обучающихся. На кафедре завершается подготовка к переизданию учебника «Этнография».

За 45 лет — с 1945 по 1990 г. — кафедрой подготовлено около 800 молодых специалистов из числа советских и зарубежных студентов. Более 60 аспирантов кафедры защитили кандидатские диссертации, более 10 ее выпускников стали докторами наук. Трудно назвать все научные учреждения и учебные заведения страны, где работают выпускники кафедры. Прежде всего это, конечно, Институт этнографии АН СССР, кафедра этнографии МГУ, академические институты и университеты союзных и автономных республик, областей РСФСР, музеи, издательства, разного рода государственные и общественные организации.

Проблемы, которые ставит перед нами жизнь, свидетельствуют о настоящей необходимости привлечения этнографов для обсуждения, а возможно, и решения многих животрепещущих проблем. Это ставит в свою очередь задачу расширения и совершенствования этнографического образования как в Московском университете, так и в других высших учебных заведениях страны, для чего весьма важен 50-летний опыт деятельности кафедры этнографии МГУ.

Примечания

¹ Анучин Д. И. На рубеже полутора- и полустолетия // Русский антропологический журнал. 1916. № 1/2. С. 4.

² Markov Genadi E. Die Ausbildung der Ethnographen in der UdSSR // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. B. 1977. N. 18.

³⁻⁴ Отчет I МГУ за 1922 г. М., 1923. С. 10; Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 — середина 1930-х годов) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. М., 1971. Tokarev S. A. Ethnographie an der Moskaue Universität in den Jahren 1917—1970 // Ethnologia Slavica. IV. Bratislava, 1972.

⁵ Пашук Л. П., Марков Г. Е. Кафедра этнографии // Историческая наука в Московском университете. 1934—1984. М., 1984. С. 288.

⁶ Там же. С. 289.

⁷ Отчет I МГУ за 1923 г. М., 1924. С. 7—9; Отчет I МГУ за 1924 г. М., 1925. С. 7—9.

⁸ Отчет I МГУ за 1925—1926 гг. М., 1927. С. 240—241.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5.04—11.04. 1929 г.). Резолюция по докладам Я. П. Кошкина и М. В. Сергиевского // Этнография. 1929. № 2. С. 142.

¹¹ История Московского университета. Т. 2. М., 1955. С. 114.

¹² В отношении партийной «прослойки» этнофак считался одним из самых благополучных в I МГУ. По данным на 1.06. 1926 г., из 77 профессоров и преподавателей факультета 21 были членами партии. См.: Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917—1929 гг.). М., 1968. С. 37.

¹³ Архив АН СССР. Ф. 377. Оп. 1. Ед. хр. 132. Протоколы ячейки содействия обществу историков-марксистов при I МГУ. Л. 1—2.

¹⁴ Струве В. В. Советская этнография и ее перспективы // Советская этнография. Сб. статей. 1939. № 2. С. 5.

¹⁵ Профессор А. М. Золотарев после возвращения из плена был направлен в концентрационный лагерь и там погиб.

¹⁶ См., например, Толстов С. П. Нацмены Ц. П. О. И отчетная выставка работ этнологического отдела Государственного музея Центрально-промышленной области. М., 1928; Введение в советское краеведение. М.; Л., 1932; Изучение социально-бытового уклада в национальных регионах // Журнал краеведение. 1935. № 9; Косвен М. О. Матриархат. История проблемы. М.; Л., 1948; *его же*. Черки истории первобытной культуры. М., 1953; 2-е изд. М., 1957; *его же*. Семейная община патронимия. М., 1963.

¹⁷ Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.; Л., 1936; *его же*. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945; *его же*. Пережитки родового строя у алтайцев // Пр. Ин-та этнографии АН СССР. М., 1947. Т. 1; *его же*. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; Золотарев А. М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934; *его же*. Происхождение экзогамии // Изв. Академии истории материальной культуры. Т. Х. Вып. 2—4. Л., 1935; *его же*. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

¹⁸ См. Сов. этнография. 1988. № 3, 4, 6.

© 1990 г.

Д. Д. Тумаркин, И. К. Федорова

Н. Н. Миклухо-Маклай и остров Пасхи *

Выдающийся русский путешественник и ученый-гуманист Н. Н. Миклухо-Маклай получил известность главным образом благодаря своим пионерным исследованиям на Новой Гвинее, где он провел в общей сложности более трех лет¹. Однако в 1870—1880-годах он посетил также многие другие острова Меланезии, Полинезии и Микронезии, что принесло значительные научные плоды. В этом сообщении мы попытаемся осветить его вклад в изучение традиционной культуры жителей острова Пасхи (Рапануи).

В ноябре 1870 г. из Кронштадта вышел корвет «Витязь», посланный на соединение с русской эскадрой на Тихом океане. В соответствии с просьбой Русского географического общества он должен был доставить на Новую Гвинею натуралиста Николая Миклухо-Маклая. Пока «Витязь» шел от Копенгагена до Плимута, ученый посетил несколько городов в Германии, Бельгии, Голландии и Великобритании. Там он встречался с видными учеными и официальными лицами, чтобы получить рекомендательные письма и консультации по интересовавшим его научным проблемам, приобретал недостающее экспедиционное оборудование².

В Берлине Миклухо-Маклай беседовал с известным путешественником и этнологом Адольфом Бастианом, и тот привлек его внимание к опубликованному в немецком географическом журнале письму чилийского ученого Рудольфо Амандо Филиппи. В письме сообщалось, что в руководимый им музей в Сантьяго поступили две деревянные дощечки с таинственными письменами, привезенные в 1870 г. чилийской экспедицией на корвете «О'Хиггинс» с острова Пасхи. Филиппи цитировал отчет начальника этой экспедиции Игнасио Л. Ганы, который выражал надежду, что эти письмена, будучи расшифрованы, помогут пролить свет как на происхождение островитян Южных морей, так и на их исторические связи с коренным населением Америки. Гана утверждал, что жителям острова Пасхи теперь неизвестно не только содержание вырезанных на дощечках текстов, но даже само назначение этих дощечек³. К письму Филиппи, опубликованному в журнале, была приложена фотолитография одного из оттисков с табличек, сделанных на промокательной бумаге и станиоле.

* В основу сообщения положен доклад, прочитанный на VI Интерконгрессе Тихоокеанской научной ассоциации (Вальпараисо, август 1989 г.).

«Бастиан,— писал Миклухо-Маклай,— не сомневался в том, что тщательно вырезанные строки знаков были действительно письменами» и подчеркивала важность сделанного открытия, ибо это были «первые письмена, найденные у островитян Тихого океана»⁴. Однако вскоре Миклухо-Маклай увидел оттиск с тех же табличек на заседании Этнологического общества в Лондоне, причем выдающийся биолог Томас Хаксли, демонстрировавший их, «очень сомневался чтобы на этих досках было изображено что-нибудь шрифтообразное». Хаксли «предполагал, что эти доски могли служить как щитом пель при выделывании тапы; он думал также, что эти доски как-нибудь случайно принесены на о. Рапа Нуи течениями»⁵. Столь решительное расхождение во мнениях двух признанных научных авторитетов еще более возбудило у Миклухо-Маклая интерес к острову Пасхи, о котором он, готовясь к своему путешествию, немало про читал в книгах русских и западноевропейских мореплавателей, посещавших остров в конце XVIII — первой половине XIX в.

Выйдя из Плимута, «Витязь» пересек Атлантический океан и после стоянки в Рио-де-Жанейро в начале апреля 1871 г. вошел в Магелланов пролив, ока завшись, таким образом, у берегов Чили. 20-дневная стоянка в Пунта Арена и несколько других остановок в проливе позволили Миклухо-Маклаю сделать интересные наблюдения над природой и населением этого района⁶. Отсюда корвет отправился в Талькауано, а затем в Вальпараисо, где простоял с 3 ма по 2 июня 1871 г.

Натуралист широкого профиля, Миклухо-Маклай воспользовался предста вившейся возможностью, чтобы собрать максимум научной информации о Среднем Чили. Он неоднократно посещал Сантьяго, совершил ряд экскурсий в глубь страны. Миклухо-Маклаю удалось познакомиться с видными учеными и государственными деятелями, в том числе с министром внутренних дел Белисарисом Пратсом, подарившим исследователю комплект географических карт⁷. Но наиболее важное значение имело его знакомство со знаменитым Игнатием Домейко — выдающимся геологом, минералогом и этнологом, ректором Университета в Сантьяго. «Этот весьма ученый и полезный деятель в Чили,— вспоминает Назимов,— обратил внимание на Миклуху и всеми средствами старался познакомить его с всевозможными музеями... Этот же Домейко опубликовал в газетах о пребывании в Вальпараисо русского корвета, на котором натуралист Миклуха-Маклай отправляется к берегам Новой Гвинеи с целью оставаться там для изучения страны»⁸.

Усердно собирая самые различные материалы о Чили, Миклухо-Маклай стремился вместе с тем пополнить свои познания об острове Пасхи. С этой целью он отправился прежде всего в музей в Сантьяго, куда к тому времени уже поступила значительная часть предметов рапануйской культуры, привезенных экспедицией Ганы. «Кроме большого идола из черной лавы,— сообщал Миклухо-Маклай,— в упомянутом музее находятся 4 барельефа; на двух из них изображены человеческие фигуры различного пола; одна сторона третьего плоского камня изображает большую человеческую физиономию; на четвертом барельефе было представлено несколько животных: рыба, рядом животное, похожее на кролика, высеченное около птицеподобного животного с клювом, без крыльев, с руками, имеющими 5 пальцев. Кроме того, там также находились сфинксообразная фигура с человеческим лицом и две такие человеческие фигуры, соединенные спинами вместе и стоящие на коленях. Барельефы были сделаны из мягкого вулканического туфа, который легко обрабатывать»⁹.

Как видно из заметок Миклухо-Маклая, несколько небольших деревянных фигурок, также привезенных экспедицией Ганы, он видел в том же музее и у нескольких лиц в Вальпараисо. «Привезены были с Рапа-Нуи,— писал он,— также небольшие деревянные идолы ($1/2$ — $3/4$ м высоты), которые принадлежат к более поздней эпохе и, вероятно, вырезаны с помощью железных инструментов. Рассматривая эти барельефы и копируя их, я пришел к убеждению, что

они составляют как бы промежуточное звено между большими древними идолами Рапа-Нуи и более новыми художественными произведениями из перевала; некоторые очень характеристические особенности и подробности отделки, также общий характер рисунка и выполнения привели меня к этой мысли»¹⁰.

Особое внимание Миклухо-Маклая, естественно, привлекли две дощечки с письменами. Как узнал русский ученый, участники экспедиции Ганы получили эти таблички на острове Пасхи у французского миссионера Ипполита Русселя¹¹. Тщательно изучив таблички, Миклухо-Маклай пришел к заключению, что «ряды значков действительно изображают письмена и что доски эти не назначались для выделки тапы»¹². Он еще более укрепился в этом мнении после продолжительной беседы с Филиппи, состоявшейся 21 мая. В записной книжке Миклухо-Маклая сохранился заранее составленный список вопросов, которые он задавал Филиппи, и ответы чилийского исследователя¹³.

Не ограничиваясь изучением предметов, привезенных с острова Пасхи, и беседами со специалистами, Миклухо-Маклай сумел во время пребывания в Чили приобрести несколько великолепных образцов рапануйского искусства. Коллекции Миклухо-Маклая, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) в Ленинграде, включают девять предметов с острова Пасхи¹⁴. Это деревянные фигурки *moai na'ana'a* (колл. 402—1) и *moai tangata* (колл. 402—2), резные деревянные изображения рыбы и кокосового ореха, соединенные шнуром из человеческих волос со створкой раковины-жемчужницы (колл. 402—201а, б, с), наконечник копья из обсидиана (колл. 402—240), массивный деревянный жезл с навершием в виде двуликой фигуры (колл. 168—192), а также две таблички с письменами, о которых речь пойдет ниже. Авторы статьи о сокровищах рапануйской культуры в МАЭ, собранных русскими путешественниками, смогли установить историю приобретения Миклухо-Маклаем лишь двух предметов из девяти¹⁵. Однако ярлыки к вещам, заполненные самим собирателем и заботливо сохраняемые в МАЭ, позволяют утверждать, что почти все эти вещи попали к Миклухо-Маклаю в Чили: четыре (возможно, пять) из них были подарены ему в Вальпараисо капитаном Раймундо Праделем, а наконечник копья — самим Филиппи. Неизвестны лишь время и место приобретения рапануйского жезла, включенного в другую коллекцию Миклухо-Маклая. Но атрибуция этого предмета не вызывает сомнений.

После месячной стоянки в Вальпараисо «Витязь» начал переход через Тихий океан. В письмах секретарю Русского географического общества и известному немецкому географу Августу Петерманну, отправленных перед отплытием из Вальпараисо, Миклухо-Маклай сообщал, что «корвет зайдет отсюда на остров Пасхи, один из интереснейших островов Тихого океана, и я надеюсь употребить все старания на исследование этой местности», а также «сделать еще некоторые добавления к моим находкам последнего времени»¹⁶.

Хотя Миклухо-Маклай, очевидно, получил от участников экспедиции Ганы некоторые сведения о положении на острове Пасхи, он едва ли представлял себе масштабы развернувшейся трагедии. В декабре 1862 г. перуанские работорговцы вывезли оттуда примерно 1500 островитян. Почти все они погибли на чужбине. А 15 рапануйцев, возвращенных домой в августе 1863 г., занесли на остров эпидемию оспы и другие заразные болезни. Депопуляция сопровождалась прогрессирующим разрушением местной социальной организации, духовной культуры, всего традиционного жизненного уклада. Свою лепту в этот процесс внесли католические миссионеры. Первый из них, Эжен Эйро, не смог в 1864 г. закрепиться на острове, но в 1866 г. он вернулся сюда вместе с Ипполитом Русселем, и вскоре к ним присоединились еще два посланца Конгрегации святых сердец. Миссионеры, по крайней мере внешне, обратили рапануйцев в христианство. Они приказали уничтожить таблички, покрытые таинственными знаками, а также деревянных «идолов» и другие атрибуты «языческой» религии. В результате большинство этих замечательных памятников

рапануйской культуры было сожжено или спрятано в пещерах и других тайниках¹⁷.

В 1870 г. на остров Пасхи прибыл отставной французский офицер Жан-Дютру-Борные, который решил разводить здесь овец. Вскоре он поссорился с миссионерами и разжег между островитянами кровавую междоусобицу. Незадолго до прихода «Витязя» последний миссионер, И. Руссель, вынужден был покинуть Рапануи, взяв с собой более 200 островитян¹⁸.

24 июня 1871 г. «Витязь» подошел к острову Пасхи и лег в дрейф у его западного берега, на рейде Хангароа. Вскоре к судну подошли две шлюпки с тремя европейцами (Дютру-Борные и его помощниками) и несколькими гребцами-рапануйцами. Дютру-Борные сообщил, что намеревается создать на острове большое овцеводческое ранчо и что его компаньоном является богатый английский купец и судовладелец Джон Брандер, поселившийся на Таити. Он добавил, что Руссель с большой группой островитян отправился на Таити, что на Рапануи осталось около 230 коренных жителей и что то же судно, на котором отбыл Руссель, вскоре вернется за еще одной большой партией островитян. Этот рассказ произвел самое тяжелое впечатление на русского ученого и его спутников. Впоследствии (на Мангареве и Таити) Миклухо-Маклай узнал у миссионеров дальнейшие подробности и подоплеку развернувшихся событий. «Туземцы, видя, что их жилища сожжены, плантации бататов разрушены, устрашенные поступками Борные, согласились выселиться на Таити и на условие проработать известное время на плантациях Брандера, который, таким образом, благодаря ловкости своего агента, получил почти целый остров для разведения овец и, кроме того, сотни дешевых рабочих на свои плантации»¹⁹.

Принимая во внимание, что «в это время года Рапа-Нуи, имеющий только открытые рейды, не представляет безопасной якорной стоянки», что Русселя, для которого на корвете имелись письма и посылки, уже нет на острове, да и всю сложившуюся здесь тягостную обстановку, капитан Назимов отменил намеченную высадку. «Часа через два, — вспоминает Миклухо-Маклай, — мы снялись с дрейфа, видевши только очертания Рапа-Нуи, десяток туземцев и трех разводителей овец»²⁰. Перед уходом офицеры корвета снабдили трех европейцев «французскими и английскими журналами и сигарами», «а с туземцами поделились бельем, шапками, различными безделушками и расстались с ними дружелюбно, пожелав им всего лучшего»²¹. «Очень сожалел я, — рассказывает Миклухо-Маклай, — и досадно мне было, находясь в виду острова, не побывать на нем, не осмотреть тех важных документов прежней жизни островитян, которые делают о Рапа-Нуи единственным в своем роде из всех островов Тихого океана»²². Однако вскоре ученому удалось хоть отчасти наверстать упущенное.

После однодневной стоянки у острова Питкэрн «Витязь» 8 июля подошел к островам Мангарева (Гамбье) и простоял здесь шесть дней. На главном острове этой группы, давшем ей название, Миклухо-Маклай неожиданно встретился с Русселем и его паствой. «Эти бедные люди, в числе около 250 человек, — пишет он, — взятые на маленькую шхуну, очень пострадали во время перехода, хотя и продолжавшегося не более десяти дней. Недостаток свежего воздуха в трюме и недостаток порядочной пищи были причиной, что несколько человек умерло дорогой, другие, совсем больные, приехали на Мангареву и между последними двое уже успели умереть на острове»²³. «Причина, по которой они остались здесь, — утверждает Миклухо-Маклай, — та, что, привезенные на Таити, они бы должны были поступить рабочими (почти что рабами) на плантации Брандера, владельца судна, которое их забрало; здесь же они оставались свободными»²⁴.

Поселившись в домике, стоявшем на морском берегу, Миклухо-Маклай принялся собирать сведения как о местных жителях, так и особенно о переселенцах с острова Пасхи. Он не только подолгу беседовал с Русселем, но, используя

зовав его в качестве переводчика, расспрашивал самих рапануйцев об их жизни на родине, обычаях, статуях, табличках с письменами и т. д. Ученый делал также несколько карандашных портретов, в том числе рапануйской девушки с традиционной татуировкой²⁵.

Отвечая на вопросы о деревянных табличках с рядами знаков, привезенных Чили экспедицией Ганы, Руссель сообщил немало интересного. «Туземцы,— передает ученый содержание его ответов,— называют их „Кохай ронгоронго“, что в переводе приблизительно означает „говорящее“ или „понятное дерево“. Туземцы далее уверяют, что по этим таблицам можно было узнать о важных событиях, произошедших на острове, и что знаки, вырезанные на досках, были понятны их отцам, которые сами могли вырезывать такие же; в настоящее время на всем Рапа-Нуи не находится, однако же, ни одного человека, который бы мог разбирать эти знаки»²⁶.

Миклухо-Маклай продолжил свои расспросы и наблюдения в конце июля 1871 г. во время 11-дневной стоянки «Витязя» в гавани Папеэте на острове Таити. К сожалению, ученый не успел написать для своих очерков раздел о пребывании на этом острове (в разделе «Рапа-Нуи» приводятся лишь некоторые данные о табличках, увиденных им на Таити). Поэтому в этом случае основным источником для нас является одна из его записных книжек. Наиболее интересны в ней записи о его встречах с католическим епископом монсеньером Жоссаном²⁷.

Флорентьеву Этьенну (Тепано) Жоссану принадлежит видное место в истории изучения рапануйской культуры, особенно *кохай ронгоронго*. Случайно узнав о существовании на острове Пасхи плоских деревянных дощечек, покрытых рядами искусно вырезанных знаков²⁸, он сумел оценить огромное культурное значение этих предметов и приказал находившимся там миссионерам прислать ему столько дощечек, сколько удастся отыскать. В результате миссионеры, немало сделавшие для их уничтожения, в 1868—1869 гг. прислали ему пять табличек и с полдюжины других образцов резьбы по дереву, имевших сакральное или церемониальное значение²⁹. Более того, узнав, что среди рапануйцев, работающих на плантациях Брандера на Таити, имеется человек по имени Меторо Тау а Уре, выдающий себя за знатока *кохай ронгоронго*, он в 1870 г. пригласил его к себе и попросил прочитать (вернее, пропеть) тексты, запечатленные на табличках, причем тщательно записал услышанное. «Чтения Меторо» по-разному оцениваются современными исследователями³⁰. Но так или иначе, это была первая попытка приступить к дешифровке *кохай ронгоронго*.

Жоссан показал русскому ученому несколько табличек, которые тот обмерил и описал³¹. И хотя не все измерения достаточно точны (возможно, из-за примененного Миклухо-Маклаем метода обмера), можно утверждать, что он видел таблички Тахуа (табл. А., по Бартелю), Аруку-куренга (В.), Кохай-о-те-ранга (С) и Ка-ихиунга (Д). У Жоссана тогда имелась по крайней мере еще одна дощечка — Аиа (Е), ибо она фигурировала в «чтениях Меторо»³². Но Миклухо-Маклай либо ее не видел, либо не успел обмерить и описать.

Изучив таблички, ученый выделил некоторые общие их особенности. «Виденные мною таблицы были различной величины и из различного дерева; это различие можно, как мне кажется, объяснить большим недостатком дерева, который заставляет туземцев употреблять для многих целей дерево, прибитое к берегу. Некоторые из таблиц, о которых идет речь, носят на себе следы долгого пребывания в воде; одна из них была не что иное, как широкий конец европейского весла... На различных таблицах высота фигур изменялась, но на той же доске была почти везде одинаковой. Обе стороны досок покрыты этими знаками, которые расположены рядами в длину доски; между строками не находится промежутков. Характеристично также то, что положительно вся поверхность таблиц покрыта этим шрифтом: все выемки, неровности, края показывают вырезанные фигуры. Особенность в распределении строк состоит в том,

что, если захочешь проследить строку, приходится перевернуть всю таблицу, чтобы перейти к следующей (эту особенность легко найти, если обратить внимание на головы фигур)... Очень многие из фигур представляют животных. Встречаются на таблицах многочисленные повторения той же фигуры, причем та же фигура остается неизменной или показывает изменение в положении частей фигуры... Некоторые фигуры соединены по две вместе, реже по три и более. Рассматривая ряды этих знаков, приходишь к заключению, что здесь имеешь дело с самою низкою ступенью развития письма, которую называют идейным шрифтом»³³.

Покоренный энтузиазмом молодого ученого, его обширными познаниями и стремлением разгадать тайны *кохau ронгоронго*, Жоссан сделал ему драгоценный подарок — вручил одну из табличек³⁴. В МАЭ хранятся две дощечки с письменами, привезенные Миклухо-Маклаем (колл. 402—13 а, б), — ленинградская большая и ленинградская малая (Р и Q, по Бартелю)³⁵. Трудно сказать, какая из них подарена епископом. Но несомненно, что она не относится к пяти дощечкам, поступившим к Жоссану в 1868—1869 гг. Можно предполагать, что Руссель прислал эту дощечку епископу со шхуной, которая доставила его и рапануйцев на Мангареву, а затем отправилась на Таити, т. е. в июне-июле 1881 г. Что же касается второй таблички, находящейся в коллекции Миклухо-Маклай, то он, вероятно, приобрел ее у рапануйцев, попавших на Мангареву или Таити. Во всяком случае, он отмечает, что видел такие таблички у «туземцев Рапа-Нуи»³⁶.

Встречи с Миклухо-Маклаем были, очевидно, небесполезными и для Жоссана. Ученый поделился с ним своими соображениями о характере *кохau ронгоронго* и закономерностях в развитии систем письма, рассказал о том большом интересе, который выдающиеся европейские ученые проявили к сообщению об обнаружении дощечек с письменами на острове Пасхи. Это, несомненно, стимулировало дальнейшее изучение Жоссаном *кохau ронгоронго* и других памятников исчезающей рапануйской культуры. Основные итоги своих разысканий он изложил в труде, который был опубликован лишь в 1893 г., через год после смерти автора³⁷.

Учитывая важность материалов об острове Пасхи, которые ему удалось собрать, Миклухо-Маклай решил подготовить их к печати до начала своего длительного и чреватого непредсказуемыми последствиями пребывания на Новой Гвинее. В августе-сентябре 1871 г., во время плавания «Витязя» от Таити до Новой Гвинеи (с заходами на Самоа, Ротуму и Новую Ирландию), он написал для журнала Русского географического общества очерки «Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева», в которых основное внимание уделил обитателям острова Пасхи и их культуре. Еще раньше, в середине августа, он закончил небольшую статью о *кохau ронгоронго* для немецкого журнала, где ранее было напечатано письмо Филиппи. Переправленные Назимовым в Европу, оба текста были опубликованы в 1872 г.

Если принять во внимание, в каких условиях ученый собирал и обрабатывал материалы об острове Пасхи, его очерки поражают своей многогранностью и информативностью. Автор рассказал в них о трагическом положении, сложившемся на острове, попытался объяснить причины вымирания рапануйцев и их переселения на Мангареву, сообщил некоторые сведения об их антропологическом типе, верованиях и обычаях, в том числе о культе птицы человека и связанных с ним ежегодных обрядах и церемониях. Ученый обобщил доступную ему информацию о больших каменных статуях, отметив, что «многие стоят, другие опрокинуты, но еще целы», что «в некоторых местах можно было еще видеть, как они в прежнее время стояли именно на высоких платформах или алтарях»³⁸. Он рассказал также, как мы уже знаем, о каменных барельефах, мелкой каменной и деревянной скульптуре, попытался выявить взаимо-связи между различными формами рапануйского пластического искусства. Но, пожалуй, лейтмотивом стал рассказ о том, как он изучал *кохau ронгоронго*.

— от беседы в Берлине с Бастианом до встреч с епископом Жоссаном.
Статья о деревянных табличках с письменами в немецком журнале³⁹ в основном идентична соответствующей части очерков. Бастиан сопроводил ее публикацию пространным комментарием, в котором высоко отозвался об этом «ценнейшем сообщении», и, отталкиваясь от него, вступил в полемику с двумя крупнейшими немецкими специалистами по Полинезии, Георгом Германом и Карлом Майнеке, по таким общим проблемам, как происхождение полинезийцев и их исторические связи с американскими индейцами, высказал умозрительные суждения о том, что могут поведать тексты *кохай ронгоронго*⁴⁰.

«Обдумывая все виденное и слышанное об древностях Рапа-нуи... я невольно прихожу к убеждению,— говорится в черновике очерков,— что исследование острова может принести много интересных и важных данных, больше, чем можно было до сих пор предполагать, и желаю полного успеха знающему человеку, который будет счастливее меня и не только увидит очертания холмистого Раапануи, а посетит остров с целью разрешить важные вопросы»⁴¹. Ученому не удалось вернуться к разработке этой проблематики. Но он все женес определенный вклад в изучение «острова тайн».

Более того, то немногое, что Миклухо-Маклай смог опубликовать, приведенные им прекрасные образцы рапануйского искусства и особенно две таблички *кохай ронгоронго* через несколько десятилетий дали импульс возникновению в его родной стране целого направления междисциплинарных исследований — рапануистики. Эти исследования ведутся главным образом в ленинградской части Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР. Же три поколения советских исследователей планомерно изучают *кохай ронгоронго*. Достигнуты значительные успехи в анализе системы письма, выдвинуты убедительные аргументы в пользу ее местного происхождения, сформулированы интересные гипотезы относительно содержания изучаемых текстов, предложены различные варианты прочтения отдельных фрагментов, но в целом проблема дешифровки еще не решена. Трудности дешифровки усугубляются малым числом сохранившихся текстов и тем, что записи, по-видимому, сделаны на рапануйском языке, отличном от современного. Поэтому советские ученые, анимающиеся дешифровкой, ведут исследования широким фронтом, тщательно изучая историю и традиционную культуру острова Пасхи, анализируя все яоступные фольклорные тексты и попытки «чтения» *кохай ронгоронго* отдельными местными жителями, реконструируют особенности рапануйского языка в различных этапах его развития⁴². У истоков этих исследований стоял Николай Миклухо-Маклай.

Примечания

¹ См. Тумаркин Д. Д. Миклухо-Маклай и его наследие (к 100-летию со дня смерти) // Статтография (далее — СЭ). 1988. № 2. С. 3—15; *Tumarkin D. Miklouho-Maclay and New Guinea // Miklouho-Maclay N. Travels to New Guinea. Diaries. Letters. Documents*. М., 1982. Р. 5—56.

² Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 4. М.; Л., 1953. С. 55—60; Назимов П. Н. Записка о пребывании натуралиста Миклухо-Маклая на корвете «Витязь»... и о доставлении его на остров Гвинея в заливе Астролябия // СЭ. 1986. № 1. С. 74—75 (публикация Б. П. Полевого).

³ Philippi R. A. Ein inschriftliches Denkmal von der Oster-Insel // *Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin*. В. 5. Нf. 5: В., 1870. С. 469—470.

⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева // Изв. РГО. Т. 8. Вып. 2. М., 1872. С. 47.

⁵ Там же.

⁶ Записи Миклухо-Маклая, сделанные во время пребывания в Рио-де-Жанейро и Магеллановом проливе, были впервые опубликованы лишь в 1950 г. (Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 13—44). О пребывании ученого в Чили см.: Полевой Б. П. Миклухо-Маклай Чили // Латинская Америка. 1988. № 10. С. 134—139. К сожалению, в этой интересной статье, аистично основанной на архивных источниках, встречаются отдельные фактические неточности.

⁷ Миклухо-Маклай Н. Н. Записная книжка № 2 (февраль—май 1871 г.) // Архив Географического общества СССР (далее — АГО). Ф. 6. Оп. 1. № 23. Л. 18, 27, 32, 34, 39.

⁸ Назимов П. Н. Указ. раб. С. 77. О Домейко см., например: Грицкевич В. П. Игнатий Долголюбовский областной универсальный научный библиотека

мейко // Изв. РГО. 1981. № 5. С. 447—451. *Amunátegui M. L. Ignacio Domeyko. Santiago de Chile. 1952.*

⁹ Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. С. 46. Почти все предметы, упомянутые Н. Н. Миклухо-Маклаем, хранятся ныне в Национальном музее естественной истории в Сантьяго, где имеется специальный отдел, посвященный острову Пасхи. «Животное, похожее на кролика» — антропоморфное существо с поднятыми вверх лицом и руками; сходные изображения в разных ракурсах представлены в текстах на дощечках *кохаха ронгоронго*. «Птице-подобное животное с клювом» — изображение птицы-человека (*тангата ману*). Двойная человеческая фигура (в виде сиамских близнецов) считается ныне утраченной и известна лишь по репродукции с оригинальной фотографии.

¹⁰ Там же. С. 46—47.

¹¹ *MacClay N. Ueber die «Kohau rogo rogo» oder die Holztafeln von Kara-Nui // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin.* B. 7. H. 1. B., 1872. S. 79.

¹² *Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева.* С. 47—48.

¹³ *Миклухо-Маклай Н. Н. Записная книжка № 2.* Л. 29—30...

¹⁴ *Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч.* Т. 5. М.; Л., 1954. С. 399, 408, 411—413.

¹⁵ *Бутинов Н. А., Розина Л. Г. Коллекции с. о. Пасхи в собраниях Музея антропологии и этнографии // Сб. МАЭ.* Т. 18. М.; Л., 1958. С. 307.

¹⁶ *Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч.* Т. 4. С. 68, 70—71.

¹⁷ *Metraux A. Easter Island. A Stone-Age Civilization of the Pacific.* Л., 1957. Р. 46—55. *Heyerdahl T. The Art of Easter Island.* Л., 1976. Р. 44—47; *McCall G. Rapanui. Tradition and Survival on Easter Island.* Л., 1981. Р. 55—59.

¹⁸ *Heyerdahl T. Op. cit.* Р. 53; *McCall G. Op. cit.* Р. 60—61. Миклухо-Маклай и Назимов сообщают, что Руссель покинул остров Пасхи за три недели до визита «Витязя» (Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. С. 42; Извлечение из рапорта командира корвета «Витязь» капитана 2-го ранга Назимова. Апия, 10 августа 1871 г. // Морской сборник. 1872. № 2. Морская хроника. С. 6). Однако Хейердал утверждает, что отъезд Русселя произошел за три месяца до посещения «Витязем» острова Пасхи (*Heyerdahl T. Op. cit.* Р. 53).

¹⁹ *Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева.* С. 42—44.

²⁰ Там же. С. 43.

²¹ *Перелешин В. П. Путевые впечатления во время плавания от Вальпараисо до Нагасаки на корвете «Витязь» // Морской сборник.* 1872. № 3. Неофиц. отдел. С. 12—14.

²² *Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева.* С. 45.

²³ Там же. С. 52.

²⁴ Там же. С. 52—53. В рапорте Назимова от 10 августа 1871 г. по этому поводу сообщалось: «На Мангареве мы нашли до 150 человек дикарей с острова Пасхи, не пожелавших отправиться в рабство к господину Брандеру на Таити» (Извлечение из рапорта. С. 8). Очевидно, часть рапануйцев была переправлена на той же шхуне с Мангаревы на Таити. О судьбе рапануйцев, переселенных на Таити, см.: *Metraux A. Op. cit.* Р. 56; *McCall G. Op. cit.* Р. 139—140.

²⁵ *Миклухо-Маклай Н. Н. Записная книжка № 3 (июнь—август 1871 г.) // АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 72. Л. 4—7; его же.* Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. М. 53—54; *его же.* Собр. соч. Т. 1. С. 65, 67; Т. 5. С. 30—31.

²⁶ *Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева.* С. 48. В черновике очерков эта часть рассказа Русселя изложена так: «Эти таблицы действительно покрыты письменами, некогда употребляемыми на о. Рапануи. Это общее мнение туземцев. Старики утверждают положительно, что их отцы и деды умели читать написанное и что на этих досках вырезана история их острова. Указывали даже на одного из живущих стариков, что он умеет читать эти таблицы. Опрошенный г. Русселеем, он уверял, однако ж, что не может понимать старого письма» (черновики очерков Н. Н. Миклухо-Маклай «Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева» // Архив АН СССР в Ленинграде. Ф. 143. Оп. 1. № 14. Л. 31. об.). В черновике очерков (л. 28—38) Миклухо-Маклай предпочитает писать «Рапануи», но в их заглавии (л. 27 об.), написанном, по-видимому, несколько позже, он передает этот топоним в транскрипции «Рапа-Нуи».

²⁷ *Миклухо-Маклай Н. Н. Записная книжка № 3.* Л. 8, 20, 22.

²⁸ Один из миссионеров, Гаспар Зумбом, побывав на Таити, привез Жоссану в подарок о только что обращенных в христианство рапануйцев длинный шнур, сплетенный из человеческих волос. Он был намотан на старую дощечку с обломанными краями. Жоссан обратил внимание что она покрыта какими-то письменами (*Metraux A. Op. cit.* Р. 183).

²⁹ *Jaussin T. L'île de Pâque. Historique-Écriture.* Р., 1893. Р. 12—17; *Heyerdahl T. Op. cit.* Р. 47.

³⁰ *Barthel Th. Grundlagen zur Entzifferung der Osterinselschrift.* Hamburg, 1958; *Heyerdahl T. Op. cit.* Р. 204—205; *Бутинов Н. А. Остров Пасхи: вожди, племена, племенные территории (в связи с кохаха ронгоронго) // СЭ.* 1982. № 6. С. 51—65; *Федорова И. К. Тексты острова Пасхи (Рапануи) // СЭ.* 1983. № 1. С. 42—53.

³¹ *Миклухо-Маклай Н. Н. Записная книжка № 3.* Л. 8; *его же.* Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. С. 49.

³² *Barthel Th. Op. cit.* S. 14—21.

³³ *Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева.* С. 48—49. Под «идейным шрифтом» Миклухо-Маклай подразумевает рисуночное идеографическое письмо.

³⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Записная книжка № 3. Л. 8.

³⁵ Первая публикация этих табличек, осуществленная в 1925 г. ленинградским ученым А. Б. Пиотровским во французском журнале, сделала их известными исследователям, изучающим культуру острова Пасхи. См. *Piotrowski A. B. Deux tablettes, avec les marques gravées, de l'île de Pâque de la collection de N. N. Mikloukho-Maclay // Revue d'ethnographie et des traditions populaires*. Т. 6. № 23—24. Р., 1925. Р. 425—431.

³⁶ Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. С. 48. Бартель полагает, что Жоссан подарил русскому ученому табличку Р («ленинградскую большую»), но этот вывод недостаточно аргументирован. См. *Barthel Th. Op. cit. S. 28.*

³⁷ Jaussen T. Op. cit.

³⁸ Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. С. 46.

³⁹ MacLay N. Op. cit.

⁴⁰ В <astian A.>. *Bemerkungen zu den Holztafeln von Rapa-Nui // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin*. В. 7. Н. 1. С. 81—89.

⁴¹ Черновик очерков Н. Н. Миклухо-Маклай. Л. 31—32.

⁴² См., например, *Piotrowski A. B. Op. cit.; Ольдерогге Д. А. Параллельные тексты некоторых иероглифических таблич с острова Пасхи (по неопубликованным данным Б. Г. Кудрявцева // СЭ. 1947. № 4. С. 234—238; Бутинов Н. А., Кюорозов Ю. В. Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи // СЭ. 1956. № 4. С. 77—91; Тумаркин Д. Д. Основные направления этнографического изучения народов Океании в СССР в 1961—1986 гг. // СЭ. 1988. № 4. С. 141—150 (см. здесь библиографию проблемы); Федорова И. К. Мифы и легенды острова Пасхи. Л., 1988. Fedorova I. K. Petroglyphs of Easter Island // Questions of Ethnic Semantics. Forgotten Systems of Writing. 12-th Internat. Congr. Anthropol. and Ethnol. Sciences. M., 1988. 82—104.*

© 1990 г.

И. М. Денисова

ДЕРЕВО — ДОМ — ХРАМ В РУССКОМ НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ

*Среди полу́-дубового
Стоит белая березонька:
Без ветру она шатается,
Без дождя да уливаётся...*

(Некрасов А. П. Свадебные причитания // Олонецкий сборник. Вып. 1 Петрозаводск, 1875—1876. С. 153—154).

Предметы народного искусства — уникальный источник для изучения глубинных слоев культуры народа. Благодаря своей традиционности народное искусство способно донести до нас отдельные, давно забытые звенья эволюционной цепи в развитии хорошо знакомых нам форм материальной и духовной культуры, а порой даже помочь в решении сложных этнокультурных проблем.

В музейных коллекциях собрано много интересных изделий народных мастеров с загадочными мотивами декора, которые еще ждут своих исследователей. В поисках их изначального смысла следует помнить, что основное условие при этом — отбор сложившихся мотивов и композиций, закрепленных традицией с учетом их вариативности. Именно таков мотив декора, часто встречающийся на деревянных резных изделиях — треугольник (иногда с центральной осью) вершина которого оканчивается либо кругом-розеткой, либо растительным элементом, либо крестообразной фигурой. Варианты данного мотива довольно широко распространены в резьбе как на Русском Севере, так и в Верхнем и Среднем Поволжье¹ (рис. 1—4). Сходные мотивы, известные также и в вышивке, истолковывались либо как изображения храмов с дёревьями на крышах (Л. А. Динцес), либо как священные деревья на треугольных подставках (В. В. Стасов) или изображения ритуальных шалашей, возводимых по праздникам (В. А. Фалеева)². Однако в деревянной резьбе эти мотивы не обратили на себя должного внимания исследователей, хотя часто они занимают центральное место на том или ином предмете. Только А. К. Чекалов высказал предположение, что треугольник с розеткой представляет собой схематичное изображение Великой богини Берегини с головой-солнцем (остаток якобы существовавшей когда-то многофигурной композиции), но эта точка зрения не была достаточно аргументирована³. В вариантах данной фигуры нигде не встречаются четко выраженные антропоморфные признаки.

На некоторых прялках треугольная фигура с розеткой на вершине является кровлей маленького домика, иногда к тому же увенчанной христианским крестом. Не была ли когда-то и сама рассматриваемая треугольная фигура изображением архитектурного сооружения, возможно, культового, но только с коническим или двускатным покрытием? Утверждать это лишь на основе замены

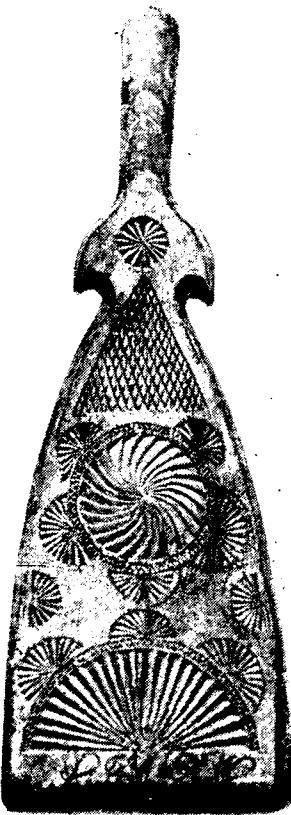

Рис. 1.

Рис. 1. Валек. 1860 г., Поволжье, собрание Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства (далее — ВМДПиНИ), № КП-13002

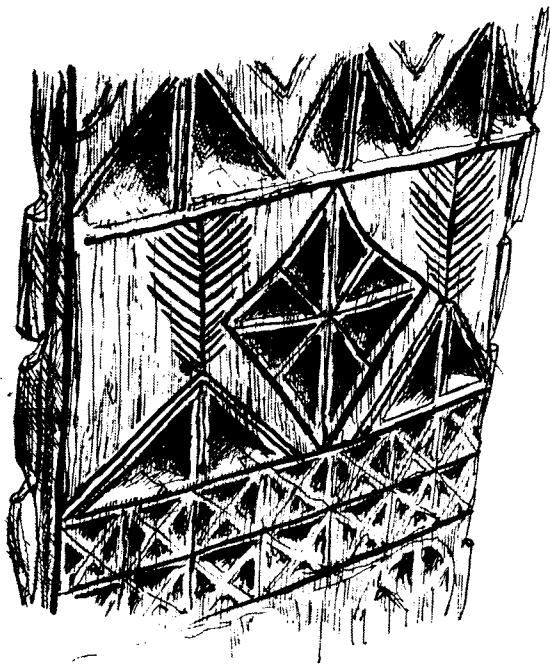

Рис. 2.

Рис. 2. Прялка XIX в. (фрагмент), Костромская обл., Вохомский р-н (прорисовка резного декора), собрание Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, инв. № 20370/79

Фигуры изображением церкви, часовни — недостаточно, необходимо выяснить истоки этого образа, определить временной период, когда он складывался, и, возможно, переосмысливался круг связанных с ним представлений.

Простейшие конические строения и их изображения известны еще со времен палеолита. Сравнение вариантов анализируемой фигуры, встречающихся, например, на резных городецких донцах конца XVIII — начала XIX в., с палеолитическими пещерными рисунками, изображающими, как считают исследователи, простейший, круглый в плане шалаш из веток или шкур животных (Рис. 6), обнаруживает значительное сходство между ними, вплоть до передачи центрального шеста или столба. Треугольные фигуры с центральной осью встречаются и на неолитической керамике Карелии (рис. 7).

Следы существования простейших наземных жилищ из ветвей, опиравшихся на центральный столб, обнаружены археологами уже в эпоху нижнего палеолита⁴. Круглое в плане, конической формы строение — один из древнейших типов жилья у многих народов мира, в том числе и населявших в древности европейскую часть территории СССР. При этом исследования последних лет говорят о том, что наземное жилище типа шалаша — древнее жилища-землянки⁵. В глубинах народной памяти восточных славян удивительным образом сохранилась легенда о строительстве первого дома-шалаша: Бог, явившийся

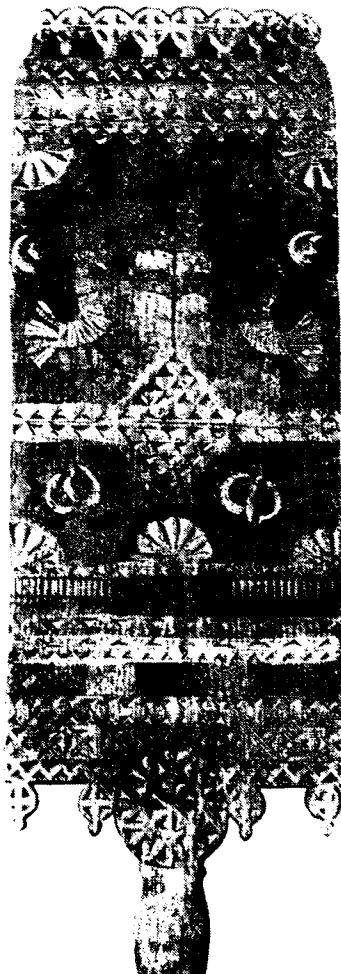

Рис. 3. Прялка. 1866 г., Архангельская обл., Плесецкий р-н, с. Красное (резьба с раскраской и росписью), собрание ВМДПиНИ, инв. № ДДР-602

Рис. 4. Футляр для точилы. XIX в., Русский Север (дерево, резьба), собрание ВМДПиНИ (документы на оформление)

в виде незнакомца изнуренному зноем человеку, повел его за собой, взял большой шест и, вбив его в землю, соорудил вокруг него шалаш⁶. Дом-сруб в народе называли иногда круглым, и, видимо, для праславян вполне правомерно положение, что «семантическим архетипом реального жилища является образ первого жилища, представлявшегося круглым»⁷. Легендарный шест, возможно, не случайно сохранился в народной памяти и прошел сквозь века. Это одна из важнейших ключевых деталей к разгадке всей фигуры. И в анализируемых мотивах треугольника мы встречаем довольно часто центральную ось а на городецких донцах и некоторых прялках верх такого «шеста» над кровлей предполагаемого шалаша венчает явно выраженный растительный мотив — трилистник либо деревце (рис. 2, 3). Треугольная фигура с трилистником на вершине, но без центральной оси часто встречается в орнаментации конских дуг, а мотив с деревцем на одной из вологодских прялок является частью интересной композиции: здесь к дереву привязан конь, что придает всему сюжету черты реальности (собрание Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника, инв. № ЯМЗ-532, Д-305)⁸.

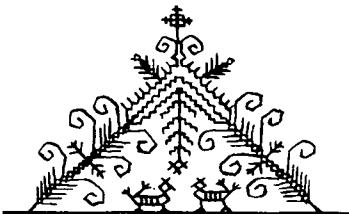

Рис. 5.

Рис. 5. Фрагмент вышивки. XIX в., Архангельская губ., Онежский у., с. Унежма, собрание Государственного Русского музея (взято из ст.: Фалеева В. А. Женский персонаж в русской народной вышивке // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 123. Рис. 1, Б)

Рис. 6.

Рис. 6. Изображения первобытных жилищ в палеолитической наскальной живописи, Франция, пещера Бернифал (взято из: Фомин И. И. Искусство палеолитического периода в Европе. М., 1912. Табл. XXX, рис. 5—8; XXXI, рис. 2; XXXVIII, рис. 3)

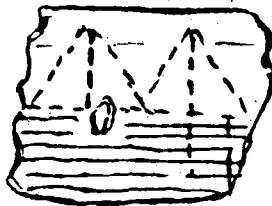

Рис. 7. Изобразительные мотивы на неолитической керамике Карелии (взято из: Косменко М. Г. Многослойное поселение Кудома XI на Сямозере // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980.

Рис. 10-6 на с. 131)

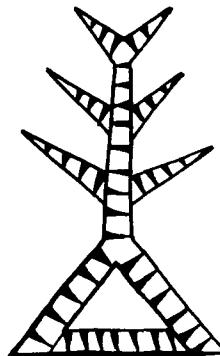

Рис. 8. Изображение на керамическом культовом сосуде III тыс. до н. э. из Заонежья (взято из: Журавлев А. П. Об орнаменте сосуда со стоянки Петгрема II // Сов. археология. 1976. № 3. Рис. 1, на с. 305).

Если же мы теперь обратимся к русской северной вышивке, а также к вышивке соседних с русскими на Европейском Севере народов — карел и вепсов, то здесь довольно часто встретим фигуру в виде треугольника, из вершины которого или сквозь нее прорастает стилизованное дерево; иногда оно дано целиком, в других случаях мы видим лишь растительные элементы по сторонам треугольника и над его вершиной, заканчивающиеся часто вверху перекрещенным ромбом или розеткой. Затрагивая вопрос об изображении культовых сооружений в вышивках, исследователи оставили без внимания этот вариант треугольной фигуры с деревом в центре. О несомненной древности этого мотива свидетельствуют археологические материалы: мы находим его, например, на культовом сосуде III тыс. до н. э. из Заонежья (рис. 8).

Современный человек, строя в лесу для укрытия от непогоды шалаш именно под деревом, а часто для прочности и вокруг дерева, видимо, во многом повторяет действия древнего человека. О таких строениях вокруг дерева упоминал Геродот, и некоторые историки жилища справедливо видят в них прототип дома типа юрты⁹. Это подтверждается этнографическими данными. Так, примитивные жилища из кольев, обтянутых парусиной и опирающихся на ствол растущей в центре сосны, были зафиксированы еще в начале нашего века у лопарей¹⁰. Подобный шалаш под пихтой до сих пор используется шорцами в качестве

временного жилища, причем шалаш этот уже четырехугольный в плане, кроны дерева являются как бы естественной крышей, а верхние концы боковых жердей переплетаются с нижними ветвями дерева, т. е. дерево естественно входит в конструкцию жилища ¹¹. По мифологическим представлениям алтайцев, высшее божество — творец неба и земли — живет во дворце в виде кошемной юрты, из вершины которой поднимается дерево с золотой лентой ¹². Русским были хорошо известны способы возведения шалашей с использованием растущих деревьев; сооружались и временные жилища на деревьях — «побдкуры», где жили иногда до месяца ¹³.

Отдаленным свидетельством того, что у далеких предков восточных славян в центре жилища стояло когда-то дерево, является широко бытовавший еще до недавнего времени в различных областях России строительный обряд: в центре будущей избы ставили небольшое деревце: береску, рябинку, иногда елку или кедр; реже деревце устанавливали в передний угол сруба ¹⁴. Следы подобной конструкции жилища можно обнаружить и в русском фольклоре: в Олонецком крае во время свадебных причитаний невеста рассказывает сон, будто вышла она в лесу к заброшенной избушке, а в той избушке посреди пола «стоит белая березонька» (см. эпиграф).

В русских колядках типа «виноградье» часто встречается также образ чудесной девицы в тереме; терем тот стоит у березы, но иногда он вдруг оказывается на самой березе.

«Подпилию же я березу кудреватую,
Уроню же с березы высок терем», —

грозится молодец, добивающийся любви девушки, дерево же обычно описывается как чудесное — с позолоченной корой, с серебряными ветвями ¹⁵.

Интересное свидетельство о такого рода жилище сохранила нам украинская вышивка: на одном из рушников мы видим реалистически изображенный домик из крыши которого поднимается пышное дерево, причем этот сюжет — в верхнем ярусе вышивки рушника ¹⁶. Домик с деревцем, как бы вырастающим из крыши, мы встречаем и на олонецкой прялке конца XVIII века, и также в верхнем ярусе (Собрание Государственного Исторического музея инв. № 51822/ДIII-2951).

Очевидно, прототипом центрального столба в жилище, поддерживающим крышу и связанного у разных народов со множеством обрядов и представлениями, первоначально являлось растущее дерево или его ствол без вершины. Так, на Русском Севере в лесу строили лабазы в виде маленькой избушки прямо на высоком столбе — стволе дерева, у которого спиливали вершину (их называли от развилики корней «на курьей ноге» — вспоминается в связи с этим избушка Бабы Яги, а также культовые амбарчики подобной формы у манси с фицбуркой какого-либо духа внутри ¹⁷). В культурах древности еще сохранялась память о непосредственной связи центрального столба с деревом. Так, в Древней Индии при возведении центрального столба дома произносились примерно такие слова: «Этот отросток с того дерева, которое позволяет капать топленому маслу, я воздвигаю его в бессмертие» ¹⁸. Он здесь связывался с представлениями о богатстве и бессмертии, считался священным, и это не случайно. Несомненно, если когда-то столб-дерево стояло в центре первобытного жилища и держало на себе его конструкцию, то уже с глубокой древности оно должно было войти как основной элемент в весь тот сложный комплекс представлений и обрядов, который регламентировал жизненный цикл первобытного коллектива. Не случайно центральный столб жилища в Древней Индии именовался «Законом» и был связан с большим числом семейно-родовых обрядов.. Не зря истоки представлений о древе жизни и мировом дереве, стоящем в центре мира здания, поддерживающем небо — крышу Вселенной, как реальное дерево под-

держивало когда-то крышу дома. Может быть, здесь лежат и корни столь часто отмечаемых в научной литературе параллелей между макро- и микрокосмом? Показательно, что конструкцией, совмещающей горизонтальные и вертикальные космологические параметры, является дом — универсальная модель космоса, микрокосм»¹⁹. Человек в познании окружающего мира шел от освоения близлежащего, хорошо ему знакомого пространства к осмыслиению Вселенной. Как известно, для первобытного сознания характерна нерасчлененность понятий места, родовой территории, земли, страны, мира, Вселенной (близко к ним и понятие Бога)²⁰. В греческом языке слово «Вселенная» генетически связано с наименованием дома, обители, а русские небо называли «Теремом божиим». В космологической геометрии древних центр каждого дома был совмещен с центром Вселенной, а также с центром полиса»²¹.

Но до появления более или менее оформленных представлений о вертикальном строении Вселенной человек прошел уже довольно длительный путь культурного развития; для территории Восточной Европы этот процесс обычно относится к эпохе мезолита — неолита²². С расширением представлений о мире по горизонтали и по вертикали «вырастает» и древо жизни: на мифологическом уровне оно теперь моделирует Вселенную, является ее центральной осью, соединяя три ее основных мира; на обрядовом уровне оно выходит за пределы кишища, становится родовым, племенным центром. Иногда оно распадается на три дерева: на земле, на небе и в подземном мире — и тем не менее продолжает сохранять функции жилища, но уже для божеств или обожествленных предков. Так, в якутской мифологии Великое священное дерево является местом обитания духа — Хозяйки земли, владычицы среднего мира; вершина его служит главной коновязью на дворе доброго небесного божества, а ветви проходят через окна его огромного дома и используются как вешалки; главный же корень его в нижнем мире пророс посередине хлева духов — Хозяев земли, старика и старухи, и служит почитаемым главным столбом²³.

В традициях многих народов мира представления о строении Вселенной относятся с конструкцией четырехугольного жилища с маркированным центральным центром: четырем сторонам света соответствуют четыре священные деревья, поддерживающие небо, с четырьмя божествами — хранителями сторон света; в центре же Вселенной возвышается главное священное дерево (или его эквивалент: лотос, колос, гора с дворцом и т. д.). Подобные представления существовали в Древней Индии, Древнем Египте, у ацтеков, майя, древних кайцев и других народов²⁴. Соотнесенность строения Вселенной с конструкцией жилища обнаруживается и в довольно сложных строительных обрядах многих народов мира. Так, в Древней Индии при выборе места для будущего дома учитывали расположение по сторонам света деревьев, считавшихся священными, а на Цейлоне центральный столб для дома царя и его трон изготавливали из священного дерева удумбары²⁵.

В микромире крестьянского дома в восточнославянской традиции несомненнымrudиментом центрального столба, а в прототипе, вероятно, и дерева в центре жилища, является печной столб, эволюционировавший из центральной опоры крыши²⁶. Ее наличие, хотя и не повсеместно, подтверждается археологически как в древнерусском жилище IX—XIII вв., так и в более раннее время на территории Восточной Европы, в частности, в жилых отсеках домов восточно-гшинецкой культуры эпохи бронзы, которую связывают с наиболее ранними звеньями славянского этногенеза; в отсеках длинных домов трипольской культуры; в жилищах черняховской культуры в Карпато-Дунайских землях, а также на территории Молдавии в X—XIV вв.²⁷ А аналогию древнерусским жилищам Боршевского городища на Дону IX—X вв. исследователи видят в землянке с плетеным каркасом стен («курень»), использовавшейся в Воронежской обл. еще в XX в., причем такой курень часто также имел центральный опорный столб недалеко от очага²⁸. В белорусских жилищах XIX в. коневой столб, расположенный почти посередине дома неподалеку от печи, подпирал иногда потолок,

а в старых северных избах печной столб находился практически в центре избы²⁹. Связь этого столба с печью не случайна — видимо, уже в глубокой древности эти два неотъемлемых компонента жилища слились в единый семантический комплекс: в остатках раннеашельских хижин следы очагов раскрыты рядом со следами от центральных столбов, то же видим и во всех перечисленных выше культурах. Например, в центре квадратных жилищ на Почепском селище (бассейн р. Десна, первые века новой эры) под развалами печей обнаружены глубокие столбовые ямы — видимо, крупный столб здесь уже входил в конструкцию печи³⁰. На более раннем этапе соединение этих двух компонентов жилища представлено в уже упоминавшемся выше описании лопарской вежи: «... огонь лижет сердцевину дерева, дым вьется по стволу и уходит отверстием вверху»³¹. Вероятно, когда-то печной столб являлся главным ритуальным объектом крестьянского дома — ему молились, как богу:

«Не молитесь-ка богу нашему,
Наш бог вас не помилует!
Помолитесь-ка чудному кресту,
Чудному кресту — печному столбу!»³²

В заговоре на богатство семьи в Вологодской губернии печной столб угадывается в образе самого Христа: «Наша изба о четыре угла, во всяком углу по ангелу стоит. Сам Христос среди полу стоит, со крестом стоит, крестом градит, хлеб и соль, скот и живот и всю нашу семью»³³.

С печным (или коневым) столбом в традиционной жизни восточных славян связано большое число обрядов и поверий. Особенно характерна в этом отношении белорусская свадебная обрядность: около коневого столба благословляли молодых; в одних районах мать невесты, сидя на нем, встречала свата жениха; в других сват или старший дружка — «стайбовый» — произносил речь, забравшись на этот «столп»; вокруг столба сидели или ходили с пением коровайных песен³⁴. Анализ столбового обряда белорусской свадьбы подводит исследователей к заключению, что в древности «столп» помещался у очага и был одновременно жертвенником и священным местом; некоторые предполагают в нем трансформацию образа мирового дерева, а в печи — алтаря³⁵. Этому имеются аналогии у других народов — так, у перуанского племени макиритаре центральный столб общинного дома отождествлялся с мировым деревом³⁶.

Белорусская свадебная обрядность перекликается с обрядностью Древней Индии, где новобрачные обходили вокруг центрального столба дома³⁷, а иногда и вокруг дерева. В восточнославянской традиции также сохранилось немало свидетельств того, что когда-то свадебный обряд совершался у растущего дерева — например, старообрядческий обычай, когда парень с девушкой отправлялись к заветному дубу, обходили его три раза и брачный союз считался заключенным, а в Воронежской губернии еще в XIX в. молодые после церкви три раза обвязывали старый дуб³⁸. Надо полагать,rudиментом именно этого обычая является украшенное деревце, известное как элемент свадебной обрядности во многих областях России (в белорусском обряде оно ставилось на специальный стол у печи).

В украшении интерьера русского крестьянского дома также сохранились следы связи печного столба со священным деревом. Так, почти непременным элементом росписи голбца — пристройки, примыкающей непосредственно к печному столбу, — были древо жизни, дерево-цветок. Подобное встречается у различных народов: так, в жилище аварцев столб в центре («столб корня»), подправивший продольную балку крыши, первоначально повторял форму дерева с пышной кроной и мощным, расширяющимся книзу, стволом, украшенными богатой резьбой с солярным орнаментом³⁹.

Как известно, печной столб украшался таким элементом, как коник — стилизованное изображение конской головы, реже — птицы, а иногда это просто шарик на тонкой шейке. Понять указанные элементы декора можно, вспоми-

ив, что образы коня и птицы в народных представлениях связаны не только с солнцем и светом, но и с миром предков.

В восточнославянской традиции сохранились отдельные свидетельства того, что печной столб представлялся когда-то, видимо, своеобразным воплощением предка — покровителя дома. Прежде всего это название его у белорусов: «дзед» или «дзяд» — дед, предок. Вероятно, «стябовый» и мать невесты, сидевшие на столбе, олицетворяли собой этого предка, благословляющего молодых. Сходные представления известны и у других народов. Так, в ненецком чуме центральной священный шест «симса» был связан с представлениями о предках, олицетворял духа огня⁴⁰, а у нанайцев хранитель жилища обитал в столбе дома «гуси-тора», к которому, кстати, подвешивали в бересте умерших младенцев, и у него же женщины просили детей⁴¹. У восточных славян существовал обычай прятать пуповину новорожденного в выемку печного столба, а отдельные печные столбы XVIII—XIX вв. имели выразительную скульптурную форму, на основе которой угадываются идолообразные антропоморфные очертания⁴². Характерно, что печной столб прымкал непосредственно к печи, за которой мыслилось местообитание домового — мифического предка, покровителя семьи, и к голбцу — входу в подполье — нижний мир крестьянского микрокосма. В этой связи интересна загадка: «Выбежал Ярилко из-за печного столба, зачал бабу ярить, только палка стучит» (с профанической отгадкой — помело); здесь образ Ярилки явно заменяет домового, а основная функция Ярилы, по народным представлениям, — плодородие земли, скота и людей, что перекликается с представлениями о предках. Не всегда домовой один, иногда их двое — старик и старуха, как, например, в Тверской губернии, у них просили и благословения на брак. В связи с этим вспоминается обычай в Дмитровском уезде при закладке дома непременно приглашать Ивана и Марью. В данном обряде вообще сохранились очень архаичные черты: так, при закладке здесь говорят загадочные слова: «Дай бог этой стройке в море стоять»⁴³. Образы же Ивана и Марии, молчаливо участвующих в этом обряде, видимо, тождественны подобным персонажам купальских песен — брату и сестре, восходящим генетически к некоторым вариантам близнечных мифов, к образам божественных предков-близнецов, таким, может быть, как древнеиндийские Яма и Ями — по мнению исследователей, в древних версиях мифа от них произошел человеческий род⁴⁴.

У различных народов дух предка связывался также и с деревом: так, у шведов и литовцев он мыслился в растущем около дома дереве (кстати, у последних при уничтожении рощицы за домом этого духа якобы видели улетающим в образе птицы⁴⁵); а у русских Дмитровского уезда вешали на дворе мохнатую елочку, служившую эмблемой дворового. Здесь перед нами, видимо, результат переноса представлений о дереве внутри жилища на дерево около жилища, во дворе. Образ лешего в народных представлениях, как известно, иногда сближался с образом домового, имел отношение к семейному очагу и свадьбе.

Семантическую связь дерево — печной столб — предки можно проследить и в свадебной обрядности Вологодской губернии: прощание невесты с «местечком» — «раем» и «зеленым садом» — происходит не где-нибудь, а именно в кутном углу, около печного столба⁴⁶. «Зеленый сад» имел в прошлом в фольклоре славян то же значение, что и «рай», «вырей» — местообитание родителей, предков. В древнерусском языке слово «сад» означало дерево, а слово «рай», по мнению некоторых ученых, было старым названием мирового дерева⁴⁷. В свадебных песнях рай-дерево плывет по реке или морю, вылавливается, вносится в избу и ставится на стол, на вышитую скатерть⁴⁸; таким образом, это уже свадебное деревце.

Прослеживающаяся связь местообитания предков с деревом и егоrudиментом в доме — печным столбом, возможно, объясняется существованием когда-то древних обычая захоронения непосредственно в жилищах. У заволжских старообрядцев, например, имели место похороны под домом, в подполье⁴⁹. У коми подобный обычай существовал еще сравнительно недавно. Вход же

в подполье был отгорожен голбцем, и в свете этих обычаев становится по-
нятной близость слов «голбец» и «голубец» — надмогильный памятник⁵⁰.
В большинстве районов обычай хоронить покойников в доме был давно изжит,
ноrudименты его еще долго сохранялись. Так, хорошо известен у славянских
народов обычай хоронить под порогом некрещенных младенцев, а иногда
и «нечистых» покойников (кстати, на мифологическом уровне выявляется
связь дерева также с порогом и дверьми⁵¹ — возможно, в древности это один
из вариантов конструктивной связи дерева и жилища). Археологические рас-
копки также свидетельствуют о существовании захоронений в древних жили-
щах (или под ними), причем преимущественно детских и женских⁵². Как этно-
графическую параллель этому можно привести обычай одного из племен р. Ама-
зонки хоронить умерших в центре большой конической хижины из ветвей и паль-
мовых листьев, в которой проживал весь клан⁵³. Высказывалась мысль и о том
что у предков славян когда-то хоронили непосредственно в кутном углу⁵⁴.

Большой интерес представляет само слово «кут». Кроме обозначения в раз-
ных губерниях различных важных участков в избе, в том числе — у печи, крас-
ного угла, места хозяина (имеется и значение «середа»)⁵⁵, слова «кут» и «ку-
ток» встречались также в значении жилища, пристанища, шалаша⁵⁶. А. Н. Ха-
рузин, проанализировав обширный материал по жилищу различных славянских
народов, приходит к выводу, что слово «кут» в русском языке обозначает не угол
вообще, а важное место в доме, его основу, и предполагает, что «первичным,
искусственно сделанным жилищем всех славян был шатер-шалаш, носивший
название куть, *kut* и т. п.»⁵⁷. Но интересно, что круг этих слов имеет отношение
и к заупокойному культу. В отдельных губерниях у русских слова «покут»
и «покута» означали соответственно кладбище и служение по покойному⁵⁸,
«кутья», как известно, — поминальная пища (у хорватов это название дома).
А вот рассказ, записанный в Подольской губернии: девочка слышит стоны под
припечком и спрашивает: «Душа покутующа, чего ты хочешь, кто ты такая? —
Я бабка твоей бабки. Более ста лет, как я тут покутую. Бросают на меня дрова,
сметают на меня сор»⁵⁹. В некоторых местах на Русском Севере «кутинья» —
женский дух, обитающий в углу дома⁶⁰. В связи с этим представляется воз-
можным сопоставить слово «кут» с семантическим рядом слов с корнями
«уд-ут», встречающихся во многих языках со значениями плодородия, начала,
рода, души, матери-зверя, Великой матери, богини земли, очага, священного
дерева, предка огня и т. п.⁶¹ (вспомним древнерусское «уды»; примерно с тем
же значением «уд» в Древней Индии — влагатель семени зародыша⁶²).

Таким образом, с достаточной долей очевидности можно предположить, что
«кут» или близкое к нему слово в древности у предков славян означало сак-
ральную основу жилища и было связано с семантическим комплексом дерево-
столб — душа предка (возможно, символическое захоронение) — очаг (может
быть, изначально это слово относилось именно к дереву-шалашу как первич-
ному укрытию?) Не этот ли комплекс мы обнаруживаем на поселении Пустынка
(восточнотшинецкая культура XVI—XII вв. до н. э.)? Здесь в жилищах вблизи
очагов и центральных столбов были открыты культовые ямки-захоронения
с пережженными костями, а в некоторых — и с черепами животных⁶³, что встре-
чается и в других культурах. Касаясь вопроса о символических захоронениях,
связанных с образом души предка-покровителя, нужно отметить, что для на-
чальных этапов речь, вероятно, должна идти о женском предке, обожествлен-
ной праматери, роль которой, возможно, в каждом конкретном жилище могло
выполнять вполне конкретное женское захоронение. На это косвенно указывает
ряд факторов: представления о «кутинье» и «доможирихе», известные на Рус-
ском Севере; строительный обряд русских Западной Сибири, когда в переднем
углу дома ставили кедринку и говорили: «Вот тебе, мать-суседушка, теплый
дом и мохнатый кедр»⁶⁴ и др. Этнографическими параллелями этим представ-
лениям у других народов является, например, образ мордовской «юртавк» —
женский вариант домового (у нее были эпитеты: «содержащая корень дома»,

«отрубленный пень», «кормящий и воспитывающий бог»⁶⁵); у народности саора в Индии существовал обычай внизу центрального столба дома вырезать изображение женской груди⁶⁶. По сказаниям, широко распространенным у разных народов Европы, будущей матери снится сон, что из ее сердца или чрева вырастает чудесное дерево, а в сербской песне сам Христос рисуется вырастающим в виде деревца из сердца Богородицы, причем деревце это «у ширину по всему свијету, у висину до ведрого нееба»⁶⁷. Этот образ Христа в виде мирового дерева перекликается с образом его в виде печного столба в заговоре, приведенном выше, а в образе матери, как бы находящейся в корнях этого дерева, явно пропступают черты мифической прародительницы: так, в немецкой саге женщина, увидевшая такой сон, рождает сына, ставшего впоследствии родоначальником обширного племени⁶⁸.

Приведенные данные позволяют предположить, что крестьянский дом в прототипе представлял собой одновременно и своеобразный домашний храм (что вообще характерно для первобытности) с главным ритуальным объектом — центральным столбом (в прототипе — деревом, составлявшим единый семантический комплекс с очагом), который являлся воплощением обожествленного предка (первоначально, видимо, женского) или языческого божества, связанного с представлениями о предках. При введении же христианства черты этого божества переходят иногда даже на самого Христа, как мы это видели выше.

Обращаясь теперь вновь к анализируемым фигурам на памятниках народного искусства, необходимо отметить, что нередко по сторонам их изображены предстоящими две птицы. Этот факт достаточно важен, так как здесь перед нами уже композиция, а одним из основных принципов семантической интерпретации изобразительных материалов является раскрытие смысла отдельных образов через композиционную структуру⁶⁹. О символике образа птицы в народном искусстве пока нет единого мнения. Большинство исследователей считают птицу символом солнца, света, весны, отсюда — плодородия и жизни⁷⁰. В водоплавающих птицах, кроме того, видят олицетворение водной стихии, носителей живительной небесной влаги⁷¹. Отдельные ученые особо отмечают связь птицы с загробным миром предков и в то же время — со свадебной символикой⁷². Две птицы у дерева (или на дереве) нередко трактуются как символ брачной пары, но иногда их соотносят и с птицами — творцами Вселенной из древних мифов⁷³. Существует также мнение, что птица с поднятым крылом выражает идею обиды, печали, беды, смерти⁷⁴. Иногда исследователи, касаясь, как правило, лишь попутно в своих работах этого вопроса, признают полисемантичность, синкретичность образа птицы, однако природа этой синкретичности, ее истоки не исследуются. При ближайшем же рассмотрении выясняется, что все эти разнообразные значения образа птицы не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими и часто вытекают одно из другого⁷⁵. И дело здесь не столько в конкретных видах птиц, сколько в смене и наложении различных мифологических представлений, прежде всего хтонических, так как одним из древнейших, связанных с птицей, надо считать представление в этом образе души человека, в особенности умершего. Истоки его исследователи возводят к верхнему палеолиту и считают «культ птицы» одним из важных элементов общей эволюции первобытного мышления: «Мощный пласт истории сознания характеризует архаичный „культ птицы“, выразивший в этом образе в чувственно-предметной форме неизбежно возникающие примитивно-фантастические представления о душах как жизненных началах»⁷⁶. В пережиточной форме эти воззрения сохранились и у русских крестьян XIX в., о чем нам говорят многочисленные этнографические факты: например, хорошо известно представление умерших родителей в образе птиц в народных песнях, а о залетевшей в дом птице говорили: «Упокойничек озяб, пичужкой погреться прилетел»⁷⁷. У древних славян прослеживаются следы существования тотемных кланов птиц еще в эпоху дунайской общности⁷⁸.

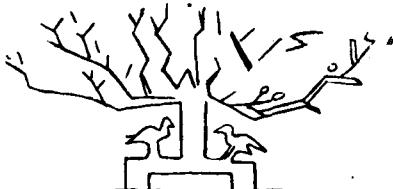

Рис. 9. Изображение на неолитической сузской керамике (взято из: *Perrot N. Les representation de l'arbre sacré sur les monuments de Mesopotamie et d'Elam.* P., 1937. Рис. 2, описание рисунка на с. 23)

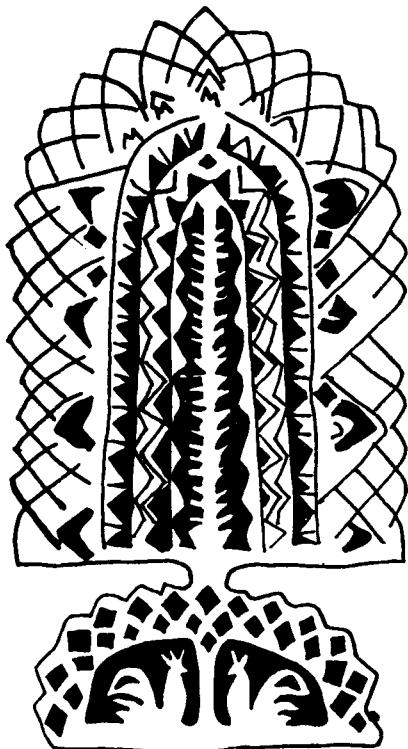

Рис. 10. Польская «выцинанка» (украшение интерьера жилища из бумаги, заменившее настенную роспись) (взято из: Ганцкая О. А. Народное искусство Польши. М., 1970. Рис. на с. 100)

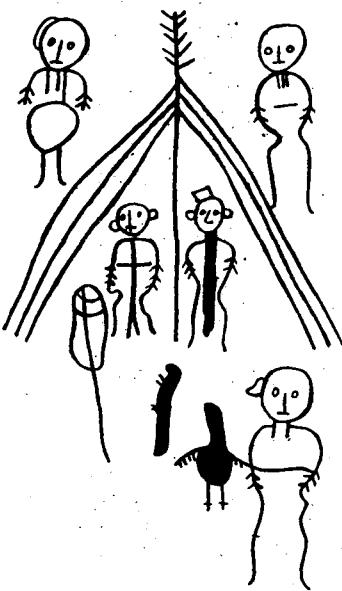

Рис. 11. Изображение шаманского шалаша с ритуальной берёзой, проходящей через его центр, у тунгусов Манчжурии (взято из: Cook R. The Tree of Life. Symbol of the Centre. L., 1974. Pict. 62).

Отсюда понятно одно из основных и ключевых значений образа птицы в народном искусстве — как символа души предка, а в более широком смысле — мира предков, «того света». В этой связи интересен один вариант рассматриваемой треугольной фигуры в резном декоре деревянного футляра для точила (Рис. 4). Здесь мы видим стилизованное изображение птицы под линией, на которой «стоит» треугольная фигура. Сам этот мотив не имеет никакого фигурного завершения, как в большинстве случаев, и заполнен ромбической сеткой, что делает его очень похожим на изображение примитивного шалаша. Сетчатый рисунок, возможно, передавал реальное плетеное покрытие, но нужно вспомнить и символику решетки в народном искусстве, связанной с представлениями о потустороннем мире, смерти. Обращает на себя внимание, что птица изображена очень стилизованно, хотя и хорошо узнаваема, это скорее остаток птицы, что наводит на мысль об изображении символического захоронения. Вспомним

связи с этим известный строительный обряд, когда на месте будущего дома (или под каждым его углом) закапывали принесенного в жертву петуха. Аналогию рассматриваемому сюжету можно видеть в устойчивом мотиве росписи своеобразных ракульских прялок, внизу лопаски которых изображалась стилизованная черная птица под треугольной кровлей маленького домика, а из вершины этой кровли поднимался пышный растительный побег.

Что касается сюжета с двумя птицами около рассматриваемой фигуры, то его можно считать вариантом трехчастной композиции с двумя птицами и деревом, тем более что дерево, как отмечалось, иногда изображено над треугольником (Рис. 3). Этот сюжет известен с глубокой древности в памятниках Древнего Востока, в частности, в неолитической сузской керамике (Рис. 9), причем здесь дерево «вырастает» из какой-то прямоугольной подставки — возможно, это также условное изображение некоего строения. Сходный сюжет мы находим в народном искусстве Польши; это бумажные «выцинанки», которыми украшали по праздникам стены жилища (Рис. 10). Здесь две птицы сидят у корней дерева, как бы в маленьком полуокруглом шалашике (иногда треугольном), сквозь который «прорастает» ствол дерева. Этот сюжет можно сопоставить с тунгусским изображением шаманского шалаша с ритуальной березой, проходящей через его центр; в шалаше — две фигурки предков (Рис. 11).

Если теперь обратиться к свидетельствам фольклора, то композиция с двумя птицами в значительной степени перекликается с имеющей почти мировое распространение легендой о сотворении мира птицами, сохранившейся частично как в украинских колядках, так и в русских духовных стихах⁷⁹. Две птицы-творцы (в более поздних вариантах — Бог и Сатана) являются здесь предками-демиургами, создающими из первозданного океана все основные элементы Вселенной; после акта творения они удаляются в блаженную страну предков, куда затем уходят за ними и души умерших⁸⁰. Творцов не случайно двое. Восходя к тотемическим представлениям родового общества, этот миф в своей основе отражал дуальную организацию экзогамного коллектива, две половины которого тесно взаимосвязаны различными функциями и всегда как бы «стоят лицом друг к другу»⁸¹. Таким образом, здесь слиты воедино космогонический и генеалогический мифы. В вариантах легенды птицы прилетают на возвышающееся переди первозданного океана дерево. Характерно, что дерево существует до акта творения — это, возможно, говорит о понятийном осмыслиении его еще до появления более или менее четких представлений о небесных светилах и земле как основных элементах организованного пространства.

Таким образом, исконный смысл образов двух птиц в трехчастной композиции заключается, вероятнее всего, в олицетворении душ предков, в прототипе — мифических первопредков. Это перекликается, в частности, с памятниками искусства Древнего Египта, где на надгробном рельефе изображены под деревом две птицы с человеческими головами, олицетворявшие души («ба») умерших и символизировавшие их вечную жизнь в загробном мире⁸². Однако в мифах о творении у отдельных народов можно проследить мотивы строительства на только что созданной земле или даже прямо на водах некоего сооружения — «первохища». Так, в древних аккадских мифах это сооружение на водах из тростника Бога-творца Мардука, а в японской мифологии творцы брат и сестра создают первый остров — «Срединный столб» всей земли, и строят на нем дворец, в качестве же центральной колонны дворца они устанавливают свое небесное копье, которым до этого размешивали море хаоса⁸³.

В древнеегипетской мифологии существовала концепция прахрама, созданного на священном прахолме или на изначально явлении острове. При этом наиболее архаичный архетип храма, конструкция которого восходила к древнейшим тростниковым строениям, считался владением сокола и назывался «Перекладина крылатого»⁸⁴. Если при этом учесть, что в египетской мифологии

прослеживаются образы двух соколов — Хора и Сета, которые в ранних разделах Текстов пирамид выступают как братья и равноправные правители обеих частей Египта⁸⁵, то перед нами предстанут все искомые элементы нашей трехчастной композиции — две птицы около прахрама. Становится очевидным, что птицы в этой композиции связаны с представлениями о предках-творцах и с близнечными мифами. Сопоставление образов русского народного искусства с мифологическими воззрениями других народов в данном случае представляется вполне оправданным, так как восточным славянам также был известен мотив строительства первого жилища, перекликающийся с мифами о творении: первый дом строится Сатаной и Богом (Бог прорубает окна)⁸⁶. Кроме того, прослеживается также образ дома или храма среди моря: в украинской загадке о солнце — «Серед моря стоять золота коморя»⁸⁷; в вариантах стиха о Голубиной книге — «Среди моря выходила церковь, выходила церковь — всё соборная»⁸⁸; в представлении, бытовавшем в Киевской губернии о том, что душа умершего пребывает в доме Давида, стоящем на острове посреди моря. Возможно, теперь нам станут понятнее и странные слова строительного обряда: «Дай бог этой стройке в море стоять!», так как строительство реального жилища всегда как бы повторяло изначальный акт творения, становления Космоса из Хаоса.

Таким образом, двух птиц в композиции с треугольной фигуруй, завершающейся растительным элементом или розеткой, можно с достаточной долей вероятности трактовать как мифологические образы двух предков-творцов около первого жилища-прахрама, некоего идеального храма. Но возможно ли соотнести анализируемые мотивы треугольника с какими-либо реальными формами культовых сооружений древних славян? О такой вероятности косвенно говорит тот факт, что на деревянных изделиях они бывают очень выразительны, изображены крупным планом и без дополнительных атрибутов. Анализ данных мотивов был бы неполным, если бы мы не попытались ответить на этот вопрос, но рамки статьи не позволяют на нем подробно остановиться. В дальнейшем предполагается к нему обратиться специально.

Примечания

¹ Что касается соседних с русскими финно-угорских народностей, то наличие в их резьбе данного мотива требует специального исследования; можно только отметить, что похожая фигура имеется у мордвы, в основном на свадебных коробах-парях.

² Стасов В. В. Русский народный орнамент // Собр. соч. 1894. Т. 1. С. 211. Динцес Л. А. Дорхристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства // Собр. этнография. 1947. № 2; Фалеева В. А. Женский персонаж в русской народной вышивке // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 123. Рис. 1.

³ Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., 1974. С. 37; его же. По реке Кокшенье. М., 1973. С. 89.

⁴ Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1982. С. 52.

⁵ Рогачев А. Н. Палеолитические жилища и поселения в Восточной Европе. М., 1964; Тарасов Л. М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л., 1979. С. 53—60; Сергин В. Я. Палеолитические жилища европейской части СССР: Автoref. канд. дис. М., 1974. С. 15.

⁶ Иванов/ П. Народные обычаи, поверья, приметы, пословицы и загадки, относящиеся к малорусской хате // Харьковский сборник. Отд. II. Харьков, 1889. С. 46—47.

⁷ Рысакова Л. М. Образ мира в геометрическом орнаменте на полотницах русских крестьянок Алтая // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 116.

⁸ То, что столб или ствол дерева внутри предполагаемого «шалаша» не всегда изображен, не должно смущать, так как он был невидим снаружи; на городецких донцах одна и та же фигура встречается и со столбом в центре, и без него.

⁹ Геродот. История. IV, § 23; Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М., 1982. С. 16.

¹⁰ Мелетьев В. В. веже // Изв. Архангел. о-ва изучения Русского Севера. № 4. Архангельск, 1910. С. 16.

¹¹ Попов А. А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М., Л., 1961. Табл. II. № 8. С. 137; Табл. XIII. С. 147.

¹² Дьяконова В. П. Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 273.

¹³ Завойко К. Временные жилища крестьян (Костромской и частью Владимирской губерний) //

остромское научное общество по изучению местного края. Второй этнографический сборник. Вып. XV. Кострома, 1920. С. 128—132.

¹⁴ Этот обряд не раз описывался в литературе, однако на связь его с вероятной древней конструкцией жилища исследователи внимание не обращали. См.: Зеленин Д. К. Тотемический культ деревьев у русских и белорусов // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. Сер. VII. № 6—8. 1933. С. 628; Байбурина А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. 59—60 и др.

¹⁵ Познания крестьянских праздников / Вступит. статья, сост., подг. текста и примеч. И. И. Земовского. Л., 1970. С. 99—100.

¹⁶ Малина В. Сюжетные рушники Украины // Декор. искусство СССР. 1985. № 2 (илл. на с. 23).

¹⁷ Гемчев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Новосибирск, 1986. С. 16—20, 30—39. ил. 13, 28.

¹⁸ Viennot O. Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Р., 1954. Р. 67, 68.

¹⁹ Петрухин В. Я. О функциях космологических описаний у погребального культе // Обычай культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. М., 1979. С. 9.

²⁰ Анисимов А. Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л., 1959. С. 42, 43; асилевич Г. М. Ранние представления о мире у эвенков // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1956. С. 160.

²¹ Рабинович Е. Г. «Золотая середина». К генезису одного из понятий античной культуры // История, древ. истории. 1976. № 3. С. 95.

²² Равдоникас В. И. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // Сов. археология. 1937. № 4. С. 30; Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопр. истории. 1974. № 1. С. 8.

²³ Емельянов Н. В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М., 1981. С. 19—21.

²⁴ Семека Е. С. Антропоморфные и зооморфные символы в четырех- и восьмичленных моделях // Уч. зап. Тартуск. ун-та. Вып. 284. Тарту, 1971. С. 92—119.

²⁵ Viennot O. Op. cit. Р. 66, 67; Семека Е. С. Указ. раб. С. 99. Примеч. 19.

²⁶ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии АН СССР. (нов. сер.). 1956. Т. 31. С. 227.

²⁷ Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. Л., 1975. С. 91—92, 106. Рис. № 8, 23-Б, 24-А; Березанская С. С. Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев, 1974. Табл. VII, IX. Рис. 11 а с. 40; Пасек Т. С. По следам древних культур. М., 1951. Рис. на с. 55; Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 53, 62, 91. Рис. 6 на с. 67.

²⁸ Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону // Материалы по истории и археологии. № 8. М.; Л., 1948. С. 26—29. Рис. 13.

²⁹ Никольский Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956. С. 171; Костиков Л. Изба семи государей. СПб., 1914. С. 7.

³⁰ Заверняев Ф. М. Почепское селище // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. Л., 1969. С. 93. Рис. 5.

³¹ Мелетьев В. Указ. раб. С. 14.

³² Байбурина А. К. Указ. раб. С. 149. Образ креста автор объясняет соединением печного толба с воронцами.

³³ Иванцкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890. С. 140.

³⁴ Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного жития-бытия в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895. С. 240, 241; Никольский Н. М. Указ. раб. С. 79, 85, 49, 171.

³⁵ Никольский Н. М. Указ. раб. С. 172.; Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в областилавянских древностей. М., 1974. С. 249.

³⁶ Березкин Ю. Е. Жесты у древних перуанцев // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 278, пр. 72.

³⁷ Viennot O. Op. cit. Р. 68.

³⁸ Автономов Я. Символика растений в великорусских песнях // Журн. Министерства народного просвещения. № 11—12. СПб., 1902. С. 91; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. С. 54.

³⁹ Никольская З. А. Из истории аварского жилища // Сов. этнография. 1947. № 2. С. 158, 159. Рис. 7.

⁴⁰ Чернецов В. Н. Чум // СЭ. 1936. № 6. С. 86.

⁴¹ Иванов С. В. Представления нанайцев о человеке и его жизненном цикле // Природа и человек. С. 163, 179, 180.

⁴² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 496; Барадулин В. Три царства крестьянского дома // Декор. искусство СССР. 1983. № 5. С. 42.

⁴³ Соловьев К. А. Жилище крестьян Дмитровского края. Дмитров, 1930. С. 174.

⁴⁴ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Указ. раб. С. 230.

⁴⁵ Мандельштам И. Опыт объяснения обычаев (индоевропейских народов), созданных под влиянием мифа. СПб., 1882. С. 212.

⁴⁶ Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтузге (Тарног. р-н Вологод. обл.). М., 1985.

⁴⁷ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Указ. раб. С. 246.

⁴⁸ Потебня А. А. Объяснение малорусских и сродных народных песен. Т. 2. Варшава, 1887. С. 235, 236.

- 49 *Велецкая Н. Н.* Языческие представления о загробной жизни и рудименты их в славянской народной традиции // Македонски фолклор. Скопье, 1969. Год II. Бр. 3—4. С. 317. Пр. 1.
- 50 *Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 136.
- 51 *Perrot N.* Les représentations de l'arbre sacré sur les monuments de Mésopotamie et d'Elam. Р., 1937. Р. 12.
- 52 *Борисковский П. И.* Палеолитические жилища на территории СССР и этнографические параллели к ним // Докл. сов. делегации на Междунар. конгр. антропологов и этнографов. М., 1958. С. 9; *Бибиков С. Н.* К социальной интерпретации мусьевских поселений // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л., 1974. С. 15.
- 53 *Циркунов В. Ю.* О происхождении зодчества. М., 1965. С. 64—65.
- 54 *Котляревский А.* О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868. С. 23; *Соболев А. Н.* Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913. С. 86. Пр. 1.
- 55 *Харузин А. Н.* Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907. С. 52. 201, 202, 227, 228.
- 56 Словарь русских народных говоров. Вып. 16, Л., 1980. С. 164, 174.
- 57 *Харузин А. Н.* Указ. раб. С. 228, 230, 67—70.
- 58 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III, СПб., М., 1882. С. 256.
- 59 *Чубинский П. П.* Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1872. С. 148—149.
- 60 Словарь русских народных говоров. С. 169.
- 61 *Чагдурев С. Ш.* Происхождение Гэсэриады. Новосибирск, 1980. С. 151, 180; Природа и че-ловек... С. 273.
- 62 *Атхараведа.* Избранное. М., 1977. С. 224, 229.
- 63 *Березанская С. С.* Указ. раб. С. 33—41, 72, 85—87. Табл. VII, IX.
- 64 Об этих данных см.: Сказки и предания Северного края. (Запись, вступит, статья и коммент. И. В. Карнауховой). М.; Л., 1934. С. 164; *Байбурик А. К.* Указ. раб. С. 59—60.
- 65 *Д. З. Саратовская морда* // Живая старина. Вып. III—IV, год XIX. СПб., 1910. С. 309—310.
- 66 *Иванов Вяч. Вс.* Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Уч. зап. Тартуск. ун-та. Вып. 236. Тарту, 1969. С. 79.
- 67 *Мандельштам И.* Указ. раб. С. 89; *Потебня А. А.* Указ. раб. С. 232.
- 68 *Афанасьев А. Н.* Поэтические взорения славян на природу. Т. II. М., 1867. С. 479.
- 69 *Евсюков В. В.* Мифология китайского неолита. Новосибирск, 1988. С. 26—28.
- 70 *Городцов В. А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Тр. Государственного Исторического музея. 1926. Вып. I. С. 9; *Рыбаков Б. А.* Искусство древних славян // История русского искусства. Т. I. М., 1953. С. 64, 68; и др. его работы; *Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 163; и др. ее работы; *Некрасова М. А.* Народное искусство России. М., 1983. С. 25; *Калмыкова Л. Э.* Народная вышивка Тверской земли. Л., 1981. С. 14; и др.
- 71 *Маслова Г. С.* Указ. раб. С. 163; *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л., 1970. С. 74; *Жарникова С. В.* О возможных истоках образов птиц в русской народной обрядовой поэзии и прикладном искусстве // Фольклор: проблемы сохранения, изучения и пропаганды. Тез. Всесоюз. научно-практ. конф. М., 1988. С. 112.
- 72 *Маслова Г. С.* Указ. раб. С. 163—164; *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. С. 248; *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. М., 1969. С. 451, пр. 300.
- 73 *Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство и скульптура // История культуры Древней Руси. Т. II. М.; Л., 1951. С. 402; *Вагнер Г. К.* Указ. раб. С. 288.
- 74 *Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство Киевской Руси // История русского искусства. Т. I / Под общ. ред. ак. И. Э. Грабаря. М., 1953. С. 278—283; *Вагнер Г. К.* Указ. раб. С. 288.
- 75 *Денисова И. М.* Трехчастная композиция с орнитоморфными мотивами в русском народном искусстве // Сб. трудов Научно-исследовательского института художественной промышленности. Вып. 1992 г. В печати.
- 76 *Столяр А. Д.* О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания. (К постановке проблемы) // Ранние формы религии. М., 1972. С. 60—62.
- 77 *Соболев А. Н.* Загробный мир по древнерусским представлениям. Серг. Посад, 1913. С. 71.
- 78 *Бернштам Т. А.* Орнитоморфная символика у восточных славян // Сов. этнография. 1982. № I. С. 32—33.
- 79 *Веселовский А. Н.* К вопросу о дуалистических космогониях // Этнографическое обозрение. М., 1890. № 2. С. 44; *Потебня А. А.* Указ. раб. С. 739; Русские народные песни, собранные П. И. Якушкиным // Летопись русской литературы и древностей. 1859. Т. I. Отд. 2. С. 100; *Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 239—240.
- 80 *Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология // М., 1964. С. 276; *Харузина В. Н.* К вопросу о почитании огня // Этнографическое обозрение. № 3—4. 1906. М., 1907. С. 168.
- 81 *Абрамян Л. А.* Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983. С. 169.
- 82 *Померанцева Н. А.* Эстетические основы искусства Древнего Египта. М., 1985. С. 71.
- 83 *Мифология Древнего мира.* М., 1977. С. 148; 411, 428, сн. 10.
- 84 *Померанцева Н. А.* Указ. раб. С. 56—57.
- 85 *Мифогия Древнего мира.* С. 111.
- 86 *Чубинский П. П.* Указ. раб. С. 100; *Сумцов Н. Ф.* Культурные переживаний. Киев, 1890. С. 90.
- 87 *Иванов П.* Указ. раб. С. 66.
- 88 *Варенцов В.* Указ. раб. С. 13.

© 1990 г.

Х. И с м а и л о в

О НАРОДНЫХ ТРУДОВЫХ ТРАДИЦИЯХ УЗБЕКОВ

Для экономической политики административно-командной системы долгие годы было характерно недостаточное внимание к народному трудовому опыту, во многих случаях и прямое пренебрежение им. Эта позиция имела свое теоретическое оправдание, ибо основывалась на широко декларировавшемся убеждении, что передовая наука укажет правильные пути использования земли и человеческих ресурсов. К сожалению, оптимистическая вера во всесиле науки не оправдалась. Достаточно указать на положение с Кара-Богаз-Голом, Араком на приведенные в негодность неумелой мелиорацией обширные земельные пространства, чтобы некогда утверждавший в советском человеке чувство гордости за свою страну лозунг «Мы не можем ждать милости от природы...» споминался как провозвестник нынешних экологических трагедий.

Между тем при всей необходимости широчайшего внедрения достижений современной науки народный трудовой опыт заслуживает самого пристального внимания. Он вобрал в себя итоги наблюдений многих поколений людей, возделывающих землю или сохранявших ее как пастбище для скота. Путем бесчисленных проб и ошибок земледельцы определили, что и когда сажать, сколько сажали нужно дать почве, каким образом проводить полив. Скотоводы вывели породы животных, наиболее подходящие для местных условий; учитывая свойства трав, поедаемых скотом, выявили целесообразный порядок в чередовании пастбищ. Несомненно, не каждый шаг оказывался удачным. В Хорезмском оазисе, например, археологи обнаружили древние незаконченные каналы, по которым никогда не текла вода: люди ошиблись в расчетах, и воспользоваться каналом им не удалось. Однако столь же несомненна и колоссальная практическая ценность тех хозяйственных знаний, которые подтвердили себя многовековой удачной практикой. Сфера народных хозяйственных знаний включает в себя способы организации труда.

Сейчас, когда в переоценке последнего периода истории нашей страны признана необходимость вернуть в жизнь отвергавшееся прежде культурное наследие, изучение народного трудового опыта должно быть осознано как задача большой общественной важности. И дело здесь не только в том, что трудовой опыт является важной частью традиционной культуры, основы которой должны быть усвоены последующими поколениями в силу соображений нравственного порядка. Главное — в практической пользе этого опыта, проверенного всей трудовой жизнью наших предков. Сегодня ясно, что те формы коллективного ведения хозяйства, которые считались единственными возможными для социализма, неэффективны; на повестке дня стоит вопрос о реальном возвращении земли крестьянину, причем активно обсуждается и возможность перехода сельского хозяйства на фермерский путь. Направление будущих исследований в сельском хозяйстве отдельных регионов нашей страны сегодня нелегко предвидеть, однако правомерно ожидать, что при любом избранном пути крестьянину будет предоставлена большая экономическая самостоятельность, возможность самому решать, как вести свое индивидуальное или коллективное хозяйство. При таком положении дел неизбежным будет возрождение или значительно более широкое применение многих навыков народного трудового опыта. Этнографы могут внести свой вклад в ознакомление общества с трудовыми традициями разных народов. Публикация соответствующих материалов будет способствовать и трезвому критическому осмыслению трудового опыта, и распространению знаний об особенностях культуры народов Советского Союза, что также является актуальной задачей этнографии в современный период.

Предлагаемая статья посвящена формам организации труда у узбеков.

Традиции играли основополагающую роль в культуре узбекского народа. Необходимость следовать традициям утверждалась всем сложившимся строем жизни, освящалась религиозными и моральными нормами. Выработанные в древности традиции регулировали и хозяйственную деятельность. Труд воспевался, а основные события трудовой жизни сопровождались праздниками. Трудолюбие издавна являлось для узбеков одним из важнейших моральных качеств человека. Традициями была определена и организация труда. С их помощью новым поколениям передавались навыки и приемы профессионального мастерства. По традициям учились начинать и заканчивать работу, приводить в должный порядок свое рабочее место, свой рабочий инструмент или механизм, а также свой дом и домашнее хозяйство, готовить еду, праздничное угощение и т. п.

В ряду национальных традиций, возникших в сфере трудовой деятельности человека, стоит и широко известный в прошлом «хашар» — обычай добровольной коллективной взаимопомощи в трудоемких работах. В этом обычай выражалась лучшие человеческие качества тружеников-крестьян. Коллективная помощь использовалась для поддержки вдов, оставшихся без кормильца, а также бедных семей. Весь квартал (махалля) или кишлак, собравшись, обрабатывал и засевал поля. Даже выдача замуж дочерей овдовевших женщин входила в обязанность квартала — помогали всем миром, кто чем мог. Обычай взаимопомощи, связанный непосредственно с трудовыми процессами, продолжает существовать поныне, в новых социальных условиях. Он имеет хорошо разработанные формы организаций, но с местными различиями, отразившимися в терминологии. Принципы и отдельные формы «хашара» были неоднократно описаны в этнографической литературе¹.

Термин «хашар» происходит от арабского слова «хашр», «хашар» (куча, группа)². Он распространен среди народов, некогда принявших ислам, например у узбеков³ и таджиков⁴, у афганцев⁵. У киргизов и некоторых групп узбеков он встречается в форме «ашар», у казахов — «асар». В узбекском языке арабский термин по существу вытеснил исконное тюркское слово «кёмек», «кумак», которое сохранилось у казахов и каракалпаков. В некоторых диалектах узбекского языка оба термина употребляются вместе, например «хашар-кумак».

Следует отметить, что термин «хашар» в разные исторические периоды имел неодинаковое значение. В монгольскую эпоху он, видимо, мог обозначать группы пленных (жителей завоеванных областей), которых сгоняли для выполнения различных работ, в частности постройки осадных сооружений. Так, в Бухаре завоеватели взяли в плен огромное число жителей. Среди них преобладали ремесленники, которых монголы ценили как рабочую силу,ющую обеспечит их в порядке повинности ремесленными изделиями. Большое число здоровых и физически крепких пленных вошло в хашар, т. е. в отряды, использовавшиеся на тяжелых работах при осаде городов Самарканда, Дабусии и др.⁶

В более позднюю эпоху это понятие вобрало в себя и значение своего рода «барщины» и «отработок», однако барщиной в буквальном смысле его называть нельзя, так как в Средней Азии отсутствовали крупные хозяйства и земля обрабатывалась издольщиками. В архивных документах он встречается как в значении, близком к «барщине», так и в значении «помощь». В XIX в., например, дехкане созывались в порядке установленной среди них очереди для проведения полевых работ на ханских удельных землях, причем работали они зачастую с своим рабочим скотом⁷.

Разновидностью узбекского хашара является женская трудовая взаимная помощь, которая выражалась в разных формах в зависимости от выполняемых работ. Так, в кишлаке Киргиз-аул, близ кишлака Лугумбек Избасканского р-на Андижанской обл., женщины расчищали уже вырытые траншеи, таскали на носилках землю. Возглавляла эту женскую бригаду депутат Верховного Совета

Узбекской ССР, колхозница, кавалер многих орденов и медалей СССР Хайрин-са Бакибаева из кишлака Туячи того же района.

Женщины, работая целый день на стройке, названной общенародным хашаром, усталые после тяжелого труда под палящим солнцем, находили в себе силы шутить и смеяться. Бригада Хайринсы Бакибаевой действительно трудилась по-ударному. Она по всем показателям вышла на первое место среди женских бригад и была награждена переходящим Красным знаменем. Бригада Хайринсы Бакибаевой показала, как умеют трудиться узбекские женщины. Об этом до сих пор вспоминают участники строительства канала.

Рассмотрим отдельные формы женской трудовой взаимопомощи.

«Чигрик, или халаджи хашар». В дореволюционном Узбекистане каждый землевладелец, выращивавший на своем участке хлопок, часть урожая продавал на базаре или сдавал в приемный пункт скупщикам, а другую часть оставлял для нужд семьи. Обработкой хлопка в домашних условиях всегда занимались женщины. В семьях, где производили или покупали для обработки хлопок, работали в основном способом коллективной взаимопомощи. Обычно хашар по очистке хлопка от шелухи проводили зимой, участницы сидели вокруг сандаля ⁸, а также весной и летом в теплые дни. Хлопок сначала сушили на сандале, так как сухой хлопок быстрее очищался и из него получалась более качественная вата.

Очистка хлопка от семян — особо трудоемкая и кропотливая работа, поэтому женщины устраивали хашар по очереди, собираясь небольшими группами. Эта взаимная помощь за пределы махалли или кишлака не выходила. Такая совместная работа называлась по-разному: в Ферганской долине, Ташкентском оазисе — «чигрик хашар», в Самаркандской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Бухарской и других областях — «кичик хашар» или «халаджи хашар», в зависимости от названия используемого приспособления для обработки хлопка. Халаджи (чигрик) состоял из двух валиков со спиральными нарезами, которые вращались навстречу друг другу; эти валики были установлены между двумя вертикальными досками, прикрепленными к более мощной доске — основанию станка «кунда». Через такой станок женщины за неделю пропускали свыше 30 кг хлопка, очищая его от семян, и получали 10,5 кг ваты и 21 кг семечек (чигит) ⁹. Полученная вата была пригодной для прядения нитей, а также могла использоваться при пошиве одеял и халатов.

«Чарх хашар» — совместное прядение нитей — был самым популярным и распространенным видом взаимопомощи среди женщин и девушек как в Узбекистане, так и в других районах Средней Азии, где выращивали хлопок или покупали его. Обычно хашар приурочивали к весне, когда устанавливались теплые дни и можно было сидеть вне дома под открытым небом в тени виноградных лоз или на айване. Прядение производили исключительно ручным способом при помощи старинной прялки, называемой «чарх». Этот тип прялки встречается на громадной территории от Средней Азии до Японии и Индии ¹⁰.

Прядение нитей на самопрялке-чархе было трудоемкой, утомительной работой. Поэтому женщины, по очереди созывали для помощи жительниц одного, двух или более кварталов или всего кишлака. Среди участниц хашара встречались представительницы разных слоев населения: женщины из бедных и зажиточных семей, младшие жены богачей, амалдаров, духовных лиц. Такие хашары созывались обычно на один или два дня, порой они длились и неделю, а в виде исключения — и дольше. Хозяйка-строительница хашара предварительно готовила к этому дню еду для участниц и хлопок для прядения. Приглашенные женщины, как правило, приходили со своими прялками. Такие хашары созывались всегда сначала самыми зажиточными семьями, в том числе и семьями представителей духовенства. Бывали случаи, когда женщин заставлялиходить на хашары, созывавшиеся богачами.

Обычай созывать женский хашар для прядения нитей назывался разными терминами: в Зеравшанском оазисе недавно употреблялся термин «катта хашар» (бывший хашар) ¹¹, в Ташкентском оазисе, в частности в кишлаках

Бостанлыкского р-на,— «чахсан»¹², а в Ферганской долине — «чахзан» (в Кёканде) и «чах-хасан» (в Андижане)¹³. Как в Ферганской долине, так и в кишлаках Бостанлыкского р-на Ташкентской обл. и других местах происхождение обычая устраивать «чахсан» связано со следующим преданием. Дочь пророка Мухаммеда, Биби Фатима, родив сыновей Хасана и Хусейна, позвала на помощь соседей и близких с их прялками-чархами и попросила заготовить нити для тканей на рубашки новорожденным. Собираясь на «чахсан» со своими прялками, женщины в течение одного или нескольких дней пряли нити для устроительницы хашара¹⁴.

Во многих местах в связи с хашаром устраивали угощение в честь патронессы прях святой Биби Сешанбе. При этом придерживались правила, по которому по четвергам и понедельникам прядь не полагалось, дабы не рассердить патронессу прях¹⁵. К таким хашарам женщины готовились заранее. Коллективная работа принимала форму большого приема гостей и посиделок. Чтобы накормить участниц, требовалось немало продуктов. Поэтому далеко не каждая хозяйка устраивала «чарх хашар» или «катта хашар» ежегодно. Участницы хашара, прияя к устроительнице, рассаживались вдоль стен в комнатах или на айване, в саду, на кроватях (сури) или же на суфе под виноградными лозами. Хозяйка расстилала большую скатерть (дастархан), ставила угощение, а после совместной трапезы собравшиеся принимались прядь. Каждой женщине давали очищенный от семян хлопок в корзинах.

В кишлаке Хумсан и в ряде других мест для изготовления нитей существовала своего рода артель девушек, прядвших нити, которая называлась «кизлар дахсаи» — «девичья десятидневка». Девушки собирались со своими прялками-чархами в доме у одной из них и в течение установленного времени, не уходя домой даже на ночь, пряли нити сначала для одной участницы, потом для другой¹⁶. До сих пор в этих кишлаках существует термин «дахага кириш», т. е. участие в совместных работах, на которых девушки пряли нити, готовили для себя приданое. Из полученной пряжи ткались разноцветные ткани, шедшие на платья, халаты, разные домашние предметы. В кишлаке Каранкул Бостанлыкского р-на девушки собирались у одной из своих подруг в среду, в тот же день устраивали угощение — готовили плов, нарын и другие блюда. Прядение же начиналось с пятницы и продолжалось до следующей пятницы. В течение этой недели засватанным девушкам приносили подарки от их женихов, кроме того, из дома каждой девушки доставлялись лепешки, фрукты, сладости, приготовленная пища. В кишлаке Хандайлик того же района этот обычай назывался «харпана»¹⁷. Там девушки пряли сообща в течение недели; из дома каждой участницы приносили сюда суп в горшочке, две лепешки. Здесь девушки изготавливали, работали для себя. Замужние женщины в даха не входили, так как у них существовала своя форма совместной работы — «чахсан».

Во время общей работы женщины часто пели, сопровождая пение ритмическими движениями. Смысль многих песен сводился к жалобе женщины, насилию выданной замуж, на жестокое обращение мужа и свекрови. Жаловались работницы и на свою бедность, например:

Чархим гув-гув этади,
Маргиланга этади.
Маргиланнинг кизлари,
Шахи-атлас кияди

(Звуки самопрялки достигают Маргелана,
Маргеланские девушки одеваются в дорогой атлас).

Часто пели о своей печальной жизни женщины, мужья которых имели и других жен. Они рассказывали о жестокости и придирчивости старших жен-соперниц. Например:

Чархим таноб ташлайди,
Бир балони бошлайди

Кундош улгур хар куни,
Янги уруш бошлайди.

Нити самопрялки ослабевают,
И какую-то беду зазывают.
Соперница моя каждый день
Новую ссору начинает.

По рассказам наших информаторов, совместная работа по прядению нитей всегда сопровождалась шутками, женскими играми, танцами, пением под аккомпанемент бубна. Хашары были и своеобразными посиделками, которые давали возможность женщинам собраться вместе и свободно побеседовать, обсудить разные дела, связанные с жизнью их семей.

«Пилла териши кумаги» — один из веселых и многолюдных хашаров по совместному сбору коконов. Издавна выращивание шелковичных коконов и приготовление шелковых нитей представляло одну из важных отраслей сельского хозяйства, при этом основные работы по производству шелка выполняли женщины. Сиддики Далимова (97 лет), которая всю жизнь занималась изготовлением шелка, рассказывала, что для сбора поспевших коконов обычно прибегали к взаимной помощи, которая в кишлаках Маймир, Тупабджуваз, Чириккул, Джакенабад и ряде других называлась «кумак оши», «пилла сайили». В совместной работе участвовали женщины и девушки.

Взаимная помощь по сбору коконов устраивалась только в пределах квартала (махалля) или кишлака. Об этом сообщали и жители кишлаков Уйшун и Кайтмас Среднечирчикского р-на Ташкентской обл., а также и других кишлаков той же области. При этом пожилые женщины сидели отдельно, они все были в белых платьях и белых кисейных платках, накинутых на голову. Более молодые женщины и просватанные девушки образовывали другую группу, которую, как и первую, обслуживали девушки и девочки. Женщины приходили со своим частарханом, в который были завернуты лепешки и сладости. Когда они отправлялись в обратный путь, хозяева вместо принесенных клали в скатерть другие продукты из своего дома. Участницы помочей работали с утра до вечера, кормили их 3 раза в день. Женщины, сидя на полу на тюфячках, собирали принадлежащие хозяевам дома коконы в большие корзины. Хозяин дома приносил из темного помещения кучи хвороста с коконами, дети участвовали во вспомогательных работах. При сборе коконов женщины проводили своеобразные соревнования. Когда работы в одном доме бывали завершены, женщины шли в другой. На этих хашарах женщины играли на бубнах, пели, танцевали, устраивали импровизированные комические представления, причем исполняли и мужские роли. Они надевали самодельные маски, гримировались, приклеивали усы и бороды, подвязывали подушки, когда изображали толстых богачей, сановников (амалдар), представителей духовенства. Хашар сопровождался шутками и остроумными рассказами, забавными частушками.

Эти веселые хашары по сбору коконов и поныне продолжаются в кишлаках в женской среде; в них участвуют также и девушки, и девочки-подростки; вся работа пока еще выполняется ручным способом. Организаторами всех хашаров являются женщины старшего поколения. Они выступают в роли наставников молодежи, давая советы, делясь трудовым опытом.

Молочная артель, или взаимопомощь при заготовке молочных продуктов. Совместная женская работа была нужна и для заготовки на зиму молочных продуктов. Во многих кишлаках, особенно в горных и предгорных районах Узбекистана, издавна существовало своеобразное женское объединение — артели по производству молочных продуктов, особенно домашнего сливочного масла. Эти объединения для взаимопомощи назывались в разных местах по-разному, но самым распространенным термином был «ёг туплаш кумаги» (помочь

для сбора масла) или «сут туплаш кумаги» (помочи для сбора молока), «сут туплаш шерикчилиги» (сотрудничество для сбора молока), часто употреблялись и термины «пейкор», «пейвоз».

Во время полевых этнографических работ нами получены сведения, что в группе кишлаков, входящих в сельсоветы Кизилчай Дехканабадского р-на, Лангар Камашинского р-на, Такайкилди Яккабагского р-на, а также в горных кишлаках Шахрисябзского и Китабского районов Кашкадарьяинской обл. к весне собирались в одну группу от 6 до 10—12 и более женщин, имеющих дойных коров и коз. Они собирали все надоенное молоко и давали его одной из участниц. Так по очереди до конца лета они сбивали масло (не только из молока коров, коз и овец, но иногда и кобылиц). Это масло в специальном мешке из овечьего желудка или из шкуры каждая семья оставляла на хранение в прохладном темном месте в горном ущелье. Коллективная работа помогала скопить к зиме большие запасы масла и других молочных продуктов. Похожие объединения существовали также в Самаркандской и других областях республики под разными названиями, были известны и у других народов¹⁸.

Семейные хашары. Женская взаимопомощь издавна практиковалась и в связи с подготовкой к важным семейным событиям, прежде всего к свадьбе. Готовясь к свадебному церемониалу, женщины устраивали так называемый «пахта савок хашари», в котором участвовали соседки и родственницы. На этом хашаре взвивали вату для одеял. Позже женщины созывались и для помощи в изготовлении одеял. Этот хашар назывался «курпа копланди». Устраивался хашар и для шитья одежды для новобрачных, именуемый «сарпо бичар» или «сарпотикар». Обычно участницы собирались в доме просватанной девушки, родственники жениха обеспечивали их ватой для одеял и материалом для костюмов новобрачных. В это же время проводились аналогичные работы и в доме жениха.

По древнему обычаяу, хашарами «пахта саваш», «сарпо бичар» и «сарпотикар» руководила уважаемая женщина преклонного возраста. Она же давала работе благословение «ок фотиха беради» и первой начинала кройку и шитье. Остальные женщины зашивали несколько швов, а затем передавали всю работу мастерицам (чевар), которые специально приглашались на этот хашар.

Женские хашары по подготовке к свадьбе широко практикуются как в Узбекистане, так и в Таджикистане и в наше время. В старину они созывались для шитья одежды к бекскому семейному торжеству (той)¹⁹.

В кишлаке Сайлик и близлежащих селах (Ходжекент, Хумсан, Чинар, Каранкул и др.) издавна существовала своеобразная форма взаимопомощи под названием «чалма хашар». В этом хашаре участвовали женихи и его друзья. Весной под звуки музыки карнай и сурная приходили они в дом невесты, работали в хлеве, где из скопившегося за зиму навоза изготавливали кизяк (тезак, таппи) в виде округлых комьев, которые назывались «чалма». От этого и произошло название данного хашара. Кроме того, жених с друзьями пахали землю, сеяли пшеницу, летом и осенью убирали урожай, заготавливали дрова на зиму. Каждый раз жених брал с собой по нескольку человек, работали они в сопровождении музыкантов, сами готовили себе пищу, угождали окружающим. Обычно в кишлаках довольно долго вспоминали об этих хашарах, сравнивали, какой из них было лучше.

В кишлаке Карамурт Сайрамского р-на Чимкентской обл. КазССР устраивали «куёв хашар», во время которого жених с товарищами работали в хозяйстве невесты: помогали при постройке дома, в весенней обработке земли, при уборке урожая проса («сук тугуш»), при других обстоятельствах. Нужно отметить, что проводились и такие многолюдные «куёв хашар», в которых участвовала вся бригада или вся молодежь колхоза.

Женские хашары были связаны не только с подготовкой одеял и постельных принадлежностей, но также и с шитьем сюзане, вышиванием и приготовлением разного рода покрывал, ковровых изделий, женских платьев, тюбетеек, бытовых предметов, принадлежностей юрты и т. п. В городах и селениях женщины устраивали

иали помочи, чтобы совместно делать мужские поясные платки («белбог»), убашки («яктах»). По рассказам информаторов, раньше эти вещи чаще всего изготавлялись только для членов семьи, а в более позднее время — и для продажи в связи с развитием товарно-денежных отношений. При подготовке большого количества таких вещей, преимущественно в зажиточных семьях, устраивали хашары, на которые приглашали соседей, родственниц и близких, особенно из бедняцких семей. При этом никакой платы не было, ограничивались угощением.

Женщины из одной семейно-родственной группы, считавшиеся сестрами («эгачи-сингиллар»), всегда помогали друг другу при изготовлении тканей, чайтюрты, при возведении и украшении юрты. Эту взаимную помощь население степных районов южных областей Узбекистана называло термином «кул солишиш». «Кул солишиш» — исконный вид народной взаимопомощи при выполнении трудоемких работ, требующих много рабочих рук и энергии. Хашары устраивали и при ковроткачестве. Девушки и молодые женщины объединялись для совместного изготовления ковров. Ими руководила, передавая свой богатый опыт и знания, опытная мастерица «кайвани». Она объясняла особенности орнаментов, их сюжеты и композиции, характерные для местного ковроделия.

В этих краях был популярен своеобразный ворсовый ковер «джулхирс»; при его изготовлении также устраивали «кул солишиш», в котором участвовали все женщины, а не только «эгачи-сингиллар». По обычаям, те женщины, которые в силу каких-либо причин не участвовали в этой коллективной работе, должны были принести работницам готовую пищу, в частности свежие лепешки, катламу, другие блюда. По народной традиции женщины, остававшиеся в стороне от взаимной помощи, осуждались и к ним относились без должной сердечности, называя их одиночками. («якка махов»).

Народный обычай «кул солишиш» получил широкое распространение, он мог практиковаться при любых трудоемких процессах. И как правило, во всех совместных работах в той или иной форме принимали участие женщины. Так, «кул солишиш» устраивался и при строительстве нового дома; работали мужчины, а женщины готовили пищу, самсу, лепешки и другие блюда для участников хашара. Женщины всегда работали с воодушевлением, поддерживали друг друга, соблюдали правила взаимной помощи и взаимовыручки. Особенно тесные взаимоотношения были между женщинами, принадлежавшими к одной и той же семейно-родственной группе, которая обычно называлась «дети одного отца», «одного рода», «одного племени». Такие группы способствовали сохранению обычая выполнять работу сообща.

Традиция коллективизма и взаимопомощи была связана не только с разного рода хозяйственными работами, но и с важными событиями общественной жизни — с проведением свадеб, похоронно-поминальных обрядов.

Обычай коллективной трудовой взаимопомощи присущ не только узбекам и другим народам Средней Азии и Казахстана, он встречается повсюду, где сохраняются традиции общинной жизни. У некоторых современных народов этот обычай частично или полностью исчез вместе с разрушением основ старого быта. У узбеков, как и у других коренных народов Средней Азии, хашар является устойчивой народной традицией, ибо он воплощает в себе успешно сопротивляющийся влиянию урбанизированного мира коллективизм — одну из самых ярких черт образа жизни узбеков. Этот коллективизм основан на сильных пережитках общинного быта, на что уже указывал Г. П. Снесарев²⁰, и он существует и как стереотип в мировоззрении современных узбеков, ставший нравственной нормой и помогающий предохранять от разрушения привычные бытовые традиции. Разнообразие форм женского хашара, рассмотренное в данной статье, показывает, сколь большую силу имеет обычай в жизни узбеков. Следовательно, любые экономические преобразования в народном хозяйстве Узбекистана, которых следует ожидать в ближайшее время, должны учитывать и использовать эту живую и дорогую для народа традицию.

- ¹ Наливкин В., Наливкина М. Очерки быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1986. С. 20; Дынин В. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана // Изв. Туркест. отд. РГО. 1914. Т. X. Вып. 1.; Арандаренко Г. Дарваз и Карагатин // Воен. сб. 1883. № 4. С. 156; Андреев М. С., Половцов А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии: Ишкашим и Вахан // Сб. Музея антропологии и этнографии. Вып. IX. СПб., 1911. С. 21—22; Рахимов М. Р. Земледелие таджиков в бассейне р. Хичагу в дореволюционный период // Тр. АН ТаджССР. Т. 43. Сталинабад, 1957. С. 117—118; Кисляков Н. А. Патриархально-феодальное отношение среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века. М.; Л., 1962. С. 136; Абдураимов М. А. Пере-житки сельской общины в узбекском кишлаке Хумсан (XIX — начало XX в.) // Сов. этнография (далее — СЭ). 1959. № 4. С. 44—52; Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957; Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. М., 1962; Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964; *его же*. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974. С. 293—294. Наджимов Г. Отношение марксизма-ленинизма к народным традициям. Ташкент, 1965. С. 43—44; Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969; Троицкая А. Л. Каталог архива кокандских ханов XIX века. М., 1968; Андреев М. С. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г. Вып. I. По Таджикистану. Ташкент, 1927; *его же*. Таджики долины Хуф. Вып. II. Сталинабад, 1958.
- ² Словарь Навон. Ташкент, 1972. С. 770 (на узб. яз.).
- ³ Словарь узбекских народных говоров. Ташкент, 1971 (на узб. яз.).
- ⁴ Словарь таджикского языка (Фарханги забони тоҷик). В 2-х т. Т. II. М., 1969. С. 739.
- ⁵ Давидов А. А. Афганская деревня. М., 1969. С. 224.
- ⁶ История народов Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1950. С. 315.
- ⁷ Троицкая А. Л. Указ. раб.
- ⁸ Сандал — низкий квадратный столик, который ставится над углублением в земляном полу с горячими углами и сверху накрывается одеялом, служит для согревания рук и ног зимой.
- ⁹ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки. 1964. С. 80.
- ¹⁰ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. С. 209.
- ¹¹ Этнографические очерки узбекского сельского населения. С. 72.
- ¹² Абдураимов М. А. Указ. раб. С. 31.
- ¹³ Там же. С. 52.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969: С. 201.
- ¹⁶ Абдураимов М. А. Указ. раб. С. 52.
- ¹⁷ Харпана-халфана — устраивать угождение в складчину.
- ¹⁸ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. С. 138, 139; Давидов А. А. Указ. раб. С. 67.
- ¹⁹ Троицкая А. Л. Указ. раб. С. 13.
- ²⁰ Снесарев Г. П. Указ. раб.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

© 1990 г.

А. А. Формозов

АЛЕКСАНДР БЛОК ЧИТАЕТ КНИГУ О ПЕРВОБЫТНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

В 1984—1986 гг. опубликовано описание петербургской библиотеки великого русского поэта Александра Александровича Блока¹. Это только часть его книжного собрания. Другая часть, вероятно не менее богатая, хранившаяся в подмосковном имении Шахматово, как известно, погибла во время революции. Описание отражает широту интересов Блока. Много книг по истории, как русской (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, В. И. Семевский, А. А. Корнилов, В. Я. Богучарский), так и по всеобщей (Г. Винкер, Г. Герцберг, Ш. Дильт, Ф. Лоренц, Г. Масперо, Н. М. Никольский, Б. А. Тураев, В. Ферреро), по филологии, фольклору.

В этом списке мое внимание обратили на себя три части руководства «Культура доисторического прошлого» М. Гернеса. Если на втором и третьем выпусках, посвященных эпохе бронзы и железа, есть только владельческие надписи, то в начале первой части — о каменном веке — на 50 страницах из 77 имеется множество помет Блока. Почему-то он читал ее очень углубленно. Некогда Пушкин говорил, что следить за мыслями великого человека — занятие самое увлекательное. Памятая об этом, попробуем вчитаться в отчеркнутые Блоком фразы и абзацы текста М. Гернеса и понять таким путем, чем было вызвано обращение поэта к книге о первобытной культуре и что его особенно заинтересовало².

Мориц Гернес (1852—1917 гг.) был профессором Венского университета, где занимал кафедру археологии, именно там впервые в мире созданную в 1893 г.³ Это был не столько исследователь, сколько эрудированный и трудолюбивый компилятор и популяризатор. Его обзоры памятников первобытной культуры издавались неоднократно, в частности и в русских переводах (в 1896, 1898, 1904, 1913—1914, 1914 и 1923 гг.). У Блока было издание 1913—1914 гг., вышедшее в Москве в издательстве «Фарос» в переводе под редакцией Владимира Николаевича Дьякова (1882—1953), в советские годы ставшего профессором, специалистом по истории древнего мира.

Надписи на книгах свидетельствуют, что они были приобретены сразу же по выходе в свет. На первой части: «Александр Блок, XII 1913», на второй и третьей: «Ал. Блок, октябрь 1914». Почему Блок купил эти книги? Интерес к культуре первобытного общества у русского читателя начала века был велик, на что указывает многочисленная популярная литература по данной проблематике. Иные из переводных книг о каменном веке выходили параллельно в разных издательствах и в разных переводах⁴. Привлекали и поиски истоков человече-

ства, и вопрос о происхождении искусства. Так что в покупке книг Гернеса для любого интеллигентного читателя ничего удивительного не было.

Но надо помнить и о том, что интерес к первобытному человеку в семье Блока имел определенную традицию. Его дед по матери, взявший на себя заботы о воспитании внука после развода родителей, профессор и ректор Петербургского университета, почетный академик, ботаник Андрей Николаевич Бекетов (1825—1902 гг.), был редактором перевода книги Томаса Гексли «О положении человека в ряду органических существ» (СПб., 1864 г.). Этот перевод вызвал в свое время отклик М. Е. Салтыкова-Щедрина⁵. Позднее А. Н. Бекетов участвовал в подготовке труда А. А. Иностранцева «Доисторический человек каменного периода побережья Ладожского озера» (СПб., 1881 г.), помогая геологу, своему товарищу по Петербургскому университету, определять остатки древесины, найденные вместе с каменными орудиями на Ладожском канале. Тетка Александра Блока, София Андреевна Кублицкая-Пиотух (1857—1919 гг.), была переводчицей книги В. Бельше «Первобытные люди» (М., 1912 г.).

Но, купив книги Гернеса в 1913—1914 гг., Блок прочел первую часть, как свидетельствуют пометы на ней, лишь в 1919 г. Почему? Концом этого года датируется пьеса «Рамзес (сцены из жизни древнего Египта)», написанная Блоком для серии «Исторических картин», создававшейся в просветительских целях Комиссией по составлению исторических картин, организованной по инициативе М. Горького. Вполне вероятно, что была мысль и о картине из жизни первобытного человека или хотелось получить представление о периоде, предшествовавшем древнеегипетской цивилизации.

Работая с книгой Гернеса, Блок первоначально отчеркивал преимущественно те места, где сообщались фактические данные (с. 7—30). Он отметил для себя фразы о геологической периодизации ледникового периода, археологических этапах (шель, ашель), основных типах орудий («ручной топор», т. е. рубило, «ручные клинки», т. е. остроконечники, скребки), о появлении отжимной ретуши, охоты, об основных видах промысловых животных (лошадь, мамонт, олень) и т. д. Но постепенно количество помет уменьшается. Первые упоминания в тексте таких эпох, как ориньяк, мадлен, азиль, уже не отмечены.

Вызывали внимание только указание на начальные проявления искусства, характеристика верхнего палеолита как «века резьбы», «периода глиптики», жезлы начальников — «палочки колдунов» и свидетельства об угасании изобразительной традиции к концу палеолита, когда в азиле появились гальки с геометрическими знаками. Истоки искусства не могли не интересовать поэта. Все же на тех страницах (30—39), где подробнее всего говорится о палеолитическом искусстве и приведены рисунки отдельных произведений, в частности, женских статуэток, помет Блока нет совсем. Как складывался в истории культуры образ прекрасной дамы, не волновало его в данный момент (Любопытно, что полтора десятилетия спустя, в статье 1934 г. «О женщине», Алексей Максимович Горький использовал брошюру П. П. Ефименко «О значении женщины в ориньякскую эпоху» и побуждал сотрудников Государственной академии истории материальной культуры написать «Историю женщины»⁶). Внимание Блока сосредоточено скорее не на искусстве, а на первобытной религии. Отмечены слова «жрецы», «идолопоклонство», «магия». Может быть, одним из персонажей исторической картины из жизни первобытного человека должен был стать жрец.

В целом помет Блока на страницах первого параграфа первого раздела книги Гернеса много, но они не дают чего-либо существенного для реконструкции взглядов поэта на историю. Но вот начинается второй параграф — «Первобытная культура у современных народов», и число помет резко возрастает. То красным, то синим, то черным карандашом Блок отчеркивает целые абзацы и пишет рядом на полях несколько слов, подчас исправляет опечатки, иногда правит стиль перевода. Что же изменилось? Первый параграф у Гернеса основан на археологических данных и содержит справки о типах древних вещей, второй

остроен на этнографических материалах, и здесь речь идет об «образе жизни», общественном строе, свойствах духовных и нравственных, религиозных онятиях». Иными словами, тут автор дает не перечень фактов, а стремится характеризовать первобытное общество в целом, рассказать о людях, воспитанных на его традициях. И этот круг тем не мог не заинтересовать Блока раздо больше. Ведь после революции 1905 г. и особенно после Октябрьской революции он настойчиво размышлял над судьбами человечества и своей одины, интеллигенции и народа.

Литературу о первобытных людях изучали в связи с проблемой развития культуры уже наши писатели XIX в. Что привлекало их внимание тогда? Прочитав в «Известиях Русского археологического общества» статью П. И. Лерха о каменном и бронзовом веке, выдающийся русский прозаик, музыкoved, мыслитель Владимир Федорович Одоевский (1803—1869) писал в 1867 г.: «При берегах рек и на дне озер находят остатки жизни народов без имени; были люди, не навшие металлов, за людьми камня явились люди меди, за людьми меди — люди железа. Столетия, может быть тысячелетия, протекли между этими похами. Но камнем выделалась медь, медью выделалось железо, железом извани... Венера Милосская»⁷. Итак, для Одоевского на первом месте идея прогресса. Она же вдохновила на катарге на Кадаинском руднике в 1864—1865 гг. Михаила Илларионовича Михайлова (1829—1865) на повесть из жизни первобытных людей «За пределами истории (за миллионы лет)»⁸. Ту же идею развивал в Петропавловской крепости Дмитрий Иванович Писарев (1840—1868) в статье «Прогресс в мире животных и растений», ссылаясь на книгу Ч. Лайелла «Геологические доказательства древности человека» (СПб., 1864)⁹.

Насколько остро воспринимались во второй половине XIX в. открытия в области первобытной культуры, свидетельствуют воспоминания публициста из противоположного Писареву лагеря — Василия Васильевича Розанова (1855—919 гг.). В 1870—1872 гг. в первых классах Симбирской гимназии он читал и конспектировал взятую в городской Карамзинской библиотеке книгу Лайеля «и злобно радовался, что мир сотворен не 6000 лет назад, как говорили паташа с мамашей и законоучитель, но по толщине торфа, нарощенного над остатками человеческих построек, по измерениям морского дна около Дании и Швеции земля доказанно существует не менее 100 000 лет, а гипотетически вероятно она существует уже миллионы лет»¹⁰. Тут уже не просто идея прогресса, как у В. Ф. Одоевского, но и противопоставление ее церковным догмам. Иное волнование в первобытной культуре Ивана Сергеевича Тургенева (1818—1883 гг.). В речи по поводу открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 г. он сказал: «Дикарь каменного периода, начертавший концом кремня на приспособленном обломке кости медвежью или лосиную голову, перестал быть дикарем, животным»¹¹. Здесь акцент сделан на другом: человек, обладающий искусством, поднялся на принципиально иную ступень по сравнению со своими далекими предками.

Блока заинтересовали в первобытной эпохе совсем другие аспекты. Идея прогресса была ему чужда, и, как писал он во вступлении к поэме «Возмездие», «различные теории ее» даже вызывали ненависть¹². Это чувство возникло рано, еще в те годы, когда юный Блок и его друзья, профессорские дети и внуки Борис Бугаев (будущий Андрей Белый), Сергей Соловьев, противопоставляли себя социализмом в Шахматове-сверстникам и коллегам А. Н. Бекетова как отсталым «позитивистам».

Не случайно уже во введении к книге Гернеса Блок подчеркнул слова о том, что на первобытную культуру не следует смотреть как на нечто недоразвитое, как на низшую ступень эволюции. По Гернесу, разновидности этой культуры «представляют собою прочно обусловленные известными причинами состояния с бесспорным правом на вполне самостоятельное существование. Незаконченного и несовременного в них не больше, чем в каждом ином культурном состоянии» (с. 3). Отчеркнув эти фразы, Блок написал на полях: «Очень замечательно». На следующих страницах (4—5) отчеркнуто и поставлено NB против слов:

«...мы не имеем никакого права на доисторические культуры смотреть лишь как на переходные стадии к более поздним. Ведь согласно тому, что нам известно о современных наиболее диких народах, переход их состояния к нашему, — по-видимому, даже вообще невозможен». На с. 7—8 подчеркнуты слова о том, что стремление людей вперед отнюдь не обязательно.

Это из «Введения». Пометы во втором параграфе связаны с близкими темами. Правда, отмечены и некоторые факты, может быть, подходящие для «исторических картин»: маски для танцев, детоубийство из-за нужды и лишений, ловушки, бесшумность движений и ловкость охотников, отправленные стрелы, обмазывание тела илом, татуировка, ветровые заслоны, мужские дома на Аляске, где шаманы показывают свое искусство. Отмечены и выводы, что религия возникла из страха, монотеизм не изначален, существовали представления о странствиях души (с. 42—73).

Но вот, вроде бы по совершенно частному поводу, мелькнуло сравнение с переживаемым моментом. На с. 61 Гернес говорит, что у бушменов «одинаково, как у мужчин, так и у женщин, обычно на плечах висят кожаный мешок, куда они прячут съедобные предметы, попавшиеся им по дороге». Вспоминая трудную жизнь собственной семьи в голодном послереволюционном Петрограде, Блок написал на полях: «Напр. у обитателей Петрограда в 1919 году по РХ».

Дальше чтение пошло уже под этим углом зрения. На с. 67 Гернес констатирует, что у первобытных людей «нет никаких» профессий и сословий, ни ремесленников, ни воинов... Каждый совмещает в себе все это сразу, так как ни один не наделен такой специальной сноровкой, которая отличала бы его от всех остальных... Каждый производит лишь безусловно необходимое для поддержания своего дневного существования, и никто не владеет большим, чем сколько для этого потребно» Помета Блока: «СПб., 1919».

На с. 69 выделен тезис, что демократия возникает на основе бедности культуры.

На с. 70—71 отчеркнуты слова о том, что хотя убийство и воровство у первобытных людей осуждаются, «однако эти представления сохраняют свою силу только во взаимных отношениях между людьми одного племени, и их благотворное действие почти не касается тех, кто к данному племени не принадлежит. Обмануть его и перехитрить, спутать и обворовать, даже убить — всего этого действующие обычаи не запрещают [Снова Блок помечает: «СПб., 1919»]; перед этим по крайней мере никто не останавливается, хотя поступать так, быть может, и не составляет определенного правила. И своим возникновением этот обряд обязан не требованиям неизбежной самообороны... но чисто естественному ограничению всех предписываемых обычаем заповедей нравственности одним кругом лиц, входящих в состав данной группы». Написав на полях: «совершенно современно», Блок подчеркнул далее слова о том, что первобытные люди часто применяют определение «человек» только к своим соплеменникам, но не к чужакам, что для этой эпохи характерно противопоставление: «мы — они».

На с. 71 помечено, что первобытные люди, «ограниченные в умственном отношении, но далеко не тупые или слабоумные люди». Пусть их кругозор узок, но в его пределах они «разбираются весьма свободно и легко», тогда как вне его «становятся робкими, растерянными и упрямыми».

На ст. 72 отчеркнуты два места. Первое: «...на встречающихся им людей более высокого культурного уровня они смотрят пренебрежительно, сверху вниз». Второе: «Леность и любовь к свободе — два слова, имеющие для нас совершенно различный смысл, почти совпадают по содержанию в представлении людей низших детских степеней культуры». Тут на полях поставлено NB.

Внимательно проштудировав первый раздел книги М. Гернеса и составив себе представление о первобытных людях, второй раздел — «Позднейшие дометаллические ступени культуры», посвященный неолиту, Блок, по-видимому, читать не стал. По крайней мере между этими разделами книги и сейчас лежит его закладка.

Таковы пометы А. А. Блока на книге М. Гернеса «Культура доисторического

рошлого». Как видим, они не случайны для поэта, многозначительны. Со временем революции 1905 г. он размышлял о том, что интеллигенция не знает народа. Иллюзия позитивистов, что народ постепенно просветится, сам подняется к единому культурному уровню, абсолютно ложная. Народ живет своей жизнью, воими законами, не чувствуя какой-то ущербности по отношению к господствующим образованным классам. Это — стихия, и она может проснуться, как проснулась стихия природы в день Мессинского землетрясения. Тогда европейская культура погибнет, погибнет высокое искусство, созданное в прошлом, но в развалинах старого «страшного мира» возникнут новая культура, новое искусство, более здоровые, чем прежние. Эти мысли помогали Блоку пережить яжелые испытания послереволюционных лет, поскольку он видел во всех караклизмах закономерную смену старого новым.

То, что Блок узнал о первобытных людях из книги Гернеса, напомнило поэту жизнь послереволюционного Петрограда, с постоянными поисками пропитания, необходимостью каждому уметь делать все, с народными собраниями и выступающими на них «шаманами», с появлением двойной морали для «своих» и для чужих» и т. д.

Историческая картина из жизни первобытного человека не была написана, и первую часть книги Гернеса Блок прочел не без пользы для себя. Он нашел здесь много созвучного своим взглядам на все происходившее вслед за революцией в Петрограде и в России вообще.

Примечания

¹ Библиотека А. А. Блока. Описание. Л., 1984—1986. Кн. 1—3.

² Описание помет на книге М. Гернеса // Библиотека А. А. Блока. Кн. I. С. 208—210.

³ Menghin O. Moriz Hoernes // Wiener Praehistorische Zeitschrift. 1917. 6. S. 1—23; Enzyklopädisches Handbuch zu Ur- und Frügeschichte Europas. Prague, 1966. Bd. I. S. 491.

⁴ Формозов А. А. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983. С. 102, 04, 123, 124.

⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Но если уж зашла речь о стихах // Собр. соч. в 20 т. М., 1968. Т. 6. С. 519.

⁶ Горький М. О женщине // Собр. соч. в 30 т. М., 1959. Т. 27. С. 180—182; Тиханова М. А. Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК — ГАИМК) // Кр. сообщ. Ин-та археологии АН СССР. 1980. Вып. 163. С. 36.

⁷ Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве. М., 1982. С. 26.

⁸ Михайлова М. И. За пределами истории (за миллионы лет) // Соч. в 3 т. М., 1958. Т. 2. С. 458—520; Формозов А. А. Революционер-шестидесятник М. И. Михайлова о первобытных людях // Сов. этнография. 1985. № 6. С. 73—76.

⁹ Писарев Д. И. Избранные философские и общественно-политические статьи. М., 1949. С. 461.

¹⁰ Розанов В. В. Русский Нил // Новый мир. 1989. № 7. С. 214.

¹¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. М.; Л., 1968. Т. 15. С. 66.

¹² Блок А. А. Собр. соч. в 8 т. М.; 1960. Т. 3. С. 268.

© 1990 г.

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1988—1989 гг. УЧРЕЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Очередная научная сессия советских этнографов прошла с 28 мая по 2 июня 1990 г. в столице Казахстана Алма-Ате. Организаторами выступили Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР. Сессия собралась в непростое для страны время, однако на нее прибыли представители практически всех республик и регионов Советского Союза. Это в очередной раз подтвердило крепость профессиональных связей в научном сообществе советских этнографов.

Первое пленарное заседание открыло приветственным обращением к участникам сессии вице-президент АН Казахской ССР академик Ж. М. Абильдин (Алма-Ата). Директор Института этнографии АН СССР В. А. Тишков (Москва) поблагодарил за добрые слова, выразив глубокую признательность казахским товарищам за приглашение всесоюзной сессии в свою столицу.

Затем с докладом «Основные концептуальные проблемы современных национальных отношений в Казахстане» выступил директор Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР академик М. К. Козыбайев (Алма-Ата). Он отметил, что недавно обнародованное решение Политбюро ЦК КПСС, пересмотревшее политические оценки известных декабрьских событий 1986 г. в Алма-Ате, благородно сказалось на состояниях национальных отношений в республике. Однако проблемы остаются. Их корни в государственном, обезличенном типе собственности, находящемся в противоречии с национально-культурными традициями, в трагических событиях, связанных с коллективизацией, голодом, репрессиями 1930-х годов, насилиственным переселением народов, в результате чего республика потеряла до половины населения. Ныне, сказал докладчик, ситуация усугубляется тревожной экологической обстановкой (Арал, Балхаш, ядерные полигоны), неблагополучием в сфере социального функционирования казахского языка. Не могут не вызывать негативной реакции у местного населения некорректные выступления некоторых центральных органов информации, создающих образ Средней Азии как региона-иждивенца. М. К. Козыбайев высказался за интенсификацию теоретических исследований межнациональных отношений, подверг критике некоторые взгляды В. И. Козлова, высказанные им, в частности, на страницах журнала «Вопросы истории» (1990, № 1).

Затем слово было предоставлено заведующему одним из секторов Отдела по вопросам межнациональных отношений Секретариата Верховного Совета СССР В. Н. Шамшуро (Москва). Он информировал аудиторию о целях и задачах недавно созданного отдела Верховного Совета. Сложность национальных проблем, противоположность интересов ощущаются постоянно, поэтому так трудно выработать решения, которые удовлетворяли бы все стороны. Однако Верховный Совет сделал крупные шаги, приняв законы о разграничении компетенции центра и субъектов федерации, о свободном национальном развитии граждан и др.; идет работа над проектами законов об автономиях, о малочисленных народах СССР. В. Н. Шамшуро призвал этнографов активно сотрудничать с соответствующими органами Верховного Совета, чтобы вести законотворческую деятельность в сфере национальной политики на научной основе.

Директор Института этнографии АН СССР В. А. Тишков выступил с докладом «Наука о народах и реальная жизнь». Он отметил, что начавшаяся с апреля 1985 г. эпоха демократизации застала наше многонациональное государство в сложный исторический момент. Перечень кризисных проблем велик: экология, этнодемографическая ситуация, социально-экономическая сфера, политика. Однако подлинные причины лавинообразного роста национальных движений и межэтнической напряженности заключаются в неспособности существующего политического строя создать хотя бы первичные гражданские институты в виде реального местного управления, через которые этнические группы могли бы отстаивать и осуществлять свои интересы и права.

Докладчик отметил, что уже высказан ряд прогнозов о вариантах развития ситуации в стране. 1. Советский Союз видится как союз государств с системой внутренних региональных автономий в ряде из них, и прежде всего в РСФСР. 2. Он может развиваться как союз независимых суверенных республик, составляющих объединение государств наподобие ООН или Европейского общества. 3. Последовательное распространение получит идея права наций на самоопределение всех народов Советского Союза, которые должны обрести абсолютно одинаковый статус союзных республик. По мнению В. А. Тищкова, есть еще вариант возможного выбора, при котором установка на сохранение целостности Союза на основах федеративного (или частично конфедеративного) устройства исторически оправдана. В этом случае реформа в сфере межнациональных отношений и государственного устройства должна идти в следующих направлениях: 1) расширение гражданских прав и волеизъявления личности; 2) расширение прав в области национально-культурной втономии для всех компактно проживающих групп населения, городских общин и лиц любой национальности; 3) реформа государственного устройства федерации с упразднением иерархии национально-государственных образований и одновременным расширением их суверенитета; 4) меры по обеспечению специфических интересов малочисленных народов Севера и Сибири; 5) устранение допущенной несправедливости в отношении депортированных народов.

Первое пленарное заседание завершилось докладом руководителя Центра по изучению межнациональных отношений М. Н. Губогло (Москва) «Правовое обеспечение языков национальных меньшинств». Докладчик отметил, что в современных условиях обострения межнациональных отношений от социального дискомфорта страдают прежде всего национальные меньшинства. Поэтому необходимы поиски рычагов обеспечения их прав, в том числе в языковой сфере. Союзные республики в законодательном порядке обеспечивают государственный статус титульных народов. Однако большинство республик полиглоссично, поэтому в социальной сфере реально функционирует дву- и многоязычие. Между тем законодательства о языках не всегда учитывают то обстоятельство. На конкретных примерах М. Н. Губогло показал варианты законодательных решений языковой проблемы, осуществляемых в разных республиках СССР.

Далее работа сессии была продолжена на заседаниях девяти секций.

На секции «Современные этнические процессы у народов СССР» — кураторы Л. М. Дробижева и Р. А. Григорьев (Москва) — был заслушан и обсужден 21 доклад с анализом процессов, происходящих в разных регионах страны. Это позволило выявить как региональное своеобразие, так и черты сходства на современном этапе этнического развития народов нашей страны.

Выступавшие ставили вопросы, связанные с этноязыковыми проблемами, с реакцией населения южных республик на осуществление законов о государственном языке. П. В. Терешкович (Минск) осветил национальные отношения в Белоруссии, их состояние и перспективы развития. Б. Хасанов (Алма-Ата) остановился на современных этноязыковых процессах в Казахстане. Исторический анализ языковых процессов в Удмуртии дала Л. С. Христолюбова (Ижевск). Э.-Б. М. Гучинова (Элиста) охарактеризовала языковую проблему в спектре национальных интересов калмыков, отметив важность возвращения родному языку полноценных форм функционирования.

Многие докладчики сосредоточили внимание на характеристике состояния межнациональных отношений в регионах. О ситуации в Белоруссии говорилось в уже упомянутом докладе П. В. Терешковича, а также в докладе Г. И. Касперович (Минск), которая рассмотрела ситуацию сквозь призму проблем, порождаемых миграцией населения. З. В. Айнабан (Кызыл) отметила тревожные симптомы ухудшения социально-психологической обстановки межнациональных отношений Туве. Х. А. Санакулов (Ташкент) обобщил основные факторы, которые вызывают напряжение в межнациональных отношениях в Узбекистане. З. К. Кадырова (Алма-Ата) говорила о проблемах уйгурского народа. По ее мнению, на заре национально-административное самоопределение уйгур, что поможет снять многие сложности их современного развития.

На заседании секции обнаружился значительный интерес специалистов к деятельности национально-культурных обществ, их роли в национальных движениях. П. В. Терешкович информировал о создании подобных обществ (польского, русского, еврейского, армянского, украинского, азербайджанского) в Белоруссии. О национальных центрах в Татарии и Башкирии рассказал Т. М. Исхаков (Казань). Деятельности культурных обществ в Латвии был посвящен доклад Т. А. Думпе (Рига), которая показала значение исторического опыта в создании таких объединений. Р. Сафаев (Ташкент) рассказала о роли землячеств и махалля в современной жизни быту узбеков.

Требуют решения проблемы, связанные с зарождением у некоренного населения ряда регионов ориентаций на миграцию. И. В. Долженко (Ереван) исследовала миграционные процессы среди русских Армении; их ориентацию на выезд автор связывает со сложной обстановкой в республике, слабым знанием государственного языка, снижением регулятивного потенциала религиозных молоканских общин, к которым в основном принадлежало русское население республики. Доклад Ю. И. Зверевой (Москва) был посвящен этническим процессам в некоторых районах Восточно-Казахстанской области, русское население которой мигрирует, замещаясь казахским.

В ряде докладов ставились вопросы об этносоциальных процессах у этнических групп, живущих в инновационной среде. Г. А. Корнишина (Саранск) остановилась на современном развитии мордовского населения Куйбышевской области, отметив, что там происходит постепенный процесс смены национального самосознания. Нивелировка национальных форм материальной и духовной культуры у чuvашей Западной Сибири зафиксирована исследованиями Д. Г. Коровушкина и Ю. В. Пирогова (Омск).

На секции рассматривались различные аспекты функционирования этнического самосознания. Н. Ф. Беляева (Саранск) охарактеризовала факторы, влияющие на актуализацию этого

чувства у мордвы Оренбуржья. Р. А. Григорьева (Москва) показала, как происходит национальное самоопределение у национально-смешанного населения Латгали.

С концептуальными соображениями о принципах формирования и использования этнической территории народов Севера выступил В. А. Тураев (Владивосток). По мнению докладчика, этническая территория должна иметь особый статус, состоять из трех зон: заповедной, традиционного труда и промышленного развития, что обеспечит потребности национального развития местных народов. Новая для наших сессий тема была поднята в докладе С. М. Червонной (Москва), которая рассмотрела отражение этнических процессов в произведениях профессионального изобразительного искусства российских автономий.

На секции выступили также А. В. Буганов (Москва) с докладом «Комплекс исторических представлений современных сельских жителей Тамбовской обл.» и Ю. Д. Аччабадзе (Москва) с докладом «Исторические представления в идеологии национальных движений на Кавказе».

На секции «Этнические и этнокультурные процессы в зарубежных странах» — кураторы Р. Ш. Джарылгасинова (Москва) и А. М. Решетов (Ленинград) — было заслушано 10 докладов. Всеобщий интерес и длительные дискуссии вызвали доклады, посвященные зарубежной диаспоре советских народов. Н. Л. Жуковская (Москва) обрисовала положение калмыцкой общины в США, особенности ее адаптации и уровень сохранности этнической специфики. В двух докладах говорилось об украинской диаспоре. Н. В. Черная (Москва) представила историческую динамику численности украинцев в мире в XVIII — XX вв., а А. Ю. Макар (Черновцы) выступил с докладом «К вопросу о модели украинской диаспоры». И. М. Шамаинов (Черкесск) посвятил свое выступление этнокультурному развитию карачаевцев в Турции.

Доклады по традиционной культуре народов Зарубежной Азии были основаны на материалах полевых исследований наших этнографов. Р. Ш. Джарылгасинова описала один из городских праздников японцев Инуями-мацури (Праздник г. Инуяма). Новационные изменения в свадебном обряде народов Индии охарактеризовала И. М. Семашко (Москва). Оба доклада сопровождались великолепными этнографическими слайдами, обеспечившими устной информации необходимый видеоряд.

Проблема влияния важнейшего события в жизни человечества на хозяйственно-экологическую и социокультурную деятельностьnomadов была поставлена в докладе Н. Э. Масанова (Алма-Ата) «Эпоха Великих географических открытий в исторических судьбах кочевничества Евразии и Северной Африки». В докладе А. К. Султангалиевой (Алма-Ата) было показано сложное соотношение идеологии исламского единства и этнерегионального самосознания в процессе политического развития в странах Арабского Востока. А. М. Решетов остановился на изучении китайскими этнографами этнического состава своей страны, на теоретических и практических трудностях, с которыми им приходится сталкиваться. М. Ю. Мартынова (Москва) выступила с анализом межнациональной брачности в СФРЮ, отметив различия в ее динамике у разных народов Югославии.

Впервые в рамках Всесоюзной сессии была учреждена секция «Этнические конфликты и оперативная этнология», что, безусловно, является отражением новой реальности нашей этнографической науки. Работа секции, на которой было представлено 10 докладов, вызвала большой интерес. Ее куратором был И. И. Крупник (Москва), выступивший с докладом «Этническая стратегия и этническая политика: программы возвращения крымскотатарского и немецкого национальных движений». Докладчик сопоставил эти движения по ряду показателей: массовость и организованность, внутреннее единство, отношение к государству, степень разработанности программы возвращения, международная поддержка, противники и оппоненты движения, вероятность стать объектом насилия и готовность к сопротивлению насилию и др. По тем же показателям для сравнения был проведен анализ еще одного национального движения — еврейского. Это позволило получить законченный типологический ряд: движение с доминирующей территориально-автономистской программой (крымскотатарское), движение с территориально-автономистской + культурной + эмиграционной программой (немецкое), движение с культурно-автономистской + эмиграционной программой (еврейское). По мнению автора, наибольшие шансы хотя бы на частичное выполнение своей программы сейчас имеет крымскотатарское национальное движение и, наименьшее — немецкое.

А. А. Никишенков (Москва) в докладе «Новые тенденции в этническом сознании бурят» обрисовал основные этапы национально-культурного возрождения у бурят с середины 80-х годов, различие этого процесса в трех административных ареалах бурятского этноса, перспективы процесса и вероятность конфликтной ситуации. Последняя, по мнению докладчика, в настоящее время невысока, учитывая давние традиции взаимодействия и смешанного проживания коренного и русского старожильческого населения.

А. Т. Марутян и Л. А. Абрамян (Ереван) в докладе «Транспаранты и лозунги как зеркало карабахского движения» предложили типологию и показали эволюцию форм независимой плакатно-лозунговой культуры в соответствии с этапами становления карабахского (затем общермянского) движения. Доклад сопровождался показом слайдов с изображением разных типов лозунгов и транспарантов, которые можно было видеть в Ереване с самого начала карабахского движения. А. Б. Дзадзиев (Владикавказ) в докладе «Различия в социальной структуре и межэтническая напряженность» показал, что принятая система номенклатурной кадровой политики служит мощным фактором национальной напряженности. В многогосударственной республике, какой является Северная Осетия, система национальных квот на занятие любых административных должностей, получение высшего образования и т. п. постоянно дает сбои, провоцирует чувство

циональной ущемленности и даже дискриминации, превращает высшее образование и социальное зодвижение в инструмент политического манипулирования.

Хотя доклад В. И. Науленко (Киев) «Конфессиональные и лексикологические источники определения этнического состава населения Украины» в основном был посвящен специальным вопросам анализа переписей и других письменных источников определения этнического состава населения, автор коснулся и проблемы этнической конфликтности, вызываемой неправильной или недостоверной фиксацией, искажением этнической идентификации, искусственным разделением украинского этноса по разные стороны государственных границ или в ареалах массовой эмиграции.

А. И. Клячин (Москва) рассказал об этнополитической ситуации в Крыму к зиме — весне 1990 г. По его мнению, крымские власти организационно, идеологически и экономически совершенствовали подготавлены к возвращению больших масс крымскотатарского населения, демонстрируют зою некомпетентность, приверженность собственным цифрам и представлениям, никак не отражающим реальный ход татарской репатриации. Это и является главным источником местной конфликтности.

К. В. Эрлих (Алма-Ата) обрисовал состояние советских немцев к лету 1990 г. И здесь, по мнению докладчика, источником нарастающего напряжения служат некомпетентные действия властей, сознательное затягивание решения проблемы советских немцев. Промедление в восстановлении Автономной немецкой республики в Поволжье уже привело к лавинообразному нарастанию немецкой эмиграции, чувству социального пессимизма, протеста или депрессии. Похоже, что ситуация дошла до критической черты и уже никак не может быть решена полумерами.

А. А. Сусоколов (Москва) и З. И. Строгальщикова (Петрозаводск) выступили с разными выводами и рекомендациями о практических вопросах национальной и социальной политики среди епсов. А. А. Сусоколов сделал основной упор на развитие рациональной и эффективной системы экономических и внутриполитических связей, говорил об ограниченности возможностей «оптимирования» и внешнего стимулирования процесса национального возрождения. По мнению З. И. Строгальщиковой, многие вопросы было бы легче решать, восстановив хотя бы минимальные формы политического и экономического суверенитета вепсской этнической территории, которые существовали в 30-е и даже в 40—50-е годы.

На секции «Этногенез и этническая история народов СССР» — кураторы В. Н. Басилов (Москва) и Р. Г. Кузеев (Уфа) — в 14 докладах были рассмотрены самые разные вопросы историко-этнографического прошлого наших народов. В двух докладах были поставлены этногенетические проблемы. С. И. Аджигалиев (Алма-Ата) говорил о наиболее полно проявляющемся в этногенезе казахов массагетском субстрате, особенно в специфике традиционно-бытовой культуры казахских групп на западе этнической территории. Фольклорный материал послужил основой для выводов в докладе И. Б. Молдobaева (Фрунзе); по его мнению, многочисленные легенды и предания о кыргызах, бытующие у ряда народов Сибири, свидетельствуют об их этнокультурной близости к современным киргизам и о былом могуществе киргизских племен.

Б. Х. Кармышева (Москва) дала историко-этнографическую характеристику двух групп киргизов, проживающих среди узбеков в двух областях — Джизакской (так называемые зааминские киргизы) и Самаркандской (так называемые бахмальские киргизы). По материалам автора, киргизы играли значительную роль в политической и общественной жизни Зеравшанской долины с XVII в. до присоединения Средней Азии к России. С. С. Губаева (Ферганы), рассматривая национальные отношения в Ферганской долине в предреволюционное время, подтвердила уже высказанный в литературе тезис о большей значимости принадлежности к определенному хозяйствственно-культурному типу, нежели этнического фактора. Р. Х. Керейтов (Черкесск) остановился на историко-культурных связях ногайцев с народами Средней Азии и Казахстана, которые проявляются в общем этногенетическом фонде, в схожих элементах хозяйственного быта, материальной культуры. В докладе Р. И. Якубова (Уфа) «Тепляри: к вопросу об изучении несоставившегося этноса» была выдвинута гипотеза, согласно которой тепляри, возникнув как сословная группа, стали впоследствии приобретать черты этнической или этносоциальной группы.

Большое теоретическое и методологическое значение имел доклад Р. Г. Кузеева «Этнические результаты присоединения волжско-уральских тюркских и финно-угорских народов к Русскому государству в XVI — XIX вв.». Политическая нестабильность в регионе в XIV — XVI вв., подчеркнул докладчик, привела к образованию огромной дуги «дикого поля». После присоединения к России прежнее население вернулось на землю предков, но встретило уже здесь славянское население, которое к XIX в. в Поволжье стало преобладать. Одновременно продолжалась ассимиляция финно-угорских народов тюрками: В этот период в регионе происходили не только этнозавоевочные, но и этногенетические процессы.

В докладе «Скифская арфа» и казахский кобыз — поиски исторических связей» В. Н. Басилов обосновал свою реконструкцию музыкального инструмента, найденного С. И. Руденко во 2-м Пазырыкском кургане (У. в. до н. э., Алтай). Автор считает, что это не арфа, а архаический смычковый инструмент, к которому восходит казахский кобыз, созданный в результате конструктивных преобразований пазырыкского инструмента. Х. Есбергенов (Нукус) привел в своем докладе данные о каменных изваяниях Южного Приаралья, отметив их важную роль в поминальной обрядности и духовных воззрениях местных народов. Архивные документы, представленные в докладе М. К. Малышевой и В. С. Познанского (Новосибирск) «Этнографические материалы Чингиса Валиханова», дают основания считать, что первым собирателем этнографических сведений о родном народе был отец выдающегося казахского просветителя.

На секции было сообщено о результатах антропологических исследований. Т. П. Кияткина

(Душанбе) в докладе «К антропологии Великих кушан» сравнила краниологические серии из Кисировского могильника (Южный Таджикистан) с сериями из Тулхарского и Бишкентских могильников. Докладчица высказала предположение, что могильники оставлены единственным в антропологическом отношении населением, возможно юечженями. О. Бабаков (Ашхабад) и Н. А. Дубова (Москва) доложили о результатах антропологического исследования туркмен Астраханской области. Обследованная группа (из племен игдыр и абдалы) при сравнении с туркменами Туркмении демонстрирует своеобразный комплекс антропологических признаков.

В работе секции принимали участие американские исследователи, Дж. Д. Кимбол (Ун-т Беркли, Калифорния) сообщила о результатах первого раскопочного сезона совместной американо-казахской экспедиции. Велись раскопки сакских курганов близ Алма-Аты, а также Джамбула, где обнаружены почему-то не использованные для погребения подземные склепы, видимо зороастрейские. Осмотрены археологические памятники в районах Чимкента, Туркестана, Отара. Дж. У. Олсен (Ун-т Аризоны, Тусон) — участник американо-китайской археологической экспедиции в пустыне Такламакан (Синцзян) — дал информацию о находках в речных террасах двух типов орудий: позднепалеолитических (15 тыс. лет назад) и неолитических микролитов (примерно 7 тыс. лет назад). Задачи сезона 1990 г. — обнаружить стоянку с ясной стратиграфией археологического материала.

На заседаниях секции «Семья и семейный быт» — куратор А. Е. Тер-Саркисянц (Москва) — прозвучало 12 докладов. Большинство из них было посвящено современной семье. Ю. В. Аргудяева (Владивосток) говорила о роли семьи в этническом взаимодействии на примере дальневосточного региона. Т. Х. Ташбаева (Ташкент) остановилась на некоторых проблемах современной узбекской семьи, в частности на положении женщин. В докладе Т. В. Лукьянченко (Москва) были проанализированы данные по современной сельской семье и ее проблемам у иллипийских эвенков. В совместном докладе Г. И. Гадирзаде, С. Г. Аббасовой и З. Г. Раева (Нахичевань) говорилось о характерных чертах родственных связей у азербайджанцев.

Нравственные основы некоторых традиционных обычаев, в частности левирата, сорората, минората на примере абазин, были охарактеризованы Л. З. Кунижевой (Черкесск). В докладе А. Мардоновой (Душанбе) был приведен интересный материал о роли коня в семейных обрядах у таджиков Гиссара.

Структуре современной семьи у армян, компактно проживающих в Грузии, был посвящен доклад А. Е. Тер-Саркисянц. Л. Т. Соловьева (Москва) охарактеризовала межнациональные браки и семьи в Грузинской ССР. Г. Р. Столярова (Казань) остановилась на социально-демографических факторах стабильности однонациональных и национально-смешанных семей на примере трех автономных республик — Татарии, Чувашии и Марийской за период с 1940 по 1980 г. В. В. Гриценко (Аркалык) на основе этносоциологического исследования, проведенного автором в г. Аркалык Казахской ССР, проанализировала особенности этнического состава кругов общения национально-смешанных и однонациональных семей.

Немалый интерес вызвали доклады Г. А. Комаровой (Москва) и Я. С. Смирновой (Москва). В первом была предложена новая методика сбора полевого материала по проблеме распределения ролей в семье. Второй доклад — «Брак по словору на Кавказе: формы и эволюция» — был посвящен теоретическим проблемам института брака; автором было предложено различать три вида брачного говора: патриархальный, полупатриархальный и свободный.

Как всегда, живо и интересно прошли заседания секции «Новое и традиционное в обрядах народов СССР» — куратор Т. С. Макашина (Москва), где было обсуждено 12 докладов. Доклады О. И. Брусины (Москва) и Л. Б. Заседателевой, Т. Г. Мунчаевой (Москва) были посвящены описанию календарной обрядности русских и украинцев, живущих в многонациональном окружении — в Узбекистане и на Северном Кавказе.

Неизбытен интерес этнографов к свадебной обрядности, Г. Л. Шарифуллина (Казань), изучая этническое самосознание астраханских татар, обратилась к анализу их свадебной обрядности, специфику которой составляет общность со свадебным циклом ногайцев. Л. М. Варданян (Ереван) рассмотрела материальные компоненты современной армянской свадьбы — наряд невесты, кортеж, трапезу, состав приданого и взаимных даров. Была отмечена их традиционно сохраняющаяся высокая престижная коннотация. В докладе, представленном З. И. Хасбулатовой (Грозный), речь шла об обрядах, связанных с уходом за детьми.

В двух докладах был рассмотрен другой цикл семейной обрядности — похоронный. Т. Дж. Баялиева (Фрунзе) охарактеризовала погребальные и поминальные обряды киргизов. Докладчица зафиксировала исчезновение ряда традиционных звенев ритуала, остановилась на трудностях, с которыми сталкивается киргизское население при устройстве традиционных похорон в условиях города. Соотношение традиционных и новационных черт в годовом поминальном цикле у русских было рассмотрено И. А. Кремлевой (Москва). Говоря о высоких нравственных принципах, заложенных народным сознанием в поминальные обряды, И. А. Кремлева в очередной раз поставила вопрос о необходимости официального учреждения общерусского Дня поминовения. Это предложение было поддержано всеми присутствующими.

К нетрадиционной для нас теме обратился В. Милюс (Вильнюс), выступивший с докладом «Кладбище — объект этнографического исследования». Автор показал связь между церковными и гражданскими институтами и процессом появления и исчезновения сельских и местечковых кладбищ в Литве, охарактеризовал этнерегиональные особенности элементов кладбищ (оград, ворот, часовен, озеленения, надгробий, эпитафий), обычая присмотра за могилами и почитания умерших.

В. Чубринаас (Вильнюс) на примере ритуалов, проводившихся при укладке первого венца срубного жилища и хозяйственных построек, остановился на функциональной значимости строи-

ельной обрядности литовцев, содержавшей приемы апотропической и синильной магии. У. Баде (Рига) рассмотрела символику дерева в традиционной семейной обрядности латышей. Особо ючитаемые дуб и липа символизировали в народном сознании мужское и женское начало; вечно-еленая ель философки осмысливалась как черта между жизнью и смертью; береза ассоциировалась с семейным бытом, благополучием домочадцев.

Интерес вызвал доклад Л. А. Чвыры (Москва) «Обычаи мужских собраний у уйгуров», в котором были проанализированы содержание, состав участников, организация трапезы при проведении машрабов (вечеринки), собиравших в зимнее время мужское население. По мнению докладчицы, на формы и содержание машрабов огромное влияние оказали ранее распространенные на территории расселения предков уйгуров религии: зороастризм, буддизм, манихейство.

Глубокий теоретический подход отличал доклад Р. Меркене (Вильнюс) «Восприятие и структура календарного праздника в деревне Литвы». Традиционный календарный праздник воспринимался как сакральный, определяющий будущий отрезок времени, в строгом порядке объединяющий ритуальное действие. Принудительное введение новых идеологий (христианство, атеизм) привело к распаду традиционной структуры праздника, образованию «блуждающих» ритуальных яиц и их контаминациям в системе уцелевшего сакрального времени.

Интенсивно работала секция «Религия и этничность» — куратор Б.-Р. Логашова (Москва). Из секции было представлено 8 докладов. Б.-Р. Логашов проанализировал динамику этно-конфессиональной ситуации в Амурской области на протяжении XX столетия; специальное внимание было уделено этнокультурной и конфессиональной адаптации недавних переселенцев из Средней Азии. А. В. Курочкин (Киев) рассмотрел генезис сложившихся на древнеславянской основе демонологических представлений украинцев о ведьме, традиционные магические приемы идентификации ведьм, их волшебные функции. Разнообразные представления о животных в северорусской магии были темой доклада Н. Е. Грысык (Ленинград).

Группа сообщений была построена на среднеазиатско-казахском этнографическом материале. А. Кунанбаева и Н. Ж. Шаханова (Ленинград) остановились на осмыслиении в традиционном сознании кочевников этого региона домащего пространства юрты как символа плодоносящего соединения мужского и женского начала. О традиции почитания святых в Южном Казахстане рассказала Р. М. Мустафина (Алма-Ата). А. В. Коновалов (Ленинград) в докладе «О магическом предмете казахов» проанализировал содержание записанной в поле казахской легенды о предметах для гадания, что позволило сделать вывод об универсальных архетипах, лежащих в основе магических представлений.

В докладе В. С. Уарзинат (Владикавказ) «Символические аспекты народного костюма хетин» было обращено внимание на знаковую семантику и ритуальные функции отдельных элементов традиционных одежных комплексов. Я. В. Чеснов (Москва) в докладе «Витагенез по ритуально-обрядовым материалам чеченцев и ингушей» проанализировал народные представления вайнахов о происхождении сущего; витагенез включал три компонента: небесно-космический, водно-хтонический и эмбриональный, вобравший в себя представления о бесконечности жизни.

Приятно отметить, что в работе секции активное участие принимал наш коллега из Великобритании д-р Дэвид Льюис.

Тематика докладов секции «Материальная культура» — кураторы А. Н. Жилина (Москва) и М. С. Муканов (Алма-Ата) — охватывала практически все стороны этой сферы народного быта. Участники выступили с 12 докладами, многие из которых привлекли внимание своей актуальностью, остройностью поставленных вопросов. Так, Ж. Б. Абылхожин и Н. Э. Масанов (Алма-Ата) представили доклад «Оседание кочевников в доиндустриальную эпоху: реальность или миф». Авторы отметили, что седентаризация возможна лишь в районах, где количество атмосферных осадков не менее 400 мм или где имеется стабильный поверхностный сток. В аридных же районах альтернатива кочевничеству как стратегии достаточно эффективного природопользования нет. Трагедия насилиственного оседания кочевников, осуществленного в Казахстане в 1930-х годах, доказала это. Т. У. Салимов (Ташкент) отметил необходимость восстановления в практике традиционных методов ведения земледельческого хозяйства.

Особенности современной системы питания народов Карабаево-Черкесии были прослежены Г. А. Сергеевой (Москва). Г. Г. Копешавидзе (Сухуми) провела сравнительное изучение мясомолочной пищи абхазов и грузин Западной Грузии (мегрелов). Т. Н. Томина (Москва) дала детальную характеристику очагов для приготовления пищи и выпечки хлеба у народов Средней Азии.

Более обстоятельный был разговор о народной одежде. Р. У. Каримова (Алма-Ата) рассмотрела традиционную одежду уйгуров, остановившись, в частности, на отражении в одежных комплексах половозрастных градаций общества. А. Байриева (Ашхабад), познакомив присутствовавших с ценным слайдами, отметила устойчивость традиционной одежды туркмен, наиболее архаичные пластики которой фиксируются в южных районах Туркменистана. Г. С. Щербий (Киев) остановился на проблеме сохранения традиционных особенностей в одежде украинцев Подолья.

Сравнительное изучение ткачества татар и других тюркских народов дало возможность Ф. Ш. Сафиной (Казань) выявлять присущие им общие черты в технических приемах и способах орнаментации. Вдумчивый подход к сложной теме проявила молодая исследовательница К. Е. Ергазиева (пос. Токаревка, Карагандинская обл.), которая обратилась к изучению казахского народного орнамента как исторического источника.

Интереснейшую область народных знаний рассмотрел В. А. Дмитриев (Ленинград), выступивший с докладом «Типообразующие черты традиционной метрологии».

Последнее выступление взволновало всех присутствовавших: И. А. Заатов (Симферополь)

говорил о развитии этнографической литературы по крымским татарам. К сожалению, ее традиции в настоящее время почти полностью прерваны. Репрессированный народ лишился своей науки и в СССР практически нет ни одного этнографа, изучающего быт и культуру крымскотатарского населения.

Проблемы специфической сферы духовной культуры обсуждались в 12 докладах секции «Этнографические аспекты изучения современного фольклора, искусства и народного творчества» — куратор С. Б. Рождественская (Москва). С интересом было встречено выступление Е. А. Постолаки (Кишинев), которая, выйдя за рамки основной темы своего доклада «Молдавское ковроделие общее и особенное», сообщила о целях и задачах созданного в Кишиневе Межведомственного центра по изучению и возрождению народного искусства. Другим механизмом сохранения народной культуры в Молдове призвана стать программа «Этнографическая наука и национальная традиционная культура в школе», направленная на приобщение подрастающего поколения к ценностям народного искусства.

С. Б. Рождественская осветила особенности этнографического подхода к изучению народного искусства, в то же время отметив плодотворность соединения исследовательских усилий этнографов и искусствоведов.

В докладах освещались также вопросы изучения русского народного искусства. Орнаментальное творчество русских Томской области на рубеже XIX—XX столетий было темой выступления О. М. Рындина (Томск). Н. М. Веденникова (Москва) говорила о необходимости возрождения художественных промыслов Архангельской обл., современное народное творчество которой (ткачество, вышивка, вязание, изготовление лоскутных ковриков) по своим истокам и эстетической значимости неадекватно традиционному искусству.

Очень важен вопрос сабирания и экспонирования предметов народного искусства. На примере ярких, имевших большой зрительский успех экспозиций, организованных в Государственном музее этнографии народов СССР, Н. М. Калашникова (Ленинград) показала многоаспектность и огромные возможности демонстрации традиционного народного творчества в музейных залах. Н. Б. Марголина (Ленинград) рассказала об истории комплектования дальневосточных коллекций ГМЭ.

На заседаниях секции была представлена этномузиковедческая тематика. В совместном докладе Е. П. Бусыгина и В. И. Яковлева (Казань) были рассмотрены история появления гармоники в Поволжье и функционирование этого инструмента в современной культуре народов региона. Д. Жумабекова (Алма-Ата) осветила процесс развития смычковой культуры в Казахстане. Д. Ахметбекова (Алма-Ата) проследила за развитием казахской советской массовой песни.

Доклад Э. Х. Петросяна (Ереван) был посвящен театрально-зрелищной традиции уйголов. В ней докладчица видит два слоя: поздний, связанный с мусульманством, и более ранний, соприкасающийся с культурой Китая и своими истоками восходящий к культуре Кашгарского царства. В докладе Ж. К. Хачатрян (Ереван) была рассмотрена связь основных построений армянских народных плясок (круг, спираль с продвижением вправо) с архангельскими мифopoэтическими представлениями. Движение вправо воспринималось как движение к солнцу, пространство внутри круга ассоциировалось с космосом, вне его — с хаосом. На секции выступил также В. Я. Бутанов (Абакан) с докладом «Образ осы в хакасской демонологии».

В рамках Всесоюзной сессии было проведено два научных сабирий. Под эгидой Института этнографии АН СССР, Советской социологической ассоциации и Центра по изучению межнациональных отношений состоялся «круглый стол» на тему «Многонациональный Советский Союз до и после пяти лет перестройки: пройденный путь и варианты будущего». В свободной дискуссии, в которой приняли участие ведущие советские этнографы, был представлен плюралистический спектр мнений по обсуждаемому вопросу. Заседание «круглого стола» имело большой резонанс. На нем присутствовали представители научной общественности Алма-Аты, корреспонденты Казахского телевидения.

Центр по изучению межнациональных отношений провел выездное заседание, посвященное планируемой серии изданий по истории национальных движений в СССР. На заседание были приглашены представители национально-политических организаций из разных регионов страны, которые осветили цели и программные установки своих движений, нынешнюю общественно-политическую ситуацию на местах.

Сессия завершилась заключительным пленарным заседанием. На нем прозвучал доклад Г. Л. Хить (Москва) «Антропология сегодня: пришлое население Средней Азии (дерматоглифическая характеристика и генетические связи)». Обобщение большого материала о кожных узорах кисти показало, что евреи, персы (иораны), белуджи, греки и турки-месхетинцы максимально сходны с населением Передней Азии, резко отличаясь при этом от аборигенов Средней Азии. Дунгане и корейцы сближаются с монголоидами Юго-Восточной Азии. Таким образом, пришлые группы современного населения Средней Азии гетерогенны и сохраняют сходство с коренным населением тех регионов, откуда в свое время мигрировали их предки. В то же время уйгуры, арабы и курды сходны с таджиками, туркменами и узбеками, что отражает не только общие антропологические компоненты в основе расового типа, но и процесс ассимиляции пришлых групп местной средой.

Затем с краткими отчетами выступили кураторы секций, после чего слово было предоставлено М. К. Козыбаеву. Он высказал удовлетворение работой сессии, подчеркнув, что народоведение как наука набирает темп и новые высоты. М. К. Козыбаев поблагодарил всех участников сессии и пожелал им успехов.

В. А. Тишков подвел главные итоги сессии, оценив их в целом как весомый вклад в науку.

З то же время он подчеркнул, что необходимо повышать уровень проведения наших всесоюзных этнографических совещаний за счет расширения географии и численности участников. В. А. Тишков сказал, что в будущем хотел бы видеть среди участников научную молодежь — студентов, аспирантов. Организационная часть сессий тоже должна измениться. Нужно предоставить крупным ученым возможность заявлять темы научных симпозиумов, обсуждение которых собирало бы лучшие этнографические силы страны. Далее В. А. Тишков отметил, что, несмотря, на наличие кризисных явлений в нашей науке, этнография в отличие от других обществоведческих дисциплин умела сохранить свое лицо. Наши труды, подчеркнул он, в основном не девальвировались, за многое из того, что мы опубликовали, нам не стыдно. Однако сейчас многое нужно переосмыслить, начиная с базовых понятий, необходимо работать над вводом в оборот новых источников, над уточнением исследовательской методики. Это поможет преодолеть наш определенный провинциализм и сравнению с западной этнографией. В заключение В. А. Тишков поблагодарил казахских коллег и всех участников сессии за проделанную работу.

* * *

В Алма-Ате произошло событие, которое будет иметь важные последствия для дальнейшего развития советской этнографической науки. После окончания заключительного пленарного заседания Всесоюзной сессии по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988—1989 гг. В. А. Тишков предложил присутствовавшим обсудить вопрос об учреждении профессиональной ассоциации советских этнографов. Он подчеркнул, что создание подобной ассоциации повысит статус нашей науки. Это поможет покончить с фактически безраздельной ионополией на этнографическую проблематику Института этнографии АН СССР и послужит делу объединения всех этнографических сил нашей страны. В. А. Тишков подчеркнул, что в таком многонациональном государстве, как СССР, этнографов должно быть в 10 раз больше, чем теперь. Было предложено назвать новую организацию Советской этнографической ассоциацией.

Идея создания профессиональной ассоциации советских этнографов встретила единодушную поддержку. Однако предложенный вариантом названия вызвал возражения. В. Н. Басилов и Р. Ш. Джарылгасинова высказались против того, чтобы из названия исчезло слово «этнография», которое олицетворяет отечественную научную традицию. А. А. Никишенков отметил, что нет необходимости придавать преувеличенное значение терминам. Гораздо важнее конкретное содержание, которое мы вложим в деятельность ассоциации. Тем не менее прозвучавшие возражения нашли поддержку у присутствовавших. Было предложено несколько альтернативных вариантов названия, и в результате было принято решение именовать организацию Советская этнографическая и антропологическая ассоциация.

В результате состоявшихся выборов первым президентом Советской этнографической и антропологической ассоциации стал С. А. Арутюнов (Москва), исполнительным директором — Л. Б. Заседателев. В ближайшее время будут разработаны программные документы ассоциации, с которыми ознакомится этнографическая общественность страны.

Ю. Д. Анчабадзе

© 1990 г.

**ОТ ЕДИНСТВА К МНОГООБРАЗИЮ: СМЕНА
ПАРАДИГМ В ИЗУЧЕНИИ ОБЩЕСТВ
ОХОТНИКОВ, РЫБОЛОВОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ**
(по материалам Шестой Международной
конференции по изучению
охотничье-собирательских обществ,
27 мая — 1 июня 1990 г., Фэрбенкс.
Аляска, США)

Общества охотников, рыболовов и собирателей издавна привлекали к себе внимание европейских путешественников и естествоиспытателей. Ранние сведения о них сыграли большую роль в сложении философских концепций (Т. Гоббс о «войне всех против всех», Ж.-Ж. Руссо о «благородном дикаре» и пр.) находившихся у истоков философии и науки нового и новейшего времени. Интерес к ним стал одним из побудительных мотивов возникновения этнографии и ряда родственных ей дисциплин.

Первоначально эти общества занимали исследователей прежде всего как некие «осколки первобытного человечества», дававшие повод порассуждать об образе жизни и обычаях наших далеких предков. Позднее пришло понимание того, что многие из таких обществ существуют и в наше время и их нынешний облик до определенной степени обусловлен многовековыми и даже

многотысячелетними контактами с более развитыми соседями. Наконец, за последние 10—20 лет, когда динамизм социальных и политических процессов в мире достиг небывалых масштабов и во многих регионах появились симптомы кризиса, академический интерес к охотникам, рыболовам и собирателям существенно дополнился стремлением многих специалистов изучать и решать чисто практические задачи, связанные с оказанием помощи таким обществам в борьбе за выживание, за спасение своих культур, языков и сохранение традиционного образа жизни.

Большую роль в развитии соответствующих исследований и изменение научных подходов и концепций сыграли международные конференции, специально посвященные изучению обществ охотников, рыболовов и собирателей. Так как до самого последнего времени советские ученые в этих конференциях не участвовали, а их материалы освещались весьма слабо или вовсе не освещались в нашей научной печати, представляется необходимым хотя бы вкратце остановиться на истории и проблематике прошлых конференций, прежде чем перейти к характеристике последней из них, шестой, состоявшейся недавно в Университете Фэрбенкса (Аляска, США).

Первая специальная конференция по исследованию обществ охотников и собирателей была организована Д. Дамасом в Оттаве (Канада) в 1966 г. На ней присутствовали 14 этнографов, и ее проблематика была достаточно ограниченной как тематически (состав общин и особенности социальных связей в них), так и территориально (главным образом, Американская Арктика и Субарктика, а также Индия и Африка)¹. Более представительной была следующая конференция, состоявшаяся в Чикаго в 1966 г., которую организовали Р. Ли и И. Девор. На ней присутствовали 75 этнографов, затронувших в своих докладах экологию, экономику, демографию, социальную структуру. Определенное место в дискуссиях заняли вопросы развития охотничье-собирательских обществ в исторической перспективе и, в частности, характер источников (археологических и этнографических) для их изучения и особенности использования последних².

Характерной чертой обеих конференций было рассмотрение охотничье-собирательских обществ, главным образом как архаических отживающих структур, изучение которых в определенной степени могло бы помочь понять и реконструировать образ жизни наших далеких предков. Но динамика исторического развития в 70—80-х годах XX в. показала, что, во-первых, охотничье-собирательские общества, по меньшей мере некоторые из них, оказались более устойчивыми к изменениям, охватившим современное человечество, а во-вторых, бурная индустриализация и становление постиндустриальных обществ не только не решают проблем, жизненно важных для человека, но порождают новые еще более сложные проблемы. Последнее создало стимулы для поиска альтернативных вариантов развития и, в частности, заставило новыми глазами взглянуть на объекты их изучения. Это и стало поводом к организации целой серии регулярных международных конференций по изучению охотников и собирателей.

Первая^{*} из них состоялась в Париже в 1978 г. по инициативе М. Годелье. На ней были рассмотрены три блока вопросов: разнообразие хозяйственных и социальных систем у охотников и собирателей; взаимоотношения охотников и собирателей с соседними земледельческими или скотоводческими обществами, в том числе в исторической перспективе, и, наконец, реакция современных охотников и собирателей на попытки их интеграции в систему капиталистических товарно-денежных отношений³. Вторая конференция состоялась в Квебеке (Канада) в 1980 г.

Третья конференция (1983 г., Бад Хомбург, ФРГ), хотя и была сильно ограничена тематически, стала важной вехой в развитии рассматриваемых исследований, так как поднятые на ней вопросы, касавшиеся прежде всего исторической эволюции различных охотничье-собирательских обществ, были и остаются весьма актуальными для нашей науки, а выводы ее участников о соотношении традиций и инноваций у охотников и собирателей и о характере их исторического пути представляют огромное научное значение⁴.

Гораздо более представительной и более разнообразной по тематике была четвертая конференция, организованная английскими учеными в Лондоне в 1986 г. Если в первой международной конференции (1978 г.) участвовали 50 человек, то в четвертой — 114, а ее работа была распределена по 9 секциям, каждая из которых имела свою особую тематику: сравнительные исследования обществ охотников и собирателей; особенности отношений собственности и порождаемые ими конфликты; родство и социализация; взаимоотношения охотников и собирателей с внешним миром; сходства и различия между охотничье-собирательскими и раннеземледельческими обществами; марксистский подход к изучению охотников и собирателей; построение эволюционных моделей; изучение символики, в том числе связанной с половыми ролями; современное положение охотничье-собирательских групп в рамках многоэтнических государств⁵.

Пятая конференция состоялась в г. Дарвин в Австралии в 1988 г. под председательством Л. Р. Хайетта. Большое место в ее работе заняло обсуждение вопросов демографической динамики у охотников и собирателей в прошлом и настоящем, в частности влияния природной среды и различных социокультурных факторов на ряд основных демографических показателей (плодовитость, соотношение полов и пр.), а также демографические последствия перехода охотников и собирателей к производящему хозяйству и их включение в контекст современных индустриальных обществ. Определенное внимание было уделено особенностям социальной дифференциации у австралийских аборигенов в современных условиях. Представленные на конференции материалы касались главным образом обществ охотников, рыболовов и собирателей Австралии, Океании, Юго-Восточной Азии и Северной Америки⁶.

Наконец, шестая конференция была организована Л. Элланной в Университете Фэрбенкса

* Так как регулярно такие конференции начали собираться с 1978 г., то и официальный отсчет их ведется с парижской конференции 1978 г.

Аляска, США) 27 мая — 1 июня 1990 г. Если из первых пяти конференций каждая последующая отличалась главным образом расширением или изменением тематики и постановкой новых важных вопросов, то специфика этой конференции состояла не только в этом, но и в широком участии советских этнографов, которые не были на предшествующих конференциях и в силу этого мели весьма слабое представление как о них, так и о направлениях поиска современной зарубежной, главным образом западной, науки. Вместе с тем польза от участия советских исследователей была, безусловно, об юдной, так как они представили своим западным коллегам неизвестные тем материалы об охотниче-рыболовческо-собирательских обществах, как древних, так современных, на территории нашей страны. Кроме того, они продемонстрировали некоторые подходы, свойственные советской науке, в том числе попытались дать оценку ряда распространенных на Западе концепций. Все это вызвало живой интерес и стимулировало продуктивные исследования. Один из симпозиумов данной конференции был специально посвящен советским исследованиям обществ охотников, рыболовов и собирателей *.

Прошедшая конференция была самой крупной из всех вышеперечисленных. В ней приняли участие более 170 исследователей. Всего на ней работало 8 секций: наиболее многочисленные из них были посвящены полоролевому фактору в экономике, политике и идеологии, детальному анализу хозяйственной деятельности у охотников, рыболовов и собирателей, а также проблемам землепользования и земельных прав коренного населения в современных условиях. На других секциях шла о здоровье и питании у охотников и собирателей в исторической перспективе, об этнорхеологических исследованиях, об образовании и языковой политике в современных условиях; рассматривался и ряд других проблем, связанных с изучением главным образом коренного населения США и Канады.

Лейтмотивом конференции была настоятельная необходимость изучать многообразие человеческих культур во всей их вариативности, воздерживаясь в то же время от сомнительных обобщений, сделанных на единичных примерах. Последнюю опасность специально подчеркнул Ж. Сильбербаум (Клейтон, Австралия), отметивший, что «в антропологии, по крайней мере вульгарной, есть опасная тенденция выдвигать в виде эталона наиболее полное хорошо известное описание какого-либо конкретного общества, чтобы по нему судить обо всех других». Та же мысль прозвучала и в выступлении У. Шапиро (Нью Брансуик, США), который, правда, казал и на другую столь же нежелательную крайность — полный отказ от сравнительно-этнографических исследований, тенденция к которому также наблюдается в современной западной постмодернистской этнографии.

К чести участников конференции в большинстве своем они, в особенности те, кто лично проходил полевые исследования, удачно избегали чересчур поспешных обобщений и учитывали специфику отдельных обществ, не впадая при этом и в крайности голого эмпиризма. Последнему весьма способствовало то, что многие доклады наших западных коллег имели ярко выраженный проблемный характер.

Одним из важнейших моментов конференции была переоценка места охотников и собирателей в контексте всего человеческого сообщества. В этом смысле дальнейшее и весьма плодотворное развитие получила уже высказывавшаяся на предыдущих конференциях мысль о том, что охотников, рыболовов и собирателей невозможно выделить в какую-либо особую социальную категорию и резко противопоставить обществам традиционных земледельцев и скотоводов (У. Шапиро, Х. Фейт — Гамильтон, Канада). Во-первых, общества охотников, рыболовов и собирателей в хозяйственном и социальном плане представлены очень разными типами, для которых еще предстоит выработать детальную классификацию, а во-вторых, по ряду параметров все они или есть их мало чем отличаются от архангельских обществ земледельцев и скотоводов.

Особенно глубокую и многостороннюю разработку эту идею получила на симпозиуме, посвященном обсуждению высказанной когда-то М. Салинзом гипотезы об «исконном благоценностии», которое было якобы присуще обществам охотников и собирателей, не затронутым разрушительным влиянием со стороны более развитых обществ, проявлявшимся, в особенности, в период олонциализма. При этом Салинз делал акцент на имеющиеся якобы данные о необычайной легкости добычи пищевых ресурсов бродячими охотниками и собирателями, которые тратили на это более 3—5 часов в день, и. о. сознательном ограничении ими своих потребностей ⁷. Оценивая тот подход, многие из выступавших отмечали, что Салинз по сути дела создал новый миф, оперируя слишком фрагментарными и неоднозначными сведениями, без должной критики полагаясь на отрывочные замечания ранних авторов. Среди недостатков его подхода называлось также чрезвычайно узкое понимание труда как деятельности исключительно по добыче пищевых ресурсов, то искусственно преуменьшало роль иных, но менее важных для людей видов труда, например по оставке пищевых ресурсов к месту назначения, по их обработке, по обеспечению ресурсами изделиями непищевых сфер культуры и пр. Не учел он также сезонной и многолетней вариативности видов хозяйственной деятельности в условиях комплексного многогородского присваивающего хозяйства, а также объективных, в частности экологических, факторов, влияющих на охранение бродячего образа жизни, и уж вовсе не обратил внимания на эмкий момент, т. е. ценку, которую сами охотники и собиратели давали своему образу жизни и своим взаимоотно-

* Настоящий обзор ставит своей целью проинформировать советского читателя об основной проблематике, стоящей в центре внимания мировой науки, занимающейся охотниками и собирателями. Поэтому здесь и ниже рассматриваются лишь доклады, посвященные наиболее значительным проблемам. Упомянуть все зачитанные на конференции доклады и их авторов в данном обзореказалось практически невозможно.

шениям с окружающей природной средой. Более серьезного внимания заслуживал и вопрос о том как охотники и собираители расходовали то время, которое Салинз назвал «свободным».

Все эти проблемы так или иначе рассматривались участниками симпозиума на материала самых разных народов мира. Было показано, что хозяйственная деятельность бродячих охотников и собираителей отличалась большой гибкостью и сильно варьировалась как по характеру, набору и качеству пищевых ресурсов, так и по особенностям их добычи в разные сезоны и разные годы. Соответственно могла варьироваться и степень оседлости, причем по этому показателю бродячие охотники и собираители вполне сопоставимы с кочевыми скотоводами (Б. Боденхом и Д. Раубинович — Кэмбридж, Великобритания).

В то же время, как пытался показать Р. Келли (Луисвиль, США), оседлость, сыгравшая по его мнению, выдающуюся роль в эволюции общества, в ряде случаев обуславливалась экологическим фактором — неравномерностью распределения природных ресурсов в пространстве. Для уменьшения риска голода в условиях неустойчивой природной обстановки для оседлого населения особое значение приобретало расширение социальной сети, что в свою очередь осуществлялось за счет особой брачной политики и стимулировало многодетность. Это вело к росту народонаселения и его плотности и требовало совершенствования хозяйственной деятельности по добыче пищи. В еще большей степени значение социального фактора, обеспечивающего нормальную жизнедеятельность охотников и собираителей, в данном случае бродячих, подчеркнул Р. Бейли (Лос-Анджелес, США), по подсчетам которого у некоторых групп пигмеев социальная деятельность отнимала более 40% активного времени, т. е. именно на нее уходило их «свободное» время.

Иную оценку «свободному» времени дал Т. Хедлэнд (Даллас, США), показавший, что у аэта 30% этого нерабочего времени терялось по болезни. По его мнению, оценка жизнеспособности охотничье-собирательских обществ должна опираться не столько на подсчеты рабочего времени, сколько на успешность их адаптации к окружающей обстановке. А яркими показателями ее могут быть демографические данные. Так, депопуляция и вымирание, отмечаемые и у ряда групп аэта на Филиппинах, являются, на его взгляд свидетельством неудачной адаптации. Следовательно, давая оценку современным охотникам и собираителям, надо учитывать, что эти группы сумели выжить, в отличие от других, которые не смогли столь же удачно приспособиться к меняющейся обстановке.

Впрочем, сами по себе демографические тенденции отчасти обуславливались некоторыми социальными обычаями, например брачными, но обнаружить связь между ними бывает непросто, что ведет порой к прямо противоположным выводам. Такие расхождения выявились при решении вопроса о том, насколько разные виды брака могут стимулировать рост населения. Обнаружилось, что данные о коренных обитателях Арнемленда дают основания для прямо противоположных суждений о видах брака, более всего способствующих росту популяции: по мнению Д. Дж. Чисхолма и В. Бербэнк (Дэвис, США), эту роль играла моногамия, а С. Сугити (Аити, Япония) полагал, что, напротив, полигамия.

Интересные демографические сопоставления произвел Б. Хьюлетт (Новый Орлеан, США), попытавшийся показать, что у пигмеев-ака и у соседних с ними земледельцев отмечался ряд весьма сходных демографических показателей (рождаемость, детская смертность, продолжительность жизни).

Сопоставления иного плана проделал Т. Грегсон (Юниверсити Парк, США), проанализировавший структуру рабочего времени у охотников-собирателей и у земледельцев зоны тропического леса Южной Америки. По его данным, охотники-собиратели тратили на работу, т. е. добычу пищи, 13,7%, а земледельцы — 25,7% активного времени. При этом трудовая деятельность первых отличалась гибкостью и вариативностью, а у последних земледелие отнимало львиную долю рабочего времени.

Итак, материалы симпозиума еще раз подтверждают ту мысль, что охотники, рыболовы и собираители, с одной стороны, и архаичные земледельцы и скотоводы, с другой, отличаются друг от друга прежде всего особенностями хозяйственных систем и характером хозяйственной деятельности, тогда как по многим демографическим и социальным параметрам между ними наблюдаются те или иные сходства. В этом смысле определенный интерес вызывает процесс вызревания социальной дифференциации у охотников, рыболовов и собираителей, который, судя по представленным на симпозиуме материалам, коррелировался со степенью эффективности хозяйства. Так, по данным ряда американских исследователей (Н. Блертон-Джонс — Лос-Анджелес, США и др.), у хадза в Танзании, живших в более богатой природной среде, чем бушмены-кунг (Ботсвана), охота велась много успешнее, женщины отличались более высокой плодовитостью, четче выглядело разделение культуры на мужскую и женскую сферы, большее значение имел престижный фактор. Значительно глубже этот процесс зашел у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, где, как подчеркнули Л. Дональд и Д. Митчелл (Виктория, Канада), размеры уловов рыбы хорошо коррелировались с рангом отдельных групп в сфере престижных отношений.

Выступая против тезиса Салинза о сознательном ограничении своих потребностей охотниками и собираителями, Б. Хеден (Бернеби, Канада) подчеркнул, что в отличие от животных люди способны эффективно использовать излишки продукции, успешно преобразовывая их в престижные ценности. Таким образом, соперничество из-за престижа является действенным стимулом к наращиванию хозяйственной деятельности. Особого развития такая престижная экономика достигает в «сложных», по его терминологии, или, другими словами, в социально дифференцированных обществах охотников, рыболовов и собираителей, где создается «социальное давление», способствующее переходу к производящему хозяйству.

В то же время в значительной мере остается открытый вопрос о том, когда именно и в каких онкрайных условиях возникла система рангов. И некоторые археологи делают попытки на него ответить. Интересное предложение выдвинул Х. Машнер (Санта-Барбара, США), произведший раскопки в заливе Тебенькова (Юго-Восточная Аляска), где, по его данным, в условиях азотного ледникового периода в XIII в. ухудшились условия лова рыбы и люди были вынуждены селиться в крупных компактных поселках. Именно там на первый план выдвинулись лидеры наиболее крупных линий и возникла система рангов. Вместе с тем, как показывают исследования М. Ренуф (Сент-Джонс, Канада) в Восточной Арктике, одни лишь экологические факторы вряд ли могут объяснить генезис социальной стратификации. По ее данным, походы, охватившие восточные районы Канады и Гренландию в VII—II вв. до н. э., привело, на-ротив, к распаду крупных прежде общин, к росту подвижности и возвращению к более гибкой системе неспециализированного охотничьего-рыболовческого хозяйства.

В целом рассмотренный симпозиум продемонстрировал огромный интерес, который вызывают вопросы традиционной экономики в мировой антропологической науке, а поставленные на нем проблемы и поиск нетривиальных путей к их решению могли бы в определенной степени послужить образцом для многих из наших специалистов-этнографов. Ведь в условиях нынешнего преу-сторожества нашей экономики детальный анализ традиционных хозяйственных систем и их возможностей был бы чрезвычайно полезным. В частности, как отметил организатор симпозиума Э. Смит (Сиэтл, США), весьма актуальными остаются три задачи: объяснение разнообразия хозяйственной и общественной организации охотников, рыболовов и собирателей; изучение механизмов индивидуального выбора и специфики индивидуального хозяйственного поведения при наличии альтернатив; анализ взаимосвязей между добычей жизненно важных ресурсов и воспроизведением народонаселения.

Доклады другого симпозиума — «Полоролевой фактор в экономике, политике и идеологии» — были менее богаты теоретическими обобщениями, но зато содержали богатейшие материалы, сви-детельствующие о различиях мужского и женского поведения, о разной роли мужчин и жен-щин в разных сферах культуры у разных народов и даже о разных свойственных им системах ценностей и весьма своеобразных мировоззренческих стереотипах и подходах к решению одних и тех же задач. Для ведущихся сейчас в науке споров о сути и предпосылках полового разделения труда в неземледельческих обществах (в особенности о возможности и способности женщин участвовать в охоте) большое значение имеют собранные различными исследователями данные о значительной вариативности, существующей в этом плане в разных обществах. В частности, если у оиге о. Малый Андаман отмечено жесткое половое разделение труда со строгими табу на участие в не свойственной дайному полу хозяйственной сфере (А. Ди и — Вашингтон, США), то в некоторых группах бушменов женщинам запрещено прикасаться к луку и стрелам, служащим мужскими символами (Л. Уодли — Йоханнесбург, ЮАР), то, напротив, у некоторых групп австралийских аборигенов (Ф. Дюссар — Ньюарк, США) и атапасков Северной Америки (К. Си-хович — Торонто, Канада) взрослые женщины, чаще всего незамужние или вдовы, могли самостоятельно охотиться, хотя, как правило, не на крупных животных, добыча которых считалась привилегией мужчин. В других случаях, например, у некоторых групп пигмеев Камеруна и ЦАР (В. Жуар — Брюссель, Бельгия; М. Макриди — Чикаго, США) и эскимосов (Э. Тернер — Шарлоттвилл, США) женщины, хотя и не принимали участия в реальной охоте на крупных животных (слонов в Африке или китов в Арктике), играли огромную роль в ритуалах, призванных обеспечить успех на охоте и/или преодолеть хозяйствственный кризис, связанный с неудачной охотой.

Все это, как подчеркнул в обобщающем докладе Р. Брайтмен (Портленд, США), сви-детельствует о тщетности упрощенных прямолинейных подходов, объясняющих особенности полового разделения труда одним лишь биологическим фактором. В то же время, по его собственному признанию, не оправдывает себя и гипотеза о первостепенной важности психологического фактора, определяющего место половых ролей в культурной символике, — ведь сама символика допускает неоднозначную интерпретацию. Столь же пессимистичным был и вывод О. Ю. Артемовой (Москва, СССР) относительно соотношения социальных статусов мужчин и женщин в разных обществах охотников и собирателей. По ее мнению, различия в культурах возникают не только по причине различного окружения или разной истории, но и «из-за сложных и по большей части неясных причин, которые отчасти связаны с почти неизученными психологическими явлениями».

Впрочем здесь уместно заметить, что в тех докладах наших западных коллег, где сознательно ставилась задача изучить причинные связи между разными сферами культуры в каком-либо конкретном обществе, она нередко находила то или иное нетривиальное решение. Очевидно, именно в силу уникальности отдельных культур такого рода задача может быть успешно решена именно с учетом конкретного контекста и конкретной обстановки. Напротив, широкий кросс-культурный анализ в ряде случаев, по-видимому, не способен дать что-либо большее, чем представление о значительной вариативности изучаемого культурного явления. Следовательно, затевая то или иное кросс-культурное исследование, необходимо изначально четко сознавать рамки его эври-стических возможностей. В пройденном случае этнографические факты могут превратиться лишь в иллюстрацию априорной концепции, привнесенной в науку из сферы политики. Последнее попыталось продемонстрировать У. Шапиро на примере эволюции «научных» представлений о соотношении социальных статусов мужчин и женщин в доземледельческих обществах: несколько десятилетий назад, когда становление человеческого общества связывали с развитием охоты, многие западные специалисты считали, что доминирование мужчин в этом виде деятельности и создавало условия для приниженного положения женщин; позднее, отмечает У. Шапиро, в рамках феминистского движения был выдвинут тезис о том, что в древнейшей хозяйственной системе человека главную роль играло собирательство и именно это должно было обусловить изначально

более высокую социальную роль женщин. Своим докладом У. Шапиро привлек внимание к весьма важному для нашего времени вопросам о соотношении науки и политических доктрин.

Из докладов данного симпозиума особый интерес представляют те, где традиционные стереотипы мужского и женского поведения анализируются в контексте современных социокультурных изменений. Так, по данным, тщательно изученным М. Эдмундом (Канберра, Австралия), женщинам-aborигенкам удается легче приспособиться к условиям современной Австралии, чем мужчинам, так как соответствующие изменения в традиционной культуре наиболее резко отражаются на общественной сфере, где мужчины теряют многие привычные позиции, и почти не затрагивают сферу домашнего быта, что позволяет женщинам сохранить в ней былое господство. Поэтому именно в семейной сфере и именно женщинам здесь удается осуществить преемственность между традиционными и современными порядками. Более того, так как женщины более склонны к преподавательской деятельности, то им и удается приспособить формы, предоставляемые западной культурой, для сохранения и передачи новым поколениям традиционных культурных ценностей.

Как сообщает Л. Мирон (Дарвин, Австралия), дифференциация знаний о священных участках по половому принципу, характерная для австралийских аборигенов, существенным образом отражается на решении вопросов о правах аборигенов на землю и в особенности об охране таких участков от разрушения в ходе современной предпринимательской деятельности. Так как до недавнего времени комиссии, ведающие земельными вопросами, состояли из мужчин, а священные земли, принадлежащие представителям одного пола, считались опасными для другого, то женщины и до сих пор еще скрывают свои знания о священных участках, что не позволяет вовремя спасти последние от гибели.

Весьма нетривиальные данные и выводы содержались в двух докладах, которые, хотя и затрагивали полородовой фактор, но, возможно, в еще большей мере соответствовали бы симпозиуму по этноархеологии, так как вносили существенный вклад в обсуждение проблемы интерпретации археологических данных. Оба доклада строились на материалах о бушменах Южной Африки. В одном из них М. Гуэнтер (Уотерлу, Канада) убедительно показал, что тематика, с одной стороны, мифов, а с другой, изобразительного искусства может существенно различаться. Так, в мифологии бушменов доминируют женские образы, а в искусстве — мужские. Это происходит потому, что речь идет о разных формах духовной и ритуальной жизни, имеющих и разные функции. Из мифологии. И это — весьма существенное предостережение археологам, занимающимся первобытным искусством.

Другой доклад, сделанный Л. Уодли (Йоханнесбург, ЮАР), был посвящен соотношению погребального инвентаря и статуса покойного. Этому автору удалось установить, что поскольку статус человека в обществе бушменов в течение жизни менялся, причем особым статусом обладал и покойный, то статус умершего мужчины вовсе не отражал прижизненного статуса взрослого трудоспособного человека. Поэтому и погребальный инвентарь так или иначе отличался от того, которым покойный пользовался при жизни, входя в ту или иную возрастную категорию. Так, охота и охотничье оружие считались у бушменов привилегией взрослых трудоспособных мужчин, тогда как духи мертвых могли оказать охоте лишь вред. Зато по некоторым своим способностям духи мертвых сближались с шаманами (а шаманами здесь были старики, вышедшие из трудоспособного возраста) и женщинами. И все это оказывало влияние на особенности погребального инвентаря.

Открывая симпозиум по этноархеологии, П. Уиснер (Анхес, ФРГ) отметила тесную связь развития этого перспективного научного направления с исследованиями охотничьи-собирательских обществ. Если в 60-х годах на конференциях по исследованию обществ охотников и собирателей резко преобладал их анализ в синхронном срезе, то, начиная с 1978 г., западные специалисты начали уделять большое внимание их истории, и это вызвало рост интереса к археологическим данным, а следовательно, к возможностям интерпретации последних. Ведя целенаправленный поиск строгих методических приемов для такого рода интерпретаций, этноархеология способна занять важное место в процедуре синтеза этнографии и археологии.

Вместе с тем до сих пор еще не сложилось четкого понимания целей и исследовательской процедуры этноархеологических исследований, что отчасти проявилось и на данном симпозиуме. В частности, отношение к методу аналогий и его применению далеко не однородно. К сожалению, некоторые исследователи (П. Моканты — Пуне, Индия) и до сих пор полагаются на механические аналогии, не пытаясь даже доказать или проверить их надежность. Это, разумеется, вызывает обратную реакцию — заявления о том, что этнография будто бы ничего не дает для понимания древних обществ (З. Купер — Пуне, Индия).

Некоторые исследователи (В. Р. Кабо — Москва, СССР; Дж. Ноубл-Эйзенлауэр — Лос-Анджелес, США; Дж. Эллисон — Гейнсвилл, США) делают основной упор на поиск универсалий путем широких сравнительных этнографических исследований. Этот метод, безусловно, правомерен, так как позволяет строить общие поведенческие модели или формулировать гипотезы, стимулирующие проблемные археологические исследования. Такие модели особенно ценные, потому что они дают представление о целостных культурных явлениях, тогда как археологи имеют дело лишь с фрагментарными следами этих явлений. С этой точки зрения интересны исследования Эллисона об охоте с сетями и Ноубл-Эйзенлауэра о специфике орудийных комплексов у охотников и собирателей. В обоих исследованиях делается акцент на те особенности охотничьей и прочей техники, которые, как правило, не сохраняются в археологических остатках и о которых можно судить только по ряду косвенных признаков. Последним, считает Ноубл-Эйзенлауэр, надо уделять особое внимание, так как изучение одних лишь артефактов, полученных в ходе раскопок, дает искаженную картину, в которой не остается места для важных черт технологии, обычно не оставляющих материальных следов.

В то же время, делая акцент на сравнении обществ одного уровня развития и выявления универсалий, сторонники этого подхода неизбежно сталкиваются с проблемой: по каким критериям выделять уровень развития охотничье-собирательских обществ и что считать универсалией. Например, считать ли универсалией сам характер наскального изображения или же также и его смысловое значение? По мнению ряда специалистов, правомерно и то, и другое. Более осторожен своих выводах Дж. Льюис-Уильямс (Йоханнесбург, ЮАР), справедливо полагающий, что с помощью аналогий можно судить лишь об общих процессах, порождающих сходство общего блика изображений. Зато смысловое значение пусть даже сходных изображений установить пока удастся, так как каждое общество обладает своей собственной символической системой, сходные археологические остатки могут быть продуктами разных процессов. Одним из наиболее перспективных подходов к объяснению позднепалеолитического искусства Льюис-Уильямс считает европсихологический. Он исходит из того, что у всех людей независимо от расовой или культурной принадлежности при приеме наркотиков или впадении в транс возникает сходное состояние.

Частности, сходными являются визуальные галлюцинации и их последовательность. Судя по данным о бушменах Южной Африки, именно такие видения и воспроизводят художники-шаманы своей наскальной живописи. Возможно, в этом явлении и кроется ключ к объяснению позднепалеолитического наскального искусства.

Из других докладов этого симпозиума большой интерес вызывает сообщение Дж. Хадсон (Санта-Барбара, США) о методе для выявления обычая охотничьей добычи по распределению остеологических материалов на стоянке. По ее предложению, необходимо производить подсчет минимального количества особей на всей стоянке в целом и для каждого жилища в отдельности. Если первая цифра и сумма вторых совпадут, то дележа не было; если же они будут различаться, то он производился. Конечно, надо учитывать, что Хадсон изучала кратковременные (т. е. односуточные) стоянки пигмеев-ака, охотившихся на некрупных животных и приносявших се туши на стоянку целиком. Лишь при этих условиях ее метод может дать достоверные выводы.

Большое значение, как теоретическое, так и особенно практическое, имел симпозиум, посвященный землепользованию и земельным правам. Поднятые на нем проблемы, их обсуждение рекомендации имеют исключительный интерес для малочисленных групп охотников и собирателей, живущих в рамках многонациональных современных государств. Как показала Л. Уиллер (Эдмонтон, Канада), большой вред таким народам принесли привнесенные белыми эпоху колониализма концепции и категории, в том числе связанные с собственностью на землю. По ее словам, западный человек рассматривает эту собственность как сугубо индивидуальную, постоянную и связанную со строго ограниченным пространством, тогда как у охотников и собирателей она коллективная, временная, а ее пространственные границы нечетки. Но при решении вопросов землевладения законодатели и правоведы до сих пор исходят, как правило, из западной концепции.

Возможно, следовало бы поставить вопрос шире, так как в принципе речь идет о земледельческой концепции землевладения и землепользования, независимо от расовой или культурной принадлежности, ибо сходные процессы отчуждения земли пришлыми земледельцами у охотников и собирателей происходят сейчас в Танзании (К. Ндагала — Дар-эс-Салам, Танзания) и jede других стран без какого-либо участия белых. В любом случае охотники и собиратели рассматриваются как «дикари», сходные с животными и не имеющие будто бы понятия о земельной собственности. Как подчеркнул К. Претт (Юджин, США), определенную негативную роль здесь сыграли и этнографы: «может быть, историческая тенденция антропологов делать акцент на отсутствие понятия о собственности на землю у охотников и собирателей повлияла на то, что федеральное законодательство США игнорировало местные концепции территориальности и землепользования».

Отмеченный подход долгие годы как бы узаконивал колонизацию исконных земель охотников и собирателей, оттеснение последних в неблагоприятные для обитания районы, где они нередкотрачивали свои традиционные навыки и встречались с реальной опасностью вымирания от голода или болезней. Так происходило в прошлом со многими группами охотников и собирателей, в частности с огнеземельцами (Л. Борреро — Буэнос-Айрес, Аргентина; Д. Стюарт — Альбукерке, США), так происходит и ныне, например, с онге о. Малый Андаман (Д. Венкатесан — Мадрас, Индия).

В последние годы над охотниками и собирателями нависла новая опасность, вызванная, как это ни странно звучит, развитием экологического движения за сохранение природных ресурсов. В результате исконные земли охотников и собирателей отбираются под заповедники, как это происходит, например, в Индии (Дж. Пракаш Редди — Тирупати, Индия; В. Састри — Срисайл, Индия), принимаются законы, запрещающие или ограничивающие добывчу животных, представляющих жизненно важные ресурсы для охотников и собирателей, или же объявляется бойкот охотничьей продукции, что также подрывает основы традиционного озяйства и социальной организации таких групп (Дж. Уенцель — Монреаль, Канада). Но, как резонно замечает Дж. Пракаш Редди, борцы за экологию забывают, что вовсе не охотники и собиратели виновны в хищническом истреблении природных ресурсов, связанном прежде всего деятельностью частных или государственных компаний.

Напротив, как пытались показать некоторые специалисты (Х. Фейт — Гамильтон, Канада; П. Соколов — Москва, СССР; Р. Чайлдерс и М. Канцевик — Анкоридж, США), радиационная хозяйственная деятельность охотников и собирателей предполагала разумное использование ресурсов и заботу об их дальнейшем воспроизводстве. По словам Х. Фейта, вопреки стоявшимся представлениям, сейчас именно «цивилизованное» население губит природу, не за-

ботаясь о завтрашнем дне, а охотники и собиратели с болью наблюдают этот процесс, отчего сознавая, что их детям и внукам придется жить здесь же. И сколь бы сложной и неопределенной ни выглядела проблема территориальных границ — будь они более жесткими, как у некоторых эскимосов (Э. Эндрюз — Фэрбенкс, США), или менее жесткими, как у некоторых австралийских аборигенов (А. Кин — Канберра, Австралия), — в любой данный момент охотники и собиратели чувствовали себя тесно связанными с территорией и у них существовали определенные нормы по ее охране (П. Уиллер — Эдмонтон, Канада).

Вот почему в настоящее время охотники и собиратели все чаще поднимаются на борьбу за свои традиционные территории и в условиях правового государства добиваются больших успехов. В этом отношении участники симпозиума (Ф. Дин — Фэрбенкс, США; Э. Янг — Канберра, Австралия; К. Прэтт — Юджин, США; Р. Чайлдерз и М. Канчевик — Анкоридж, США) ссылались на достаточно показательные и весьма разнообразные примеры решения таких территориальных притязаний в Австралии, США, Канаде и Скандинавии. В частности, в последние годы при организации национальных парков их руководство пытается учитывать интересы охотников и собирателей, которым при определенных условиях позволяет заниматься там традиционным хозяйством, причем в Скандинавии, например, саамов регулярно привлекают к обсуждению и решению текущих проблем (Ф. Дин). В целом в последние годы в указанных странах практикуется заключение государством договоров с охотниками и собирателями. В этих договорах затрагиваются вопросы контроля за ресурсами, прав на землю и ее недра, выплаты компенсаций за утраченные земли, а также особенности использования этих денежных средств. Во всех договорах обязательно присутствует статья о праве (в Канаде — о преемущественном праве) охотников, рыболовов и собирателей на свободное ведение своего традиционного хозяйства. Впрочем, как сожалением отмечает Э. Янг, одни лишь договоры не решают всех проблем. Значительные денежные компенсации нередко растратываются впустую, так как коренные жители избегают в полную силу заниматься коммерцией. Последнее указывает на имеющийся здесь конфликт между экономическими и социальными целями, коммерческими и духовными ценностями, европейскими и местными стилями жизни. Как бы то ни было, Э. Янг призывает прежде всего к корректному составлению договоров: в них необходимо безусловное признание прав коренных обитателей на свободное ведение традиционного хозяйства, они должны содействовать развитию той деятельности, которая совершенствует именно местный образ жизни, а также той предпринимательской активности, которая осуществляется в интересах коренного населения.

Другая проблема, вызывающая обоснованную тревогу у научной общественности, касается процесса образования и в особенности сохранения родных языков охотниками, рыболовами и собирателями. Этой теме был посвящен специальный симпозиум, участники которого подчеркивали, что современные общеобразовательные программы не учитывают специфических потребностей хозяйства и образа жизни охотников и собирателей и нередко способствуют упадку и даже утрате их родных языков. Это, в частности, наблюдается у эскимосов и атапасков Аляски (М. Крайг — Монреаль, Канада; Р. Юци-Митчелл — Беркли, США, П. Кучка — Фэрбенкс, США), у индейцев Британской Колумбии (Дж. Патузелл — Ванкувер, Канада), у австралийских аборигенов (М. Бейн, Б. Сэйерз — Морнингтон, Австралия), а также у коренного населения п-ова Таймыр (Г. Н. Грачева — Ленинград, СССР). Нередко это вызвано недальновидной государственной политикой, в особенности типичной для стран третьего мира, где во имя строительства единой современной нации и реализации общенациональных экономических программ приносятся в жертву культурные интересы этнических меньшинств. Но, как продемонстрировали специалисты из Танзании (Б. Кааре — Дар-эс-Салам) и Намибии (М. Биселе и др. Виндуку) на примере своих стран, такая политика не приводит к успеху и вызывает сопротивление местного населения. Сходная ситуация возникла в последние годы и в нашей стране, что было, в частности, отмечено Г. Н. Грачевой. Поэтому для нас особенно интересны должны быть исследования зарубежных коллег о специфике традиционных систем обучения и о выработке специальных образовательных программ, отвечающих нуждам коренных народов.

В этом плане уникальные исследования были проведены М. Крайгом (Монреаль, Канада) на Аляске и М. Бейн и Б. Сэйерз в Австралии. В обоих случаях были выявлены причины взаимного непонимания между белыми и представителями коренных народов, в том числе в процессе современного школьного обучения. Выяснилось, что для аборигенов Австралии и эскимосов характерен гораздо более конкретный подход к окружающей действительности, чем для белых, и традиционное обучение имеет во многом неформальный характер и направлено на получение не столько теоретических, сколько практических знаний и навыков. Аборигены, например, не воспринимают абстрактных рассуждений, типичных для белых, и расценивают их как особый «тайный» язык. Определенной спецификой отличается и поведение детей и подростков коренных народов в процессе обучения. Родители-эскимосы требуют от них полного послушания и не допускают инициативы, что в глазах белых учителей делает их чрезесчур застенчивыми и необщительными. Ясно, что европейская модель обучения, ориентирующаяся на активную обратную связь между учителем и учеником, в данном случае не является оптимальной. Следовательно, обучение детей из таких этнических групп требует выработки особых образовательных программ и иной организации школьного процесса, чем это принято у белых.

Удачные примеры такого рода школьного обучения уже имеются. Об одном из них речь шла в докладе Л. Лейка (Грэнтэм, США), посвященном новым веяниям в образовательном процессе в Ириан Джайя (Индонезия), где его удалось приспособить к потребностям местного населения, в том числе к бродячему образу жизни, связав грамотность с запросами реальной действительности.

Рассматривая вопрос о современной ситуации с языками охотников и собирателей, П. Макинвелл (Дарвин, Австралия) подчеркнул, что не следовало бы ее упрощать. Детально проанализировав данные из Австралии, он выявил несколько разных моделей эволюции или смены языков в современных условиях. Ему удалось отметить случаи сохранения и даже расширения языка действия ряда аборигенных языков на Северной Территории, где сейчас создан Центр изучению и сохранению аборигенных языков, который занимается, в частности, подготовкойителей из среды самих аборигенов.

Один из симпозиумов прошедшей конференции был посвящен проблемам, которые, к сожалению, еще не привлекли должного внимания наших ученых, — здоровью и пищевым традициям охотников и собирателей в прошлом и настоящем. Здесь рассматривались как проблемы, звущие перед охотниками и собирателями в современных условиях, когда их пищевой рацион менялся за счет привозных продуктов, так и особенности пищи и состояния здоровья у ряда упп в древности. Чрезвычайный интерес представляет доклад Дж. Степа (Анн-Арбор, США). Он выдвинул весьма неожиданную гипотезу о том, что заселение охотниками и собирателями да природных зон (например, густых тропических лесов) или возникновение у них некоторых специализированных хозяйственных систем (например, охоты на бизонов на Великих равнинах США) имело своей предпосылкой обмен пищевыми ресурсами с соседними земледельцами. Такой мен в ряде случаев был жизненно необходим охотникам и собирателям: он обеспечивал их достающими жирами и углеводами, а по расчетам автора, поддержание здоровья в нормальном состоянии требует, чтобы белки составляли не более 50% пищи (для беременных женщин — 20%). Если этот вывод Дж. Степа подтвердится, то необходимо будет признать, что роль пищевого рациона в истории человечества до сих пор весьма недооценивалась.

В целом ряде докладов, посвященных пище и здоровью в древности, демонстрировались возможности методов, основанных на исследовании состава и соотношения микроэлементов и отопов углерода в костных останках древних людей. Эти перспективные методики, применяющиеся на Западе вот уже два десятилетия, к сожалению, еще не привлекли внимания наших специалистов. Не менее интересен и вопрос о патологиях. Изучая соответствующие материалы древних могил алgonкинов и эскимосов, Д. Иеснер (Анкоридж, США), сумел зафиксировать у них следы регулярных головодов. Следовательно, по его заключению, головоды были характерны для «сложных» обществ охотников и собирателей, ведущих, казалось бы, эффективное высокопродуктивное хозяйство. А в условиях ухудшения природной обстановки такие общества, как продемонстрировал А. В. Виноградов (Москва, СССР), могли даже деградировать.

Таким образом, на прошедшей конференции был поднят целый ряд весьма актуальных вопросов, как теоретических, так и практических, были намечены новые подходы и продемонстрированы возможности новых методик в изучении самых разных аспектов образа жизни и культуры охотников и собирателей в прошлом и настоящем. Особенно следует отметить возрастание гуманистической направленности деятельности современных антропологов, открыто становящихся на защиту прав коренных народов. Одним из итогов конференции стали возвзания к правительствам Индии и Ботсваны с предложениями пересмотреть намечаемые там планы насильственного заселения ряда коренных народов с их исконных территорий, а также резолюция, утверждающая законность прав коренных народов на разработку ресурсов на своих территориях.

На следующей конференции, место проведения которой еще предстоит уточнить, предполагается обсудить проблемы, связанные с духовной жизнью охотников и собирателей, формами х символических действий, влиянием феминистских концепций на их изучение, характером последствиями языковых контактов, агрессивным поведением и миротворчеством и т. д.

В заключение остается добавить, что Университет Фэрбенкса проявил необычное гостеприимство и доброжелательность по отношению ко всем участникам конференции, но особенно к советской делегации. И мы, советские ученые, можем выразить только самую искреннюю признательность ак сотрудникам Университета, так и всем тем гражданам Фэрбенкса, кто постоянно оказывал нам посильную помощь, в которой мы весьма нуждались.

В. А. Шнирельман

Примечания

¹ Contribution to Anthropology: Band Societies. Proceedings of the Conference on Band Organization. Ottawa, August 30 — September 2, 1965 / Ed. Dames D. // National Museum of Canada. Ottawa, 1969. Bulletin № 228.

² Man the Hunter / Eds. R. B. Lee, I. De Vore. Chicago, 1968.

³ Politics and History in Band Societies / Eds. E. Leacock, R. B. Lee. Cambridge; New York, 1982.

⁴ Past and Present in Hunter-Gatherer Studies / Ed. C. Schrire. Orlando, 1984.

⁵ Hunters and Gatherers / Eds. T. Ingold et al. Vol. 1. History, Evolution and Social Changes in Hunting and Gathering Societies; Vol. 2. Property, Power and Ideology. N. Y., 1988.

⁶ Emergent Inequalities in Aboriginal Australia / Ed. J. C. Altman / Oceanic Monograph. 38. Sydney, 1989; Hunter-Gatherer Demography: Past and Present / Eds. B. Meehan, N. G. White // Oceanic Monograph. 39. Sydney, 1990.

⁷ Sahlin M. Notes on the Original Affluent Society // Man the Hunter. N. Y. P. 85—89; idem. Stone Age Economics. N. Y., 1972. P. 1—40.

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА»

16—18 мая 1989 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась Всесоюзная конференция на тему «Нации и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX века». При подготовке конференции организаторы исходили из того, что проблемы истории межнациональных отношений в исследуемом регионе еще недостаточно изучены в историографии, и вместе с тем многие методологические и конкретно-исторические вопросы, связанные с этнической, социально-политической историей и историей культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы, приобрели в наши дни особую актуальность. На конференции рассматривался широкий круг проблем.

1. Проблема социально-экономического развития и становления наций.
1. Национальные отношения в рамках многонациональных государств.
2. Проблемы национального развития «разделенных» народов.
- II. Национальное самосознание и его место в системе общественного сознания.
1. Национальные идеологии.
2. Панславизм, австрославизм, неославизм.
3. Национализм как явление идеологии, социальной психологии, массового сознания.
4. Идеино-политическая борьба по вопросам национальной политики и национально-государственного устройства во второй половине XIX — начале XX в. Национальный вопрос в программах политических групп, партий, движений.

III. Национальный вопрос как фактор международных отношений.

IV. Взаимодействие политических сил различных народов: общественных движений, политических партий, организаций и групп революционного, демократического, либерального и консервативного направлений.

С докладами выступили 37 участников. Отличительной особенностью конференции было широкое участие в ней ученых не только из Москвы и Ленинграда, но и из других научных центров нашей страны: из Белоруссии, Латвии, Литвы, Молдавии, Украины, Марийской АССР, что предоставило возможность участникам ознакомиться с работами самых различных исследователей, составить представление о развитии научных исследований по данной проблеме в нашей стране.

По всем докладам велась оживленная дискуссия. Участники конференций детально обсуждали предпосылки и условия возникновения конфликтных ситуаций, обусловленных, в частности, факторами межнациональной напряженности, тенденций развития межнациональных отношений, их многостороннее влияние на развитие стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху, сыгравшую исключительно важную роль в процессе становления наций и национального самосознания. Большое внимание было уделено методологическим проблемам, вопросам федерализма, территориальной и культурно-национальной автономии.

В докладах А. С. Мыльникова (Ленинград) и В. И. Фрейдзона (Москва) была продолжена начавшаяся еще в 60-е гг. XX в. дискуссия по методологическим вопросам изучения «национального возрождения» и истории становления национальных культур. Рассматривая нацию как диалектическое единство этнического и социального, В. И. Фрейдзон подчеркнул, что без сложившейся социальной структуры, объединяющей этнос, нельзя говорить о формировании нации. «Национальное возрождение» как явление ограничено по преимуществу областью истории культуры, хотя завершение эпохи «национального возрождения» и совпадает приблизительно со сменившей формацией и формированием нации. Обращаясь к вопросу о месте «национального возрождения» в процессе развития культуры, А. С. Мыльников отметил неравномерность развития этого процесса у различных славянских народов. Если у некоторых народов региона Центральной и Юго-Восточной Европы, например в Чехии и Польше, становление элементов национальных культур началось еще в эпоху феодализма, в XV—XVII вв., и протекало на основе завершенной (полной) сословной структуры феодального общества, то у других народов, например, словаков и ряда славянских народов Балканского полуострова, оно осуществлялось в условиях неполной сословной структуры, когда господствующие сословия были иной этнической принадлежности. Докладчик указал, что социальные условия формирования национальной культуры у рассматриваемых народов обусловили особенности развития во времени этого процесса, принявшего в XIX в. форму «национального возрождения». Таким образом, в нем хронологически можно выделить три этапа: начальный, который характеризуется формированием элементов национальной культуры в рамках феодального общества XV—XVIII вв. (у чехов до начала XVII в.); второй, охватывающий период национального возрождения до конца 70-х годов XIX в. (в разных случаях до 50-х годов); и третий — конец XIX — начало XX в., в основном завершающий процесс образования наций. Оба докладчика высказались против отождествления понятий «национальное возрождение» и «ренессанс».

Большое внимание в ходе работы конференции было уделено проблемам этнической истории отдельных регионов, в первую очередь национальной и этнической проблематике истории Австро-Венгрии (Венгрии, Словакии, Галиции), Польши, Украины, Литвы, Латвии, входивших в состав Российской империи, а также истории народов Западного Причерноморья и Балканского полуострова. Заметное место в работе конференции заняли доклады, посвященные истории эмиграции в Северную Америку славянского населения из Центральной Европы, а также отношению общественного мнения и правительства США к национально-политическим проблемам народов Центральной Европы в годы первой мировой войны.

В ходе дискуссии, развернувшейся по названной тематике, Т. М. Исламов (Москва) отметил, что научный интерес к национальным проблемам Австро-Венгрии не ограничивается рамками академической науки. В научной литературе и публицистике нередко высказывается мысль, что монархия Габсбургов могла бы представлять собой возможную модель дальнейшей полизэтнической интеграции Западной Европы. Поэтому закономерным представляется интерес к практике национальных отношений в Австро-Венгрии. Этому вопросу, в частности, были посвящены доклады Н. П. Киселевой (Йошкар-Ола) и А. Г. Айрапетова (Воронеж), исследовавших позицию политических партий Венгрии в национальном вопросе в начале XX в. Общим тезисом для всех политических партий, от консерваторов до социал-демократов, подчеркивали докладчики, был лозунг единой и неделимой Венгрии. Отказ в представлении национальных прав этническим меньшинствам Венгрии объективно способствовал нарастанию межнациональных конфликтов. Особое место в этнической структуре Венгрии занимали словаки. Вопросам словацкого «национального возрождения» был посвящен доклад П. П. Галды (Ужгород). В отличие от хорватов, обладавших собственным дворянством и органами местного управления, словаки, как и другие невенгерские народы, считались частью «единой венгерской политической нации» и подвергались национальной мадьяризации. Однако в 90-х годах XIX в. провал официальной политики ассимиляции в отношении словаков, как и других национальных меньшинств Венгрии, стал очевиден. В докладе были отмечены особенности словацкого национального возрождения, которое, с одной стороны, развивалось в условиях осознания исключительной важности идеи славянской общности и солидарности, а с другой стороны, по словам докладчика, носило «языковой» характер, что объясняется отсутствием единого национального городского центра, географической раздробленностью этнической территории, экономической, административно-политической и культурной изолированностью отдельных групп словацкого населения. В этих условиях словацкий литературный язык стал важным идеологическим средством национальной консолидации.

Проблемы истории формирования национального самосознания у восточных славян, в основном украинцев, монархии Габсбургов во второй половине XIX — начале XX в. были рассмотрены в докладе И. М. Теодоровича (Черновцы), который выделил два этапа процесса: с конца XVIII в. до 1848 г. и с середины XIX до начала XX в. По мнению докладчика, в Восточной Галиции национальное возрождение возникло раньше, чем в Закарпатье и в Северной Буковине. По словам докладчика, национальное возрождение у восточных славян, находившихся под властью Венгрии, дальше национально-культурного движения не продвинулось. Находясь в этническом и языковом заславянском окружении под властью монархии Габсбургов, население Буковины и Закарпатья не могло в полной мере включиться в процесс национального возрождения.

Вопрос о сложности и противоречивости этнической ситуации в Галиции во второй половине XIX — начале XX в. был поднят в докладе Б. Н. Савченко (Москва). В частности, он остановился на вопросе об этнической принадлежности галицких мазур и русинского населения Галиции. На рубеже XIX и XX вв. русины и мазуры традиционно видели в единении с Россией путь к решению социальных и национальных проблем, что противопоставляло их политическим течениям пропольской и прогабсбургской ориентации, стремившихся придать украинофильству антироссийскую направленность, используя, в частности, противоречия в вопросах вероисповедания.

Сложность этнической истории русинского населения может быть прослежена на примере истории русинов Бачки и Срема, проблеме формирования национального самосознания которых был посвящен доклад И. Г. Буркута (Черновцы). В XIX — начале XX в. в условиях воздействия политики мадьяризации особое значение для бочванско-сремских русинов приобрел вопрос о родном языке. В тот же период обострялся вопрос об этническом имени русинов, в дискуссиях о нем заметно влияние «московофильского» и «украинофильского» течений в среде интеллигенции. Национальное своеобразие русинского населения Бачки и Срема, сохранившееся в составе монархии Габсбургов, а позже и Югославского государства, обусловлено рядом факторов: преобладанием крестьянского населения, хранителя народных традиций; наличием церкви со службой на русинском диалекте; существованием собственной школы и связей с культурными центрами Галиции.

Проблемы этнического развития и межнациональных отношений в Белоруссии и Прибалтике были подняты в докладе В. Беряниса (Вильнюс), А. Вишняускаса (Вильнюс), П. В. Терешко-вица (Минск), К. Я. Почса (Рига).

Восстание 1863 г. стало важным рубежом не только в политическом развитии народов Польши, Белоруссии и Литвы, но и в становлении ряда наций. Анализируя роль шляхетства Литвы в этом процессе, Я. Берянис указывает на то, что интеллигенция Литвы, хотя и сформированная в преобладающей части из шляхетства, в силу своего социального положения сочувствовала нуждам и чаяниям крестьянства. В меньшей степени связанная сословными интересами интеллигенция Литвы выступила с идеей равноправия народностей и языков в рамках федеративного государства, что вызвало неодобрение среди как дворянства края, так и польских революционеров.

Вопросу о взаимоотношениях польского, литовского и белорусского населения, о взаимном

влияния этносов и культур был посвящен доклад П. В. Терешковича. Докладчик отметил неполную социальную структуру, «дээтнизацию», т. е. полонизацию еще в середине XVII в. господствующего класса. Главным компонентом формирующейся нации стало крестьянство. Были рассмотрены причины, в результате которых у словаков и белорусов не сложился единый общенациональный центр. Сходными у двух народов были замедленные темпы процесса национальной консолидации, сильная подверженность стихийной и насилиственной ассимиляции в конце XIX — начале XX в. П. В. Терешкович выступил с дискуссионным тезисом о том, что поразительная схожесть исторических судеб словаков и белорусов связана, возможно, не только с почти одинаковыми социально-политическими условиями национальной консолидации, но свою роль могла сыграть и более глубокая общность (докладчик не исключает даже ее «генетического» характера), проявляющаяся в общении параллелей в языке и традиционной культуре двух народов.

Аналогичные процессы формирования наций неполной социальной структуры протекали в Латгалии. Этой теме был посвящен доклад К. Я. Почса. Он отметил, что национальные отношения в Латгалии изучены недостаточно. Главная особенность формирования этнических общностей состояла в том, что правящий слой, включая духовенство, составляли поляки. Ситуация изменилась, отметил докладчик, после образования Латвийской республики. Правительство стремилось проводить политику, направленную на обеспечение господствующего положения латышей, хотя национальные меньшинства (русские, немцы, евреи, поляки) получили права организовать свои школы, различные культурные учреждения. Особенность процесса становления национальных структур в Латгалии, по мнению докладчика, был быстрый переход от положения национального меньшинства Витебской губернии, оторванного от территории этнического ядра латышской нации, к положению господствующего национального большинства.

Рассмотренные вопросы, разумеется, не охватывают всего круга проблем, обсуждавшихся на конференции. Они отражают преимущественно доклады, посвященные этнической истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы. В ходе обсуждения докладов участники конференции единодушно поддержали идею о необходимости дальнейшего углубленного изучения этнической истории данного региона в рассматриваемый период. Была отмечена необходимость расширения региональных рамок исследований, в частности этнического и социально-политического взаимодействия народов монархии Габсбургов, германских земель восточнее Эльбы, а также Украины, Белоруссии и Прибалтики. Выступавшие также отмечали, что национальные противоречия наиболее ярко проявились в государственной политике в области просвещения, культуры и вероисповедания. Особое значение, отмечалось на конференции, приобрел вопрос о соотношении объективных научных критерии оценки этнической принадлежности тех или иных групп населения и субъективной точки зрения (например, во второй половине XIX — начале XX в. много споров развернулось по поводу этнической характеристики галицийских мазур и русинского населения Галиции).

На конференции было также высказано общее мнение о том, что важнейшим направлением конкретно-исторических исследований должно быть изучение этнической, социально-политической истории народов рассматриваемого региона, а также истории культуры национальных меньшинств.

В 1990 г. Институт славяноведения и балканистики АН СССР предполагает опубликовать сборник статей по материалам конференции.

Б. В. Носов

© 1990 г.

«ЭТНИЧНОСТЬ, НАРОД И КАСТА» (ИНДИЙСКО-СОВЕТСКИЙ СЕМИНАР)

Семинар был проведен в Калькутте (Западная Бенгалия, Индия) с 23 по 27 февраля 1990 г. С советской стороны в семинаре участвовало 9 человек: 6 — из Института этнографии АН СССР (московское и ленинградское отделения — далее ИЭ), 3 — из Института востоковедения АН СССР (далее — ИВАН). Два доклада были представлены в отсутствие их авторов. С индийской стороны — 25 человек, представлявших различные исследовательские организации и университетские центры; 14 выступили с докладами, 2 доклада были представлены без выступлений.

Семинар был проведен в соответствии с программой Советско-индийской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук, был организован Антропологической службой Индии АСИ (Anthropological Survey of India) и, по-видимому, явился первым значительным контактом советских этнографов с этой организацией.

Небольшая справка. АСИ — государственная организация, подчиненная Департаменту культуры Министерства по развитию человеческих ресурсов, занимается проведением исследований в области физической и социальной антропологии (главным образом народов Индии). АСИ была создана в 1945 г. Она наследует некоторые организационные структуры, традиции и приемы работы

британских антропологов. АСИ и индийская антропологическая наука в целом развивались и продолжают развиваться в русле западной (главным образом британской) социальной антропологии как методологически и концептуально, так и с точки зрения методик и направлений работы.

Статус и предназначение АСИ обусловливают значительный вес в ее деятельности прикладных исследований, разработки методик решения практических задач, описания, инвентаризации и текущего контроля за развитием этнических, конфессиональных, кастовых и племенных групп, составление банков данных, а также работ в области политической антропологии (изучения межобщинных конфликтов, этнических и племенных движений и т. п.).

Программа семинара «Этничность, народ и каста» допускала обсуждение весьма разнообразной этнографической и ориенталистской проблематики, и действительно, представленные доклады охватывали довольно широкий тематический спектр. Они, достаточно условно, составляют три блока (деление не совсем совпадает с официальным), а также несколько тематически обособленных докладов.

Руководитель индийской делегации, генеральный директор АСИ К. Суреш Сингх, рассказал о результатах работы АСИ с момента ее создания, а также о ее перспективных планах. За время своего существования АСИ выдвинула более 700 исследовательских программ, проектов этнографического, биогенетического, морфологического, культурологического изучения различных групп населения — от крупных этносов до линий, включая племенные группы, касты, этнокультурные и конфессиональные группы, хариджан и т. д. В настоящее время индийскими антропологами выявлено и описано 4396 групп из всех регионов страны, большая часть собранных данных систематизирована и заложена в компьютер. В ближайшие 5 лет АСИ планирует выпустить серию из 40 томов, посвященную народам Индии, а общей задачей АСИ до конца столетия остается сбор и систематизация информации обо всех группах индийского населения, составление его полного описания.

Вопросы биологии человека были подняты в докладах индийских антропологов В. Бхаллы (Отделение антропологии Пенджабского ун-та) и К. Ч. Мальхотры (Ин-т статистических исследований, Калькутта). В. Бхалла, используя данные биохимической и антропометрической статистики, сделал общий обзор полизначного индийского общества, дал общую этническую и генетическую характеристику двум, по его мнению, основным категориям населения — кастовому обществу и племенам.

К. Ч. Мальхотра показал общее пространственное распределение основных физических типов народов Индии и некоторые аспекты взаимосвязи социальных категорий и физических типов, т. е. физических характеристик варн, племен, конфессиональных групп. Докладчик продемонстрировал на ряде примеров, что касты одной варны, как правило, ближе в биогенетическом отношении к представителям каст других варн, но проживающих на той же территории, чем к территориально удаленным группам, представляющим касты «своей» варны. Варна, по мнению К. Ч. Мальхотры, является социальной, а не биологической категорией.

Вторая группа докладов (представленных почти исключительно советскими участниками) затрагивала собственно этнографическую, в том числе этнокультурную и этносоциальную, проблематику. Выступление руководителя советской делегации И. М. Семашко (ИЭ, Москва) было посвящено анализу изменений современной семьи у народов Индии и СССР (в выступлении рассмотрена главным образом семья у народов СССР): в структуре, составе, особенностях межличностных отношений, доминирующих формах. Доклад С. И. Дмитриевой (ИЭ, Москва) был посвящен некоторым аспектам этногенеза и этнической истории народов европейского Севера, связанных с миграцией русских в этот регион. Сравнительный анализ элементов народного искусства позволяет поставить ряд проблем установления этнокультурных связей русских с другими народами Евразии. В. А. Линская (ИЭ, Москва) проанализировала основные этнокультурные процессы в среде восточнославянского сельского населения Юго-Западной Сибири, мигрировавшего туда из европейской части страны с начала XVI в., взаимовлияние различных этнических групп в составе мигрантов, основные направления и сферы проявления интеграционных и ассимиляционных процессов.

В докладе А. Н. Жилиной (ИЭ, Москва) были освещены история формирования, главные особенности и направления этнокультурного развития локальных групп узбеков Южного Казахстана, процессы социокультурной интеграции казахского и узбекского населения.

В отсутствие М. Кудрявцева (ИЭ, Ленинград) был зачитан его доклад о влиянии кружущего социума (кастового общества) на этническую общность джатов, переселившихся в районы Харьяны, Пенджаб и Даоба в XI в. и ставших после этого особой кастой, сохранившей ядро этнокультурных особенностей, в том числе унаследованных от докастового прошлого. Особое внимание в докладе было уделено социальной организации джатов, роли эндогамных кланов, более значимой у джатов, чем у других каст. Последнее обстоятельство рассматривается как специфический результат интеграции этнической общности в кастовую систему при сохранении и приспособлении к последней традиционной социальной структуры.

Третий, основной блок выступлений охватывал широкий круг этнополитической и этносоциальной проблематики — развитие полизначного социума, интеграция и статус меньшинств, каст и племен, политические движения на этнической, кастовой и племенной основе, их отношения со структурами власти.

Серия докладов затрагивала вопросы интеграции (социально-экономической и культурной) племенных групп в современное (или модернизирующееся общество. С. А. Маретина (ИЭ, Ленинград) рассказала о развитии горных племен Индии при изменяющемся природном и социальном окружении. Аналогичные вопросы: о так называемых списочных племенах, их социальной струк-

ture, семейственно-родственных отношениях и трансформации всех условий жизни — рассмотрены в докладах Р. С. Манна (АСИ, Дехрадун, Уттар-Прадеш) и Р. К. Бхаттачарья (АСИ, Калькутта). В первом случае речь шла о племенах Северо-Западной Индии (бхилах, мина, гарасия и ладаках), во втором — о горном племени бодх (северо-запад штата Химачал-Прадеш). И в выступлениях, и в сопровождавших их дискуссиях были показаны противоречия между концепциями и реальными процессами интеграции. Племенные общности современной Индии переживают период вхождения в кастовое окружение, следовательно, ломки традиционных связей и структур, размывания традиционной культуры и группового самосознания. Адаптация к новой среде означает маргинализацию, снижение социального статуса, возникновение различных форм эксплуатации малых племенных групп со стороны более многочисленных и «развитых» сообществ. С. А. Мареттина показала, что резкий «скачок», быстрое изменение в качественном состоянии приводят к стремительному развитию процессов деструкции и деградации — культурной, социальной, социопсихологической и физической — и к исчезновению малых этнических групп, их растворению в более крупных сообществах, с которыми они контактируют. Проведение политики «интеграции» без предварительного резкого повышения уровня социально-экономического развития племен неизбежно имеет негативные последствия. Вместе с тем, по мнению Р. Бхаттачарья, вне зависимости от «стартового» уровня развития племенам при соприкосновении с более крупными общностями готовы распад традиционной системы отношений, получение низкого социального статуса в новой среде, следовательно, социокультурная деградация и последующая ассимиляция, т. е. в итоге исчезновение племенных общинностей представляется неизбежным.

Г. М. Григорьева (ИВАН, Москва) проанализировала государственную политику в отношении малых народов и этнических групп. На примерах чукчей и некоторых индийских лесных племен было проведено сопоставление деятельности в этой области индийских и советских властей (выводы не в пользу последних). Во всех случаях стремление администрации вмешаться в естественные процессы, искусственно (в том числе насилиственно) изменить традиционный уклад жизни, нарушив тем самым экологическое и социальное равновесие, приводит к негативным для всех участников происходящего последствиям. Индийское государство в отличие от советского оказывается способным проводить более гибкую политику, в случае необходимости радикально менять курс, избегать принудительной ломки старого. Доклад содержит убедительный призыв к изучению, сбору и использованию ценного опыта гибкого косвенного регулирования межэтнических отношений, в том числе опыта царской России и индийского государства (до и после получения независимости).

Выступление А. Г. Осицова (ИЭ, Москва) было посвящено анализу общинных структур у месхетинских турок, насилиственно высланных в 1944 г. из Южной Грузии в различные районы Средней Азии и Казахстана. Депортация означала разрушение традиционных коммуналистских структур (семейно-родственные отношения, отношения землепользования), тем не менее ряд общинных институтов и связей был восстановлен позднее в новом качестве. Была также кратко рассмотрена роль общинных институтов как средства и механизма предохранения этнокультурной самобытности группы, обладающих, однако, особой уязвимостью.

Наиболее весомую и интересную часть вынесенного на обсуждение составили доклады по собственно этнополитической проблематике. Преимущественный интерес к этому индийским коллегам объясним, как и то, что анализ индийского конкретного материала вынуждает антропологов постоянно обращаться к общеконцептуальным и общеметодологическим проблемам, прежде всего к теоретическому осмысливанию категории «этничности» и связанному с этим кругу вопросов. Обзор этой серии докладов хотелось бы начать с краткого изложения впечатлений от обсуждения их на семинаре и от бесед с его участниками в «кулуарах».

Индия — полиглотное общество, конгломерат сотен этнических единиц, конфессиональных, племенных и кастовых групп (общее число эндогамных групп превышает 40 тыс.) с весьма неоднозначным историческим наследием в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. В таких традиционных обществах, представляющих собой своеобразную иерархию общин, регулируемых главным образом коммуналистскими традициями и структурами, всегда есть возможность возникновения межобщинных конфликтов; процессы же социальной и экономической модернизации, политическая либерализация при традиционном неравенстве юридических и социальных статусов групп, при неравномерности их развития создают острую межгрупповую конкуренцию и сильные дезинтеграционные тенденции. Ситуация противоречива: коммунализм консервирует отсталость и постоянно порождает конфликты, переход же к обществу на основе горизонтальных связей усиливает напряженность в межгрупповых отношениях, увеличивает значение вопроса о доминировании тех или иных групп в экономической и политической жизни, что в свою очередь дестабилизирует процесс модернизации и во многих отношениях ставит его под угрозу. Выработка и совершенствование динамической модели административного и общественного устройства (общенационального и регионального), способной перманентно адаптироваться к меняющейся ситуации и управлять ею, представляется одной из основных задач для антропологов не только АСИ, но и других учреждений. Под этим углом зрения преимущественно и рассматривалась вышеупомянутая проблематика. По-видимому, излишне упоминание о том, что можно обнаружить многое сходного в положении современного СССР и Индии и что опыт Индии может быть весьма полезен и поучителен для тех, кто занимается этнополитической проблематикой в СССР.

Можно отметить также, что, несмотря на ситуацию тлеющей гражданской войны в ряде регионов страны, индийские специалисты в целом с оптимизмом оценивают перспективы и возможности динамической интеграционной модели, исходя из наличия больших возможностей регулирования и саморегулирования межобщинных отношений. Регуляция может осуществляться как «по горизон-

али» (ее факторы — общенациональный рынок; наличие общенациональной буржуазии, рабочего класса, средних слоев, объективно заинтересованных в сохранении индийского национального единства; общенациональные политические институты; парламентаризм; федерализм), так и «по вертиали» (сильное государство и сильные федеральные власти, государственное регулирование экономики и перераспределение ресурсов). Государство может манипулировать различными общностями, воздействуя на их социальный и политический статус, стимулируя или «замораживая» официально-экономическое развитие, и тем самым влиять на межобщинные отношения, предотвращать или смягчать конфликтные ситуации.

Ряд докладов был посвящен обзору положения, статуса, группового самосознания, особенностям участия в политической жизни тех или иных общин (до и после получения независимости). В докладе М. К. А. Сиддикви (АСИ, Калькутта) были даны характеристики мусульманской общине Индии: этнического состава, языковой ситуации, социальной организации. Подробно были рассмотрены вопросы самосознания мусульман Индии, проблемы взаимоотношений с другими общинами, некоторые аспекты генезиса межконфессиональных конфликтов.

Доклад В. Сударсена (отделение антропологии Ун-та Мадраса) затрагивал аналогичную тематику на примере дравидийских народов, при этом особое внимание было уделено вопросам самосознания и основ политических движений. В выступлении А. С. Бхагабати (отделение антропологии Ун-та Гаухати, Ассам) «Перспективы движений за этнокультурную идентичность в Северо-Восточной Индии» речь шла, в частности, о взаимосвязи изменений в групповом самосознании ряда племен со складыванием политических организаций, отстаивающих статус общности. На этом примере докладчик показал, что формирование новых крупных этнических общинств, крепление их самосознания, их борьба за утверждение в экономической и политической сферах за статус по отношению к системе административного управления становятся важной составной частью общественной и политической жизни Индии. Аналогичные проблемы (с выходом на анализ категорий «этничность», см. ниже) рассмотрены в докладе Д. Чакрабарти (Ун-т Северной Бенгалии), освещенном движении гурхков.

В нескольких выступлениях рассмотрена роль каст в политической жизни. Е. С. Юрлова и ИВАН, Москва) проследила историю политических организаций «неприкасаемых», рассмотрела их роль в предвыборной борьбе. В докладе М. Ю. Ломовой-Оппоковой (ИВАН, Москва) социокультурных и политических аспектах функционирования касты и фракции (локальной хозяйственной и потестарной общинной структуры, включающей группы, представляющие различные асты) в сельской местности была проанализирована роль касты в политической борьбе, дано определение «фракции и союза фракций», описаны их структуры.

Хетукар Джах (отделение социологии Ун-т Патны, Бихар) проследил влияние участия каст в политической борьбе (в частности, использования каст для мобилизации голосов на выборах) и межкастовые отношения, в том числе на генезис межкастовых конфликтов. В докладе (представленном без выступления) Д. Бхаттакаря (Ин-т социально-экономических исследований, Калькутта) было проведено общее сравнение этнической ситуации и принципов государственного строительства в Индии и СССР. Особо показана роль кастовой системы как эффективного интеграционного механизма.

В нескольких докладах рассмотрены общетеоретические и общеметодологические вопросы: содержание ряда категорий, прежде всего понятия «этничность», взаимосвязь этничности и политических процессов, этничность и различные виды группового самосознания, этничность, этнические общности и субъект государственности (автономии). Как правило, каждый доклад этой серии состоит из двух частей: общетеоретической и фактологической.

Этническое самосознание, групповая этническая принадлежность, этничность становятся детерминантами политической деятельности, средствами мобилизации политической и социальной активности. Примеры этого рода содержатся во всех докладах индийских участников. Для интерпретации, теоретического осмысливания понятия «этничность» и связанных с ним феноменов индийские специалисты в первую очередь обращаются к работам современных западных антропологов, — то труды и концепции основных направлений и школ в Европе и США, разрабатывавших проблемы этничности в 60—80-е годы, в том числе М. Смита, Д. Белла, М. Бэнтона, Ф. Барта, Н. Глэйзера.

Д. Мойнихэна. Однако предложенные ими подходы и определения не дают ответа на ряд ключевых вопросов. Очевидно, что во всех случаях предметом исследования является форма групповой в том числе статусной) (самоидентификации на основе различных критерии, главным образом языково-культурных (в этом смысле индийские ученые говорят, например, об этничности касты), очевидно, что характеристика этничности требует учета многих факторов различной природы, что категорию «этничность» следует относить не только к меньшинствам, отличающимся от основного языка по тем или иным культурным параметрам, но и к большим сообществам. Без ответа остаются вопросы о сущности и характере собственно этнических связей, об отличии этнического самосознания от других видов групповой самоидентификации.

Подробный обзор концепций и определений, предложенных западными антропологами, привел в своем докладе (привлекшем, пожалуй, наибольшее внимание советских участников) Б. П. Мирша (Центр гималайских исследований, Ун-т Северной Бенгалии). Доклад так и называется — «Этнические и политические процессы». Западные определения критикуются им, как и рядом других участников, и по некоторым иным, кроме перечисленных, причинам: они представляются достаточно абстрактными (или, наоборот, описательными), область их применения неопределенна, к тому же они отражают статическую ситуацию, фиксируя атрибутику, но не затрагивая процесс.

Несмотря на то что ученые СССР многое сделали в области теории этноса, идя своим в отличие от западных антропологов путем, категория «этничность» до последнего времени остается на пери-

ферии интересов наших специалистов. Б. П. Мишра подверг критике ряд аспектов концепций, имеющих хождение в СССР: недостаточную четкость понятийного аппарата, неразделенность собственно социальных и этнических категорий (к слову, и рядом других участников критиковалась пресловутая триада — типологическая схема «племя — народность — нация», вопросы ставились в отношении концепций ЭСО). Вместе с тем Б. П. Мишра выразил уверенность, что ведущие концепции советской этнографической школы, по-видимому, представляют собой весьма перспективную базу для дальнейшей разработки тематики, связанной с «этничностью».

Доклад Б. П. Мишры, как и другие выступления этой группы, показателен в том смысле, что индийские специалисты в настоящее время избегают выдвигать собственные концепции, предпочитая фиксировать и критически анализировать достигнутое мировой наукой в этой области и ставить новые вопросы. Возможно, период осмыслиения и выжидания подходит к концу и индийские антропологи вскоре перейдут от систематизации эмпирических данных к разработке собственной теории.

Многие из упомянутых вопросов были рассмотрены в различных аспектах в докладе Баруна Дэ и Суранджана Даса (отделение истории Ун-та Каилькутты) «Проблема этнического возрождения в Индийском Союзе», а также С. К. Чубэ (отделение политических наук Ун-та Дели) «Этническая композиция Индии: историческая перспектива». Первый доклад содержит обобщающий анализ движений на этнической основе, их природы и перспектив, а также других явлений этого ряда, ныне воспринимаемых как факторы дезинтеграции. Показан ряд противоречий интеграционной модели полигэтнического сообщества, в частности роли государства. Стимулирование им развития тех или иных общностей, своеобразный «этнический протекционизм», регулирование межэтнических отношений подобными средствами зачастую не снимают, а углубляют межгрупповые противоречия, поскольку более острый характер приобретает межобщинная конкуренция, борьба общин за статус по отношению к структурам власти.

В докладе С. К. Чубэ наряду с другими вопросами рассмотрено соотношение этнического самосознания с другими видами группового самосознания — классового, племенного, конфессионального.

В своем докладе «Этничность, национальность и национализм» С. Гопал (отделение истории Ун-та Патны, Бихар) попытался рассмотреть на примере Индии различные виды группового самосознания и групповой самоидентификации. Из контекста доклада следует, что С. Гопал (по-видимому, как и большинство специалистов) подразумевает под «этничностью» групповую самоидентификацию по критерию языково-культурной принадлежности, «национальность» означает принадлежность к стабильному социальному организму, в индийском контексте совпадающему с основными языковыми ареалами и историческими провинциями и сопряженными с крупнейшими этносами (таким образом, «национальность» может быть этнически гетерогенной). Общеиндийский национализм понимается как отраженная в массовом сознании и идеологии идея общности всех составляющих индийского гражданского сообщества, сформировавшегося в процессе противостояния британскому колониальному режиму; индийская нация — как политico-идеологическая общность

Общим проблемам развития и формирования этносов в кастовом обществе был посвящен доклад директора Центра индийских исследований (ИВАН, Москва) А. А. Кученкова (зачитан в отсутствие автора). А. А. Кученков рассматривает индийские этносы как общности, характеризующиеся структурной дробностью, культурным и статусным плюрализмом. Автор поставил вопрос не является ли этот тип этноса временным, переходным состоянием на пути к этносу гомогенного типа? По мнению А. А. Кученкова, на пути консолидационных процессов сохраняется главный ограничитель — кастовая эндогамия. По-видимому, в обозримом будущем основным направлением этнических процессов будет не гомогенизация, не слияние различных кастовых групп, а интеграция каст в современную систему экономических, социальных и политических отношений. Ряд положений доклада вызвал острую дискуссию, в частности рассмотрение касты как субэтнической общности

Выступление С. Бандиопадхи (Центр изучения Южной и Юго-Восточной Азии, Ун-т Каилькутты) было посвящено разработке антропологами в колониальной Индии категорий «каста», «этнос», «племя». В докладе проведен анализ различных источников колониального периода: статистических обзоров, словарей, переписей, отчетов властей. Докладчик попытался проследить за процессом разработки в этих документах социологических понятий и категорий.

Семинар показал значительный интерес советских и индийских специалистов к работам друг друга, то, насколько полезным и взаимодополняющим может быть совместная разработка и совместное обсуждение проблематики, представляющей взаимный интерес. Семинар выявил сферы взаимного интереса: этничность и теория этноса, этнополитическая проблематика, этническое и другие виды общественного сознания, этносоциальная проблематика, социальная стратификация и взаимная интеграция этнических групп. Общая заинтересованность политическими проблемами (особенно в Советском Союзе) во многом объясняется ситуацией в сфере межэтнических отношений в Индии и в СССР. Следующий Советско-индийский семинар, состоявшийся в Ленинграде в сентябре 1990 г., назван принимающей стороной «Этносоциальная ситуация: СССР — Индия».

Желающие ознакомиться с материалами семинара могут сделать это в Центре индийских исследований ИВАН СССР (Москва, Рождественка, 12) и библиотеке ИЭ АН СССР.

А. Г. Осипов

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Начиная с 1987 года музыкально-педагогический факультет Нежинского госпединститута им. Н. В. Гоголя проводит фольклорные экспедиции в районы Черниговской области, лежащие в бассейне р. Десна (Черниговское Подесенье). В мае — июле 1987 года две группы студентов под руководством преподавателей Е. Э. Чекан и Ю. И. Чекана обследовали ряд сел Борзнянского (Ядуты, Сандаревка, Кирово) и Менского (Остаповка, Борковка) районов. В 1988 и 1989 годах (июнь — август) практиковались однодневные выезды студентов и преподавателей небольшими группами (4—4 чл.) в села Нежинского района (Колесники, Кукишин, Талалаевка, Хвылевка и др.), а также соседних районов (Берестовец Борзнянского района, Вересочь Куликовского района, Красные Партизаны Носовского района).

На магнитофонную пленку были записаны народные песни различных жанров: календарно-обрядовые (колядки и щедровки — 28, весенние — 18, летние, трудовые — 11, купальские и петровские — 6), семейно-обрядовые (около 200 свадебных песен, среди них — корильные, величальные, сиротские); бытовые лирические (более 200). На пленку же фиксировались былички о нечистой силе (русалках, ведьмах, полисунах), описания обрядов, некогда бытовавших в селе. Особо фиксировались высказывания информантов, характеризующие стиль исполнения, оценивающие свое чужое пение: сольное и ансамблевое исполнение. Проводилось фотографирование предметов народного быта, одежды, жилища и обстановки.

Специально сориентированные вопросы касались прежде всего календарных обрядов. Целью было извлечь архаические образцы из памяти исполнителей, установить время активного функционирования, по возможности реконструировать либо определить степень сохранности календарных обрядов, дошедших до нашего времени.

Культура обследованных районов Подесенья сохранила ряд архаических элементов, несмотря на многие факторы, способствовавшие их исчезновению (голод 1933 и 1947 гг., немецкая оккупация, ставший отток молодежи из села в город в послевоенное время). Фольклорно-этнографические юрники начала XX века дают богатый материал о бытении календарных обрядов в этих районах еще 100 лет назад. При сравнении же их с сегодняшними данными приходится констатировать, что сведения о календарных обрядах довольно фрагментарны. Рождественское колядование новогоднее щедрование распространены почти повсеместно как забава сельских детей и молодежи, кроме того, как излюбленный материал для показа на фольклорных конкурсах и смотрах. Масленичное же «чіпляння колобдки» встречается редко (Борзнянский район), воспоминания же о нем, иконах и заклиниках весны, о купальских обрядах еще свежи в памяти среднего поколения. По-видимому, данные обряды перестали функционировать уже в послевоенное время.

В последние годы, впрочем, наблюдается тенденция к вторичному воспроизведению обрядов, частности, купальских, при активном участии культработников, привлекающих к этому песенницам прошлого поколения.

Особый интерес представляет зафиксированный в Борзнянском, Нежинском, Носовском районах широко известный весенне-летний обычай типа «майского щеста». Высокое дерево с обрубленными ветвями, приносится из леса накануне праздника, устанавливается на открытом месте, украшается цветами и лентами. Наверх надевают колесо, сажают куклу (когда-то сделанную из ломов, в национальной одежде, сейчас — фабричного производства). Приурочен этот обычай к юице (Красные Партизаны, Хвылевка, Талалаевка); здесь стол называется «выхá» или «щóгла».

Борзнянском же районе (Ядуты, Красностав) установка столба приурочена к купальским праздникам, здесь он называется «купало» и сочетается с традиционным разжиганием костра, а вместной трапезой молодежи — основного участника обряда. Через некоторое время после праздника стол спиливается, может также продаваться на дрова.

Глубоко архаичны повсеместно сохранившиеся обряды, связанные с поминовением предков. В Подесенье они приурочены к понедельнику или вторнику Фоминой недели («гробкий», «деды», «проводы»), к Вознесению и Троице. В эти дни ходят на кладбище, на Вознесение же («Ушестя») существует обычай поминать покойников и в доме. В их честь устанавливается блюдо, украшенное цветами, травами, со стаканом воды и двумя яйцами посередине. Обычай бытует в селах Борзнянского района.

Сравнительно хорошо сохранился в Подесенье свадебный обряд (последовательность действий, корпус текстов, манера исполнения песен). Информация о нем, как правило, последовательна и детальна, свадебные песни (одно- или двухголосные, с характерным возгласом «Гу!» в конце роки или без него) поют в селах почти все. Соблюдается же обряд в наши дни из-за полного отсутствия в селах молодежи, редко.

Лирический репертуар Подесенья чрезвычайно богат и включает почти все известные на Украине семейно-бытовые и социально-бытовые песни и баллады, а также романсы. Фольклорный же встречается нечасто и распет в стиле традиционной украинской лирики. Особо ценные ансамблевые записи лирических песен — чаще трехголосные, богато орнаментированные.

Таковы первые итоги экспедиций в Черниговское Подесенье. В дальнейшем предполагается систематическое обследование северных районов. Обработанные материалы войдут в фольклорный архив кафедры теории и истории музыки НГПИ.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

© 1990 г.

А. А. Белик

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ — ПОИСКИ СИНТЕЗА В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ

Психологическая антропология — междисциплинарная область исследований, сформировавшаяся во взаимодействии психологии и антропологии¹. В 1920—1930-х годах в США возникло направление исследований «культура и личность»², с 1961 г. получившая название «психологическая антропология». Конец 1950-х, 1960—1970-е годы — это время дискуссий о содержании и перспективных направлениях развития психологической антропологии. Основное внимание уделялось анализу предмета, базовых понятий, поискам новых областей исследований, а также возможному преобразованию направления и основной задачи психологической антропологии³. Несмотря на некоторые новые подходы к пониманию предмета и задачи этой отрасли науки (Ф. Хю, М. Спирро, Дж. Барков, Ле Вин), все же большинство антропологов в той или иной степени согласны с определением приоритетного направления исследований, предложенного еще М. Мид, а именно как изучение специфики мышления, действий и чувств индивида в условиях данного этнокультурного окружения, т. е. особенностей личности в условиях различных культур. Важным аспектом психологической антропологии было и остается стремление понять взаимоотношение между индивидуально-психологическими и социокультурными феноменами. Наиболее емко суть психологической антропологии как взаимодействия «между антропологическими проблемами и психологическими теориями, сосуществовавшими с этими проблемами»⁴, сформулировал современный исследователь Ф. К. Бок.

Важной исторической вехой в развитии психологической антропологии стал VI конгресс МКАЭН (Чикаго, 1973 г.). Секция «психологической антропологии», работавшая под председательством М. Мид, была одной из наиболее представительных на конгрессе. Общий объем работ поданных на секцию, — 2 тыс. страниц. Анализ состава ее участников показывает, что психологическая антропология получила широкое признание и распространение фактически во всем мире. Активное участие в разработке этой области знания принимают ученые из ФРГ (И. Эйбл-Эйфельдт), Италии (В. Лантенари), Гватемалы (А. Мендес-Доминигес) и др. Как отмечает один из организаторов секции и редактор обобщающего труда «Психологическая антропология» Т. Р. Вильямс, в мире насчитывается большое число исследователей, изучающих «судьбу индивида в специфическом культурном контексте, интерпретирующих данные, полученные в этих исследованиях различными психологическими теориями»⁵, т. е. работающих в рамках психологической антропологии, хотя и не всегда называющих свои исследования именно этим термином.

В последующем развитии психологическая антропология получила организационное оформление. В 1977 г. основано Общество психологической антропологии, периодическим органом которого стал журнал «Этос». В 1978 г. начал издаваться «Журнал психологической антропологии», позднее переименованный в «Журнал психоаналитической антропологии». Середина 1970-х—1980-е годы знаменуются выходом ряда фундаментальных трудов — В. Барнова, Р. А. Ле Вина, Э. Бургиньон, Ф. Бока и обобщающей работы под редакцией Дж. Спиндлера⁶.

Психологическая антропология 1960—1980-х годов характеризуется разнообразием подходов в рамках общего понимания предмета. Поэтому при ее анализе возникает объективная необходимость зафиксировать область ее исследований в более или менее адекватной схеме. На основании изучения современных подходов я построил общую схему области исследований психологической

антропологии, в которой выделяются наиболее актуальные, с моей точки зрения, аспекты развития. Основное внимание при разработке схемы уделялось современным исследованиям (1960—1980-х годов), но это не исключает историко-генетического подхода. В качестве основополагающего принципа при построении структуры исследований психологической антропологии применяются два основания деления: по методу и предмету, точнее, области исследований. В соответствии с таким подходом структура исследований в психологической антропологии будет иметь такой вид:

Психологическая антропология

Деление по методу

- А. Психоаналитический подход
- Б. Психологический подход
- В. Этологический подход

Деление по предмету (области исследований)

- I. Традиционные этнопсихологические исследования
- II. Междисциплинарные исследования
- III. Проблемно-теоретические исследования

Каждое из предложенных подразделений нуждается в пояснении, так как имеет свою собственную структуру.

А. 1. Концепция культуры З. Фрейда и ее влияние на этнопсихологию. Разработка психоаналитической антропологии в работах Г. Рохейма. Современное бытие психоанализа — психоистория. Этнопсихоанализ Дж. Девера. 2. Э. Фромм и его влияние на психологическое направление в антропологии. Положительный психоанализ А. Маслоу. Гуманистическая психология как теоретическая ориентация и научная программа психологической антропологии.

Б. 1. Исследование особенностей восприятия в различных культурах (цвета, геометрических форм, красоты и т. д.). 2. Межкультурный анализ познавательной деятельности. Мышление и культура. 3. Этносемантика.

В. 1. Анализ агрессивности и насилия в различных культурах. 2. Исследование эмоционально-чувственной сферы в генетическом и функциональном аспектах. Ненависть, любовь, страх, тревожность, привязанность и их роль в различных этносах. Невербальная коммуникация у детей, взрослых и животных. 3. Ритуал и процесс ритуализации как важнейший аспект этнотрологических исследований. 4. «Ранний опыт» — «импринтинг» — специфически этнотрологическая проблема. «Сенситивный период» и его значение для человека. 5. Этологическая научная программа — теоретическая ориентация психологической антропологии⁷.

І. а. Психологический анализ форм народной терапии. б. Этнопсихиатрия. Измененные состояния сознания. в. Изучение детства в условиях различных культур. г. Современные исследования национального характера.

ІІ. а. Анализ религии психологической антропологией. б. Экология и психологическая антропология. в. Взаимодействие психологической антропологии с биологией человека. г. Социальная психология и психологическая антропология.

ІІІ. а. Соотношение природного и культурного. б. Ритуал. в. Психологическая антропология: от изучения уникальности и специфики к синтетическому анализу культурных различий и общечеловеческой природы.

Предложенная схема есть исходный пункт, основа, которая систематизирует разнообразные исследования в более или менее завершенной форме. Таким образом, общая структура исследований психологической антропологии не только итог, но и средство, инструмент анализа психологической антропологии в истории и на современном этапе.

Необходимо обратить внимание на еще одну особенность современной психологической антропологии. Структура исследований, представленная выше, содержит исторические этапы развития этой дисциплины и одновременно есть отражение ситуации, сложившейся в 1960—1980-х годах, т. е. синхронный логический срез рассматриваемого явления. Необходимо также отметить, что исторически изжившие себя приемы, методы исследования не всегда уходят с поля научных баталий, их никто не отменяет декретом. Они лишь теряют свою актуальность, перестают быть главным направлением развития, перемещаются на периферию, но не исчезают совсем. Видимо, здесь есть свое логика и историческая необходимость. Например, классический психоанализ и поныне используется в психологической антропологии⁸. Он нашел свое новое применение в психоистории, анализе психоантропологии современного общества⁹. Это же замечание касается и одной из важнейших тем направления «культура и личность» 1930—1940-х годов — анализа «модальной личности». Действительно, первые попытки изучения особенностей психики, обусловленные принадлежностью к той или иной этнической общности, не всегда были продуктивными. Видимо, это был необходимый этап поисков, на котором, как правило, бывают и неудачи. Но при этом нельзя забывать, что в это же время (1930—1940-е годы) были и интересные работы М. Мид, смелые теоретические построения Р. Бенедикт, кропотливый анализ эмпирического материала Г. Рохеймом, накопление массы реальных фактов, требовавших объяснения.

В 1970-е годы получили развитие новые способы изучения особенностей этнопсихологии в рамках анализа этнического плюрализма в США. Большую роль здесь играет психокультурный подход к исследованию этничности, сторонники которого выразили свое кредо в коллективном труде «Этническая идентичность». Среди авторов — известные психоантропологи М. Мид, Дж. Де Во, Т. Шварц, Дж. Девера. Один из наиболее интересных и продуктивных подходов к этой проблеме

представлен у Де Во. Он связывает исследование «национального характера» с поисками человеческого смысла своего существования, принадлежности «я», которое может быть ориентировано на прошлое, будущее, настоящее. Прошлое (культурные традиции) связано с ориентацией на этническую группу, происхождение. Будущее (идеология) — с революционными или религиозными движениями. Настоящее (функциональный аспект) — с чувством общности как члена этнополитической общности¹⁰.

Развитие психологической антропологии показало непродуктивность сведений исследований особенностей психологии личности в условиях различных культур только к теме «модальная личность», позже «национальный характер». В связи с этим автор разделяет скептицизм ряда ученых (наиболее отчетливо из советских этнографов это выразил В. И. Козлов)¹¹ в продуктивности анализа этнических особенностей психики при помощи понятия «национальный характер» как главного направления исследований. Но означает ли это, что нет особенностей психологии личности, функционирующих в различных этнокультурных условиях? Перефразируя слова В. И. Ленина, следует ответить, что проблема состоит не в том, есть или нет этнокультурно обусловленные особенности психики, а как их выразить в понятиях, категориальном аппарате науки, на каком уровне вести исследование. Весь исторический путь психологической антропологии по сути дела есть попытка решить проблему анализа психологии личности в условиях различных культур, учитывая при этом единство человеческого рода.

Современный этап поисков детерминант особенностей личности в условиях различных культур идет по пути создания общей концепции человека. Проанализируем подробнее один из предлагаемых способов решения этой глобальной задачи на путях взаимодействия психологической антропологии и экологии. Рассмотрение именно этого аспекта психологической антропологии представляется необходимым также еще по одной причине: взаимодействие экологии и этноса достаточно активно исследуется и в нашей стране¹².

Предваряя анализ взаимодействия психологической антропологии и экологии, необходимо в общем виде ответить на следующие вопросы: в каких процессах происходит воздействие окружения на психологические особенности личности: какие методы, подходы используются при их познании; на что именно влияет окружение в структуре личности. Основной процесс, в котором изучается воздействие окружающей среды на личность, — это энкультурация (социализация), вхождение индивида в культуру. Кроме этого, специально исследуется влияние на психологические особенности личности природного и социального окружения в процессе познания, труда, игр и ритуалов. При анализе воздействия окружения на особенности личности используются экспериментально-психологический и этологический подходы, а также применяется целостный анализ, совмещающий по возможности все ориентации психологической антропологии. Если в экспериментально-психологическом подходе основной предмет анализа — психологические черты, то в этологическом — эмоционально-психологические состояния. Основной предмет целостного интегративного подхода — анализ формирования личности в процессе энкультурации с учетом экологического фактора. Собственно, это и есть основной вопрос психологической антропологии — соотношение личности, культуры и природного окружения.

Необходимость учета влияния экологического окружения на психологические свойства, качества личности первым обосновал А. Кардинер. Разрабатывая концепцию «основной личностной структуры», он подразделил культуру на две части: первичные и вторичные институты. Основная личность определялась первыми и определяла последние. Понятие «институт» трактовалось Кардинером как «фиксированный способ мышления или поведения, разделяемый группой индивидов (общностью)». Первичные институты (тип экономики, особенности социализации и ведения домашнего хозяйства и др.), по его мнению, — результат исторической адаптации общности к окружающей среде. Вторичные — результат воздействия первичных на «основную личность», ее прекия (религия, мифология, фольклор, ритуал, табу, техника мышления). «Вторичные институты, — утверждает А. Кардинер, — могут ... быть объяснены только как эффект воздействия первичных на человеческое мышление»¹³. По форме идея Кардинера была интересна и продуктивна но сам автор не смог реализовать ее возможности ввиду противоречия с фрейдистским содержанием понятия «основная личность» (как совокупности тревог, неврозов и защит) и отсутствием достаточных полевых исследований экологической детерминанты. Концептуальная схема, предложенная психиатром (окружение — первичные институты — основная личность — вторичные институты — проективные системы), была чужда клинической психопатологии, которую Кардинер пытался привлечь для иллюстрации этого построения. Но тезис об опосредованной взаимосвязи окружения и личности получил в психологической антропологии всестороннее развитие.

Итак, влияние природного окружения на особенности личности опосредовано социокультурной системой, прежде всего способом субстанциальной активности, типом хозяйства. Основные понятия и отношения рассматриваемой проблемы могут быть представлены в виде серии взаимодействий. Природное окружение (экология) — субстанциальная активность (экономика) — особенности воспитания детей (социализация, энкультурация), которые влияют на: 1) психологические особенности личности; 2) наличие или отсутствие детского труда в общности, его формы; 3) особенности ритуалов и других проективных систем (религия, магия, искусство, игры). Предложенная схема представляет собой логическую реконструкцию структуры исследований, имеющих в качестве своего предмета анализ взаимодействия естественного и культурного окружения на личность.

Одно из первых фундаментальных исследований рассматриваемой проблемы принадлежит трем авторам — Г. Барри, И. Чайлд и М. Бэкон. Они предположили, что практика воспитания, особенно в позднем детстве, существующая в обществе, представляет адаптацию к характерной для

нного субстанциальной активности. Обычно в антропологических исследованиях выделяют два типа деятельности по поддержанию существования субстанциальной активности (материального производства) — собирающий и производящий. К первому относятся охотники и собиратели, ко второму — сельскохозяйственное производство в различных его формах (пастушество, земледелие). В явной или неявной форме это деление содержит посылку о детерминирующем влиянии природной среды.

В процессе изучения 104 обществ в различных уголках земного шара была подтверждена гипотеза о тесной связи экономики и воспитания в традиционных культурах. В производящей экономике аграрных обществ ярко выражена тенденция к формированию у детей таких качеств, как послушание, ответственность, воспитанность, образующих психологический тип личности, для которого характерна уступчивость, уживчивость, умение жить сообща.

В обществах охотников и собирателей антропологи выявили установку на воспитание самоувенности, стремления к индивидуальным достижениям и независимости. В целом эти качества образуют самоутверждающийся тип личности. Общий результат исследований антропологов состоял в отыскании устойчивой корреляции между деятельностью по поддержанию существования, которая во многом определяется природными условиями, и характерными чертами личности, формируемыми в процессе социализации¹⁴.

Несколько иначе подошел к этой же проблеме участник проекта «Культура и экология» Р. Эдгертон при анализе четырех обществ Восточной Африки: Нехе в Танзании, Камба и Рокот в Кении, Себле в Уганде. Каждое из этих традиционных обществ представляет смешение пастушеских и фермерских групп населения. Основная направленность его исследований — сравнительный анализ влияния природных условий, экономики, особенностей деятельности на личностные характеристики выделенных групп населения. Он обнаружил, что у пастушеской части населения более развиты такие свойства, как независимость, открытое выражение агрессии и др. Основной чертой, определяющей характер пастушеского населения, является, по его мнению, «открытость». Необходимо подчеркнуть, что Р. Эдгертон не просто констатирует наличие черт характера, а исследует их функционирование в культурном контексте: в совместной деятельности по поддержанию существования, в сексуальных отношениях, в связи с психозами, депрессиями, самоубийствами¹⁵. Аналогичное исследование было проведено Р. Болтоном и его коллегами в перуанских Андах¹⁶.

Относительно самостоятельным подходом к рассматриваемой проблеме является изучение влияния на личность особенностей познавательных процессов и специфики восприятия, в свою очередь зависящих от природного и культурного окружения. Особенность такого подхода состоит в ограничении предмета исследования процессами восприятия, познания, мышления и преимущественно экспериментально-психологическим методом изучения. В процессе решения экспериментальных задач представителями различных этнических общностей были выделены два общих типа познания — «когнитивных стиля»: глобальный и артикулированный. Понятие «когнитивный стиль» было предложено Г. А. Виткиным и его соавторами. «Человек с артикулированным когнитивным стилем — это человек, склонный к дифференциации и организации признаков среды и к различению явлений, относящихся к его „я“ и явлениям внешнего мира. Для глобального стиля характерно обратное»¹⁷. При решении задачи или ситуации при глобальном стиле испытуемый идет на поводу у ситуации, которая нередко толкает на иллюзорное, обманчивое решение. При артикулированном стиле человек опирается на свой опыт, стремится «решить ситуацию», не доверяется внешней, часто обманчивой структуре¹⁸. Например, в наиболее яркой форме стили проявляются в эксперименте, где требуется определить направление «вверх». Визуальное поле намеренно искажено. Одни люди ориентируются на внешние признаки ситуации, другие на внутреннее чувство пространства. По мнению Виткина, существует нормальный ход когнитивного развития от глобальности (зависимости от поля) к артикулярности (независимости). Этот процесс психологической дифференциации в онтогенетическом развитии происходит под влиянием как социокультурных, так и экологических факторов. В качестве социокультурных факторов он выделяет отношение родителей к импульсивным действиям ребенка и наличие или отсутствие возможности быть самостоятельным. Наиболее важный экологический фактор — степень разнородности среды обитания. В контексте теории Виткина проводил исследования Дж. Берри¹⁹, используя при этом в измененном виде модель Бэкона, Чайлда и др. Большую роль он отводил физическому окружению. Наиболее интересен в этом плане сравнительный анализ этнической общности темне (Сьерра-Леоне, джунгли) и эскимосов Канады (тундра)²⁰. Но Дж. Берри не получил однозначного подтверждения влияния разнородности — однородности ландшафта на особенности личности. Более надежно подтвержден факт опосредованного влияния природных условий через тип хозяйствства на психологические качества человека. При сравнении общностей различного уровня исторического развития Берри отмечает процесс изменения от большей дифференциации «я» к меньшей, т. е. явление, обратное обнаруженному Виткиным в процессе онтогенетического развития. В последующих работах Дж. Берри продолжил анализ психологической дифференциации личности в производящих и собирающих обществах и связал ее с уровнем иерархичности общности²¹.

Еще один исследователь, М. Вобер, также связал вариабельность когнитивных стилей и особенности личностных характеристик с нацеленностью общности на определенный тип деятельности, наиболее продуктивный в соответствующем культурном и природном окружении. Основное понятие его концепции — «сенситоп». Для иллюстрации проведем сравнение сенситопов в современном и традиционном обществах. Так, например, в процессе энкультурации в Африке в традиционных обществах большую роль придают танцам и ритуалам, в Европе — обучению письменности. В Африке дети тренируются в проприоцептивности (внутренних телесных ощущениях), в Европе — в визуальном обучении. Эти особенности воспитания играют существенную роль в психологическом

портрете личности, в частности в специфике общения: в Европе большое значение имеет «символическая визуальная коммуникация», в Африке — музыкальные ритмы, невербальная коммуникация и др.²²

Но все же наиболее фундаментальные труды по рассматриваемой проблеме принадлежат Дж. и Б. Уайтингам и их соавторам. Особенность их работ в том, что они исходили из «психоанализа, изложенного на языке теории научения», использовали экспериментально-психологическую, социологическую и этологическую методику полевой работы.

Первые контуры концепции, связывающей субстанциальную активность (понимаемую как экологическая адаптация), процесс социализации, особенности личности и проективные системы, были намечены Дж. Уайтингом в 1953 г. совместно с И. Чайлдом. Затем работа над этой темой была продолжена в 1961 г. в статье «Процесс социализации и личность», в книге «Психологическая антропология», изданной под редакцией Ф. Хю. В новом издании этого же труда в 1972 г. Дж. Уайтинг в соавторстве с Дж. Харрингтоном дополнил свою схему. Полноправным компонентом ее стало природное окружение. Работы Дж. Уайтинга и их соавторов отличаются глубинным теоретическим осмысливанием рассматриваемого круга проблем и интенсивной полевой работой. Наиболее фундаментальным их исследованием является «Проект шести культур», включающий ряд коллективных монографий. Обобщающий и итоговый труд этой серии работ — «Дети шести культур. Психокультурный анализ» (1975 г.). В этой книге теоретическая концепция Дж. и Б. Уайтингов получила наиболее разностороннее развитие и эмпирическое подтверждение. Их модель психокультурного развития — это методология целого цикла исследований, ее значение выходит далеко за рамки изучения развития детей в шести культурах. Это своеобразная материалистическая концепция воспроизведения в традиционных культурах. В ней взаимодействуют экологическое окружение (климат, флора, фауна), история, поддерживающие субстанциальные системы, детское обучающее окружение (культурная среда), взрослая личность в единстве приобретенной и врожденной составляющих и проективные системы (в которые включаются религия, магия, ритуалы, искусство и отдых, игры, уровень преступности и самоубийств)²³. В последующих трудах Дж. и Б. Уайтинги специально рассматривают роль окружения в психологической антропологии. «Для психологической антропологии, — пишут они, — важность инвироментальных факторов объясняется в первую очередь их воздействием на поддерживающие системы, экономику, образ жизни и социальную структуру, которые детерминируют разделение труда, статус и роль взрослых». Эффект такого воздействия на психологические особенности личности, особенно в западных цивилизациях, не всегда заметен. Поэтому «одна из важнейших функций психологической антропологии состоит в отыскании этих скрытых различий»²⁴.

Наряду с опосредованным влиянием природного окружения Дж. и Б. Уайтинги выделяют и более непосредственное его воздействие на экономику, социальную и политическую структуру общности. Значительное место в их исследованиях отводится изучению непосредственного влияния природных условий на отношение дети — родители. Например, температура воздуха нередко оказывает определяющее влияние на выбор места, где будет спать ребенок: один в люльке, с матерью или даже с обоями родителями, один в комнате. Как показывают последние исследования, степень контакта младенца с родителями может существенно повлиять на его развитие в более позднем возрасте. Кроме того, температура воздуха влияет на пеленание, одежду, а также степень физического контакта с матерью. «Согласно нашей гипотезе, тесный физический контакт, — отмечают Дж. и Б. Уайтинги, — может иметь продолжительный эффект в реакции на физический стресс, физический рост и стиль коммуникаций»²⁵ и, наконец, на особенности характера ребенка. Важность непосредственного контакта с ребенком подтверждается современными исследованиями. Например, Р. Хайнд отмечает, что «тактильный, термальный стимулы, идущие от матери, вносят существенный вклад в ритм дыхания ребенка»²⁶.

Предметом исследования может быть влияние непосредственного природного окружения (ландшафта) на психологию восприятия пространства или связь плотности заселения жилища с особенностями отношения к ребенку в раннем детстве и др.²⁷

При определенных географических условиях наличие детского труда есть фактор, способствующий выживанию всей общности. Участие детей в процессе труда оказывает существенное влияние на их психологические качества. Этой проблеме посвящен ряд работ. Наиболее концентрированно данный вопрос разработан в обобщающей статье Р. Г. и Р. Л. Мунро и Г. С. Шиммин «Детский труд в четырех культурах: детерминанты и следствия». В процессе исследования выяснилось, что работающие дети предпочитают образцы взаимодействий, а соответственно и психологические качества, аналогичные типам труда, в которые они преимущественно вовлечены. Например, девочки, ухаживающие за детьми, переносят часть выработанных в этом процессе поведенческих стереотипов на всех детей младше себя. Было замечено также, что мальчики, занятые тяжелым трудом, чаще проявляют готовность взять ответственность на себя. Общий вывод авторов статьи: «... уровень детского труда детерминирован экологическим окружением и в свою очередь является одним из источников формирования характера ребенка»²⁸.

Модель психокультурных исследований, предложенная Уайтингами, — это своеобразная методология, категориальный аппарат и одновременно обобщающий итог предшествующих исследований в психологической антропологии. Она интегрирует многочисленные исследования и одновременно представляет оригинальный способ их интерпретации.

Для более цельной картины исследований, касающихся анализа взаимосвязи экологии и особенностей психологии личности, общие контуры которой обрисованы в данной статье, затронем изучение проективных систем (а именно особенностей ритуалов) под этим же углом зрения. Обратимся к работам Э. Бургиньон, которая, несмотря на свое критическое отношение к «Проекту шести культур», тем

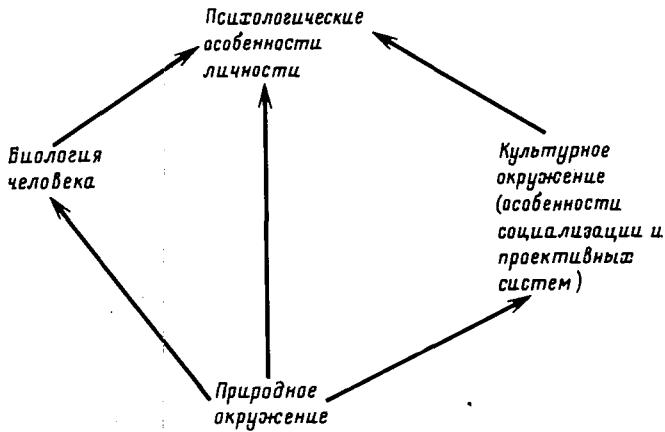

Схема взаимодействий, влияющих на становление психологических особенностей личности

не менее убедительно показывает связь различных типов экстатических ритуалов с определенными типами экономики и соответственно природного окружения. Э. Бургиньон считает, что транс распространен там, где основной способ поддержания существования — охота; одержимый транс — где жизнь людей зависит от сельского хозяйства, производства пищи. В психологическом содержании экстатических состояний получил отражение характер социализации, определяемый в свою очередь типом экономики. Особенность онтогенетического развития выражается прежде всего направленностью общества в формировании тех или иных качеств человека в процессе воспроизведения в свете принятых в нем норм и ценностей. Естественно, что потребности общества охотников и аграриев в этом плане будут различны. Мужчины в обществе охотников воспитываются в духе независимости и самоуверенности, женщины в аграрных культурах — в духе уступчивости, ибо эти качества считаются наиболее желательными в их производственной активности.

В обобщенной форме окончательный вывод Э. Бургиньон состоит в следующем: «Транс соответствует обществам охотников и собирателей с минимальной стратификацией и слабо выраженной иерархичностью, в то время как одержимый транс связан с аграрным обществом, классовым расслоением и высокой степенью развитости политических иерархических структур»²⁹.

При этом нельзя не отметить то обстоятельство, что на способ входления транс у мужчин существенно влияет окружающая флора, а именно растения галлюциногены. Например, американским индейцам известно более 80 видов наркотиков: грибы, кактусы, цветы, листья растений, корни и т. д. В современных обществах — шесть видов³⁰. Значительную роль в подготовке женщин к одержимому трансу играют табу на пищу, богатую животными протеинами и витаминами А и В³¹. Пищевые запреты такого рода способствуют созданию биохимической основы для одержимого транса.

Ритуальный транс имеет большое значение в традиционных обществах. Как выяснилось в процессе исследований, он играет существенную роль и во внутриорганических нейробиологических процессах индивида³². Таким образом, тот или иной тип ритуалов имеет не только психологические следствия, но и биологические основания. Тем самым в проективных системах получает закрепление определенная биологическая целесообразность действий человека, образуется сложная цепочка взаимодействий, которую можно выразить схемой (см. схему).

В процессе функционирования и воспроизведения общности важнейшую нормативно-регулятивную роль играет религия. В ней зафиксирована система норм, запретов, предписаний, имеющих значение для психологических особенностей личности, биологии организма человека, сохранения окружающей природы³³. Самое интересное здесь — вопросы о механизме формирования соответствия религиозных норм, биологии человека и окружающей среды, каким образом были найдены и закреплены именно те, а не другие ритуалы, традиции и т. д. Во многом эти проблемы еще не исследованы наукой.

Специфическую, но не обобщенную группу составляют исследования воздействия окружения на психологические характеристики личности в рамках этологической ориентации. В этологическом подходе к психологической антропологии, в «этологии человека» рассматриваемая проблема приобретает форму анализа поведения в социальном и природном пространстве. Влияние окружения на психологические качества личности получает отражение в категориях, выражающих эмоционально-психологические состояния человека: «агрессивность», «враждебность», «эмпатия», «тревога», «привязанность», «страх», «любовь» и др. Важную связующую роль здесь играют потребности в единении и общении и степень их удовлетворения в современных и индустриальных обществах. Разрегулированность связи «я — другие», неудовлетворенность потребности в общении ведет к деградации личности вплоть до тяжелейших психопатологий³⁴.

Изучение воздействия социального и природного пространства состоит в установлении того, в какой степени они способствуют существованию или отсутствию, а также интенсивности эмоционально-психологических состояний. Наиболее простым примером подобного анализа является

выяснение влияния окружения на такое качество человека, как агрессивность. На интенсивность его проявления воздействует непосредственное физическое окружение: температура воздуха, сила звука, а также ряд социально-психологических факторов: скопление массы народа, деятельность средств массовой информации³⁵. Предметом изучения является и влияние особенностей климата, географических условий (высокогорье, изменение или стабильность светового дня) на агрессивность, тревожность и т. д.

В 1970—1980-е годы исследования влияния окружения на эмоционально-психологические состояния личности носят более системный целостный характер. Основная направленность анализа состоит в изучении взаимодействия личность — пространство (person — place). Пространственная детерминанта личности выражена понятием «территориальность»³⁶. Наиболее новое и, на мой взгляд, интересное воплощение такой подход получил в концепции «территориального функционирования» Р. Б. Тейлора. Территориальное функционирование рассматривается во взаимосвязанной, культурно и социально определенной системе поведения, познания, чувствования. Территориальное функционирование имеет психологические, социально-психологические и экологические следствия соответственно для индивида, малой группы и экологической системы³⁷. Важнейшее психологическое следствие на индивидуальном уровне — уменьшение стресса, которое ведет к снижению агрессивности, враждебности. На уровне малой группы выделяется сплоченность на основе эмпатии. Экологические последствия состоят в более эффективном функционировании окружающей среды — природной и квазиприродной³⁸. Положительный эффект территориального функционирования есть тогда, когда учтены социальные и культурно обусловленные факторы, необходимые для существования человека в рамках как традиционного, так и современного общества.

Обращает на себя внимание такой феномен, как «привязанность к месту», определяемый как «аффективные связи между индивидом и его непосредственным окружением»³⁹. Это явление играет далеко не последнюю роль в формировании характера человека, его отношении к окружающему миру. На изучение воздействия непосредственного пространственного окружения на человека существенное влияние оказала «топологическая психология» К. Левина, многие принципы которой используются в современной «экологической психологии»⁴⁰.

Практически во всех ранее рассмотренных исследованиях соотношения психологических особенностей человека и окружающей среды существенную роль играет анализ взаимодействия личности как внутреннего «я» с внешними обстоятельствами (как природными, так и культурными). Этот процесс дифференциации личности в работах Виткина, Берри, отношение «я — другие» Альтмана, психологическая черта — «открытость» у Барри, Бэкон, Чайлда, связь национального характера с поисками смысла «я» у Де Во и др. В 1980-е годы в психологической антропологии все большее значение стал приобретать анализ «я» (self) как ядра личности в историческом аспекте (формирование самосознания этноса) и в изучении современных обществ. Определяющее значение здесь сыграла возросшая в 1970-е годы популярность социальной психологии Дж. Г. Мида⁴¹. В середине 1980-х это направление изучения особенностей личности становится одним из центральных в психологической антропологии. Некоторые ученые (например, Швадер и Ле Вин) полагают, что на основе концепции «я» возможен междисциплинарный синтез⁴². Как реально выполняется эта задача, покажем на примере конкретного исследования. В статье Н. Розенбергер «Диалектический баланс в полярной модели „я“ в Японии» интегрированы различные направления исследований психологической антропологии. Изучая особенности японского самосознания, Н. Розенбергер исходит из «народной» (folk) модели «я», где основу взаимодействия «я» (внутреннего) и «я» (внешнего) составляет жизненная энергия ki, проявляющаяся в двух формах — организованной и спонтанной. Главная задача для личности — гармоническое единство внутреннего и внешнего, идеальный синтез, достижение просветления (сатори). В данной статье предложен целостный подход к изучению личностных особенностей в их генезисе, воспроизведение и функционировании в пространстве, времени, общности. Не забыто и влияние пространственно-культурного окружения на особенности проявления «я». Это получило форму как учета особенностей территориального функционирования (контекст пространства), так и включения «я» посредством энергии ki в процесс глобального космического взаимодействия. Получили отражение такие качества человека, как агрессивность, эмпатия, любовь, радость, гнев и т. д.⁴³. В итоге Р. Розенбергер представила интересный портрет национально-особенного «я», для создания которого был применен практически весь разнообразный арсенал методов психологической антропологии в соединении с традиционными представлениями.

Современная психологическая антропология дает новое видение, способ интерпретации и объединяет традиционные этнографические объекты исследования: пищу (биология — экология), жилище (пространство), ритуал (психологический смысл и биологические основания), фольклор. Центральное место в этой системе занимает человек. Разнообразные исследования в рамках психологической антропологии дают возможность по-новому осмысливать известные факты, а именно: какую роль в процессе энкультурации играет жилище, чем вызваны пищевые табу, почему в данной этнической общности распространен именно этот вид ритуала, а не другой и т. д. Таким образом, в психологической антропологии заложена возможность построения системы (или систем) знания о человеке на основе интеграции нередко разрозненных этнологических исследований.

Подводя итоги анализа, необходимо еще раз коснуться отношения человека к природному окружению. В религиозных верованиях, в фольклоре заложена определенная идеологическая установка по отношению к природе, в той или иной мере учитывавшая экологические условия в месте проживания. Главной ее особенностью является единение с природой, рассмотрение человека как части последней. Эта специфика в процессе энкультурации становится достоянием каждого члена

тической общности, можно сказать, психологической чертой. К сожалению, в современном обществе природное окружение рассматривается как нечто чуждое, аналогично социально-психологической оппозиции «мы — они (чужие)». В настоящее время необходимо формирование «экологического сознания» (в том числе и в нашей стране), понимание того, что мы есть не нечто иное по отношению к природе, а ее часть.

В заключение анализа психологической антропологии необходимо сказать еще об одной ее возможной теоретической ориентации или подходе. Речь идет о культурно-исторической концепции Выготского — Леонтьева, ядром которой является порождение (формирование) психики в процессе деятельности. Формирование психологических особенностей осуществляется посредством интериоризации (усвоения опыта общности индивидом) социальных способов деятельности в процессе онтогенетического развития человека. Таким образом, человек овладевает родовыми качествами человечества. Но реально в конкретной действительности этот общий процесс происходит в национально-особенной форме. Э. Фромм, В. Барнов и другие психологические антропологи не случайно рассматривают соотношение «социального» и «национального» характера, поскольку формирование социального типа жизнедеятельности неразрывно связано с той или иной специфической этнокультурной формой. Этнокультурные особенности личности выражаются не только в разнообразных поведенческих стереотипах, эмоциональных стилях, способах общения, но и существуют в объективированных формах (фольклор, различные формы искусства и т. д.). Разнообразие этнокультурных моделей поведения — основа динамического развития человечества в целом. Но для продуктивного использования этого действительного богатства необходимы адекватные социальные условия. Насколько широкое распространение эта ориентация получит в зарубежных исследованиях, покажет будущее. Но уже и сейчас она может служить интерпретирующей теорией в ряде направлений исследований психологической антропологии, прежде всего тех, для которых методологическим ориентиром служит схема Уайтингов.

Отрадно, что в конце 1980-х — начала 1990-х годов в СССР наблюдается оживление интереса к этнопсихологии⁴⁴. Эта тема стала актуальной как для этнографической, так и для психологической науки в нашей стране⁴⁵. Использование накопленных знаний и методологического арсенала психологической антропологии могло бы способствовать более активной разработке данной темы в СССР.

Примечания

¹ В зарубежных исследованиях встречается разнообразное понимание основных терминов, обозначающих подразделение антропологического знания. Я придерживаюсь в данной статье следующей экспликации терминов. Психологическая антропология — дисциплина, образованная при взаимодействии психологии и антропологии. Этнопсихология используется как термин, равнозначный психологической антропологии, в котором содержится указание на объект исследования. Термин «этнология» обозначает всю совокупность антропологического знания в единстве теории и конкретного уровня исследования. Такое применение термина уже получило распространение в СССР (см. Этнология в США и Канаде. М., 1989).

² Об истории развития направления см.: *Hallowell A. I. Anthropology and Psychology // Hallowell A. I. Contribution to Anthropology*. Chicago, 1976. P. 205—211; *Shweder R. A. Rethinking Culture and Personality. Pt III: From Genesis and Typology to Hermeneutics and Dynamics // Ethos*. 1980. Vol. 8. № 1. P. 60—94.

³ Белик А. А. Психологическое направление в этнологии США: от «культуры-и-личности» к психологической антропологии // Этнология в США и Канаде. М., 1989. С. 190—240.

⁴ *Bock P. K. Rethinking Psychological Anthropology*. San Francisco, 1988. P. XI.

⁵ *Williams T. R. Introduction // Psychological Anthropology*. The Hague; Paris, 1975. P. 26.

⁶ *Barrouw V. Culture and Personality*. Homewood, 1985; *Le Vine R. A. Culture, Behaviour and Personality*. Chicago, 1982; *Bourguignon E. Psychological Anthropology. An Introduction to Human Nature and Cultural Differences*. N. Y., 1979; *Bock P. K. Continuities in Psychological Anthropology*. San Francisco, 1980; *The Making of Psychological Anthropology*. Berkley, 1978.

⁷ См.: Белик А. А. Этологические исследования в этнологии (Англия, США, ФРГ) // Сов. этнография (далее — СЭ). 1989. № 3. С. 159—167.

⁸ *Manisha Roy. The Oedipus Complex and the Bengali Family (A Study of Father-Daughter Relations in Bengal) // Psychological Anthropology*. 1975. P. 123—137.

⁹ *Stien H. F. Culture and Ethnicity as Group-Fantasies: A Psychohistoric Paradigm of Group Identity // J. Psychohistory*. 1980. Vol. 8. № 1. P. 21—51; *idem. Psychoanalytic Anthropology and Psychohistory — A Personal Synthesis // J. Psychoanalytic Anthropology*. 1981. Vol. 4. № 2. P. 239—251.

¹⁰ *De Vos G. Ethnic Pluralism: Conflict and Accommodation // Ethnic Identity*. Chicago; London, 1982. P. 5—42.

¹¹ Козлов В. И. О некоторых методологических проблемах изучения этнической психологии // СЭ. 1983. № 2. С. 77.

¹² См.: Арутюнов С. А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестн. АН СССР. 1979. № 12; Андрианов Б. В. Неоседлое население мира (гл. 1. Хозяйственно-культурные типы и географическая среда). М., 1985. С. 17—40; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1980. С. 245—257; Душков Б. А. Психология и география. М., 1987; Крупник И.

Арктическая этнозоология. М., 1989; Экология американских индейцев и эскимосов / Под ред. Тишкива В. А. М., 1988; Этнос и экология / Под ред. Козлова В. И. М., 1990; Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1; впервые в СССР рассматриваемая проблема анализировалась в кн.: Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М.; Л., 1928.

¹³ Kardiner A. The Individual and His Society. N. Y., 1939. P. 9, 249.

¹⁴ Barry H. III, Child I. L., Bacon M. K. Relation of Child Training to Subsistence Economy // American Anthropologist. 1959. Vol. 61. № 1. P. 51—63; Barry H. III, Josephson L., Lauer E., Marshal C. Traits Inculcated in Childhood // Ethnology. 1976. Vol. 15. № 1. P. 83—114.

¹⁵ Edgerton R. B. Pastoral-Farming Comparisons // Culture and Personality. Chicago, 1974. P. 354—367.

¹⁶ Bolton R., Gross L., Koel A., Michelson C., Munroe R. L., Munroe R. H. Pastoralism and Personality: An Andean Replication // Ethos. 1976. P. 4631—4681. «Адаптация способов воспитания детей в раннем детстве к экологическому давлению», занимает фундаментальное место в концепции психосоциальной адаптации Р. Ле Вина. См.: Le Vine R. A. Op. cit. P. 132—133.

¹⁷ Witkin H. A. Cognitive Styles Across Cultures // Culture and Cognition. L., 1974. P. 99.

¹⁸ Наиболее рельефно аналогичное явление прослеживается в социально-психологическом контексте при экспериментальных исследованиях ложной установки в современном обществе. Самый простой его пример — различное поведение человека в экстремально-парадоксальной ситуации, когда ему предъявляют черный и белый шары, а группа, участвующая в эксперименте, утверждает, что оба шара черные. Нередко испытуемый под давлением окружающих белый шар называет черным. Это явление широко распространено в современных обществах, в том числе и в нашей стране.

¹⁹ Berry J. W. Temne and Eskimo Perceptual Skills // Internat. J. Psychology. 1966. Vol. 1. № 3. P. 207—229; idem. Human Ecology and Cognitive Style. N. Y., 1976.

²⁰ См. подробнее: Коуд М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977. С. 105—107.

²¹ Berry J. W. Developmental Issues in the Comparative Study of Psychological Differentiation // Handbook of Cross-Cultural Human Development. N. Y., 1981. P. 485.

²² Bourguignon E. Op. cit. P. 223.

²³ Whiting B. B., Whiting J. W. M. Children of Six Cultures. Cambridge (Mass.), 1975. Подробно исследования Дж. и Б. Уайтингов проанализированы в обзоре: Кон И. С. Исследования детства в трудах Дж. и Б. Уайтингов // СЭ. 1977. № 5. С. 148—158.

²⁴ Whiting B. B., Whiting J. W. M. A Strategy for Psychocultural Research // The Making of Psychological Anthropology. P. 55.

²⁵ Ibidem. P. 54; о влиянии природных условий на особенности культуры и личности см. также: Whiting J. W. M. Effects of Climate on Certain Cultural Practice // Exploration in Cultural Anthropology. N. Y., 1964. P. 511—544; Pokorny A., Davis F., Haberson W. Suicide, Suicide Attempts and Weather // Human Behaviour and the environment. Chicago, 1974. P. 345—354.

²⁶ Hinde R. A. Individuals, Relationships, Culture. N. Y., 1987. P. 113—114.

²⁷ Munroe R. H., Munroe R. L. Effects of Environmental Experience on Spatial Ability in an East African Society // Culture and Personality. P. 335—344.

²⁸ Munroe R. H., Munroe R. L., Shimmie H. S. Children's Work in Four Cultures: Determinants and Consequences // American Anthropologist. 1984. Vol. 86. P. 369.

²⁹ Bourguignon E. Op. cit. P. 68. Аналогичный подход в изучении религии, а именно анализ опосредованного типом субстанциальной активности влияния природных условий на формы и организацию религии можно встретить в европейской этнологии, в частности в концепции О. Хульсткранца. См. подробнее об этом: Попов А. С., Белик А. А. Теология экологии — экология религии // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1990. № 2; Белик А. А. Экология религии // Религии мира. 1989. М., 1990.

³⁰ La Barre W. The Ghost Dance: Origins of Religion. N. Y., 1970; idem. Anthropological Perspectives on Hallucination and Hallucinogens // Hallucinations: Behaviour, Experience, Theory. N. Y., 1975.

³¹ Bourguignon E. Op. cit. P. 258.

³² Lex B. W. Neurobiology of Ritual Trance // Spectrum of Ritual. N. Y., 1979.

³³ Reynolds V., Tanner R. E. S. The Biology of Religion. N. Y.; L., 1983.

³⁴ См. подробнее об этом: Белик А. А. Этологические исследования в этнологии... С. 162—163.

³⁵ Goldstein A. P. Aggression Reduction: Some Vital Steps // Aggression and War. Cambridge, 1989. P. 118.

³⁶ В историческом анализе самосознания этноса территориальность играет фундаментальную роль. См.: Шервуд Е. А. От англосаксов к англичанам. М., 1988. С. 83.

³⁷ Taylor R. B. Human Territorial Functioning. Cambridge etc., 1988. P. 6.

³⁸ Ibid. P. 8.

³⁹ Ibid. P. 88, 102—104.

⁴⁰ См.: Barnouw V. Op. cit. P. 227—228; Wicher A. An Introduction to Ecological Psychology. Monterey, 1979; Handbook of Environmental Psychology. N. Y., 1987.

⁴¹ См. подробнее о понятии «Self»: Кон И. С., Шалин Д. Г. Дж. Г. Мид и проблема человеческого «я» // Вопр. философии. 1969. № 12.

⁴² Culture and Self. N. Y., 1985: Shweder R., Le Vine R. A. Culture Theory. 1984; Hoffman D. M.

⁴³ Rosenberger N. R. Dialectic Balance in the Polar Model of Self: The Japan Case // Ethos. 1989. Vol. 17. № 1. P. 88—114.

⁴⁴ Кроме цит. соч. Е. А. Шервуд укажем последние работы, посвященные рассматриваемой проблеме: Митюшин А. А. Принципы этнической психологии в трактовке Г. Г. Шпета // СЭ. 1989. № 6; Петрова А. С. Основные направления современной американской этнопсихологии (психологическая антропология и кросс-культурные исследования) // СЭ. 1990. № 1; Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М., 1988. С. 113—136; Дубова Н. А., Лебедева Н. М., Оборнова Е. А., Павленко А. П. Адаптация русских старожилов в Азербайджане // СЭ. 1989. № 5. С. 45, 5, 48.

⁴⁵ В начале 1990 г. в Президиуме АН СССР состоялось расширенное заседание ученого совета Института психологии, на котором отмечалась необходимость развития такого приоритетного направления исследований, как этническая психология. См.: Поиск. 1989. № 5. 1—7 февр. 1990.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

© 1990 г.

ПЕРЕВОДУ «КАЛЕВАЛЫ» Л. ВЕЛЬСКОГО — 100 ЛЕТ

Столетие русского перевода «Калевалы», выполненного Л. Бельским, было отмечено в Карелии новым изданием, вышедшим в 1989 г. Его подготовил К. В. Чистов, оформил известный иллюстратор эпоса М. Мечев. Ценность этого издания состоит еще и в том, что в его основу положен текст 1915 г. с последними исправлениями и примечаниями переводчика. После смерти Л. П. Бельского его перевод редактировался неоднократно (Д. Бубрих, В. Юнус, Е. Кагаров, М. Шагинян, В. Вазин). К сожалению, желание исправить какие-то неточности и некоторые стилистические оговоренности далеко не всегда приводило к улучшению текста. Вот, например, как в последних изданиях русского текста «Калевалы» выглядели начальные строки лёnnротовского эпоса:

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу,—
Быть готовым к песнопению
И начать скорее слово,
Чтоб пропеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.

Такая синтаксическая структура («Быть готовым... И начать... Чтоб пропеть...») разрушила стройность оригинала, четкие параллелизмы, продиктованные народной традицией. Поэтому как не порадоваться тому факту, что снова зазвучал Бельский:

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу,
Чтобы к пенью быть готовым,
Чтоб начать скорее слово,
Чтобы спеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.

Серьезным вкладом в науку о «Калевале» является предисловие К. В. Чистова («„Калевала“ в переводе Л. П. Бельского»). В нем рассказано о предыстории перевода полной «Калевалы», о вхождении его в круг чтения русских читателей и в русскую науку. Автор предисловия, связанный с Карелией в течение многих лет, знающий ее культуру, литературу, фольклор, в свое время опубликовал письма Э. Ленинрота Я. Гроту. Пожалуй, с этого начался его интерес к русско-финским культурным связям. Рассказ о взаимоотношениях академика Я. К. Грота и создателя «Калевалы» Э. Лёnnрота совершенно обосновано занимает в предисловии большое место. Я. Грот был первым, кто написал о Лёnnроте и его «Калевале» в русской печати. Так, в статье «О финнах и их народной поэзии», опубликованной в журнале «Современник» в 1840 г., он сжато изложил «Калевалу» прозой и, кроме того, дал образец пробного перевода XXIX руны. В то время, когда Лёnnрот создавал

окончательный текст «Калевалы» (увидевшей свет в 1849 г.), Я. Грот жил в Финляндии и работал в Гельсингфорском университете. Он живо интересовался тем, как осуществляется замысел Э. Лёнирота, и постоянно сообщал о «калевальских» новостях в Петербург П. А. Плетневу. В 1877 г. при содействии Я. Грота Э. Лёнирот был избран почетным академиком Российской Академии наук «Калевалой» интересовался и великий русский филолог Ф. И. Буслаев, профессор Московского университета, автор знаменитой книги «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», по сути вдохновивший Л. Бельского на русский перевод. В курсе сравнительного изучения эпоса Буслаев уделял значительное внимание «Калевале». Именно студенты Ф. И. Буслаева сделали первые попытки перевести «Калевалу» на русский язык (М. Эман, С. Гельгрен, Э. Грастрем, А. Лундаль). Внимательно следил Буслаев за работой Л. Бельского, и именно на него он возлагал свои надежды.

Вопрос о том, как переводить фольклорное произведение или произведение, построенное на фольклорной основе с использованием фольклорной стилистики, — один из самых сложных. Этому вопросу К. В. Чистов придает первостепенное значение. Он цитирует глубокую мысль Буслаева о том, что эпическая поэзия «это вся национальность какого-нибудь народа, воспроизведенная в художественную форму слова». Бельский, по мнению К. В. Чистова, «подошел к решению этой проблемы с ясным пониманием их трудности», он отказался «переводить руны языком русского фольклора», как до него сделал С. Гельгрен. На вопрос, литературным или народным русским языком переводить «Калевалу», ответил сам Бельский: «По нашему мнению, передача чужого произведения русским народным языком не может иметь места. Русский народный язык имеет свои национальные особенности, заключает в себе понятия чисто русские, ограниченные народным миром созерцанием, и вмещает в себе нечто такое, с чем не согласуются соответствующие понятия других языков... Между тем язык литературный гораздо гибче, понятия его гораздо шире, и он может передавать иноязычные речения с большим удобством».

Очень подробно рассказано в предисловии, как Бельский пришел к четырехстопному хорею с женским окончанием в своем переводе «Калевалы». Обращение к этому размеру вовсе не было случайным открытием. Этот стих долго вызревал в русской поэзии конца XVIII — начала XIX и сыграл большую роль в этом процессе саги «Боба» А. Н. Радищева, «Илья Муромец» Н. М. Карамзина, стихи А. Ф. Мерзлякова, позже — стихи А. В. Кольцова и др. Накоплению поэтического опыта сопутствовали замечательные по своей новизне разработки теории стиха А. Х. Востоковым. Четырехстопный хорей, будучи интернациональным и хорошо передающим стихотворную структуру народа эпоса, лучше всего подходил для перевода «Калевалы». Впервые его использовал Федор Глинка, который перевел в 1827—1828 гг. две карельских руны «Вейнамена и Юковайна» и «Рождение арфы». «Л. П. Бельский, отвергавший стилистическую русификацию „Калевалы“, вполне сознательно примкнул к этой традиции и весьма энергично развил ее», — пишет К. В. Чистов и далее продолжает: «Ритмическая модель стиха перевода Л. П. Бельского теперь уже 100 лет существует в сознании русского читателя как специфически калевальская, и, видимо, это процесс необратимый». С этим утверждением трудно не согласиться.

Об удаче перевода Л. Бельского говорит уже факт присвоения ему Пушкинской премии в 1889 г. О высоких достоинствах перевода высказывались финский ученый К. Крон, поэт В. Брюсов и др. Между тем были попытки и умалить значимость работы Бельского. Академик О. В. Куусинен в 1949 г. издал так называемую новую композицию «Калевалы». «Композиция» Лёнирота была сокращена и раздроблена на отдельные циклы (мифологические, эпические, лирические и т. д.). Позже Лёнирота, созданная из разрозненного народного материала, была таким образом превращена в сборник «народной» поэзии. Сборник этот надо было издать на русском языке, и в связи с этим критике подвергся перевод Бельского: «...речь не идет теперь о создании нового перевода „Калевалы“ для нужд сравнительно малоисчисленных научных исследователей карельского фольклора (для них остается перевод Бельского), а речь идет о создании такого перевода основных частей „Калевалы“, который сразу открыл бы большому числу писателей, поэтов и других представителей советской культуры свободный доступ к поэтическим сокровищам карело-финского народного эпоса»¹. Почему же перевод Бельского годен лишь для «малоисчисленных научных исследователей карельского фольклора»?! А потому, что он, «хотя и ритмизованный, в большей части фактически ближе к подстрочному переводу, чем к поэтическому». И далее: «современный читатель лишь с трудом может усвоить такой сухонный перевод»².

Не вступая в прямую полемику с О. В. Куусиненом и его оценкой перевода Бельского, К. В. Чистов пишет: «Было время, когда для обоснования необходимости нового перевода преувеличивались недостатки „Калевалы“ Л. П. Бельского (ритмическая монотонность, наличие некоторого количества „вялых“ стихов, спорное прочтение отдельных мест и т. д.): Однако все это малообоснованные упреки». Не соглашается автор предисловия и с упреками А. Хурмеваара, которая писала о «недостаточном знании языка оригинала» Бельским. Дело в том, что Бельский изучил не только финский язык, но и диалекты карельского языка. Будучи высокообразованным человеком, он сравнивал свой перевод с переводами на другие языки (шведский, немецкий, английский). Кроме того, он прекрасно знал литературу о «Калевале». Готовя второе издание перевода, Бельский проделал «огромную работу по дальнейшему совершенствованию текста перевода». К. В. Чистов показал на примерах, как это делалось.

Титаническая работа Л. Бельского принесла свои плоды: «Можно вспомнить десятки страниц перевода... которые без всякой склонности следует причислить к шедеврам русской поэзии». «Заслуга Л. П. Бельского», — пишет К. В. Чистов, — была не только в том, что он создал «русскую „Калевалу“», хотя и это было бы весьма весомым вкладом в русскую культуру. Его перевод бесспорно при-

длежит к числу наиболее замечательных поэтических книг в истории русского переводческого кульства, особенно в истории переводов иноязычной эпической поэзии».

В предисловии К. В. Чистова уделено внимание и другому важному вопросу — о соотношении народной поэзии и «Калевалы». Уже Бельский знал, что «Калевалу» нельзя отождествлять народными песнями как таковыми, что Элиас Лённрот сам уподобился народным певцам, со слов которых он записывал отдельные песни. Поэтому в предисловии и подчеркивается: «Калевала» — не фольклорная эпопея и не сборник народных песен, эта книга — историко-литературное явление, возникшее на основе рун, это «Калевала» Э. Лённрота. К сожалению, эта истина трудно удерживается не только в сознание рядовых читателей «Калевалы», но и в сознание исследователей эльклора, которые изучают народную поэзию по «Калевале». О тех ляпсусах, которые иногда допускаются при рассуждениях о «Калевале», красноречиво рассказало в рецензии Э. Куиура в издание «Калевалы», осуществленное в Ленинграде в 1984 г.³

Петрозаводское издание «Калевалы» — это научно выдержанное издание. К. В. Чистов проил большую и тщательную текстологическую работу по восстановлению прижизненного издания перевода Бельского 1915 г. Из него убраны те редакторские (часто довольно неуместные) поправки, искажения, которые буквально насланывались друг на друга в разные годы издания «Калевалы». В перевод внесены и те исправления и примечания, которые Л. Бельский не успел внести в текст и опубликовал их в примечаниях.

Возвращение переводу Бельского его первородного облика — дань высокого уважения к таланту русского переводчика, и, думается, что русская «Калевала» от этого только выиграла. Свое горое столетие она начала в том виде, в каком ее подготовил автор, совершивший настоящий переводческий подвиг.

А. Мишин

Примечания

¹ Куусинен О. В. Избранные произведения. М., 1966. С. 549.

² Там же. С. 548.

³ Сов. этнография. 1985. № 3.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

© 1990 г.

Народы. Jak powstawały i jak wybijały się na niepodległość? Warszawa, 1989. 522 str.

Этот коллективный труд посвящён 60-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности одного из крупнейших польских учёных Тадеуша Лепковского. Весь коллектив авторов составлен из учеников и коллег профессора Т. Лепковского, с которым в течение долгих лет их связывала научная судьба.

Т. Лепковский получил гуманитарное образование во Франции, с 1953 года работал в Институте Истории АН ПНР, был редактором таких изданий, как «Квартальник Хисторичы», «Акта Голония. Хисторика», «Этудиос латиноамериканос». В разные годы он был президентом Польского общества друзей иберийской культуры, Европейского союза историков-латиноамериканистов, с 1982 г. Т. Лепковски — вице-президент Польского исторического общества. Он был удостоен премии им. С. Альенде и награды им. Ф. Знанецкого за авторство книги «История польской эмиграции в Латинской Америке». В круг научных интересов Т. Лепковского входят проблемы, связанные с культурно-историческим взаимодействием народов, особенностями их расселения и формирования национального самосознания. Именно этим вопросам, актуально звучащим сегодня, и посвящены представленные в книге статьи. Основные проблемы, поднимаемые в ней, таковы: происхождение различных народов и специфика их этногенеза, особенности национального быта и самосознания, пути обретения народами собственной государственности, роль традиций в процессе этногенеза.

Сопоставление этнических процессов в Латинской Америке, с одной стороны, и в Центральной Европе, с другой, стало предметом анализа венгерского учёного Адама Андерле в статье «Классы, этнические группы и народ в Латинской Америке». С его точки зрения, эти процессы имеют много общих черт, обусловленных прежде всего тем, что оба региона в XIX веке оказались на периферии развития капиталистической системы. Отсюда, по логике А. Андерле, повысилось значение государства, которое «стало рассматриваться как важнейший институт, определяющий собой лицо всего народа, а последний отождествляется с государством» (с. 32). Особенность Латинской Америки состоит в том, что помимо национального самосознания её народы обладают ещё и сознанием

континентальным. В Центральной и Восточной Европе подобного коллективного мышления в рядах всего континента, как считает автор, сформировано не было. Массовое (обыденное) сознание латиноамериканцев, пишет А. Андерле, «детерминировано этническими координатами... Европейские (по происхождению — А. М.) понятия «класс» и «народ» приобретают этническо-расовы колорит, затмевающий классовые отношения» (с. 33). В Латинской Америке сформировалась таким образом, как бы «двойная система координат», сочетающая в себе национальные и классовые элементы. При этом латиноамериканские представления о нации всегда находились под преобладающим влиянием этнических факторов.

Особое внимание уделяет А. Андерле концепции нации, выраженной Т. Амару и С. Боливаром с их точки зрения, это понятие является высшим, по отношению к классу и этносу, уровнем интеграции всех живущих на данной территории людей. Во второй половине XIX века среди значительно части правящей элиты произошёл отход от этой «метисской» («широкой») концепции нации к «белокреольской», идеологами которой стали крупные латифундисты и торговая олигархия. Преодоление «бело-креольской» концепции, видившей в качестве носителей национального самосознания лишь креольскую аристократию, связано с возвращением к «метисской» концепции, представляющей нацию как синтез всех этнических групп и образований.

В центре статьи польского учёного Рышарда Стемпловского «К национально-государственной общности. Мисьонес и интеграционные процессы в Аргентине в XIX—XX веках» также представлено этносоциальное «измерение» проблемы «государство и народ», которую он рассматривает на примере аргентинской провинции Мисьонес, где изначально проживали представители более 40 этнических образований. Автор анализирует механизм интеграции «нелатинских этнических групп» в единую аргентинскую нацию и выделяет два компонента, оказавшие преобладающее воздействие на этноинтеграционные процессы в XIX—XX веках: это славянская и немецкая эмиграции. В 1903 году польские и украинские семьи составляли 50,7% всех эмигрантов в Мисьонес 79,7% европейских переселенцев. Важнейшим фактором национальной интеграции в эмигрантской среде Р. Стемпловски называет костёл: католический священник (ксёндз) в Мисьонес вплоть до начала XX века «был среди приезжих единственным интеллигентом и пользовался непререкаемым авторитетом» (с. 181). Что касается немцев, то большая их часть прибыла в Аргентину уже после I мировой войны. Если центром славянской эмиграции был костёл, то центром немецкой стал организация НСДАП. Нацистская идеология, основанная на немецкой исключительности, «тормозила национально-интеграционные процессы в Аргентине» (с. 181), отмечает автор.

По мнению Р. Стемпловского, лишь к 50-м годам XX века «у подавляющей части аргентинского общества сформировалось историческое самосознание, характеризующееся установившимися культурными ценностями (испанский язык и преобладание католицизма — важнейшие из них) и коллективной психологией, а также осознанием своей специфики по отношению к Латинской Америке, в которой Аргентина, по мнению её граждан, занимает особое место» (с. 186—187).

Интересная попытка сопоставительного анализа представлений о современном перуанском обществе с точки зрения креолов и индейцев предпринята в работе Марчина Мруза и Малгожаты Налевайко «Креольское и индейское видение Перу. О двух перуанских действительностях». В этнографическом материале они доказывают тезис о том, что андские индейцы «имеют собственное восприятие мира белых людей, основанное на принципах и ценностях своей культуры» (с. 109). В традиционном индейском мировосприятии «метисы», которые не имеют земли и не разделяют системы ценностей индейцев, не принадлежат к организованному обществу, они как бы инонктуда: (с. 110). Присутствие всех «чужих» в «андской эйкумене» выглядит в этом смысле бесполезным и даже вредным для индейцев. «Для креола, — пишут польские этнографы, — реальностью является мир, состоящий из народов европейского типа, а также технический, экономический и общественный прогресс, создающий основу для сотрудничества, в рамках которого можно достигнуть уровня передовых обществ». Однако, «то, что есть культура для креолов, не является таковым для индейцев; то, что индейцы считают экономически рациональным, не является таковым для креолов; то, что для одних составляет смысл жизни, для других — не более чём чудной обычай» (с. 111). Вообще же, заключают М. Мруз и М. Налевайко, креолы в гораздо большей степени нуждаются в индейцах, в то время как последние не чувствуют необходимости в существовании с белыми людьми. С нашей точки зрения, этот вывод носит скорее гипотетический характер и не может восприниматься буквально в конкретных ситуациях ежедневных контактов между представителями различных этнических групп.

Проблемы коренного населения Южной Америки стали предметом изысканий Малгожаты Грабовской в статье «Восстание 1814—1815 гг. — индейское восстание, или лишь с участием индейцев?», давшей сравнительный анализ участия индейцев в движениях Тупак-Амару-2 и братьев Ангуло.

Швейцарский исследователь Р. Романо рассмотрел в работе «Несколько замечаний на тему торговли в испанской Америке в колониальную эпоху» влияние колониальной торговли на автономное население.

Вопросы, связанные со сложностями и противоречиями интеграции африканских негров в североамериканскую нацию, анализируются в статье Мариана М. Дроздовского «Концепция демократической независимости Т. Джейферсона».

Интересный этнографический материал содержится в работе Тадеуша Милковского «Были ли мексиканские индейцы „ацтекскими христианами“ или „испанизированными христианами?». Францисканцы и проблема испанизации индейцев», в которой он анализирует систему мер, предпринятых в XVI веке орденом францисканцев для обеспечения контроля над индейскими общинами.

и Мексики с целью создания «христианского ацтекского общества». Прагматические меры редусматривали изоляцию аборигенов от испанцев, проведение евангелизации на местных языках, создание школ для детей местной знати, воспитание духовенства из местной среды. «Монахи хотели охранить прежнюю структуру власти с касиками и индейской верхушкой, которые находились бы од на надзором» (с. 82). Все индейские права и обычай должны были сохраняться, если они прямо не противоречили христианской религии. Однако в конце XVI века планы «христианского ацтекского общества» были свёрнуты, причиной чему Т. Миловски называет резкий рост численности спанцев и метисов в Новой Испании и катастрофическое снижение индейского населения вследствие эпидемии. В результате острой нехватки рабочих рук насилием была введена система «репаримъенто», которая привела к выходу из-под контроля касиков их подчинённых-соплеменников, затем и к сведению самой местной знати на положение простых испанских подданных.

Другой польский учёный, Анджей Дембич, рассматривает в широком этнокультурном плане оль плантаций на Кубе в XIX веке. Автор в статье «Плантация и процессы образования нации а Кубе: проблематика XIX века» проводит мысль о том, что плантация была основой «особого убкультурного круга», и отвергает господствующий в историографии подход к плантационному озяйству исключительно с точки зрения его негативного влияния на развитие этносов. По мнению А. Дембича, можно говорить о двух этапах эволюции плантации как общественно-экономического института на Кубе. 1 этап (1762—1820 гг.) связан с «аккумулированием трудового потенциала» и является подготовительной фазой для дальнейшей общественной динамики. 2 этап (1820—1870 гг.) характеризуется формированием мировоззрения и системы ценностей негров-рабовладельчиков в условиях начала иммиграции на остров свободной рабочей силы. Эти факторы «приели к образованию широкой общественной базы для появления на Кубе национально осознаных лозунгов независимости» (с. 51).

Материалы, представленные в рецензируемом труде, дают картину этнических процессов, происходящих в разных регионах планеты, в их многоликисти, пестроте, динамике и противоречиях. Многие авторы поддерживают позицию профессора Т. Лепковского, призывают отказаться от «слишком узкой трактовки категорий нации или народа, приводящей к абсолютизации дефиниций» (с. 188). Для построения объективной и полнокровной картины этнических и этносоциальных процессов неизбежно расширение круга категорий, в которых анализируются механизмы этногенеза. Очевидно, что эти механизмы и процессы должны изучаться комплексно, как этнографами, так и историками, социологами, лингвистами.

А. С. Макарычев

ВЕНИАМИН ПАВЛОВИЧ КОБЫЧЕВ

14 апреля 1990 года на 65 году жизни скончался доктор исторических наук Вениамин Павлович Кобычев, известный этнограф-кавказовед, автор многочисленных исследований в области материальной и духовной культуры народов Северного Кавказа и Закавказья.

В. П. Кобычев принадлежал к тому поколению советских людей, чья юность и молодость были опалены предгрозовым довоенным временем, страшной войной и трудностями послевоенных лет, кто пришел в науку осознанно, по велению ума и сердца, уже имея за плечами немалый трудовой и жизненный опыт, пережив личные горести и потери.

В. П. Кобычев родился 18 июля 1925 г. в деревне Новая Ростпашь Софроновского сельсовета Архангельской области в семье рабочего. Еще в раннем детстве он потерял родителей, и его воспитал старший брат Михаил, который работал в Академии связи им. Подбельского в Москве. С 1937 г. В. П. Кобычев учился в одной из школ Подмосковья, а затем в Москве.

По окончании семилетки будущий исследователь этнографии народов Кавказа поступил в Московский Политехникум связи, но из-за материальных условий вскоре перешел в Ремесленное училище, закончить которое ему помешала война. Осенью 1941 г. вместе с семьей ушедшего на фронт брата В. П. Кобычев был эвакуирован в Куйбышев, где начал работать токарем на одном из военных предприятий. Зимой 1942 г. он вернулся в Москву вместе с этим производством, где и проработал до конца войны. Одновременно учился в школе рабочей молодежи, которую закончил в 1946 г. В том же году В. П. Кобычев поступил на историко-филологический факультет Кишиневского университета, по окончании которого был направлен в Институт истории Молдавского филиала АН СССР, но не дождавшись ставки, в 1952 г. переехал в Бабынский р-н Калужской области, где стал учителем истории в одной из местных школ.

В 1953 г. он поступил в аспирантуру Ин-та этнографии АН СССР, окончил ее и до конца жизни работал в этом Институте. Здесь в 1958 г. он защитил кандидатскую диссертацию, посвященную жилищу народов Восточного Закавказья в XIX в., а в 1984 г. — докторскую диссертацию на тему «Поселения и жилище народов Северного Кавказа (XIX—XX вв.)».

В. П. Кобычев — автор многочисленных работ по этнографии, истории материальной и духовной культуры народов Кавказа. Он принимал активное участие в написании таких коллективных трудов, как «Народы Кавказа» (серия «Народы мира») т. I. М., 1960; «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней (конец XVIII в.—1917 г.)», М., 1989; «Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области» (М.; Л., 1964), «Культура и быт народов Северного Кавказа» (М., 1968), «Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв.» (М., 1971), «Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе» (М., 1978), «Абхазское долгожительство» (М., 1987) и др. Ему принадлежат работы, связанные с исследованием теоретических основ классификации традиционного жилища народов Кавказа — «Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа» (Сов. этнография, далее — СЭ, 1967, № 2, в соавторстве с А. И. Робакидзе); «Тип и ареал: проблема вычленения и функционального соотношения (на примере народного жилища Кавказа)» (в кн.: Ареальные исследования в языкоизнании и этнографии. Уфа. 1985 и др.).

Свои исследования по данной проблематике В. П. Кобычев обобщил в капитальной монографии «Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв.» (М., 1982), которая

разу же стала настольной книгой для специалистов по традиционному жилищу не только кавказоведов.

Много сил и времени отдал В. П. Кобычев созданию до сих пор еще не завершенного коллективного труда — «Кавказский историко-этнографический атлас». Этой теме он посвятил ряд писательских работ и докладов, к сожалению, лишь частично опубликованных — «Типология кавказского народного жилища» (М., 1964. VII МКАЭН); «О традиционном делении жилища народов Северного Кавказа» (Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР 1977 г., д-р — ПИИЭ, М., 1978); «Храмов древние стены» (СЭ, 1979, № 4); «О местоположении камина в традиционном жилище народов Северного Кавказа» (Кавказский этнографический сб.— далее (ЭС. VII, 1980); «К хронологии сванского жилища» (ПИИЭ, М., 1986) и др.

С начала 80-х гг. В. П. Кобычев наряду с разработкой проблем кавказоведения активно сотрудничал в секторах «Этническая экология» и «Этнография народов Америки», а также принимал участие в совместной с Институтом истории СССР АН СССР работе по написанию «Истории крестьянства СССР», для которой он подготовил раздел «Хозяйство, хозяйственный быт, поселения и жилище народов Северного Кавказа и Дагестана».

В процессе сотрудничества с сектором экологии появился ряд его интересных работ по геронтологии, в частности, по долгожительству в Абхазии; на эту тему им были сделаны доклады как в Союзе, так и за рубежом. «Эликсир долголетия» (ПИИЭ, 1979. М., 1983); «Особенности хозяйства и хозяйственного быта долгожителей Абхазии (По материалам селения Джерда Очамчирского р-на Абхазской АССР)» (ПИИЭ, 1980—1981. М., 1984 и др.).

В 1985 г. В. П. Кобычев был включен в группу советских и кубинских этнографов для совместной работы над историко-этнографическим атласом Кубы. Весной и летом того же года, а также в 1986 и 1987 гг. он участвовал в экспедиции в ряд сельских районов Кубы и составил программу историко-этнографического атласа острова (список карт, список иллюстративных и графических таблиц и памятку по составлению вопросников для сбора полевого этнографического материала по каждой из тем, включенных в программу), прочитал несколько лекций по методическим проблемам этнографического картографирования. Своей заинтересованностью в работе, самоотверженным трудом в поле и дружеской расположностью к товарищам он оставил по себе добрую память у кубинских коллег.

В. П. Кобычев принимал активное участие в работе научных конгрессов, симпозиумов, конференций, в том числе международных (Москва, 1964; Венгрия, 1981; Сузdal', 1982), а также отчетно-экспедиционных сессий. Его доклады и сообщения отличались новизной постановки вопроса и глубиной анализа материала.

Вениамин Павлович отличался глубокой эрудицией, широким диапазоном научных интересов. Об этом свидетельствуют не только работы по главной его специализации — кавказоведению, но и по этногенезу, этнической истории и духовной культуре ряда народов Восточной и Центральной Европы и в их числе научно-популярная книга «В поисках прародины славян» (М., 1973). Отличаются оригинальностью постановки вопросов и их решения такие его статьи как «Самодийцы, финно-угры и ранние тюрки на Кавказе» (Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969), «Об одной позадой гипотезе (К этногенезу восточных романцев)» (СЭ, 1983, № 4), «Язык есть нем» (СЭ, 1973, № 4), «Дигори-зад» (ПИИЭ 1974, М., 1975), «Николай-кувд» (статья и фильм в соавторстве с В. Н. Басиловым — КЭС. VI, М., 1976), «Историческая интерпретация этногенетических преданий ингушей» (Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985), «Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: финно-угры на Кавказе» (КЭС. IX, М., 1989) и другие. В. П. Кобычев способствовал популяризации этнографических знаний, опубликовал ряд статей на разные темы и книги (сместно с С. А. Арутюновым) «В краю гор, садов и виноградников» (М.: Русский язык, 1987).

В. П. Кобычев был опытным полевым исследователем, подавляющее большинство его работ написаны по полевым материалам, собранным им в ходе многочисленных этнографических экспедиций, проводившихся под его руководством. Он был активным участником научной и общественной жизни коллектива Института. В течение многих лет Вениамин Павлович исполнял обязанности ученого секретаря Сектора народов Кавказа, замещал его заведующего, состоял членом Научного совета по проблеме этногенеза и этнической истории Института этнографии и искусствоведения АН Молдавской ССР. По запросу ЦК КПСС и других организаций В. П. Кобычевым были подготовлены многочисленные докладные записки о необходимости использования народного опыта и национальных традиций народов Кавказа.

К сожалению, значительная часть написанных В. П. Кобычевым научных трудов осталась неопубликованной, в том числе и такие, которые представляют несомненный интерес и могли бы быть полезными для кавказоведения. Пока лишь некоторые из них увидят свет в ближайшие годы и в частности «Жилище народов Кавказа» в коллективной монографии «Жилище народов СССР», которая находится в процессе подготовки к изданию.

Вениамин Павлович был всегда внимателен и доброжелателен по отношению к друзьям и коллегам. Его внутренние рецензии работ сотрудников и аспирантов Института были обстоятельны и квалифицированы.

В экспедиции он был жизнерадостным человеком, неутомимым в спортивных походах.

Кончина таких людей, как Вениамин Павлович Кобычев, всегда невосполнимая утрата для дела, которому они служили, коллег и друзей, с которыми они общались в течение многих лет. Когда уходят друзья, они оставляют нам часть своей жизни и души, свои мысли и знания, материализованные в статьях, книгах, свои неосуществленные идеи, которые предстоит развивать дальше нам и идущим следом.

Г. А. Сергеева, Г. В. Цулая

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1990 г.*

Национальные процессы сегодня

№ Стр.

Арутюнов С. А. Об этнокультурном воспроизведстве в республиках	5	20
Арутюнов С. А., Смирнова Я. С., Сергеева Г. А. Этнокультурная ситуация в Карабаево-Черкесской автономной области	2	23
Брусина О. И. Многонациональные села Узбекистана и Казахстана осенью 1989 г. (миграции некоренного населения)	3	18
Ермолов Л. Б.—См.: Панеш Э. Х., Ермолов Л. Б.	1	16
Калиновская К. П., Марков Г. Е. Ногайцы — проблемы национальных отношений и культуры	2	15
Карпов Ю. Ю. К проблеме ингушской автономии	5	29
Крупник И. И. Национальный вопрос в СССР: поиски объяснений	4	3
Кузнецов А. И. Автономия или самоуправление?	2	3
Марков Г. Е.—См.: Калиновская К. П., Марков Г. Е.	2	15
О новой Конституции СССР (Бромлей Ю. В., Губогло М. Н., Тадевосян Э. В., Тишков В. А., Чешко С. В., Чистов К. В.)	5	3
О новой Конституции СССР (Арутюнов С. А., Козлов В. И., Соколова З. П., Шкаратан О. И.)	6	3
Пайн Э. А., Попов А. А. Межнациональные конфликты в СССР (некоторые подходы к изучению и практическому решению)	1	3
Панеш Э. Х., Ермолов Л. Б. Турки-месхетинцы (историко-этнографический анализ проблемы)	1	16
Перепелкин Л. С. Возвращаясь к напечатанному. (Ответ С. В. Чешко)	4	28
Попов А. А.—См.: Пайн Э. А., Попов А. А.	1	3
Сергеева Г. А.—См.: Арутюнов С. А., Смирнова Я. С., Сергеева Г. А.	2	23
Смирнова Я. С.—См.: Арутюнов С. А., Смирнова Я. С., Сергеева Г. А.	2	23
Соколова З. П. Народы Севера СССР: прошлое, настоящее, будущее	6	17
Тишков В. А. Ассамблея наций или союзный парламент? (Этнополитический анализ состава Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР)	3	3
Чешко С. В. Антитезисы к тезисам. (О статье Л. С. Перепелкина, О. И. Шкаратана «Экономический суверенитет республик и пути развития народов»)	4	16
Чистов К. В. Традиционная культура и процесс становления общеевропейского дома	6	11

Статьи

Балушок В. Г. Годовой цикл обрядности украинских городских ремесленников эпохи феодализма	4	54
Басилов В. Н. Два варианта среднеазиатского шаманства	4	64
Бойко Ю. Н. Храм города Гелона	3	52
Бутинов Н. А. К вопросу о концепции родства	3	65
Бушков В. И. Формирование современной этнической ситуации в Северном Таджикистане	2	30
Васильев В. И. Теоретические и источниковедческие проблемы изучения этнической истории (на материалах народов Севера СССР)	6	33
Власов В. Г. Пути расшифровки Каргопольского календаря-вышивки	2	46
Имхоф А. Е. Планирование жизни на весь срок. Последствия увеличения продолжительности и определенности жизненного пути за последние 300 лет	5	65
Инал-Ипа Ш. Д. Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX — начале XX в.	1	38
Коган М. Э. Социально-этнические детерминанты национальной ориентации этнодисперсной группы в большом городе (на примере Ленинграда)	4	32
Козлов С. А. Пополнение вольных казачьих сообществ на Северном Кавказе в XVI—XVII вв.	5	47

* Указатель материалов, опубликованных в журнале с 1986 по 1990 г., будет напечатан в № 1 1991 г.

олчанова А. Ш., Шиферсон Б. П. Советские организации Петрограда по работе среди национальных меньшинств в 1918—1921 гг. (проблемы и тенденции)	1	25
узнецова А. И., Миссонова Л. И. Метисация и этническое самосознание коренного населения Камчатки и Чукотки	1	50
акарова И. Ф. Этнические представления болгарских книжников начала османского владычества	2	76
иссонова Л. И.—См.: Кузнецов А. И., Миссонова Л. И.	1	50
унтян В. В.—См.: Родионов А. И., Мунтян В. В.	3	31
апольских В. В. Миф о возникновении земли в прауральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция	1	65
аумкин В. В.—См.: Хить Г. Л., Шинкаренко В. С., Наумкин В. В.	2	85
именов В. В. Этнографический факт	3	43
ешетов А. М., Хе Гоань. Советская этнография в Китае	4	76
одионов А. И., Мунтян В. В. Поиск путей решения национальных проблем в первые годы Советской власти (1917—1923 гг.)	3	31
уднев В. В. Этнometeorология. (К вопросу изучения традиционных народных знаний)	4	42
язанов П. Е. Древний женский календарь	2	41
тепанов В. В.—См.: Сусоколов А. А., Степанов В. В.	5	34
усоколов А. А., Степанов В. В. Малочисленный этнос: вопросы национальной и социальной политики (на примере вепсов)	5	34
ерешкович П. В.—См.: Чаквин И. В., Терешкович П. В.	6	42
уен Т. Культурная и этническая непрерывность у аборигенов Северной Европы и скандинавские государства: перспективы исследования с точки зрения антрополога	✓	556
люер-Лоббан К. Проблема матрилинейности в доклассовом и ранеклассовом обществе	1	75
е Гоань.—См.: Решетов А. М., Хе Гоань	4	76
ить Г. Л., Шинкаренко В. С., Наумкин В. В. Дерматоглифика населения Южной Аравии	2	85
Чаквин И. В., Терешкович П. В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV—начало XX в.)	6	42
Пидфар Р. К. Пережитки тотемизма и табуирование у аравийских племен VI—VII вв. (по «Жизнеописанию посланца Аллаха» Ибн Хишама)	2	64
Шинкаренко В. С.—См.: Хить Г. Л., Шинкаренко В. С., Наумкин В. В.	2	85
Циферсон Б. П.—См.: Колчанова А. Ш., Шиферсон Б. П.	1	25
Из истории науки		
Зеленова-Чешихина Н. В. И. К. Зеленов — исследователь культуры и быта народов Прикамья и Приуралья	5	98
Серимова М. М. П. И. Прейс и его этнографическая программа изучения народов Югославии	✓	111
Срюков М. В. К 80-летию профессора Фэй Сяотуна	4	122
Марков Г. Е., Соловей Т. Д. Этнографическое образование в Московском государственном университете (к 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ)	6	79
Соловей Т. Д.—См.: Марков Г. Е., Соловей Т. Д.	6	79
Гумаркин Д. Д., Федорова И. К. Н. Н. Миклухо-Маклай и остров Пасхи	6	91
Федорова И. К.—См.: Тумаркин Д. Д., Федорова И. К.	6	91
Франко А. Д., Франко О. Е. Федор Кондратьевич Вовк (Волков). Биографический очерк	1	86
Франко О. Е.—См.: Франко А. Д., Франко О. Е.	1	86
Цулая Г. В. Леонид Иванович Лавров — исследователь народов Кавказа	5	107
Дискуссии и обсуждения		
Васильев М. И. О причинах неравномерного географического распространения русских былин (по материалам XIX — начала XX в.)	3	76
Гейли К. У. Диалектика пола в процессе формирования государства	5	84
Гилинский Я. И. Субкультура за решеткой	2	100
Дмитриева С. И. Еще раз к вопросу о географическом распространении русских былин. (Ответ М. И. Васильеву)	3	83
Кабо В. Р. Субкультура лагеря и архетипы сознания	1	108
Козлов В. И. Пути окологностической пассионарности. (О концепции этноса и этногенеза, предложенной Л. Н. Гумилевым)	4	94
Левинтон Г. А. Насколько «первобытна» уголовная субкультура?	2	96
Обсуждение статьи К. У. Гейли «Диалектика пола в процессе формирования государства» (Артемова О. Ю., Бутовская М. Д., Грант Б., Комарова Г. А.,		

Пушкирева Н. Л., Скорин-Чайков Н. В., Смоляк А. В., Шнирельман В. А.)	6	55
Самойлов Л. Этнография лагеря	1	96

Наши публикации

Гаген-Торн Н. И. В ссылке на Енисею	3	97
Хлопина И. Д. Нина Ивановна Гаген-Торн	3	95

Сообщения

Асоян Ю. А. Реликты ранних представлений о природе в традиционной культуре бурят	5	126
Бурман А. Д. Бирманский театр марионеток как явление традиционной культуры	4	129
Григулевич Н. И. Этнокологическое исследование локальных пищевых комплексов русских старожилов Армении	1	114
Гринев А. В. Личные имена индейцев тлинкитов	5	132
Гурошева Н. А. Традиционные девичьи и женские головные уборы украинок и их роль в свадебной обрядности	5	114
Гурьянин С. К. Особенности мордовского национального самосознания	4	125
Денисова И. М. Дерево — дом — храм в русском народном искусстве	6	100
Диаби Б.— См.: Пряхин А. Д., Диаби Б.	3	136
Еремеев Д. Е. «Тюрк» — этоним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков)	3	129
Исмайлова Х. О народных трудовых традициях узбеков	6	115
Кантария М. В. Вселенная в представлениях вайнахов и осетин	2	104
Петрова А. С. Основные направления современной американской этнопсихологии (психологическая антропология и кросскультурные исследования)	1	125
Прокопенко В. И. Традиционные средства физического воспитания ульчей	3	114
Прияхин А. Д., Диаби Б. Изучение историко-культурного наследия в Республике Мали	3	136
Сеславинская М. В. Танец тератали в земледельческих ритуалах Раджастхана	3	121
Ширендыб Б. Из жизни аянчнов	2	111

Поиски, факты, гипотезы

Формозов А. А. Александр Блок читает книгу о первобытном человеке	6	125
---	---	-----

Наши юбиляры

Список основных научных трудов д. и. н. Б. В. Андрианова (к 70-летию со дня рождения)	2	116
Список основных научных трудов д. и. н. Н. Р. Гусевой (к 40-летию научной деятельности)	1	134
Список основных научных трудов д. и. н. А. С. Мыльникова (к 60-летию со дня рождения)	1	137
Список основных научных трудов д. и. н. В. В. Пименова (к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной деятельности)	4	143

Хроника

Мартынова М. Ю. Работа Института этнографии в 1989 г.	3	148
Тишков В. А. Доклад на Ученом совете Института этнографии АН СССР об итогах и перспективах работы Института	3	141

Научная жизнь

Анчабадзе Ю. Д. Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988—1989 гг. Учреждение советской этнографической и антропологической ассоциации	6	128
Арсеньев В. Р. Международный симпозиум «Сбор, хранение, реставрация и экспонирование предметов традиционного африканского искусства»	5	156
Березина Т. А., Давыдов А. Н. XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии	1	145
Давыдов А. Н., Саариниеми П. Научная конференция в Норвегии, посвященная 200-летию города Варде	5	153
Давыдов А. Н.— См.: Березина Т. А., Давыдов А. Н.	1	145
Евтух В. Б. Международная конференция «Массовые миграции в XIX—XX вв. в европейском контексте»	4	149
Ковязин С. А. Конференция «Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах»	4	151

омарова Г. А. Международный семинар ООН по концепциям, терминологии, статистике и показателям социального положения семей	4	147
огашова Б.-Р., Федянович Т. П. Две конференции по ономастике, посвященные памяти В. А. Никонова	2	126
еркене Р., Моркунене Я. Конференция, посвященная вопросам исследования культуры литовцев	5	152
иссонова Л. И. Всесоюзное совещание по подготовке серии «Народы Советского Союза»	2	119
иссонова Л. И. Методологический семинар Института этнографии АН СССР «Этнос в системе общественных форм»	3	160
иссонова Л. И., Фейгина М. Б. Ученый совет Института этнографии АН СССР, посвященный памяти Сергея Александровича Токарева	4	155
торкунене Я.— См.: Меркене Р., Моркунене Я.	5	152
осенко Е. Э., Фейгина М. Б. Методологический семинар Института этнографии АН СССР «Перспективы развития национальной политики в СССР»	3	153
осов Б. В. Всесоюзная научная конференция «Нации и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX в.»	6	144
исипов А. Г. «Этничность, народ и каста» (индийско-советский семинар)	6	146
абиновия М. Г. Международная конференция по историческому изучению питания в Европе	4	150
саариниеми П.— См.: Давыдов А. Н., Саариниеми П.	5	153
околова З. П. Съезд малочисленных народов Севера (взгляд этнографа)	5	147
редянович Т. П.— См.: Логашова Б.-Р., Федянович Т. П.	2	126
ейгина М. Б.— См.: Миссонова Л. И., Фейгина М. Б.	4	155
ейгина М. Б.— См.: Носенко Е. Э., Фейгина М. Б.	3	153
ирва Ю. А. Традиции народной художественной культуры в современном искусстве	1	142
ширельмай В. А. От единства к многообразию: смена парадигм в изучении обществ охотников, рыболовов и собирателей (по материалам Шестой Международной конференции по изучению охотничье-собирательских обществ)	6	135
Соротко об экспедициях	1	147
Соротко об экспедициях	2	135
Соротко об экспедициях	4	157
Соротко об экспедициях	5	162
Соротко об экспедициях	6	151

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Белик А. А. Психологическая антропология — поиски синтеза в науках о человеке	6	152
Крюков М. В. О некоторых закономерностях эволюции этнического самосознания. (Заметки на полях книги «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма»)	4	160

Общая этнография

Арутюнов С. А. История первобытного общества. Эпоха классообразования	2	136
Арутюнов С. А. Комментарий к рецензии В. И. Козлова	3	174
Белик А. А. <i>Ph. K. Boch. Rethinking Psychological Anthropology. Continuity and Change in study of Human Action</i>	2	142
Бернштам Т. А. Этнографическое изучение знаковых средств культуры	5	155
Головко Е. В. Р. Г. Ляпунова. Алеуты. Очерки этнической истории	5	167
Козлов В. И. И. Крупник. Арктическая этноэкология	3	170
Кренке А. Н., Мурашко О. А. И. И. Крупник. Арктическая этноэкология	3	168
Мишин А. Переводу «Калевалы» Л. Бельского — 100 лет	6	161
Мурашко О. А.— См.: Кренке А. Н., Мурашко О. А.	3	168
Наумов Е. П. А. С. Мыльников. Легенда о русском принце. (Русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры)	1	152
Черноситов П. Ю. В. Д. Ленников, Г. Л. Силянтьев, А. К. Станюкович. Командорский лагерь экспедиции Беринга (опыт комплексного изучения)	1	150
ширельман В. А. Ю. В. Павленко. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития	2	138

Народы СССР

Анчабадзе Ю. Д. Кавказский этнографический сборник VII	1	161
Вайнштейн М. И., Земцовский И. И. М. Береговский. Еврейская народная инструментальная музыка	2	155
Громов Г. Г. Т. А. Николаева. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье	1	154
Гусева И. С. А. И. Микулич. Генеография сельского населения Белоруссии	5	169

Даркевич В. П. <i>А. Г. Булатова. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX — начале XX в.</i>	4	16
Даркевич В. П. <i>М. Г. Рабинович. Очерки этнографии русского феодального города. Его же. Очерки материальной культуры русского феодального города</i>	2	14
Денисова Р. Я. <i>Т. С. Балуева, Е. В. Веселовская, Г. В. Лебединская, А. П. Пестряков. Антропологические типы древнего населения на территории СССР (по материалам антропологической реконструкции)</i>	2	15
Зеленчук В. С. <i>Словарь-справочник о советских традициях, праздниках и обрядах</i>	1	16
Земцовский И. И.—См.: Вайнштейн М. И., Земцовский И. И.	2	15
Каплан Н. И. <i>Н. В. Кочешков. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР</i>	5	17
Кызласов Л. Р. <i>Алтын-Арыг. Хакасский геронический эпос</i>	2	15
Мгеладзе Н. В. <i>T. Dragadze. Rural Families in Soviet Georgia (A Case Study in Racha Province)</i>	5	17
Миненко Н. А. <i>Л. М. Русакова. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири</i>	2	14
Пушкирев Л. Н. <i>Н. И. Савушкина. Русская народная драма: художественное своеобразие</i>	1	15
Хасиев С. М.-А., Чеснов Я. В. <i>Кавказский этнографический сборник IX</i>	2	150
Чеснов Я. В.—См.: Хасиев С. М.-А., Чеснов Я. В.	2	150
Народы Зарубежной Европы		
Белик А. А. <i>E. A. Sherwood. От англосаксов к англичанам. (К проблеме формирования английского народа)</i>	4	172
Лекса Мануш. <i>Песенная поэзия цыган Воеводины</i>	2	160
Народы Зарубежной Азии		
Иванова Е. В. <i>И. Г. Косиков. Этнические процессы в Кампучии</i>	1	164
Ким Г. Н. <i>Kho Songmoo. Koreans in Soviet Central Asia</i>	1	168
Соломоник И. Н. <i>V. M. C. Groenendael Van. Wayang Theatre in Indonesia. An Annotated Bibliography</i>	1	167
Народы Америки		
Кожин П. М. <i>J. H. Moore. The Cheyenne Nation. A Social and Demographic History</i>	2	166
Макарычева А. С. <i>Narody. Jak powstawały i jak wybijaty się na niepodległość?</i>	6	163
Народы Африки		
Львова Э. С. <i>И. Е. Синицына. Человек и семья в Африке</i>	2	168
Письма в редакцию		
Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М. <i>Об одной публикации памирских сказок</i>	1	170
Стеблин-Каменский И. М.—См.: Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М.	1	170
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1990 г.		
Юлиан Владимирович Бромлей	5	176
Вениамин Павлович Кобычев	6	166
Алексей Иванович Робакидзе	5	179

I THE NEW CONSTITUTION OF THE U.S.S.R.

We proceed with publishing the second portion of the materials made by researchers of the Institute of Ethnography, Academy of Sciences of the U. S. S. R. It contains several proposals on the new Soviet Constitution concerning nationality problems.

Ik Traditions and the Rise of European Home

«Common European Home» — this expression, now current among diplomats and politologists, is quite meaningful for ethnographers and folklorists as well. From the global viewpoint Europe has always been a unified historical-ethnographic region, for all internal cultural variations. Cultural unity and diversity in the European region is demonstrated through an analysis of European folktales.

K. V. Čistov

oples of Soviet North: Past, Present and Future

The article provides an overview of the current situation of the 26 small indigenous peoples inhabiting Soviet North. Soviet nationality policies in the North are analyzed involving political, social, economic and cultural problems. These policies have exerted both positive and negative impact on the Northern peoples. Particular attention is given to ecological issues, industrial development, additional economies, political activities, cultural patterns.

Z. P. Sokolova

udying Ethnic History: Problems of Theory and Sources (The Case of Soviet Far North)

Ethnic history understood as studying the formation and evolution of ethnic groups (peoples) is a comparatively new area of ethnographic research. Hence the essential divergence in defining the concepts of «ethnic history» proper as well as «ethnogenesis».

In the author's view, the first term (in its broader meaning) should be applied to all historical ages (the shaping of an ethnos, its subsequent evolution, contemporary situation) as well as to the entire body of relevant research. In this case «ethnogenesis» (in its narrow meaning) should be understood as the formation of an ethnos, the history of all its «collective ethnic ancestors» (N. N. Cheboksarov). Thus the period of ethnic evolution, starting after the formation stage is completed and including the contemporary period, might be characterised as «ethnic history». In other words, «ethnic history» (in its narrow meaning) denotes historical evolution of an ethnos already shaped.

It is widely agreed that studying all stages of ethnic evolution requires various types of sources provided by ethnography, archaeology, physical anthropology, history, folklore studies. But the importance of different sources in studying ethnogenesis and ethnic history proper is not the same. While researching ethnogenesis is largely dependent on archaeology and physical anthropology as well as on ethnolinguistics and historical ethnography, ethnic history is studied primarily through written (including archival) sources and by field ethnographic material.

Ethnic history involves a great variety of data and methods drawn from ethnography, archaeology, civil history, linguistics (including onomastics), folklore studies, physical anthropology etc. That is why it should not be regarded as a subdiscipline within the framework of historical ethnography (S. I. Vainshtein), even the most important one (Yu. V. Bromley, M. V. Kriukov). Ethnic history should now be defined as an independent area of study with its specific concepts, sources, methods and research techniques.

V. I. Vasilyev

The Rise of Byelorussian Ethnic Identity (XIV — early XX cc.)

Some general remarks on the formation of ethnic identity under feudalism and capitalism are made based upon the ethnic history of Byelorussia. The authors follow the origin and content of some ethnonyms common in XIV—XVIII cc. — the Rusins, the Litvins, the Byelorus, the Poleshchuk etc. Byelorussian ethnic identity took its final shape after the Byelorussian nation was fully consolidated (late XIX — early XX cc.).

I. V. Chakvin, P. V. Tereshkovich

DISCUSSION ON C. W. GAILEY'S ARTICLE «DIALECTICS OF GENDER IN STATE FORMATION»

Paradoxes of Gender

The origin and evolution of gender inequality is now a subject of animated discussion in American anthropology. C. W. Gailey's article is typical enough regarding its basic concepts, methods and approaches. So, publishing this article in a Soviet journal contributes to better mutual understanding between Soviet and Western scholars. But C. W. Gailey's view upon the rise of gender inequality is not completely adequate, failing to take into account mankind's socio-cultural variety.

V. A. Shnirelman

The Problem of Gender and Marxist Approach to It

In her comment on C. W. Gailey's paper «Dialectics of Gender in State Formation» O. Yu. Artemova argues that the frameworks of marxist approach with its rigid socio-economical determinism are rather tight for the investigation of the forms and directions of historical evolution of gender relationships. This approach, in her opinion, heavily constrains the thought of the scholar even though it develops in the democratic society and experiences no political pressures. It is impossible, she thinks, to study the problems of gender in the anthropological and historical perspectives without a profound analysis of certain universal psychological phenomena cross-cutting the boundaries of various cultures, continents, historical epochs, socio-economic formations and so on.

O. Yu. Artemova

Gender and Ethnographic Description of Culture

This comment deals rather with Soviet context of gender anthropology than with conclusion made by C. W. Gailey. The issue of gender challenges traditional descriptive strategy in ethnography and provides a step beyond in understanding social system en route from «discrete organism toward «meaning». An example of Thomas Buckley's report on Yurok gender symbolism (America Ethnologist. 9.1982:47—60) clearly shows necessity to bring relativism not only into comparative analysis but also into a concept of organization of culture.

N. V. Ssorin-Chaikov

A New Approach in Studying State Formation and Overcoming Stereotypes

Following C. W. Gailey's arguments about causal relations between the rise of gender hierarchy, evolution of sex roles and formation of class structure and state, the author stresses that patriarchy is not an imminent consequence of gender hierarchy, its occurrence in various spheres being far from uniform.

N. L. Pushkareva

Sex Differences in Primate Behaviour and Gender Dialectics in Human Societies

Primate bisexual groups are functionally dependent on individuals of both sexes. External manifestations of sexual dimorphism are not a universal indicator of status among many monkey species (e. g. green marmosets). Sex differences in human behavior, appearing at most early stages of post-natal ontogenesis, still need to be regarded within specific socio-cultural environments. In some societies these differences tend to be enhanced through purposeful training, while in other societies there may be a reverse tendency. If we admit that periods of socioeconomic transition are characterised by breaking behaviour stereotypes, C. W. Gailey is perfectly justified in emphasizing variability of gender hierarchy in such periods.

M. L. Butovskaya

«Female» Problems Without «Male» Problems

Differential approach in social studies makes it clear that «male» and «female» roles and status could not be analyzed separately. Researching the «female problem» involves comparing between situation of man and woman under specific social and ethnic conditions, cultural context being less important than socioeconomic environment. A comprehensive socio-historical approach might contribute to finding new ways and means of resolving the «female» problem in the U. S. S. R. bringing situation of Soviet women closer to the reality of late XX century.

G. A. Komarova

Male — Female» Relation Within the Traditional Culture Some Soviet Peoples

The author dwells upon male and female family roles among various Soviet peoples, mostly those of the North. The time-honoured conception of women having been deprived of all rights lacks actual substantiation and needs to be revised.

A. V. Smoliak

Comment on Gailey

C. W. Gailey's article is important as it stresses the role of kin relations in the formation of the state. The most important issue is the meaning of the terms «sex» and «gender», which — in contrast to what one finds in Soviet literature — are not synonymous in the West. C. W. Gailey is right in emphasizing the interaction between gender and economic relations.

B. Grant

CONTENTS

National Processes Today

On the New Constitution of the U. S. S. R. (S. A. Arutiunov, Z. P. Sokolova, O. I. Shkaratan V. I. Kozlov). K. V. Čistov (Leningrad). Folk Traditions and the Rise of European Home. Z. P. Sokolova (Moscow). Peoples of Soviet North: Past, Present and Future.

Articles

V. I. Vasilyev (Moscow). Studying Ethnic History: Problems of Theory and Sources (The Case of Soviet Far North). I. V. Chakvin, P. V. Tereshkovich (Minsk). The Rise of Byelorussian Ethnic Identity (XIV — early XX cc.).

Discussions

Discussion on C. W. Gailey's Article «Dialectics of Gender in State Formation» (V. A. Shnirelman O. Yu. Artemova, N. V. Ssorin-Chaikov, N. L. Pushkareva, M. E. Butovskaya, G. A. Komarova A. V. Smoliak, B. Grant).

From the History of Ethnography

G. Ye. Markov, T. D. Solovei (Moscow). Ethnographic Education in Moscow University D. D. Toumarkin (Moscow), I. C. Fyodorova (Leningrad). N. N. Miclouho-Maclay and Easter Isl.

Communications

I. M. Denisova (Moscow). Tree—House—Temple in Russian Folk Art. Kh. Ismailov (Tashkent) Folk Labour Traditions among the Uzbeks.

Quest, Facts, Hypotheses

A. A. Formozov (Moscow). Alexander Blok Reading a Book on Primitive Man.

Academic Life

Yu. D. Anchabadze (Moscow). An All-Union Session on the Results of Field Research in Ethnography and Physical Anthropology, 1988—1989. Foundation of Soviet Ethnographical and Physical Anthropological Association. V. A. Shnirelman (Moscow). From Uniformity to Variety (Sixth International Conference on Hunting and Gathering Societies). B. V. Nosov (Moscow). An All-Union Conference «Nations and National Question in Central and South-East Europe (late XIX.— early XX cc.)». A. G. Osipov (Moscow). An Indian-Soviet Workshop «Ethnicity, People and Caste». Expeditions in Brief

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. A. A. Belik (Moscow). Psychological Anthropology — A Quest for Synthesis in Human Sciences. General Ethnography. A. Mishin (Petrozavodsk). A Centenary of L. Belsky's Translation of Kalevala. Peoples of America. A. S. Makarychev (Nizhny Novgorod). Narody. Jak powstawały i jak wibijały się na niepodległość?

In memoriam V. P. Kobychev.

Index for 1990.

Технический редактор Гришина Е. И.

Сдано в набор 07.09.90. Подписано к печати 02.11.90 Формат бумаги 70×100^{1/16}
Офсетная печать Усл. печ. л. 14,3 Усл. кр.-отт. 49,2 тыс. Уч.-изд. л. 20,0 Бум. л. 5,5
Тираж 3382 экз. Зак. 454 Цена 1 р. 90 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19, тел.: 126-94-91, 123-90-97

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Программа «Диалог культур» Фонда социальных изобретений СССР и Институт научной информации по общественным наукам АН СССР объявляют Всесоюзный конкурс научных и научно-публицистических работ и эссе.

Девиз конкурса: «Человек и человечество: новые идеи — третьему тысячелетию».

Главная задача конкурса — выявление молодых талантливых мыслителей и поддержка творческой молодежи.

На конкурс будут приниматься ранее не опубликованные работы объемом от 12 до 120 страниц машинописного текста (через 2 интервала) по гуманитарной тематике: «Человек и глобальные проблемы», «Духовная культура отдельных народов и человечества в целом: прошлое, настоящее, будущее», «Эволюция социальных и политических структур», «Человеческая индивидуальность в изменяющемся мире», «Экономика: новый взгляд» и другие. Главные критерии качества — оригинальность мысли и ясность ее изложения.

Работы следует высыпать в двух экземплярах (первый и второй) по адресу: 117418, Москва, ул. Красикова, д. 28/21 ИНИОН АН СССР, «Конкурс». Рукописи авторам не возвращаются. Работы будут приниматься до 1 декабря 1991 года.

Лучшие работы предполагается опубликовать в советских и зарубежных изданиях. Труды победителей конкурса будут отмечены премиями в размере от 1 до 3 тыс. рублей. Авторы оригинальных работ смогут принять участие во всесоюзных и международных школах молодых ученых и специалистов, организуемых Госкомитетом по народному образованию СССР.

Оргкомитет конкурса